ISSN 1609–9672

И З В Е С Т И Я

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

№ 4(79)
Гуманитарные науки

2013

И З В Е С Т И Я

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

Научный и производственно-практический журнал
Выходит 6 раз в год
Издается с октября 1999 г.

№ 4(79)
Гуманитарные науки

2013

Учредитель – Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации № 546 от 6 июля 2009 года)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.В. Рогачев (главный редактор)

О.М. Демиденко (зам. главного редактора)

В.В. Андреев, Го Вэньбинь, В.Ф. Багинский, Г.Г. Гончаренко, А.М. Дворник, Г.М. Евелькин, Е.В. Убоженко (ответственный секретарь), С.В. Жаворонок, В.Г. Жогло, Ф.В. Кадол, В.Н. Калмыков, В.В. Кириченко, Г.Е. Кобринский, Г.Г. Лазько, В.Д. Левчук, А.М. Литвин, А.В. Макаревич, О.А. Макушников, И.В. Максимей, Н.В. Максименко, Г.И. Нарскин, О.С. Осипова, А.Н. Сердюков, Н.В. Сильченко, Б.В. Сорвиров, А.А. Станкевич, М.И. Старовойтов, В.М. Хомич, И.Ф. Штейнер, В.А. Щепов, Я.С. Яскевич

Адрес редакции:
ул. Советская, 104, к. 2-17, 246019, Гомель
Тел. 57-37-91, e-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: http://vesti.gsu.by

© Известия Гомельского государственного
университета имени Франциска Скорины, 2013
© Proceedings of the F. Scorina Gomel State University, 2013

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

История

УДК 614.23.25:301(476)

Медицинские работники Беларуси как социальная группа: попытка идентификации

М.Е. Абраменко

В статье делается попытка дать характеристику медицинской интеллигенции Беларуси первой половины XX века как формирующейся социальной группы. Дается представление о ее роли в материально-духовной жизни социума, раскрываются противоречивые процессы в развитии.
Ключевые слова: интеллигенция, профессиональная деятельность, государственное здравоохранение, радикализация общественной жизни, санитарно-просветительная работа, социальная структура общества.

The article makes an attempt to provide with a characteristic of medical intellectuals in Belarus in the early 20th century as a forming social group. It gives an image of their role in material and spiritual life of the society; it reveals controversial processes in their development.
Keywords: intellectuals, professional activity, state health service, radicalization of social life, health education, social structure of society.

Врачи, являясь частью интеллигенции, занимают важнейшее место в структуре общественной системы. Они выступают субъектом, играющим главную роль в деле обеспечения здоровья конкретного социума, ибо сумма здоровых индивидов и есть здоровая государствообразующая нация. Это уже не просто представители определенной профессии, это тот пласт общества, от которого зависит выполнение важных и ответственных общественных задач. Их профессиональная квалификация является важным показателем уровня развития общества в целом. Поэтому и сегодня представляет интерес деятельность этого отряда интеллигенции в первые десятилетия XX века. Тема имеет важнейшее значение для понимания современных общественных процессов.

Появление системы медицинского обслуживания населения в России связано с введением Положения о земских учреждениях (1864 г.). Но поскольку в Беларуси земства были введены только в начале XX века, здесь объем и организация медицинской помощи уступали земским губерниям. Это обстоятельство сказывалось на привлечении сюда врачебных кадров, что было важно, так как в крае не было центров медицинского образования. В конечном итоге в начале XX века, по имеющимся данным, на 6,9 млн. человек населения Беларуси насчитывалось 1167 врачей и 2180 средних медицинских работников [1, с. 287].

В силу своей малочисленности врачи в отличие от своих младших коллег по профессии: фармацевтов, дантистов, фельдшеров и акушерок – не объединялись в профсоюзы после их появления в России в начале XX в., а продолжали свою общественную деятельность в рамках уже давно функционирующих научных обществ врачей. К тому же это было обусловлено законами Российской империи, которыми вплоть до первой русской революции осуществлялся запрет на свободную политическую и общественную деятельность. Поэтому врачебные общества лишь служили «для удобнейшего сближения врачей» и являлись местом обмена и распространения профессиональных знаний.

Таким образом, в силу своей малочисленности, профессиональной служебной разобщенности, специфики профессии, заключавшейся в индивидуальном характере оказания медицинской помощи, эта категория интеллигенции не отличалась в тот период боевитостью и

публичной открытостью. Имея и без того высокий социальный статус, они в отличие от представителей творческой интеллигенции не нуждались в крайних формах рекламы своей деятельности. К социально-профессиональной группе медицинской интеллигенции, на наш взгляд, наиболее подходит определение философа С.Л. Франка: «По своему этическому существу русский интеллигент приблизительно с 70-х годов и до наших дней остается упорным и закоренелым народником: его Бог есть народ, его единственная цель есть счастье большинства, его мораль состоит в служении этой цели…» [2, с. 291].

В ряде работ дореволюционного периода утверждалось, что интеллигентов-белорусов вообще не было. Так, известный исследователь В.П. Семенов говорил: «О местной белорусской интеллигенции, подобной, например, малорусской, речи быть не может, так как ее не существовало» [3, с. 136]. Можно отметить, что в среде местной интеллигенции преобладали представители учительства, офицеры и военные чиновники, железнодорожные и почтово-телеграфные служащие, юристы и библиотечные работники. Что касается медицинских работников-врачей, то до открытия Белгосуниверситета и медицинского факультета в его составе белорусы не могли у себя на родине получить эту профессию.

В начале XX века в России начали все более проявляться тенденции радикализации общественно-политической жизни. Размежевание во врачебной среде особенно отчетливо стало проявляться в годы Первой мировой войны, когда комиссия Г.Е. Рейна собрала обширный материал о медицинской организации в стране и составила предложения по перестройке всего дела здравоохранения.

Дело в том, что к этому историческому моменту идея государственного здравоохранения в дореволюционной России была довольно глубоко дискредитирована во мнении всех слоев населения. Ведь не зря же в штыки были встречены выводы комиссии под руководством С.П. Боткина, которая изучала в конце 80-х гг. XIX в. причины высокой смертности в России. Группа ученых-врачей (И.И. Моллесон, Ф.Ф. Эрисман, Е.А. Осипов и др.) считала вредным организацию Главного управления здравоохранения, опасаясь бюрократизации: «дело будет препоручено чиновникам, хотя бы носящим звание врачей, оно будет обречено на смерть». У многих были на памяти произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина, где «уездные лекари» были показаны не в лучшем свете.

Для преодоления этого предубеждения понадобилось время и усилия известных врачей (И. Франка, И. Данилевского, Ф. Керестури), чтобы идея государственной организации медицинского дела пробила себе дорогу в обществе.

Однако учрежденное в 1916 г. Главное управление государственного здравоохранения, просуществовав несколько месяцев, было сметено Февральской революцией. Чрезвычайный Пироговский съезд, представляющий медицинскую общественность России, высказался в поддержку Временного правительства, но Октябрьскую революцию его представители встретили обращением к врачам с призывом к саботажу. Не поддержали призыв только три члена правления: И.В. Русаков, З.П. Соловьев и А.Н. Сысин, разделявшие взгляды большевиков. Хотя суть разногласий по отношению к политике большевистского правительства была не так уж велика, все дело заключалось в неприятии темпов преобразований. «Разница между позицией земских медицинских работников и позицией советских медицинских лидеров, – отмечали «пироговцы», – только та, что земские врачи с совершенно открытыми глазами смотрели на то, что в условиях русской действительности из этих принципов можно реализовать в жизни и чего нельзя; у советских же деятелей этих открытых глаз, этой меры того, что возможно и невозможно, очевидно нет» [4, с. 5].

Как оказалось, при наличии твердой государственной власти и политической воли можно проводить и более масштабные преобразования в стране, что позднее и доказали большевики. Но новая власть сомнительную, по ее мнению, позицию медиков на том историческом этапе запомнила.

На гребне революции радикально настроенные врачи примыкали к новой власти, ибо бесчинства и произвол прежней вызывали всеобщий протест и недовольство. Однако же в целом в среде медицинского сообщества, особенно среди людей, имевших жизненный опыт,

сложившиеся приемлемые условия жизни, не принимали всерьез диктатуру пролетариата и относились к новой власти с недоверием и опаской. И в новых социальных условиях врачи продолжали свою профессиональную деятельность, вне которой себя не мыслили. Чтобы выжить, часть медицинской интеллигенции просто маскировалась и была внешне политически нейтральной. Такому внутреннему неприятию способствовал подъем масс, которые, с одной стороны, ненавидели свое буржуазно-помещичье прошлое вообще, с другой – питали вековую вражду не столько к кулаку и толстосуму, сколько к барину. То есть к «человеку быть может и небогатому, но носящему пиджак и воротничок, читающему книжки, живущему непонятной и ненужной жизнью» [5, с. 92]. В силу своей недостаточной общей культуры и образованности они причисляли интеллигенцию, в том числе и медицинскую, к эксплуататорскому классу.

Из-за малочисленности медицинских кадров по причине потерь на фронтах мировой и гражданской войн для борьбы с эпидемиями была введена трудовая повинность для врачей. Кроме этого, исполкомы всех уровней издавали строгие указы о постановке на учет врачей местных отделов. В них также говорилось, что лица, уклоняющиеся от учета, будут привлекаться к ответственности наряду с военными дезертирами, вплоть до отдачи в концлагерь и конфискации имущества. Правда, понимая строгость принимаемых мер, местные власти старались создать более-менее приемлемые бытовые условия для работы медицинского персонала. Достаточно красноречивый призыв содержался, к примеру, в указе объединенного ревкома Гомеля и уезда: «Смотреть на медперсонал не как на общественных паразитов, а как на людей, исполняющих обязанности, отведенные им советской властью. Необходимо пресечь враждебное отношение к врачам и медперсоналу, разъяснить важность их работы» [6, л. 13, об. 61].

Октябрьская революция не вызывала симпатий у медицинских работников, напротив, усиливала неприятие, а то подчас и протест против кардинальной ломки уже сложившихся устоев. Тем не менее, медицинские работники стойко выдерживали все невзгоды и оставались верны своему профессиональному долгу. Так было в годы Первой мировой войны, последующей гражданской, которая уже отличалась своей системой полевой военно-медицинской службы, когда медикам добавилась ответственность не только за состояние дел в строевых частях, но и за эпидемиологическую ситуацию на территории в целом.

В этих условиях врачи Беларуси проявили себя подлинными профессионалами и гуманистами. Нередко их деятельность носила характер самопожертвования. В Мозыре от тифа скончался видный врач, участник русско-японской войны, друг известного врача-писателя В.В. Вересаева, один из первых организаторов здравоохранения на Полесье – Г.Е. Сает. Несколько позже в этом же городе тиф отнял жизнь заведующего уездным здравотделом И.И. Бабицкого, пользовавшегося большим уважением среди населения. «Любовь к нему была беспредельна, смерть его явилась великой утратой для рабочих», – отмечалось в ходатайстве окружного отделения союза «Медикосантруд» перед НКЗ Беларуси [7, л. 252]. От тифа умерли врач участковой житковичской больницы Д. Крейнес, земский врач Высочанской волости Витебской губернии И.К. Колендо. В Витебской заразной больнице тифом переболело 92% персонала. При исполнении служебных обязанностей от тифа скончался старший врач этой больницы А. Скородумов.

Исключительно сложным являлся период, когда осенью 1921 г. возникла волна беженцев из южных районов России, направлявшихся в Прибалтику, к портам. В Витебской городской заразной больнице из 300 больных, находящихся на излечении, 206 были беженцами. В Полоцкой народной больнице из 65 заразных коек ими были заняты 51. В Орше беженцами были заняты все койки [8, л. 371].

В Гомельской губернии (до 1926 г. входившей в состав РСФСР) по согласованию с центральным правительством начался прием и размещение голодающих и больных детей из Поволжья. Они передавались на иждивение частным лицам, в организации, в детские дома. Всего на Гомельщину приехало 11465 детей [9, л. 28, 29].

При этом медицинскими работниками был проведен огромный объем санитарно-просветительной работы. Как видно, войны и эпидемии не раз ставили страну на грань небы-

тия, и не последнюю роль в стабилизации положения сыграли медицинские работники. Но совершившийся после потрясений переход к мирной жизни не улучшил их положение. Тогда в разрушенной стране правительству нечего было им предложить. Считалось, что эта категория работников вполне может содержать себя сама. Отчасти так и происходило на практике, до стабилизации денежного обращения. Тогда из-за отсутствия бюджета лечебные учреждения переводились на самообложение, и уцелевшая от войн больничная сеть с врачами была спасена.

В середине 20-х годов XX века материальное положение медицинских работников попрежнему оставалось сложным. Зарплата доктора составляла всего 11,4% от довоенной, сестры – 38%, санитара – 71,4% [10, с. 28–33]. Вопросы заработной платы неоднократно обсуждались на проводимых съездах заведующих здравотделами, профсоюзных собраниях. Зарплата рабочего в зависимости от квалификации составляла от 22 до 75 руб., врача райбольницы – 60–70 руб., в городе же 46–39 руб.

На 4-й Витебской окружной конференции профсоюзов, проходившей в 1926 г., отмечалось, что зарплата медработников за 13 месяцев выросла на 8%, а цены на товары и продукты – на 15%. Выступавшими выдвигалось требование представления работникам отрасли прожиточного минимума. Положение с зарплатой увязывалось с тем, что интеллигенцию таким образом отталкивают от работы за то, что она в свое время не поняла и не приняла идей Октября. Предлагалось найти взаимопонимание и строить дальнейшие отношения с властью на общности политических и экономических взглядов [11, л. 103]. Но и эта готовность обменять лояльность к действующей власти на зарплату не возымела действия. Стрелка политического компаса руководства страны была направлена на рабочий класс, численность которого к 1932 г. составляла 135,5 тыс. человек, или примерно 2,6% ко всему населению. Уже к 1929 г. доля рабочего класса увеличилась до 21,9% [12, с. 287].

Естественно, что с течением времени в среде интеллигенции стали возникать протестные настроения против складывающихся тогда методов управления страной. Так, в среде художественной интеллигенции партия открыто насаждала государственное управление культурой. Для учителей и врачей было предназначено «прокрустово ложе» из ведомственных, а в отдельных случаях – постановлений ЦК республики и ЦК ВКП(б). Только в 1928–1934 гг. ЦК ВКП(б) опубликовал около 60 постановлений по вопросам деятельности интеллигенции [13, с. 595]. Не долго просуществовала трибуна медицинской общественности – журнал «Беларуская медычная думка». В 1930 г. он был закрыт. Это было связано с обострением внутриполитической ситуации в стране, началом репрессий против «нацдемов».

Волюнтаристский курс в осуществлении внутренней политики страны, огромные трудности в хозяйственном строительстве стали для руководства страны поводом для поиска и наказания виновных. И главным инструментом в достижении этих целей стал репрессивный аппарат.

Начиная с 30-х годов происходила частая смена руководства комиссариатом. Судьба двух наркомов – С.Я. Ценциппера (1930–1933 гг.), Г.М. Шпекторова (1933 г.) – неизвестна, а еще два наркома – И.З. Сурта (1933–1936 гг.) и П.П. Бурачевский (1936–1937 гг.) – были расстреляны.

Одной из причин ужесточившегося репрессивного курса явился разрыв между преданным партии, но в основе своей не отличавшимся большой грамотностью исполнительным административным аппаратом и образованными специалистами. Партия пыталась решить эту проблему подготовкой собственных специалистов рабоче-крестьянского происхождения, своей интеллигенции, в т. ч. и врачей. Однако свою негативную роль в этом процессе в Беларуси сыграли отсутствие опыта организации вузов, нехватка квалифицированного профессорско-преподавательского состава, недостаточное финансирование, недостаток абитуриентов в результате образовательной гонки, что привело к дальнейшему снижению квалификации как в среде управленческих кадров, так и подготавливаемых специалистов. Поэтому неудивительно, что в составе студентов, принятых в 1931 г. в БГУ, только 33,3% имели знания в объеме 7 классов [14, с. 57].

Из-за благих намерений властей сформировать новую интеллигенцию с коммунистическим мировоззрением все более политизировался учебный процесс. Тезис обострения, уси-

ления классовой борьбы стал находить отражение в медицинской науке и образовании. Молодые специалисты ограждались от чуждых влияний и идей. Тем не менее, здравоохранение, как и ряд других отраслей, по-прежнему вызывало подозрение в неблагонадежности. Главный партийный орган «Правда», развивая тенденции «Шахтинского» процесса, отмечал: «С социальным составом в медвузах дело обстоит далеко не благополучно: партпрослойка там еще очень слаба… Мы не можем гарантировать, что в области здравоохранения исключена возможность вредительства. Нужна колоссальная бдительность» [15, с. 74]. Вскоре последовали процессы с участием врачей. В марте 1938 г. состоялся судебный процесс над Л.Г. Левиным, Д.Д. Плетневым, И.И. Казаковым, обвиненными в убийствах А.М. Горького, В.Р. Менжинского, В.В. Куйбышева. Следующий крупный процесс – «дело кремлевских врачей» – разворачивался после войны, и только смерть Сталина перечеркнула планы устроить очередное судилище всесоюзного масштаба.

Не отставали от центра и на местах. В Беларуси руководство НКЗ за недостаточно активную работу по выявлению вредителей также подвергалось критике, зачастую с последующими организационными выводами и судебными разбирательствами. А всего в республике в эти годы лихолетья было репрессировано около 500 врачей и 200 медицинских сестер [16].

Кроме внутриполитических факторов, определявших работу отрасли, свое влияние на нее оказывал и внешнеполитический фактор. Уже в начале 1930-х гг. руководству страны стало ясно, что войны с Германией не избежать, и вся программа переустройства страны была нацелена на подготовку к ней. Важным направлением было преодоление отсталости в экономике, из-за чего социальные проблема, включая здравоохранение населения, надолго ушла на второй план. Это обстоятельство надо иметь в виду, когда в литературе констатируются факты слабой материальной базы, нехватки медикаментов и, само собой разумеется, низких материально-бытовых условий жизни медицинских работников. Можно выделить в здравоохранении предвоенного времени интенсивную деятельность по подготовке кадров, что в связи с угрозой военного столкновения вполне объяснимо. Для подготовки врачей был открыт в 1934 г. второй медицинский вуз – в Витебске. Одно время действовало решение о сокращении сроков обучения. Предпринимались попытки организовать заочную форму обучения. Не все меры оказались эффективными, но все же к 1940 г. удалось подготовить обоими вузами республики 3764 врача. А всего в Беларуси перед войной работало 5214 врачей, что было явно недостаточно. На 10 тыс. человек республика имела 4,7 врача, тогда как по СССР этот показатель составлял 7,2 врача. Меньше имел только Узбекистан – 4,2 [17, с. 23].

Тем не менее, несмотря на огромные издержки в ходе работы по переустройству социальной структуры общества за счет ускоренной подготовки молодых специалистов был создан слой новой интеллигенции. В 30-е годы остатки старой интеллигенции окончательно связали свою судьбу с большевистским режимом. Трехчленная формула рабочий класс, новое советское крестьянство и новая социальная прослойка – интеллигенция надолго утвердилась в социологии. На деле же она маскировала реальную стратификацию с громадным различием верхов и низов, с мощным слоем партийно-государственной бюрократии.

В это же время наблюдается изменение отношения к интеллигенции как к социальному слою. Так, в области медицины почетное звание «Заслуженный деятель науки БССР» было присвоено профессору М.Б. Кролю, в 1938 г. – профессорам В.И. Морзону, С.М. Мелких, М.Л. Выдрину, в 1939 г. – В.А. Леонову, И.Т. Титову, Е.В. Корчицу, Л.Я. Ситорману, несколько позднее - М.Н. Шапиро. Усилиями этих ученых – представителей старой интеллигенции, сохранивших преемственность в медицине, создавались известные научные школы.

Однако в ситуации тотальной бюрократизации постреволюционного общества интеллигенция, и медицинская в том числе, имела лишь выбор между физической гибелью и гибелью социальной как особого слоя. В социализме она утратила свою идентичность, от нее осталось только определение для названия рубрики в таблице социально-профессиональных позиций. Наличие высшего образования или принадлежность к группе «преимущественно умственного труда» в статистических отчетах не составляло основы какого-либо функционального или морального единства, как и не означало принадлежности к элите общества. В отличие от западных обществ, в советском образованные группы занимали невысокие пози-

ции на шкалах доходов и социального престижа. В немалой степени здесь скрывается проблема взаимоотношений интеллигенции и власти, ее морального самочувствия, постоянной настороженности по отношению к власти. Здесь же, на наш взгляд, в немалой степени кроются истоки имевшихся проявлений коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны, когда определенная часть интеллигенции не могла понять, какие все же «социалистические завоевания» надо было отстаивать в борьбе с врагом.

Мы проследили динамику становления социального слоя врачей, отразили характер взаимоотношений медицинской интеллигенции и власти, указали степень ее участия и ответственности в проведении внутренней политики в стране. Тема исследования чрезвычайно многоаспектна и сложна, она нуждается в дальнейшем сборе и анализе имеющихся фактов и, безусловно, требует дальнейшего осмысления.

Литература

1. Народное хозяйство Белорусской ССР. – Минск : Беларусь, 1978.

2. Франк, Л.С. Вехи / Л.С. Франк. – М. : Изд-во «Правда», 1991.

3. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. – Т. 9. – Верхнее Поднепровье и Белоруссия / под ред. В.П. Семенова. – СПб. : Изд-во А.Ф. Девриена, 1905.

4. Земская медицина: исторический опыт в свете наших дней // Медицинский вестник. – 4 июня 1998 г. – С. 5.

5. Рыбас, С. Сталин: судьба и стратегия / С. Рыбас, Е. Рыбас // Роман-газета. – 2008. – № 24.

6. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 13.

7. Зональный государственный архив в г. Мозыре (ЗГАМ). – Ф. 463. – Оп. 1. – Д. 378.

8. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 64. – Оп. 1. – Д. 295.

9. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 860.

10. Каменштэйн, С.Д. Развіццё саюзу медсанпрацы і яго становішча (да 10-годдзя існавання БССР) / С.Д. Каменштэйн // Беларуская медычная думка. – 1929. – № 1.

11. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 22; Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 376. – Оп. 1. – Д. 22.

12. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал. : М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2007. – Т. 5.

13. История России : в 2 т. – Т. 2. С начала XIX века до начала XXI века / под ред. А.Н. Сахарова. – М. : АСТ, 2003.

14. Шишко, Е.И. Минский ордена Трудового Красного Знамени Государственный медицинский институт / Е.И. Шишко, А.А. Ключарев, А.И. Кубарко. – Минск : Вышэйшая школа, 1991.

15. Мирский, М.Б. Процессы врачей-убийц. 1929–1953 годы / М.Б. Мирский // Вопросы истории. – 2005. – № 4.

16. Маракоў, Л.В. Рэпрэсаваныя медыцынскія і ветэрынарныя работнікі Беларусі. 1920–1960. Энцыклапедычны даведнік / Л.В. Маракоў. – Мінск : Медысонт, 2010.

17. Здравоохранение в Белорусской ССР // Статистический сборник. – Минск, 1989.

Гомельский государственный
медицинский университет

Поступило 01.04.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 327(476:4-15:470)“1919/1920”

Адлюстраванне пазіцый краін Антанты і ЗША адносна беларускага пытання ў крыніцах па гісторыі Парыжскай мірнай канферэнцыі

В.М. Бароўская

Парыжская мірная канферэнцыя мела на мэце падвесці рысу пад вынікамі Першай сусветнай вайны: дзяржавы-пераможцы імкнуліся не толькі вызначыць узаемаадносіны са сваімі былымі супернікамі, але і заняцца тэрытарыяльна-палітычным урэгуляваннем былых імперый. Беларускае пытанне на Парыжскай мірнай канферэнцыі прысутнічала ўскосна, фігурыравала ў якасці аднаго са складаючых элементаў польскага або рускага пытанняў. Тэзісы прадстаўнікоў краін Антанты і ЗША аб самавызначэнні нацый, аб справядлівым вызначэнні іх межаў, тэрытарыяльнай цэласнасці, на жаль, не былі распаўсюджаны ў адносінах да беларускага пытання па прычыне існуючых прэтэнзій на беларускія землі з боку польскага і расійскага бакоў.
Ключавыя словы: “польскае” пытанне, “рускае” пытанне, мірная канферэнцыя, самавызначэнне, плебісцыт, дэлегацыя, тэрытарыяльная цэласнасць, Першая сусветная вайна.

The Paris Peace Conference was meant to lead the outcome of World War I: the victor states intended not only to define the relationship with their rivals, lost the war, but also to exercise the territorial and political settlement on the ruins of former empires. Belarusian issue at the Paris Peace Conference was not addressed directly, appeared as one of the elements of the Polish or Russian issues. Abstracts of representatives of the Entente and the U.S. on national self-determination, a fair determination of their borders, territorial integrity, unfortunately, have not been distributed in relation to the Belarusian issue, due to the existing claims on the Belarusian land from Polish and Russian sides.
Keywords: Polish issue, Russian issue, peace conference, self-determination, plebiscite, delegation, territorial integrity, World War I.

Парыжская мірная канферэнцыя 1919–1920 гг., у якой удзельнічалі дэлегацыі з 23 краін свету, займае важнае месца ў сусветнай гісторыі. Яна падвяла рысу пад падзеямі Першай сусветнай вайны, выпрацавала мірныя дагаворы з Германіяй, Аўстрыяй, Венгрыяй, Балгарыяй і Турцыяй, якія былі пераможаны ў вайне, прынцыпова вырашыла пытанне стварэння Лігі Нацый і Міжнароднай арганізацыі працы.

Пры вырашэнні пытанняў уладкавання пасляваеннай Еўропы канферэнцыя аб’ектыўна не магла пакінуць па-за межамі сваёй увагі беларускую праблематыку, аднак яе дачыненне да лёсу Беларусі засталося практычна нераспрацаваным як у беларускай, так і ў замежнай гістарычнай навуцы. У айчыннай гістарыяграфіі праблема прысутнасці на Парыжскай мірнай канферэнцыі беларускіх праблем праходзіла на ўзроўні сюжэтаў у даследаваннях, прысвечаных дзейнасці Беларускай Народнай Рэспублікі [1], [2][1], або па блізкай праблематыцы [3], [4], але аб’ектам спецыяльнага даследавання яна не стала. У расійскай гістарыяграфіі Парыжская мірная канферэнцыя стала аб’ектам асобных даследаванняў [5], [6], [7], у якіх беларускае пытанне, на жаль, амаль не закранаецца. Польская гістарыяграфія ў асноўным зварочвае сваю ўвагу на праблематыку польска-расійскага тэрытарыяльнага ўрэгулявання, вызначэння польскіх межаў [8], [9].

Выкарыстаныя крыніцы па праблеме прадстаўлены актавымі матэрыяламі (мірныя дамовы з Германіяй і яе саюзнікамі і шматлікімі ўдакладняючымі іх дамовамі), матэрыяламі афіцыйнага справаводства (пратаколы паседжанняў Савета дзесяці і Савета чатырох), большасць з якіх закрыта для даследчыкаў; вялізным масівам матэрыялаў асабістага паходжання: успаміны непасрэдных удзельнікаў канферэнцыі – ад кіраўнікоў дэлегацый да радавых, другарадных асоб: Д. Ллойд Джорджа [10], Э. Хауза [11], А. Тардз’е [12], С.Д. Сазонава [13],

[1] Ад рэдакцыі: рэдкалегія «Известий ГГУ им. Ф. Скорины» не можа пагадзіцца з аднясеннем выказанай аўтарам ацэнкі да працы А.В. Ціхамірава (гл. [2] у гэтым артыкуле).

Г. Нікальсана [14], Л. Альдравандзі Марэскоці [15], Ж. Клемансо [16], якія даюць розныя інтэрпрэтацыі карціны хода Парыжскай мірнай канферэнцыі, але дазваляюць выявіць пазіцыі бакоў адносна беларускага пытання.

У аснову праграмы пасляваеннага тэрытарыяльна-палітычнага ўладкавання былі пакладзены прынцыпы, якія ўтрымліваліся ў тэкстах "Чатырнаццаці пунктаў" і "Чатырох пунктаў мірных умоў" прэзідэнта ЗША Вудра Вільсана, агучаных перад кангрэсам у Вашынгтоне ў студзені і лютым 1918 г. [17, с. 114–115]. Амерыканская інтэрпрэтацыя пасляваеннага ўладкавання свету асноўвалася на ідэі ўсталявання доўгачасовага міру праз стварэнне адпаведнага "інструмента", механізма вырашэння спрэчных пытанняў – Лігі Нацый. Гэты орган павінен стаць "гарантам палітычнай незалежнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці як вялікіх, так і малых дзяржаў" [11, с. 239]. Пытанне самавызначэння нацый прадугледжвалася вырашыць шляхам "задавальнення ўсіх добра абаснаваных нацыянальных жаданняў", але пры ўмове, што гэта "не парушыць мір Еўропы, не створыць новых антаганізмаў" [5, с. 127–128]. У сітуацыі з беларускім пытаннем правядзення самавызначэння існавала мноства перашкод, якія вынікалі з існуючых прэтэнзій на беларускія землі з боку Польшчы і расійскіх палітычных колаў. Пры вырашэнні спрэчных тэрытарыяльных пытанняў прызнаваўся ў якасці прыярытэтнага этнічны прынцып урэгулявання спрэчкі шляхам правядзення ў асобных абласцях плебісцытаў "для больш дасканалага ажыццяўлення размежавання зямель паміж рознымі нацыямі" [11, с. 240].

У "Чатырнаццаці пунктах" Вільсана беларускае пытанне прысутнічае ўскосна, вынікае са зместу шостага і трынаццатага пунктаў. Пункт шосты быў прысвечаны пытанням тэрыторый былой Расійскай імперыі. Прадугледжвалася вызваленне гэтых зямель ад нямецкіх войскаў і вырашэнне ўсіх пытанняў, якія непасрэдна датычыліся тэрыторыі Расіі [20, с. 27–28]. Больш дыталёвая канкрэтызацыя пункта пададзена ў каментарыях сакратара амерыканскай дэлегацыі Э. Хауза, складзеных з мэтай "даць саюзнікам больш падрабязную дэталізацыю праграмы ЗША" [11, с. 472]. Так, згодна з каментарыем, прадугледжвалася "прызнанне дэ-факта правоў малых дзяржаў, якія адкалоліся ад Расіі (Расійскай імперыі), пры ўмове склікання імі нацыянальных сходаў для стварэння ўрадаў дэ-юрэ" [11, с. 345]. Але пры гэтым аўтар каментарыяў сярод нацый, якія маюць права на стварэнне самастойнай тэрытарыяльнай адзінкі, "акрамя палякаў, называе фінаў, літоўцаў, латышоў, а магчыма і ўкраінцаў" [11, с. 151], і абходзіць сваёй увагай беларусаў. Магчыма, гэта зроблена па прычыне слабай інфармаванасці членаў амерыканскай дэлегацыі аб становішчы беларускіх зямель, аб факце абвяшчэння на гэтай тэрыторыі самастойных дзяржаўных адзінак. Аб недахопе праверaных крыніц інфармацыі ўзгадваецца ў дзённіку Э. Хауза, які прапаноўвае для прадухілення атрымання скажоных звестак аб сітуацыі на месцах накіраваць сваіх агентаў у адпаведныя вобласці [11, с. 181]. Але гэта зусім не азначала, што амерыканская дэлегацыя не мела ніякіх уяўленняў аб Беларусі. Пэўныя звесткі яна мела, што дазволіла Хаузу выставіць беларусаў як адных з магчымых супернікаў Польшчы на ўсходзе [11, с. 356]. Магчыма, для вырашэння беларускага пытання, згодна пазіцыі ЗША, проста не прадугледжвалася права на стварэнне самастойнай (незалежнай) дзяржаўнай адзінкі, а толькі на існаванне ў якасці аўтаномнай часткі адной з дзяржаў-суседак.

У каментарыях Хауза не толькі канкрэтызуецца для астатніх удзельнікаў канферэнцыі асноўны сэнс "Чатырнаццаці пунктаў", але і змяшчаюцца пэўныя рэкамендацыі па вырашэнню так званага рускага пытання, якія ўлічваліся пры падрыхтоўцы Версальскага трактата падчас разгляду пытанняў тэрыторый былой Расійскай імперыі. Так, не без яго рэкамендацыі для прадухілення "бальшавізацыі" тэрыторый, раней занятых нямецкімі войскамі, быў прыняты дадатковы сакрэтны пункт Камп'енскай дамовы аб перамір'і, які абавязваў Германію ўтрымліваць войскі на гэтых тэрыторыях для барацьбы з Савецкай Расіяй да прыбыцця сіл краін Антанты [19, с. 90–91].

Згодна трынаццатаму пункту, прадугледжвалася стварэнне самастойнай польскай дзяржавы з бяспрэчна польскім насельніцтвам, з прадстаўленнем ёй права выхаду да мора, але шляхі дасягнення гэтай ідэі не агаворваліся [18, с. 27–28]. Э. Хауз у каментарыях узгадвае магчымыя супярэчнасці, якія могуць узнікнуць пры рэалізацыі гэтага рашэння: "могуць узнікнуць канфлікты паміж латышамі і немцамі ў Курляндыі, палякамі і літоўцамі на

паўночным ўсходзе, паміж палякамі і беларусамі на ўсходзе, паміж палякамі і ўкраінцамі на паўднёвым усходзе (і ва Усходняй Галіцыі)" [11, с. 362–363]. Вырашэнне гэтых праблем павінна ажыццявіцца "шляхам правядзення плебісцыта сярод асноўнай нацыянальнасці", але агаворвалася магчымасць яго правядзення нават і пасля заканчэння Парыжскай мірнай канферэнцыі [11, с. 367]. Тэрыторыя былой Расійскай імперыі, па сцверджанню Хауза, пасля выраду нямецкіх войскаў з гэтых зямель будзе ўяўляць сабой "чысты аркуш паперы, на якім можна будзе вызначыць палітыку для ўсіх народаў былой імперыі" [11, с. 369].

Англійская інтэрпрэтацыя пасляваеннага ўладкавання свету была прадстаўлена на старонках успамінаў прэм'ер-міністра Вялікабрытаніі Д. Ллойд Джорджа, кіраўніка англійскай дэлегацыі на мірнай канферэнцыі. Фактычна пазіцыя Вялікабрытаніі радыкальна не разыходзілася з прадстаўленымі прынцыпамі ЗША. Ллойд Джордж выказваўся за "падтрымку мерапрыемстваў вялікіх дзяржаў адносна вырашэння лёсу маладых дзяржаў" і аказання ім падтрымкі для абароны ад іншаземнага ўварвання, але пры ўмове іх "самастойнага існавання" [10, с. 304]. У мемарандуме Ф. Кэра адносна становішча "рускіх" зямель ад 17 лютага 1919 г. агаворваецца магчымасць аказання дапамогі малым ці новым дзяржавам у іх супрацьстаянні бальшавіцкай навале, каб такім чынам стварыць "антыбальшавіцкі бар'ер" [5, с. 162], [10, с. 322–326]. Але сярод дзяржаў бар'ера ўзгадваюцца Эстонія, Латвія, Літва, Польшча, Румынія, гэтым самым абыходзячы беларускае пытанне і варыянт самастойнага існавання. Не была падтрымана ідэя кіраўнікоў БНР аб стварэнні Балтыйска-Чарнаморскага абарончага саюза як своеасаблівай формы так званага "антыбальшавіцкага бар'ера", у склад якой меркавалася ўключыць Чэхію, Славакію, Беларусь, Літву, Латвію, Эстонію, Украіну, магчыма Югаславію [1, с. 54–81]. Згодна з рапартам Т. Філіповіча да польскага ўрада ад 19 красавіка 1919 г., Вялікабрытанія настойвае "на перадачы права будучага вырашэння лёсу беларускіх зямель Расіі як яе этнаграфічнай тэрыторыі" [20, s. 93]. У адзначаным выпадку пад Расіяй разумеўся антыбальшавіцкі лагер расійскіх палітычных сіл, на перамогу якіх разлічвалі ў хуткім часе, бо лічылі, што перыяд падпарадкавання тэрыторый савецкаму кіраўніцтву – толькі часовы эпізод у гісторыі гэтага рэгіёна. Пытанне беларускай дзяржаўнасці, згодна з меркаваннямі Д. Ллойд Джоджа, знаходзілася ў эмбрыянальным, зародкавым стане, якое на дадзеным этапе было немагчыма вырашыць [10, с. 278].

Французская пазіцыя адносна пасляваеннага палітычна-тэрытарыяльнага ўрэгулявання фарміравалася пад уплывам імкнення атрымаць трывалыя гарантыі бяспекі супраць паўтарэння германскай агрэсіі. Сыходзячы з гэтага прынцыпа і будавалася яе палітыка на еўрапейскім кантыненце. Яна аказвала ўсялякую падтрымку Польшчы, у процівагу Германіі, па прызнанні яе незалежнасці, накіраванні ваеннай дапамогі ў яе барацьбе з Савецкай Расіяй, знешняй падтрымкі пры вызначэнні заходніх і ўсходніх межаў. Так, непасрэдна падчас падрыхтоўкі Версальскага трактата міністр замежных спраў Францыі Пішон настойваў на прыняцці пункта аб перадачы ў падпарадкаванне Польшчы зямель, якія былі занятыя нямецкімі войскамі. Але пазіцыя Вялікабрытаніі, прадстаўленая міністрам замежных спраў А. Бальфурам, якая выступала супраць празмернага ўзвышэння Францыі праз аслабленне Германіі, не дазволіла ажыццявіць намер па перадачы літоўскіх, беларускіх, украінскіх зямель Польшчы і адстаяла фармуліроўку "вызваленне зямель, якія нямецкія войскі займалі да жніўня 1914 г." [6, с. 182–183]. Стаўленне французскага боку да "маладых народаў" карэнным чынам не разыходзілася з пазіцыямі ЗША і Англіі, асноўвалася на "прынцыпах справядлівасці і свабоды" [16, p. 71–80], але сярод краін, незалежнасць якіх мэтазгодна было б прызнаць, узгадваліся толькі Польшча і Багемія, гэта значыць непасрэдныя ўсходнія нямецкія суседкі [16, p. 80]. Пытанне самавызначэння беларускіх зямель не ўздымалася. Згодна са сцверджаннямі А. Тардз'е, члена французскай дэлегацыі на мірнай канферэнцыі, французскі бок меркаваў разгледзіць тры групы пытанняў: 1) якія неабходна было вырашыць у першую чаргу (ўрэгуляванне тэрытарыяльных спрэчак з Германіяй); 2) якія падлягалі вырашэнню ў другую чаргу (пытанні арганізацыі Цэнтральнай Еўропы); 3) пры разглядзе якіх нават пажадана пэўная адтэрміноўка [12, с. 78–79]. Вырашэнне рускай праблематыкі павінна быць пачата ў апошнюю чаргу, каб прадаставіць магчымасць розным нацыянальнасцям арганізавацца па меньшай меры хоць часткова, выказаць свае пажаданні і пры больш зручных умовах перайсці

да неабходных дамоў паміж рознымі групоўкамі. Але разлікі французскага прадстаўніка не спраўдзіліся, рускае пытанне было ўзнята яшчэ да непасрэднага адкрыцця Парыжскай мірнай канферэнцыі. Так, 12 студзеня 1919 г. на паседжанні Вышэйшага ваеннага савета было ўзнята пытанне аб удзеле прадстаўнікоў Расіі на мірнай канферэнцыі. Падчас абмеркавання гэтага пытання выказваліся розныя пункты гледжання: адна група ўдзельнікаў (Ллойд Джордж і Вільсан) прапаноўвала варыянт спынення ваенных дзеянняў і запрашэння прадстаўнікоў ад Расіі ў Парыж; другая група (Клемансо, Пішон, Арланда і Саніна) абмяжоўвалася варыянтам заслухоўвання ў якасці прадстаўнікоў ад Расіі дзеячаў так званай Рускай палітычнай дэлегацыі[2], якія на той момант ужо знаходзіліся ў Парыжы [7, с. 114]. Найбольш вострыя дыскусіі па пытанні аб прадстаўніцтве Расіі пачаліся 21 студзеня на паседжанні Савета дзесяці, якое было прысвечана выключна разгляду рускага пытання. Дыскусію пачаў прэзідэнт ЗША В. Вільсан, які прадбачыў пратэсты французскага боку, таму прапанаваў запрасіць прадстаўнікоў ад Расіі не ў Парыж, а куды-небудзь у іншае месца, напрыклад у Салонікі, якія пасля былі заменены на Прынцавы астравы [5, с. 118]. У звароце Савета дзесяці 22 студзеня 1919 г. змяшчалася запрашэнне "ўсім арганізаваным групам, якія ажыццяўляюць або спрабуюць ажыццяўляць палітычную ўладу і ваенны кантроль дзе-небудзь у Сібіры або ў межах Еўрапейскай Расіі", прыняць удзел у сустрэчы з прадстаўнікамі краін Антанты і ЗША пры ўмове спынення ваенных дзеянняў як на тэрыторыі Расіі, так і па-за яе межамі [5, с. 88]. На зварот далі дадатны адказ прадстаўнікі РСФСР, УССР. Тэрмінова да вырашэння справы прыступілі і прадстаўнікі ЛітБел ССР. Так, на паседжанні ЦВК ЛітБел ССР 26 лютага 1919 г. была прынята дэкларацыя, якая даручала ўраду "тэрмінова ўстанавіць сувязь з Антантай па пытанні мірных перамоў на Прынцавых астравах і прыняць самыя рашучыя меры па абароне Савецкай Рэспублікі Літвы і Беларусі" [21, с. 2]. Ужо 1 сакавіка 1919 г. была накіравана спецыяльная нота да краін Антанты з выказваннем сваёй гатоўнасці пачаць мірныя перамовы "ў імя спынення брацкага кровапраліцця, у імя ўсталявання міру ў нашай змучанай краіне" [22, с. 1]. Прадстаўнікі Рады Міністраў Беларускай Народнай Рэспублікі (БНР) пакінулі зварот Савета дзесяці без адказу. Магчыма, сказвалася слабая інфармаванасць аб становішчы спраў на Парыжскай мірнай канферэнцыі, таму што адзіным накіраваным зваротам перыяду студзеня-сакавіка 1919 г. да Парыжскай мірнай канферэнцыі ад ураду БНР з'яўляўся "Мемарыял Беларускага Ураду старшыні мірнай канферэнцыі ў Парыжы" ад 22 студзеня 1919 г., у якім змяшчалася просьба аб допуску беларускай дэлегацыі для ўдзелу ў канферэнцыі [23, с. 321–327]. У расійскай гістарыяграфіі распаўсюджана думка адносна ідэі склікання канферэнцыі на Прынцавых астравах, пры гэтым падкрэсліваецца несур'езнасць прапаноў краін Антанты, якая імкнулася такім чынам толькі зацягнуць час, каб выпрацаваць новы план інтэрвенцыі [5, с. 112]. Справа са скліканнем канферэнцыі на Прынцавых астравах засталася не вырашанай, так як прадстаўнікі Расійскай палітычнай нарады не прынялі прапановы Савета дзесяці, "не жадаючы садзіцца за адзін стол перамоў з бальшавікамі" [13, с. 245].

Ускосныя згадкі аб беларускім пытанні прысутнічалі ў час прызнання краінамі Антанты і ЗША ўрада А.В. Калчака 24 мая 1919 г. Калчаку былі выстаўлены пэўныя ўмовы яго прызнання, якія заключаліся ў пацверджанні незалежнасці Польшчы і Фінляндыі. Спрэчныя тэрытарыяльныя пытанні паміж імі і Расіяй павінны быць вырашаны праз трацейскі суд Лігі Нацый [5, с. 236–238]. Агаворвалася пытанне аб вырашэнні пытання ўзаемаадносін урада А.В. Калчака з Эстоніяй, Латвіяй, Літвой, каўказскімі, закаспійскімі тэрыторыямі, якія прызнаваліся ў якасці аўтаномных частак Расіі [6, с. 72]. У сувязі з гэтым рашэннем і фактам прыняцця Калчаком вышэй адзначаных умоў 18 чэрвеня 1919 г. на адрас прэзідэнта ЗША В. Вільсана паступіў зварот ад міністра замежных спраў латвійскага ўрада З. Мееровіца, падпісанага дэлегацыямі Азербайджана, Эстоніі, Грузіі, Латвіі, Паўночнага Каўказа, Беларусі і Украіны. Зварот ад беларускага

[2] Руская палітычная дэлегацыя была створана на аснове Рускай палітычнай нарады ў студзені 1919 г. як правамоцная, прызнаная саюзнікамі расійская дэлегацыя, у склад якой уваходзілі С.Д. Сазонаў, былы кіраўнік Міністэрства замежных спраў Расійскай імперыі, міністр замежных спраў ва ўрадзе А.В. Калчака, В.А. Маклакаў, пасол Часовага ўрада ў Францыі, М.В. Чайкоўскі, прадстаўнік Архангельскага ўрада, Г.Я. Львоў, былы кіраўнік Часовага ўрада.

боку быў падпісаны ад імя А. Луцкевіча як старшыні Рады Міністраў БНР. Кіраўнікі дзяржаў выказвалі сваю занепакоенасць адносна прызнання ўрада Калчака, які ў сваю чаргу не разглядаў адзначаныя дзяржавы як самастойныя адзінкі [5, с. 244–245]. Зварот застаўся без адказу.

Непасрэдным чынам пазіцыі краін Антанты і ЗША па беларускаму пытанню праявіліся падчас вырашэння справы ўсходняй мяжы Польшчы. Адну з канцэпцый вырашэння гэтага пытання прапаноўваў Польскі Нацыянальны Камітэт (Р. Дмоўскі, І. Падэрэўскі, С. Казіцкі і іншыя), які 29 студзеня 1919 г. на паседжанні Савета дзесяці, а пасля 25 лютага 1919 г. праз мемарыял аб межах Польшчы да Камісіі па польскіх справах, 3 сакавіка 1919 г. праз ноту па пытанні ўсходніх межаў прадставіў пазіцыю польскай дэлегацыі [8, s. 12–16]. Выпрацоўка польскай пазіцыі адбывалася шляхам гарачых дыскусій членаў Польскага Нацыянальнага Камітэта (2 сакавіка 1919 г.), што прывяло да прыняцця рашэння (дзесяць галасоў супраць трох) аб адхіленні федэралісцкай канцэпцыі і прыняцці пазіцыі Р. Дмоўскага [24, s. 139–172]. У яе аснове ляжалі ідэі аб стварэнні моцнай Польшчы, поўным зліцці нацыянальных тэрыторый з польскай дзяржавай, далучэнні да этнічнай Польшчы перш за ўсё няпольскіх раёнаў на ўсходзе, дзе палякі былі адносна шматлікімі, а насельніцтва спавядала каталіцызм. Другой канцэпцыяй вырашэння справы ўсходняй мяжы Польшчы стала пазіцыя Расійскай палітычнай дэлегацыі, якая фарміравалася на аснове так званага “Палажэння па пытанні аб Польшчы”, распрацаванага ў снежні 1918 – студзені 1919 г. [4, с. 32]. “Палажэнні” рэкамендавалі пры вызначэнні межаў Польшчы з Расіяй мець на ўвазе “як стратэгічныя, так і эканамічныя і этнаграфічныя ўмовы”. Пры гэтым пры правядзенні размежавання з Расіяй неабходна было прытрымлівацца наступных прынцыпаў: захавання Расіі без якіх-небудзь тэрытарыяльных страт на карысць Польшчы этнічна чужых палякам Літвы і Беларусі; захавання Холмшчыны; далучэння да Расіі тэрыторый Галіцкай (Усходняя Галіцыя) і Угорскай Русі [4, с. 34]. Вынікі працы Камісіі па польскіх справах пад старшынствам Ж. Камбона як пастаяннага органа пры Савеце дзесяці Парыжскай мірнай канферэнцыі адносна ўсталявання ўсходняй мяжы Польшчы былі прадстаўлены на паседжанні 12 красавіка 1919 г. [8, s. 120–121]. У частцы, якая датычылася Беларусі, мяжа павінна была прайсці па пунктах Гродна-Ялаўка-Няміраў-Брэст-Літоўскі. Прапанаваныя межы ў асноўным супадалі з этнаграфічным рассяленнем польскага насельніцтва.

Беларускае пытанне на Парыжскай мірнай канферэнцыі прысутнічала ўскосна, фігурыравала ў якасці аднаго са складаючых элементаў польскага або рускага пытанняў. Тэзісы прадстаўнікоў краін Антанты і ЗША аб самавызначэнні нацый, аб справядлівым вызначэнні іх межаў, тэрытарыяльнай цэласнасці не былі пашыраны на беларускае пытанне па прычыне існуючых прэтэнзій на беларускія землі з боку Польшчы і “белай” Расіі. Нават прысутнасць беларускай дэлегацыі на Парыжскай мірнай канферэнцыі, яе шматлікія намаганні (ад інфармацыйных сродкаў, прапановы ідэі стварэння Балтыйска-Чарнаморскай федэрацыі для арганізацыі барацьбы з Савецкай Расіяй да намаганняў па арганізацыі вайсковых адзінак) не змаглі прымусіць кіраўніцтва краін Антанты і ЗША разглядаць беларускае пытанне ў якасці самастойнага. Беларускае пытанне знаходзілася ў рэчышчы або польскага, або рускага пытанняў у залежнасці ад ваенна-аператыўнага становішча на франтах грамадзянскай вайны ў Расіі. Не на карысць беларускаму пытанню былі і шматлікія прытэнзіі суседніх краін на беларускія землі. Так, А. Луцкевіч неаднаразова ў сваіх лістах да Берлінскай дыпламатычнай місіі БНР звяртаў увагу на небяспеку, якая сыходзіла з боку Літвы і Польшчы, Расіі. Слабая рэсурсная база БНР (адсутнасць фінансавага забеспячэння, сфарміраваных вайсковых адзінак, падрыхтаваных кадраў інтэлігенцыі і буржуазіі) не дала магчымасці адстаяць беларускія інтарэсы на патрэбным узроўні ў рамках мірнай канферэнцыі, утрымаць хоць намінальнае кіраванне беларускімі тэрыторыямі.

Літаратура

1. Лазько, Р.Р. Лісты Антона Луцкевіча з часу Парыжскай мірнай канферэнцыі / Р.Р. Лазько // ARCHE. – 2006. – № 10. – С. 54–81; Лазько, Р.Р. Антон Луцкевіч у Парыжы /

Р.Р. Лазько // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. – Вып. 5. / рэдкал. У.Н. Сідарцоў [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2010. – С. 102–110.

2. Ціхаміраў, А.В. Беларуская праблематыка на Парыжскай мірнай канферэнцыі 1919–1920 гг. / А.В. Ціхаміраў // Весці АН Беларусі. Сер. грамадскіх навук. – 1996. – № 4. – С. 34–39.

3. Дубровко, Е.Н. Позиция Великобритании по проблеме территориального оформления польского государства накануне мирной конференции 1919 г. / Е.Н. Дубровко // Новая и новейшая история Европы и США : исследования, проблемы, поиски. – Минск : БГПУ им. М. Танка, 2007. – С. 26–30.

4. Малков, А.В. Польско-российский территориальный спор на Парижской мирной конференции (январь – июнь 1919 г.) / А.В. Малков // Новая и новейшая история Европы и США : исследования, проблемы, поиски. – Минск : БГПУ им. М. Танка, 2007. – С. 30–36.

5. Штейн, Б.Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.) / Б.Е. Штейн. – М. : Госполитиздат, 1949. – 464 с.

6. Скаба, А.Д. Парижская мирная конференция и иностранная интервенция в Стране Советов (январь-июнь 1919 г.) / А.Д. Скаба. – Киев : Наукова думка, 1971. – 159 с.

7. Дронов, С.Б. Парижская мирная конференция 1919 г. и попытки урегулирования взаимоотношений с Советской Россией: французский и американский подходы / С.Б. Дронов // Социально-экономические явления и процессы. – Тамбов, 2010. – Вып. 4. – С. 114–121.

8. Kozicki, S. Sprawa granic Polski na konferencji pokojowej w Paryżu / S. Kozicki. – Warszawa : Perszyński, Niklewicz i Spółka, 1921. – 176 s.

9. Gomólka, K. Między Polska a Rosja / K. Gomólka. – Warszawa : Gryf, 1994. – 263 s.

10. Ллойд Джордж, Д. Правда о мирных договорах : в 2 т. / Д. Ллойд Джордж. – Т. 1. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1957. – 655 с.

11. Хауз, Э. Архив полковника Хауза : в 2 т. / Э. Хауз. – Т. 2 : Конец войны. Июнь 1918 – ноябрь 1919. – М., 1944. – 403 с.

12. Тардье, А. Мир / А. Тардье / под ред. и с вступ. статьей Б.Е. Штейна. – М. : Госполитиздат, 1943. – 432 с.

13. Сазонов, С.Д. Воспоминания / С.Д. Сазонов. – Минск : «Харвест», 2002. – 368 с.

14. Никольсон, Г. Как делался мир в 1919 г. / Г. Никольсон. – М. : Госполитиздат, 1945. – 298 с.

15. Альдрованди Марескотти, Л. Дипломатическая война / Л. Альдрованди Марескотти. – М. : Госполитиздат, 1944. – 392 с.

16. Clemenceau, G. Discours de paix / G. Clemenceau : publ. la Sociètè des amis de Clemenceau. – Paris : Librairie Plon, 1938. – 286 p.

17. Ключников, Ю.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях : в 3 ч. / Ю.В. Ключников. – Ч. 2 : От Империалистической войны до снятия блокады с Советской России. – М. : Госполитиздат, 1926. – 464 с.

18. Системная история международных отношений : в 4 т. – Т. 2 : Документы 1910–1940-х годов. – М., 2000. – 158 с.

19. Версальский мирный договор / под ред. Ю.В. Ключникова, А.В. Сабанинова. – М. : Литиздат НКИД, 1925. – 198 с.

20. Gostyńska, W. Tajne rokowania polsko-radzieckie w 1919 r. / W. Gostyńska. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986. – 414 s.

21. Звезда. – 4 марта 1919 г. – № 388.

22. Звезда. – 8 марта 1919 г. – № 392.

23. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі : у 2 кн. – Кн. 1. 1917–1920 гг. / склад. С. Шупа. – Вільня – Нью-Ёрк – Менск – Прага, 1998. – 803 с.

24. Dokumenty i materially do historii stosunków polsko-radzieckich : w 41 t. – T. 2 : Listopad 1918 – kwiecień 1920 / pod. red. W. Gostyńska. – 1961. – 889 s.

Институт истории НАН Беларуси,
г. Минск

Поступило 01.04.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 94(476):271.2-9(476)«192/193»:930(476)

Православная церковь на территории БССР в 20–30-е гг. XX в. в освещении отечественной историографии

С.Ф. Веремеев

В данной статье рассматривается развитие белорусской историографии истории православной церкви на территории БССР 20–30-х гг. XX в., выделяются существующие направления исследований, подходы историков к изучению истории церкви, поднимаемые в историографии вопросы.
Ключевые слова: православная церковь, БССР, политика советской власти, религия, атеизм, обновленчество, репрессии.

This article examines the development of the Belarusian Orthodox Church historiography in the BSSR in the 1920s–1930s. It stands out current research areas and approaches of historians to study the history of the church, questions raised in the historiography.
Keywords: Orthodox, Byelorussian SSR, Soviet politics, religion, atheism, Renovationism, repression.

Одним из самых сложных и драматичных периодов в истории православной церкви на белорусских землях является период 20–30-х гг. XX в. После прихода к власти партии большевиков церковь окончательно утратила свой прежний статус «первенствующей и господствующей», каковой она являлась в Российской империи, и оказалась поставлена в новые, жесткие условия для собственного существования. Это было время репрессий и гонений на духовенство и верующих на территории БССР, упадка влияния православия в обществе, распространения атеистических взглядов среди населения. Поэтому представляется вполне закономерным интерес белорусских исследователей к изучению истории православия в ту непростую для него эпоху. Большой объём публикаций по указанной проблематике обуславливает необходимость их историографического осмысления.

В данной статье рассматриваются этапы развития отечественной историографии истории православной церкви на территории БССР 20–30-х гг. XX в., основные направления исследований. В то же время за рамками статьи остаются работы представителей эмигрантской историографии по истории православной церкви, научный анализ которых требует отдельной публикации.

В отечественной историографии истории православной церкви в БССР 20–30-х гг. XX в. можно выделить два периода: советский и современный (постсоветский), принципиально отличные между собой в отношении изучаемых вопросов, методологии исследований, используемой источниковой базы. Идеологические установки советского времени нацеливали исследователей на показ отрицательной роли религии и религиозных институтов в жизни общества. К. Маркс провозгласил, что «ликвидация религии как иллюзорного счастья народа есть требование его настоящего счастья» [1, с. 414]. В своей работе «Об отношении рабочей партии к религии» В.И. Ленин писал: «Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманиванию рабочего класса» [2, с. 417]. Он называл религию «одной из самых гнусных вещей, которые есть в мире» [3, с. 209]. В свою очередь, общественно-политические реалии того времени диктовали необходимость для советских исследователей исходить в своих оценках и выводах из априорных суждений классиков марксизма о религии. Односторонний характер интерпретациям истории церкви со стороны белорусских советских авторов придавало монопольное господство в исторической науке марксистско-ленинской методологии, узкий круг источников, находившийся в их распоряжении, недоступность многих соответствующих архивных материалов.

На протяжении всего советского периода было издано большое количество литературы, посвященной вопросам развития атеизма в БССР. В ней, в частности, постулировался

тезис о падении влияния религии в обществе и объективном характере распространения атеистических воззрений. Одной из первых работ, содержащих подобные взгляды, явилась монография С.Я. Вольфсона «Сучасная рэлігійнасць», вышедшая в 1930 г. [4]. В полном соответствии с господствовавшими тогда идеологическими представлениями религия называлась пристанищем для противников советской власти и революции, а социалистическое строительство – одним из главнейших факторов атеизма [4, с. 5]. Были выделены факторы, способствовавшие падению религиозности в белорусском обществе (обман со стороны духовенства своих прихожан, которым, в свою очередь, становилось об этом известно; улучшение экономического положения, распространения естественнонаучных знаний и др.). Убеждённые верующие назывались «религиозными фанатиками» и характеризовались в большинстве случаев как «тупыя несвядомыя старыя людзі, шамкаючыя ў сваіх адказах словы самаахвярнай пакоры госпаду-богу». Автор предполагал, что большинство из них являлось кулаками [4, с. 77]. В последующие годы распространение атеизма в БССР в 20–30-е гг. XX в. рассматривалось в работах Р.П. Платонова, А.П. Жука [5].

Следует отметить, что история православной церкви в БССР 20–30-х гг. XX в. не нашла должного научного изучения в белорусской советской историографии. Основное внимание уделялось социально-экономическим аспектам прошлого, вопросам, связанным с событиями Октябрьской революции, Великой Отечественной войны [6, с. 202]. Лишь в 1987 г. в Минске выходит исследование, специально посвященное истории православной церкви, – монография М.С. Корзуна «Русская православная церковь, 1917–1945 гг.: изменение социально-политической ориентации и научная несостоятельность вероучения» [7]. Однако в ней история православной церкви на территории Беларуси специально не рассматривалась, «растворяясь» в общесоюзном контексте. Отдельные факты касательно Беларуси, упомянутые в работе, должны были служить доказательством «паразитического образа жизни» православного клира, в частности, епископа Мелхиседека (Паевского), возглавлявшего в то время Минскую кафедру. Так, автор писал об использовании митрополитом Мелхиседеком на личные нужды денег, полученных от продажи чтимой иконы [7, с. 39]. М.С. Корзун, равно как и другие исследователи, придерживался мнения о том, что в первые два десятилетия советской власти наблюдалось падение влияния религии в обществе. Свой взгляд он аргументировал ссылкой на резолюции рабочих, содержащих требования о закрытии церквей и осуждающих религию, а также привёл факты отказа священнослужителей от сана в Беларуси [7, с. 82–83].

Монография М.С. Корзуна включает в себя авторские трактовки ключевых событий церковной истории 20–30-х гг. XX в. Так, кампания по вскрытию мощей святых была названа «разоблачением церковного обмана о святых мощах, которые якобы обладают свойством нетленности» [7, с. 28]. Сопротивление населения изъятию церковных ценностей в 1922 г. М.С. Корзун назвал саботажем мероприятий по ликвидации голода, спровоцированным церковью [7, с. 37–41].

С марксистских позиций рассматривал историю православной церкви в контексте анализа советской атеистической литературы А.А. Круглов [8].

Общепринятым в советской историографии являлось отрицание факта репрессий и гонений на церковь и верующих на территории СССР. М.С. Корзун подверг критике «буржуазную фальсификацию положения религии в СССР», объясняя распространение атеизма в стране «влиянием глубоких социалистических преобразований на сознание людей» и отвергая саму возможность репрессий ссылками на законодательство и Конституцию СССР 1936 г. [7, с. 78–83]. А.А. Круглов признавал лишь «случаи администрирования» в период массового закрытия храмов в 1930 г. в БССР, но не придавал им существенного значения [8, с. 35–36].

Качественно новый этап в развитии историографии истории православной церкви Беларуси наступает в 1990-е гг. Становление независимости Республики Беларусь сопровождалось радикальными переменами в отечественной исторической науке, когда происходит отказ от марксистско-ленинской методологии как единственно верного инструментария познания прошлого, а конфессиональная проблематика становится одним из приоритетов для изучения. Научное сообщество получило доступ к ранее неизвестным архивным материалам, что потенциально способствует увеличению степени объективности исследований. За по-

следние десятилетия в научный оборот было введено большое количество документальных материалов по истории православия. Кроме того, отечественные исследователи получили возможность свободного ознакомления с работами эмигрантской историографии, а также зарубежных авторов по указанной проблематике.

На современном этапе в Республике Беларусь с разной степенью регулярности проходят научные конференции, посвящённые как непосредственно истории религии в Беларуси, так и собственно истории православия. Так, к примеру, начиная с 2006 г. в Могилёве ежегодно проводится конференция «Религия и общество»; в Гродно – конференция «Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе». В апреле 2007 г. в Брестском государственном университете им. А.С. Пушкина прошла конференция «Православие в духовной жизни Беларуси». В 2010 г. в Гомеле на базе ГГУ им. Ф. Скорины состоялась конференция «Православие на Гомельщине: историко-культурное наследие и современность».

Началом нового периода в развитии историографии рассматриваемого вопроса условно можно считать публикацию статьи Т.С. Протько «Репрессированная вера» в 1992 г. в газете «Советская Белоруссия» [9]. В данной публикации на основе архивных материалов были выделены этапы и направления борьбы советской власти против православной церкви на территории БССР в 20–30-е гг. XX в. Как отметила исследовательница, к середине 1920-х гг. была утрачена экономическая независимость церкви, а уже в 1929 г. церковь как общественно-политическую организацию уже можно было считать уничтоженной. Т.С. Протько подробно остановилась на вопросе о физическом устранении представителей клира в тот период. По её мнению, «с чувствами верующих к концу 30-х гг. мало кто считался» [9, с. 3]. В 2002 г. вышла монография Т.С. Протько «Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.)», одна из глав которой под названием «Ограничение свободы вероисповедания» представляет собой более расширенный и насыщенный новыми фактами вариант предыдущей публикации [10, с. 271–309]. Анализируя последствия борьбы властей с церковью в тот период, Т.С. Протько оценила их как «трагические»: «ущербная духовность», рост преступности, «бытовое разложение», оторванность церкви от процессов возрождения и становления национальной культуры. Однако, по мнению Т.С. Протько, «в борьбе с государством-монолитом, потрясшим мир своим могуществом, церковь выстояла» [10, с. 309].

Знаковым событием в белорусской историографии явилось издание в 1998 г. первого обобщающего труда по истории конфессий – «Канфесіі на Беларусі» [11]. В одном из разделов работы, авторство которого принадлежит В.И. Новицкому, рассматривается положение православной церкви в БССР в 20–30-е гг. XX в. [11, с. 155–179]. В.И. Новицкий исследовал политику властей в отношении церкви в то время, остановившись на таких вопросах, как провозглашение автономии церкви в 1922 г., изъятие церковных ценностей, вскрытие мощей святых, создание Белорусской автокефальной православной церкви в 1927 г., репрессии в отношении духовенства и верующих, уничтожение храмов, антирелигиозная пропаганда, деятельность Союза безбожников. В отличие от советской историографии, В.И. Новицкий отметил, что кампания по изъятию ценностей была направлена на подрыв экономики церкви и улучшение финансового положения советской власти; назвал её «рабаваннем рэлігійных храмаў», а недовольство верующих её проведением – «справядлівым» [11, с. 163]. При рассмотрении антирелигиозных мероприятий властей он заострил внимание на их политизированный характер, отсутствие большого интереса к ним со стороны населения. Также в разрез с мнением советских авторов, в основном делавших акцент на успехах Союза безбожников, было отмечено, что «безбожники» не достигли своих целей, и значительную часть населения по-прежнему составляли верующие, свидетельством чего являются результаты переписи 1937 г. Итогом политики советских властей в отношении церкви явилось, как отметил В.И. Новицкий, насильственное закрытие всех церквей на территории восточной Беларуси.

В 2000 году началось издание «Гісторыі Беларусі» в шести томах. В пятом томе данной серии два параграфа посвящены истории конфессий Беларуси 20–30-х гг. XX в., в том числе внимание уделяется положению православия в БССР [12]. Автором параграфов также является В.И. Новицкий. На страницах работы им были подняты приблизительно такие же вопросы касательно православия в БССР, как и в исследовании «Канфесіі на Беларусі». Ав-

тор рассмотрел изменение политического и правового положения конфессий, сделав вывод о том, что новые законодательные акты позволили властям начать наступление на религиозные организации. В.И. Новицкий повторил своё прежнее мнение об изъятии ценностей властями как о «рабаванні храмаў», добавив, что это позволяло властям пополнить казну. Начало более жестких мер в отношении религии в 30-е гг. В.И. Новицкий объяснил тем обстоятельством, что все конфессии продолжали своё существование, несмотря на проводимую политику властей, а количество верующих не уменьшалось.

Значительный вклад в изучение истории православной церкви в БССР в 1920-е гг. внёс И.И. Янушевич. Темой серии его статей и диссертационного исследования явилась политика советской власти в отношении православной церкви в БССР в период 1917–1927 гг. [13]. Также данный вопрос поднимался в монографии И.И. Янушевича [14]. Были выделены и проанализированы основные направления, по которым власти боролись с церковью в указанное время. Если Т.С. Протько обращала внимание на утрату церковью собственной экономической независимости в середине 1920-х гг., то И.И. Янушевич отметил неэффективность мероприятий властей по подрыву церковной экономики: «…абсолютное большинство приходов выживало даже в условиях жёсткого административного давления» [13, с. 4]. Исследователь обратил внимание на недостатки антирелигиозных мероприятий властей в тот период. И.И. Янушевич пришёл к выводу, что к концу 1920-х гг. перед властями стоял выбор: либо нормализовать церковно-государственные отношения, либо ещё более ужесточить свою политику в отношении структур РПЦ. Выбор последнего варианта был определён, на его взгляд, предшествующей спецификой церковно-государственных отношений.

В работах И.И. Янушевича с иных позиций, нежели у советских историков, рассматривается кампания властей по изъятию церковных ценностей [14, с. 73–93]. Он обратил внимание, что православная церковь сама выступила с инициативой помощи голодающим и первоначально занималась оказанием таковой [14, с. 75]. Историк назвал «неприкрытой ложью» обвинения клира в жадности, черствости, безучастии к чужому горю и желании сохранить любыми средствами свои богатства [14, с. 47]. В качестве мотива изъятия церковных ценностей было указано стремление большевиков получить финансовые средства и, тем самым, укрепить свою власть в стране. В этом заметна схожесть его взглядов со взглядами В.И. Новицкого. В последующем И.И. Янушевич отметил, что кампания по изъятию церковных ценностей не улучшила благосостояние народа, без неё можно было бы обойтись, а более действенную помощь можно было бы получить от зарубежных организаций [15, с. 49–56].

В числе других аспектов истории православия И.И. Янушевич затронул вопрос о деятельности Союза безбожников, рассмотрев данную деятельность критически. Как пишет историк, «безбожники» в основном не отличались высоким уровнем образования, способностью донести свои идеи до масс, ассоциировались с ненавистным советским режимом, уступали церкви по количеству периодических изданий. Он отметил слабость антирелигиозной пропаганды, осуществляемой Союзом Безбожников, объяснив её рядом причин (нехваткой профессионалов, недостатком соответствующей литературы и т. д.) [14, с. 34–49].

Специальных исследований политики советской власти в отношении церкви периода 1930-х гг. в белорусской историографии пока что нет. При рассмотрении истории православной церкви на территории БССР в 1930-е гг. исследователи концентрируют внимание на закрытии храмов, репрессиях в отношении духовенства и верующих, анализируют итоги политики властей. Так, в статье И.И. Янушевича «Основные направления деятельности партийно-государственных структур по отношению к Православной церкви в Беларуси (1917–1941 гг.)» было отмечено, что к 1941 г. власти добились существенных результатов в борьбе с православием (была разрушена структура организации и управления церковью, возросла численность атеистов), что «создавало почву для нового и, возможно, победоносного наступления на церковь» [16, с. 150–155].

Продолжает исследование истории православной церкви М.С. Корзун. Он признал наличие «несправедливых репрессий» в отношении церкви, нарушение Конституции СССР. В качестве причин сокращения приходов РПЦ, наряду с признанием командно-

административного нажима со стороны властей, были названы: глобальная урбанизация, рост городского населения, сокращение сельского [17, с. 92–93].

Тема репрессий в отношении православной церкви на территории БССР исследовалась в публикациях А. Врублевского, И.И. Янушевича, Э.А. Макушниковой [18].

Современная белорусская историография включает в себя ряд работ, посвящённых обновленческому движению внутри православной церкви в БССР. Среди исследователей превалирует взгляд, что обновленческое движение является расколом православной церкви, который подрывал её внутренние силы, ослаблял сопротивление властям и антирелигиозной пропаганде в тот период [19, с. 24]. Инициаторами раскола признаются большевики, отмечается роль советских спецслужб в становлении обновленчества. Если И.И. Янушевич пишет о пороках руководства обновленцев, которые использовались властями с целью представить их в качестве примера деградации и разложения клира, и называет главу обновленцев митрополита Даниила «алкоголиком и распутником» [14, с. 109], то у Н. Левчик содержатся иные оценки. Она привела факты помощи нуждающимся со стороны лидера обновленцев, который сам жил в бедности. Относительно конечной даты существования обновленчества мнения исследователей расходятся. Н. Левчик отнесла окончательную ликвидацию обновленчества в БССР к маю 1935 г. [20]. В.И. Новицкий в более ранних исследованиях связывал конец обновленчества с ликвидацией в декабре 1934 г. обновленческой Белорусской автономной православной церкви и возвращением её приходов в лоно Московской патриархии. Затем он скорректировал свой взгляд, отмечая, что обновленческий раскол перестал существовать в стране после смерти А. Введенского 26 июля 1946 г. [11, с. 164], [19, с. 48].

Научный интерес со стороны отечественных исследователей вызывают личности известных представителей православной церкви того времени. Так, в 1996 г. вышла работа Т.С. Протько, посвящённая митрополиту Мелхиседеку (Паевскому), содержащая высокие оценки его человеческих качеств и деятельности на посту главы Минской кафедры [21].

В современной историографии наблюдается обращение к исследованию истории православной церкви на региональном уровне. Так, данные о количестве церквей на территории Мозырщины, сведения о репрессированных священнослужителях приведены в исследовании «Этнокультурные процессы восточного Полесья в прошлом и настоящем» [22, с. 187–226]. В.В. Будник сравнила политику советских властей в отношении православной церкви и баптистов, придя к выводу о более лояльном подходе к последним. В совместной статье М.П. Савинской и М.А. Алейниковой рассматривается деятельность православного духовенства гомельского региона по оказанию помощи голодающим Поволжья в начале 1920-х гг. [23].

Часть историографического поля занимают работы церковных исследователей. На современном этапе развития исторической науки представители церкви получили возможность свободно высказывать свои взгляды по различным аспектам прошлого. В своих исследованиях православные церковные авторы опираются на широкий круг источников, в том числе архивы КГБ РБ, а сами исследования публикуются на страницах православной периодики. Значительное внимание православные авторы уделяют изучению репрессий и гонений советских властей против церкви, духовенства и верующих в 1920–1930-е гг. [24] Священник Д. Первий выделил три волны репрессий в отношении церкви в БССР [25]. Отрицательные оценки высказывают церковные исследователи в адрес обновленчества. Священник Д. Шиленок, автор пока что единственной монографии об обновленцах, отметил, что те находились «во власти авантюризма», занимались не столько церковными реформами, сколько удовлетворением собственных корыстных, карьерных и материальных интересов, их взгляды представляли собой «по большей части откровенную демагогию». Крах обновленчества, на его взгляд, был предрешён в силу отсутствия поддержки среди верующих [26, с. 192]. Церковные исследователи также не обошли вниманием вопрос об автономии церкви, провозглашенной в 1922 г., что оценивается ими положительно.

Таким образом, для белорусской советской историографии истории православной церкви в БССР 20–30-х гг. XX в. были присущи следующие черты: монопольное господство марксистско-ленинской методологии, зависимость оценок и выводов исследователей от господствующей идеологии, узкий круг источников. В большей мере уделялось внимание во-

просам, связанным с развитием атеизма в БССР, в гораздо меньшей – собственно истории православной церкви, рассматриваемой в общесоюзном контексте. Для современной (постсоветской) историографии вопроса характерен методологический плюрализм, повышение научного интереса к истории православной церкви, значительное расширение тематики исследований, источниковой базы, пересмотр прежних взглядов и оценок. В постсоветский период усилия историков в значительной степени направлены на изучение политики советской власти в отношении церкви, обновленческого движения, иных вопросов, не получивших должного освещения в предшествующие годы. Складывается церковная историография, предлагающая свое видение истории православия в БССР в 20–30-е гг. XX в.

Литература

1. Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Введение / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избранные произведения : в 3-х т. – М., 1985. – Т. 1. – 612 с.

2. Ленин, В.И. Об отношении рабочей партии к религии / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – М., 1968. – Т. 17 : март 1908 – июнь 1909. – С. 415–426.

3. Ленин, В.И. Лев Толстой как зеркало русской революции / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – М., 1968. – Т. 17 : март 1908 – июнь 1909. – С. 209–213.

4. Вольфсон, С.Я. Сучасная рэлігійнасць: паводле матэрыялаў даследавання ў БССР / С.Я. Вольфсон. – Менск : БелАН, 1930. – 119 с.

5. Платонов, Р.П. В.И. Ленин о научных основах атеистической пропаганды / Р.П. Платонов. – Минск : Беларусь, 1969. – 89 с.; Платонов, Р.П. Научно-атеистическая пропаганда: пути повышения эффективности / Р.П. Платонов. – Минск, 1978. – 147 с.; Жук, А.П. Становление и развитие научно-атеистической мысли в советской Белоруссии в 1919 – начале 30-х годов : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.03 / А.П. Жук ; БГУ им. В.И. Ленина. – Минск, 1978. – 22 с.

6. Михнюк, В.Н. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919–1941 гг.) / В.Н. Михнюк. – Минск : Наука и техника, 1985. – 286 с.

7. Корзун, М.С. Русская православная церковь, 1917–1945 гг. : изм. социал.-полит. ориентации и науч. несостоятельность вероучения / М.С. Корзун. – Минск : Беларусь, 1987. – 111 с.

8. Круглов, А.А. Развитие атеизма в Белоруссии (1917–1987 гг.) / А.А. Круглов. – Минск : Беларусь, 1989. – 367 с.

9. Протько, Т.С. Репрессированная вера / Т.С. Протько // Советская Белоруссия. – 1992. – 8, 11, 12, 13, 14 августа. – С. 3.

10. Протько, Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т.С. Протько. – Минск : Тесей, 2002. – 688 с.

11. Грыгор'ева, В.В. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX стст.) / В.В. Грыгор'ева, У.М. Завальнюк, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.

12. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал. : М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2005. – Т. 4 : Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2006. – 613 с.

13. Янушевич, И.И. Политика советского государства по отношению к Русской Православной Церкви 1917–1927 гг. (на материалах Беларуси) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / И.И. Янушевич. – Минск, 2001. – 20 с.; Янушевич, И.И. Политика государственных органов по отношению к церкви и религиозным организациям 1922–1927 гг. (на материалах Беларуси) / И.И. Янушевич // Веснік БДУ. Сер. 3. – 2000. – № 3. – С. 22–28; Янушевич, И.И. Взаимоотношения государства и Православной церкви в Беларуси: периодизация и содержание (1917–2004 гг.) / И.И. Янушевич // Научные труды Республиканского института высшей школы: исторические и психолого-педагогические науки / под ред. М.И. Демчука [и др.]. – Минск : РИВШ, 2010. – С. 227–235.

14. Янушевич, И.И. Конфессиональная политика советского государства: уроки истории, 1917–1928 гг. / И.И. Янушевич. – Минск : БГУ, 2005. – 143 с.

15. Янушевич, И.И. Характер и причины форсированного решения «церковного вопроса» партийно-государственными структурами в 1917–1924 годах / И.И. Янушевич // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Гуманитарные науки. – 2010. – № 7. – С. 49–56.

16. Янушевич, И.И. Основные направления деятельности партийно-государственных структур по отношению к Православной церкви в Беларуси (1917–1941 гг.) / И.И. Янушевич // Известия ГГУ имени Ф. Скорины. Гуманитарные науки. – 2011. – № 5(68). – С. 150–156.

17. Корзун, М.С. История русской православной церкви (X век – 2000 год) : учебно-методический комплекс / М.С. Корзун. – Минск : БГУ, 2009. – 259 с.

18. Врублевский, А. Репрессии против духовенства и верующих в советской Белоруссии в 1920–30-е годы / А. Врублевский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.homoliber.org/ru/rp/rp020106.html. – Дата доступа : 25.01.2013; Янушевич, И.И. Крестный путь / И.И. Янушевич // Беларуская думка. – 2009. – № 5. – С. 44–49; Макушникова, Э.А. Политические репрессии на Гомельщине в 1920–1930-х годах / Э.А. Макушникова // Краеведческие записки (к 80-летию Гомельского областного краеведческого музея); Гомельский областной краеведческий музей. – Гомель, 2000. – С. 203–210.

19. Навіцкі, У. Палітыка расколу рускай праваслаўнай царквы ў Беларусі (1920-я гг.) / У. Навіцкі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2003. – №№ 2, 3. – С. 18–24, 40–48.

20. Левчик, Н. Обновленческая церковь в Беларуси (по документам фонда «Белорусский православный священный синод» 1922–1935 гг.) / Н. Левчик // Архівы і справаводства. – 2002. – № 4. – С. 97–106.

21. Процька, Т. Пакутнік за веру і бацькаўшчыну : Мітрапаліт Мельхісэдэк / Т. Процька. – Мінск : Тэхналогія, 1996. – 63 с.

22. Этнокультурные процессы восточного Полесья в прошлом и настоящем / А.Вл. Гурко [и др.]; Национальная академия наук Беларуси, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы. – Минск : Беларуская навука, 2010. – 466 с.

23. Будник, В.В. Конфессиональная политика советской власти в 1920-е годы (на примере православных и баптистов Гомельщины) / В.В. Будник // Православие на Гомельщине: историко-культурное наследие и современность: сб. науч. статей / Г.А. Алексейченко (ответств. ред.) [и др.]; М-во образования РБ, ГГУ им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2010. – С. 113–118; Савинская, М.П. Деятельность православного духовенства по оказанию помощи голодающим Поволжья в начале 1920-х годов (по материалам Государственного архива Гомельской области) / М.П. Савинская, М.А. Алейникова // Там же. – С. 165–169.

24. Кривонос, Ф. Белорусская Православная Церковь в XX столетии : спецкурс лекций для Минской Духовной Семинарии / Ф. Кривонос. – Минск : Врата, 2008. – 255 с.; Кривонос, Ф. У Бога мёртвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы) / Ф. Кривонос. – Минск : МФЦП, 2007. – 240 с.

25. Первий, Д. История гонений / Д. Первий // Коммерческий курьер. – 02.02.2010. – С. 4.

26. Шиленок, Д. Из истории православной церкви в Белоруссии (1922–1939): «Обновленческий раскол в Белоруссии» / Д. Шиленок. – М. : Крутицкое патриаршее подворье, 2006. – 217 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 01.04.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 940.5:629.3

Транспорт и коммуникации: эксплуатация на территории оккупированной Беларуси (1941–1944 гг.)

Е.А. Гребень

В статье на основе документов областных архивов Республики Беларусь показана регламентация пользования гражданским населением различными видами транспорта в условиях нацистской оккупации Беларуси.
Ключевые слова: транспорт, регистрация, реквизиция, нацистская оккупация, Беларусь.

The article, based on the documents of regional archives of Belarus, shows regulation use of different means of transport by the civilian population during the Nazi occupation of Belarus.
Keywords: transport, registration, requisition, Nazi occupation, Belarus.

В период нацистской оккупации Беларуси все аспекты повседневной жизни граждан были жестко регламентированы, в частности, использование гражданским населением транспортных средств и транспортных коммуникаций. В условиях оккупационной повседневности транспорт эксплуатировался, в первую очередь, для военных нужд, а также являлся источником дохода местной администрации и одним из средств существования для гражданского населения. Целью статьи является реконструкция порядка эксплуатации транспортных средств и транспортных коммуникаций в условиях нацистской оккупации.

В составе органов коллаборационной администрации были созданы транспортные отделы. На основании распоряжения Борисовской городской комендатуры от 23.08.1941 г. был создан транспортный отдел Борисовской городской управы. Начальнику транспортного отдела предписывалось в течение двух месяцев создать автопарк для нужд гражданского населения (оговаривалась также возможность использования транспорта для нужд вермахта), для чего рекомендовалось собрать по лесам и дорогам разбитые советские автомашины и собирать из нескольких одну, пригодную к использованию. В условиях дефицита горючего немецкие оккупационные власти рекомендовали использовать гужевой транспорт и газогенераторные автомашины. Признавая наличие дефицита горючего и, соответственно, что использование обычных автомашин проблематично, рекомендовалось использовать гужевой транспорт и газогенераторные автомашины [1, л. 6]. В распоряжении транспортного отдела Витебской городской управы к 1.08.1942 г. было три 3-тонных грузовых автомобиля марки Зис-5 и тринадцать 1,5-тонных автомобилей марки ГАЗ-АА. В отделе работало 15 шоферов и 20 грузчиков [2, л. 14].

В городах, расположенных по обеим сторонам рек, местная администрация организовывала лодочные переправы, поскольку мосты были или уничтожены во время боевых действий или использовались вермахтом. Оршанская ортскомендатура 15.04.1942 г. предписывала городской управе организовать лодочную переправу через р. Днепр, которая должна была стать единственным способом связи с Заднепровской частью города (вторая переправа обслуживала исключительно немецкие войска). Предписывалось на каждый берег назначить кассира для сбора платы, которая составляла от 2 до 5 руб. Немецкие военнослужащие и сотрудники городской управы могли переправляться бесплатно [3, л. 381, 381 об.].

Практиковалась передача лодочных переправ в аренду частным лицам. Так, Оршанская городская управа в лице бургомистра и гражданин 7.04.1943 г. заключили договор о передаче последнему в аренду лодочную переправу через р. Днепр на 7 месяцев – до 1.11.1943 г. Арендатор обязывался предоставить для переправы две исправные лодки со спасательным инвентарем, построить за свой счет по обоим берегам спуски к воде, скамейки и навесы для ожидающих. Переправа работала в течение всего сезона, за исключением запретного для пе-

редвижения граждан времени. За переправу взималась плата в размере не более 1 руб. с рабочих и служащих и до 2 руб. с других категорий граждан. Рабочие и служащие могли приобретать месячные билеты на право переправы дважды в день стоимостью 25 руб. Арендатор был обязан установить на обоих берегах информационные щиты с указанием стоимости услуг. В течение сезона арендатор вносил в кассу городской управы 103500 руб. равными долями к каждому 1-му и 15-му числу месяца, за просрочку платежа взималась пеня в размере 1%. Если погодные условия позволяли осуществлять переправу после 1 ноября, договор автоматически продлялся на тех же условиях. В случае отказа от аренды в течение сезона городской управе выплачивалась неустойка в размере 5000 руб. Арендатору под угрозой штрафа предписывалось также не позднее 2.06.1943 г. организовать причалы для лодок шириной не менее 2,5 м по берегам Днепра, обеспечить переправу спасательной лодкой и содержать ее в исправном состоянии (оборудовать внутри лодки мостик и не допускать скопления воды) [4, л. 96–97, 214].

В г. Витебске через Западную Двину было организовано 5 лодочных переправ: на Фанерном заводе, напротив Кожевенного завода, около Скользкого ручья, напротив фабрики «Двина» и напротив Дрожжевого завода. Лодочные станции обслуживали 10 перевозчиков и 10 кассиров. За июль 1942 г. доход переправ составил 35096 руб. (1 руб. за переправу с человека), расходы (заработная плата сотрудников, налоги и иные расходы) – 13300 руб., чистый доход составил 3510 руб. [2, л. 14]. Сотрудникам городской управы, вынужденным ежедневно пользоваться услугами переправы, чтобы добираться до работы, могли выдаваться разрешения на бесплатный проезд [5, л. 21].

На особый учет брались принадлежащие гражданам лодки. Бургомистр г. Добруша 20.05.1942 г. издал приказ о регистрации имевшихся у граждан лодок. Их владельцы обязывались в трехдневный срок пригнать лодки к мосту, где они должны были быть взяты на учет, а владельцам выданы паспорта и номера для лодок. Лица, у которых впоследствии были бы обнаружены лодки, рассматривались как партизаны. Езда на лодках разрешалась до 20.00, после чего, несмотря на наличие номера и паспорта, лодки немедленно обстреливались безо всякого предупреждения. Во время стоянки лодки предписывалось пришвартовывать к столбам и замыкать [6, л. 31]. Дополнительная регистрация плавстредств могла последовать в связи с угрозой стихийных бедствий. На основании приказа по Добрушскому городскому управлению от 6.03.1942 г. все владельцы лодок были обязаны привести их в исправное состояние и зарегистрировать их в трехдневный срок в полиции. Контроль за исполнением возлагался на специально созданную комиссию по борьбе с наводнением, которая в случае необходимости имела право мобилизовать транспортные средства [6, л. 7]. Могли вводиться ограничения на пользование лодками. В 1943 г. имеющие лодки жители Лунинецкого района давали расписки в том, что не будут передавать их другим лицам в пользование или аренду и не будут пользоваться ими до особого распоряжения властей [7, л. 4, 6].

С 1942 г. коллаборационная администрация взяла на учет имевшиеся у граждан, учреждений и организаций велосипеды [8, л. 63, 63 об., 66]. На основании распоряжения Слонимского гебитскомиссара от 5.08.1942 г. всем владельцам велосипедов предписывалось в десятидневный срок приобрести карточки разрешения на право пользования велосипедами. За выдачу карточки взималось 3 марки, за неисполнение распоряжения угрожал штраф до 500 руб. [9, л. 47]. Согласно приказу по Тереховскому районному управлению от 1.04.1943 г., финансовому отделу поручалось в срок до 1.05.1943 г. приступить к регистрации велосипедов, выдавая велосипедные номера на 1943 г. При регистрации взималась пошлина в 25 руб., уклонение от регистрации каралось конфискацией [10, л. 335]. Часть граждан не зарегистрировала велосипеды, и летом 1943 г. полиция приступила к изъятию велосипедов. В ходе изъятия составлялся акт, в котором указывалась оценочная стоимость, велосипеды передавались на хранение в магазин [11, л. 1, 2, 4–18]. В бланке акта изъятия велосипедов по Тереховскому волосному управлению за 1942 г. указывалась оценочная стоимость велосипеда, подписи владельца и полицейского и заключение заведующего магазином, куда поступал конфискованный велосипед. Владельцам обещалась компенсация по оценочной стоимости, которая, в зависимости от технического состоянии велосипеда, варьировалась в пределах 20–150 руб. [11, л. 1–18, 20–21]. В апреле 1943 г. в Тереховском районе началась очередная регистрация

принадлежавших гражданам и организациям велосипедов на текущий сезон. При регистрации выдавались велосипедные номера и взимался сбор в размере 25 руб. После 1.05.1943 г. незарегистрированные велосипеды подлежали изъятию [10, л. 35].

Гражданам, получившим право пользования или владения велосипедом, выдавалось соответствующее свидетельство. В бланках удостоверений Клецкой городской управы за 1942 г. (на белорусском языке латинкой) указывались фамилия, имя и адрес владельца, марка велосипеда, фабричный и регистрационный номер. Практиковалась также выдача немецкоязычных свидетельств или двуязычных свидетельств (на немецком и белорусском языках) на два года. В последних, выдававшихся на велосипеды, используемые в служебных целях, помимо персональных данных владельца, указывались данные еще двух лиц, которые имели право использовать данный велосипед. Содержалась также пометка о том, что данный велосипед может быть реквизирован только по согласованию с гебитскомиссаром [8, л. 7, 8, 12, 21, 25].

Владельцы транспортных средств были обязаны иметь номера. Так, 2.05.1942 г. население Витебского района было уведомлено о сборах за номерные знаки специальным объявлением. Выдача номерных знаков производилась финансовым отделом городской управы с 5 по 20 мая 1942 г., знаки выдавались на период с 1.04.1942 г. по 31.03.1942 г. Номерные знаки были обязаны приобретать как частные лица, так и организации и учреждения города. Граждане, проживавшие вне города, но использовавшие свои транспортные средства для поездок по городу, должны были приобретать номерные знаки в финансовом отделе городской управы или в волостной управе по месту жительства. За отсутствие номерного знака грозил штраф до 50 руб., а при повторном нарушении следовала конфискация транспортного средства. Надзор за исполнением распоряжения возлагался на полицию и налоговые органы городской управы [12, л. 33]. Бургомистр Витебска предписал всем владельцам велосипедов и мотоциклов до 1.11.1942 г. сообщить в письменном виде, для каких целей используется транспорт, и получить разрешение на пользование транспортов в финансовом отделе. Лица, не получившие разрешения, были обязаны не позднее 4.11.1942 г. сдать велосипеды и мотоциклы на склад управы под угрозой конфискации транспортных средств и штрафа. Передача транспорта иным лицам воспрещалась [12, л. 61].

Борисовская фельдкомендатура в 1942 г. в письме к начальнику Холопеничского района констатировала, что у гражданского населения имеется значительное количество велосипедов, и ими пользуются лица, которым велосипеды не нужны для исполнения служебных обязанностей. В то же время имеются лица (например, сотрудники службы порядка), которым велосипеды необходимы для исполнения служебных обязанностей и которые не могут их получить. Комендатура потребовала от начальника района немедленно изъять велосипеды, не используемые в рамках служебных обязанностей, особенно велосипеды, принадлежавшие ранее немецкой или советской армии или евреям, владение которыми рассматривалось как незаконное. В дальнейшем для пользования велосипедами граждане должны были обращаться за разрешением в ортскомендатуру, которая выдавала их в первую очередь лицам, которым они были необходимы по службе. У граждан, не получивших разрешения до 25.12.1942 г., велосипеды изымались и передавались сотрудникам районной управы (полицейским, лесничим, врачам, ветеринарам). В случае отказа в выдаче разрешения владельцу выплачивалась компенсация по довоенным ценам, а также давалось обещание, что бывшие владельцы смогут когда-нибудь купить велосипед [13, л. 34]. Борисовская фельдкомендатура издала аналогичное распоряжение, касавшееся жителей Борисова и Новоборисова, которым под угрозой штрафа предписывалось до 10.12.1942 г. либо получить в городской управе разрешения на пользование велосипедами (взималась пошлина в 10 руб.), либо предоставить велосипеды в комендатуру для продажи [14, л. 221].

Транспортные средства часто изымались у граждан для нужд оккупационных властей. В таких случаях специальная комиссия из сотрудников коллаборационной администрации составляла акт оценки состояния велосипедов, указывался процент износа и оценочная стоимость (колебалась от 45 до 400 руб.). В дальнейшем данная сумма могла компенсироваться бывшим владельцам велосипедов [11, л. 3, 20, 20 об., 21]. В октябре 1943 г. началась реквизиция велосипедов для нужд вермахта в Москаленятской волости Городокского района. Владельцы велосипедов вне зависимости от технического состояния должны были доставить их

в ближайшую комендатуру. Не сданные добровольно велосипеды подлежали изъятию фельдкомендатурой, а владельцы штрафовались. Теоретически предусматривался возврат велосипедов владельцам, для этого сдаваемые велосипеды требовалось снабдить табличкой с именем и адресом владельца [15, л. 73, 78]. В ходе реквизиций граждане, как правило, сотрудники местной администрации, работники предприятий и учреждений, ходатайствовали о том, чтобы им были оставлены велосипеды, необходимые для исполнения служебных обязанностей. Так, в списке 42-х зарегистрированных владельцев велосипедов Заостравицкой волости Клецкого района за 1942 г. значились 4 старосты, начальник пожарной охраны, священник, 4 учителя; 1 велосипед принадлежал волостной администрации [16, л. 138, 138 об.]. Изредка транспортные средства у граждан могли выкупаться немецкими организациями. Немецкое торговое общество Тролль и Ко в Слуцке оповестило население о желании приобрести новые сани, за которые обещалась оплата 300 руб. и выдача 15 кг соли, 10 пачек махорки и 10 коробок спичек [17, л. 16].

В условиях регулярно проводимых партизанами диверсий оккупационные власти принимали повышенные меры безопасности на железной дороге и жесткие правила нахождения в железнодорожной полосе. Были определены пункты перехода через железную дорогу. Гражданскому населению сообщалось, что при переходе железной дороги далее 100 м от пункта перехода охрана будет открывать огонь на поражение. Запрещалось также хождение вдоль железной дороги ближе, чем на 100 м от железнодорожных путей. Введение запрета объяснялось оккупационными властями действиями партизан, которые под видом гражданского населения совершают диверсии на коммуникациях [18, л. 27, 37]. Согласно распоряжению Столинского гебитскомиссара от 14.02.1943 г., полоса отчуждения («полоса смерти») составляла 300 м по обе стороны железной дороги, нахождение в которой гражданских лиц запрещалось под угрозой расстрела. Проход в зону отчуждения рабочих разрешался только в организованном порядке. Переход железной дороги разрешался в определенных местах днем с 6.00 до 19.00 [19, л. 18]. На территории тыловой зоны группы армий «Центр» запрещался также выпас скота вблизи железной дороги [20, л. 95].

Генеральный комиссар Беларуси 28.07.1943 г. издал распоряжение, разрешающее проезд гражданских лиц по железной дороге только по специальным разрешениям за подписью гебитскомиссаров. Разрешения могли быть выданы гражданам, имеющим потребность воспользоваться железнодорожным транспортом для исполнения служебных обязанностей или для выполнения распоряжений немецких гражданских или военных властей [21, л. 254]. Порядок пользования железнодорожным транспортом гебитскомиссары доводили до глав районных администраций, на которых возлагалась обязанность первичной проверки заявлений граждан. Минский гебитскомиссар сообщал начальникам районов, что с 1.04.1943 г. использование железнодорожного транспорта для гражданского населения будет разрешаться только в исключительных случаях. Поступавшие заявления должны были рассматриваться на уровне районных управ, а в случае, если мотивация поездки не признавалась весомой, – отклоняться. После получения санкции гебитскомиссара разрешение на проезд передавалось начальнику района и далее просителю, последний уплачивал за выданный пропуск сбор 0,5 марки [22, л. 109].

Регламентировано также было движение транспортных средств. На территории тыловой зоны группы армий «Центр» 2.04.1942 г. было издано «Распоряжение о гражданском движении на дорогах», продублированное аналогичными распоряжениями глав коллаборационной администрации. Гражданскому транспорту во время движения предписывалось держаться правой стороны дороги, осуществлять поворот направо на малой траектории, налево – по большой; осуществлять въезд на дорогу только при отсутствии движущихся автомобилей; останавливаться только по ходу движения, не ближе 10 м от перекрестков; при отсутствии механических указателей поворота подавать сигнал поворота рукой. В случае отсутствия механических приспособлений сигнал поворота подавался рукой. Лошади, запряженные в подводы, или лошади с всадником должны были двигаться шагом или рысью; максимальная скорость грузовых автомашин на шоссе не должна была превышать 50 км/час, в населенных пунктах – 30 км/час, легковых автомашин – 60 и 40 км/час соответственно. Гражданский транспорт не должен был препятствовать движению немецкого военного транс-

порта. В случае, если рядом проезжал немецкий транспорт, подводы были обязаны принять вправо и двигаться медленно, пока их не обгоняли. Требовалось неукоснительно соблюдать знаки уличного движения, распоряжения немецкой полиции и службы порядка. Движение по тротуарам разрешалось только для пешеходов и небольших колясок по ходу движения. За нарушение правил движения предусматривалась конфискация транспортных средств [23, л. 1], [24, л. 63]. На основании распоряжения генерального комиссара Беларуси, с июня 1943 г. было запрещено движение колонн, состоявших более чем из двух повозок, включая и колонны фурманок, ведомых немцами в униформе. Повозки должны были двигаться с дистанцией не менее 50 м [25, л. 35].

Тем не менее, правила движения нарушались. В документах Пинской городской управы упоминается наложение в феврале 1942 г. штрафа в размере 50 руб. (с заменой на 5 суток ареста в случае неуплаты) на гражданина за езду на велосипеде по тротуару [26, л. 3]. В распоряжении бургомистра Бобруйска от 1.01.1944 г. констатировались факты нарушения гражданским населением правил дорожного движения, особенно лицами, управляющими гужевым транспортом, поэтому полиции предписывалось карать виновных штрафом до 4000 руб. До сведения граждан в очередной раз доводились правила движения [27, л. 25].

Была ограничена возможность использования автотранспорта гражданскими лицами. На территории тыловой зоны группы армий «Центр» с 1.08.1942 г. были введены ордера на проезд для гражданского автотранспорта, в которых указывались: номер машины, предприятие или организация, которой она принадлежит, данные шофера и лица, которому разрешен проезд, наименование маршрута и предполагаемое время и цель поездки, подпись командира немецкой воинской части, руководителя немецкого учреждения или местной администрации, заверенная печатью. По окончании поездки ордер возвращался выдавшей его организации. В случае нарушения установленного порядка автомашина могла быть конфискована ортскомендатурой. Категорически воспрещалось перевозить гражданское население в автомашинах, принадлежащих местной администрации, если пассажиры не имели специального удостоверения на право проезда. Нарушившие запрет шоферы и руководители учреждений, которым принадлежал автотранспорт, подлежали наказанию со стороны ортскомендатуры (последние за то, что не сообщали о нарушении запрета) [23, л. 23, 19 об.]. Вопреки распоряжениям оккупационных властей, водители автомашин, принадлежавших коллаборационной администрации, перевозили гражданское население. Проведенными в Слуцком районе в апреле 1944 г. контрольными проверками было установлено, что в автомашине находились лица, не внесенные в путевку. Слуцкий гебитскомиссар в очередной раз под угрозой наказания водителей потребовал от районной администрации, чтобы подобное впредь не допускалось [17, л. 67].

Таким образом, оккупационные власти жестко контролировали порядок эксплуатации гражданским населением транспортных средств и коммуникаций, что было обусловлено военными нуждами, а также мерами безопасности, принимаемыми против диверсий партизан. Определенные послабления были сделаны только для сотрудников коллаборационной администрации.

Литература

1. Государственный архив Минской области (ГАМО). – Ф. 624. – Оп. 1. – Д. 9. Списки служащих РОА, военнопленных, приписанных к Борисовскому району, списки добровольно уехавших в Германию, списки работников райуправы, школ и др.

2. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 2073. – Оп. 1. – Д. 181. Статистические сведения о работе отделов горуправы за июль 1942 г., сметы расходов лодочной переправы, на строительство Могилевского рынка на март – сентябрь 1943 г.

3. ГАВО. – Ф. 2074. – Оп. 1. – Д. 8. Приказы бургомистра Оршанской районно-городской управы по основной деятельности, списки рабочих и служащих управы, заявления граждан о принятии на работу, удостоверения личности сотрудников управы за 1941–1942 гг.

4. ГАВО. – Ф. 2074. – Оп. 2. – Д. 51. Постановления, распоряжения, приказы начальника Оршанского округа и бургомистра Оршанской городской управы, отчет о работе финансового отдела о работе рынка в г. Орша и др.

5. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 1. – Д. 99. Постановления, приказы бургомистра Витебска.

6. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 1318. – Оп. 1. – Д. 2. Приказы по Добрушскому городскому управлению.

7. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 2149. – Оп. 1. – Д. 25. Список жителей деревень Лунинецкой волости, имеющих лодки, и переписка с Лунинецким районным управлением и сельскими старостами по учету лодок и их владельцев.

8. ГАМО. – Ф. 1539. – Оп. 1. – Д. 14. Справки на пользование велосипедами.

9. Государственный архив Гродненской области (ГАГрО). – Ф. 660. – Оп. 1. – Д. 2. Переписка со Слонимской городской управой по хозяйственным вопросам.

10. ГАГО. – Ф. 1336. – Оп. 1. – Д. 25. Указания и распоряжения волостному старосте.

11. ГАГО. – Ф. 1336. – Оп. 1. – Д. 27. Акты по изъятию велосипедов у населения Тереховской волости.

12. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 2. – Д. 111. Постановления бургомистра г. Витебска о сборах, вводимых на территории г. Витебска и волостных общин, порядке сбора подушного налога, со зрелищ, владельцев собак, квартирного налога, расписание разрядов патентов и суммы торгово-промыслового сбора, уплачиваемого при получении патента.

13. ГАМО. – Ф. 1039. – Оп. 1. – Д. 51. Приказы и распоряжения начальника управы по основной деятельности и по личному составу, рапорта и донесения волостных старшин о действиях партизан.

14. ГАМО. – Ф. 1039. – Оп. 1. – Д. 81. Переписка с райуправой по административно-хозяйственным вопросам, списки сотрудников управы.

15. ГАВО. – Ф. 2086. – Оп. 1. – Д. 9. Отношения начальника районного управления бургомистру волости и списки граждан волости.

16. ГАМО. – Ф. 1538. – Оп. 1. – Д. 51. Бюджеты и проекты бюджетов в волостях Клецкого района, заявления, справки, отношения волостных старшин в Клецкую районную управу.

17. ГАМО. – Ф. 1607. – Оп. 1. – Д. 12. Приказ коменданта округа от 13.04.1944 г. об обеспечении охраны железной дороги, переписка с окружным комиссариатом и волостными управами о розыске эвакуированных, о социальном обеспечении и др.

18. ГАМО. – Ф. 1566. – Оп. 1. – Д. 5. Переписка с Клецкой районной управой по хозяйственным вопросам и др.

19. ГАБО. – Ф. 2759. – Оп. 1. – Д. 1. Распоряжения Столинского окружного комиссариата, Давид-Городокского районного управления и переписка с Давид-Городокским сплавным участком об освобождении от наказаний сбежавших в гарнизоны полицейских, вернувшихся на место службы и др.

20. ГАВО. – Ф. 2823. – Оп. 1. – Д. 3. Распоряжения и указания Полоцкой райуправы.

21. ГАМО. – Ф. 1607. – Оп. 1. – Д. 8. Сообщение генерального комиссара Беларуси Кубе о правилах пользования железными дорогами, переписка с окружным комиссариатом и др.

22. ГАМО. – Ф. 681. – Оп. 1. – Д. 4. Приказы и распоряжения Койдановской поветовой управы.

23. ГАВО. – Ф. 2088. – Оп. 2. – Д. 1. Приказы, выписки из административных распоряжений германских властей.

24. ГАМО. – Ф. 1604. – Оп. 2. – Д. 4. Приказы и распоряжения Глусского районного управления и комендатуры, административная переписка с комендатурой и волостными управлениями.

25. ГАГрО. – Ф. 642. – Оп. 1. – Д. 10. Объявления, распоряжения окружного комиссариата о сборе цветных металлов и вербовке рабочей силы в Германию.

26. ГАБО. – Ф. 2135. – Оп. 1. – Д. 198. Дело о наложении штрафа на гражданина г. Пинска В. Владислава за нарушение правил уличного движения.

27. Государственный архив Могилевской области. – Ф. 858. – Оп. 1. – Д. 20. Приказы и распоряжения по городскому управлению Бобруйска.

Белорусский государственный аграрный
технический университет, г. Минск

Поступило 01.04.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 94(100)«1922»:341.218.2(438:470:410)

Вопрос о признании польско-советской границы и позиция Великобритании в период подготовки Генуэзской конференции 1922 г.

Е.Н. Дубровко

Статья посвящена выявлению обстоятельств постановки вопроса о международном признании польско-советской рижской границы в период подготовки конференции в Генуе 1922 г. и анализу позиции Великобритании по этому вопросу. Сделан вывод о том, что позиция Великобритании создавала предпосылки для решения этого вопроса, но разница внешнеполитических приоритетов Польши и Великобритании ставила под угрозу положительный для польской стороны характер этого решения.
Ключевые слова: польско-советская рижская граница, Великобритания, Генуэзская конференция 1922 г., международное признание, «Пакт об отказе от агрессии», Каннские условия.

The article is devoted to the circumstances of the Polish-Soviet Riga border international recognition in preparation for the conference in Genoa in 1922, and to the analysis of the position of Great Britain on this issue. It is concluded that the position of Great Britain had created the preconditions for the solution to that issue, but the difference in the foreign policy priorities of Poland and Great Britain put in jeopardy its solution in favour of Poland.
Keywords: Polish-Soviet Riga border, Great Britain, Genoa Conference of 1922, international recognition, “Pact of non-aggression”, Cannes conditions.

После окончания Первой мировой войны новую систему международных отношений – Версальскую – оформили мирные договоры между Главными союзными и Объединившимися Державами, главные роли среди которых играли Великобритания, Франция и США, с Германией и её союзниками. Тексты этих договоров, прежде всего, Версальского договора с Германией и Сен-Жерменского договора с Австрией, оговаривали новые линии границ, возникшие в результате распада Германской империи и Австро-Венгерской монархии и появления национальных государств в Центральной и Восточной Европе. Однако полностью урегулировать проблему проведения новых границ создатели Версальской системы не могли. Значительной проблемой международных отношений стало установление границ в балтийско-черноморском межморье, которые должны были обозначить западные пределы Российского государства, находившегося в состоянии острого социально-политического кризиса. В этом регионе установление границ шло путём заключения двусторонних мирных договоров, одним из которых был Рижский мирный договор, заключённый 18 марта 1921 г. между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой, и определивший линию польско-советской границы, проходившую по территориям современных Беларуси и Украины. Однако, если одна из сторон – советская – считала заключение Рижского мирного договора достаточным для установления границы и не требующим ничьих санкций [1, s. 90], то позиция польской стороны была совсем иной.

Подписывая Версальский мирный договор, Польша признала тот факт, что её границы, «не обозначенные настоящим Договором (в том числе и восточные. – *Авт.*), будут **установлены** впоследствии Главными союзными и Объединившимися Державами» (статья 87) [2, с. 41]. Однако, добившись подписания польско-советского мира в Риге в марте 1921 г., Польша начала активно ставить перед Союзными державами вопрос не об **установлении** её восточной границы, а о **признании** в качестве неё линии, зафиксированной в тексте Рижского мира. Формально это должно было сделать польско-советскую рижскую границу элементом Версальской системы международных отношений, обеспечить ей гарантию со стороны держав, подписавших оформившие её мирные договоры, и тем самым упрочить положение

Польши в системе послевоенных международных отношений. В противном случае польско-советская граница имела в глазах европейских государств статус границы «второго сорта». Яркое свидетельство тому – заявление министра иностранных дел Чехословакии Эдварда Бенеша, сделанное в январе 1921 г., о том, что «заключение мира в Риге будет нами встречено с радостью, но мы не должны забывать, что этот мир не будет подписан в Париже…» [3, с. 151]. С другой стороны, международное признание восточной границы должно было стать шагом по пути упорядочения внутриполитического и экономического положения Польши. Как отмечал в начале 1922 г. итальянский представитель в Варшаве Ф. Томмасини, «пока судьба этих земель (восточной границы Польши. – *Авт.*) не будет решена, нельзя надеяться использовать их эффективно: хозяйственные связи не налажены, дороги не налажены» [4, s. 146]. Поэтому Польша ещё в ходе рижских мирных переговоров пыталась поднять вопрос о международном признании и гарантии её восточной границы, в частности, перед английскими представителями [5, p. 626–629].

Обращение Польши именно к Великобритании было не случайным. Из числа Главных союзных Держав (после отхода США на изоляционистские позиции ключевая роль в решении международных проблем в Европе принадлежала Великобритании и Франции) именно она последовательно выступала против чрезмерного продвижения восточной границы Польши вглубь территории бывшей Российской империи. Твёрдая позиция английской делегации в решении вопроса об установлении польской восточной границы проявилась ещё в ходе Парижской мирной конференции 1919–1920 гг., оформившей итоги Первой мировой войны. Тогда польские территориальные претензии оказались в противоречии с интересами Великобритании, и восточная часть польских границ не была окончательно установлена [6, с. 7–16]. После заключения Рижского мирного договора, определившего линию польско-советской границы, Великобритания вплоть до конца 1921 г. также отказывалась от его официального признания и, соответственно, от признания рижской линии польской восточной границы [7, s. 128], [8, s. 94]. Таким образом, к концу 1921 г. перед польским министром иностранных дел Константином Скирмунтом стояла задача налаживания англо-польских отношений, необходимых для достижения международного признания польско-советской рижской границы. Благоприятная международная обстановка для решения этой задачи сложилась на рубеже 1921–1922 гг.

В 1921 г. в РСФСР обострилась проблема голода, получившая международный резонанс. В частности, с 6 по 8 октября 1921 г. заседала Брюссельская конференция с участием представителей Великобритании, Франции, Бельгии, Италии, Германии и ряда других стран, которая имела официальной целью обсуждение вопроса о помощи России в связи с голодом. Она в качестве условия предоставления кредитов для борьбы с голодом выдвинула требование о признании правительством РСФСР внешних долгов царского и Временного правительств. Это требование вызвало к жизни проект контрпретензий с советской стороны, политическая часть которых, изложенная в ноте от 28 октября, включала заключение «окончательного всеобщего мира» и признание правительства РСФСР другими державами. Для этой цели правительство РСФСР предлагало «скорейший созыв **международной конференции**, которая бы рассмотрела требования других держав к Российскому Правительству, а также требования Российского Правительства к этим державам, и выработала бы между ними окончательный мирный договор» [9, с. 447].

Идея созыва международной конференции с участием Главных союзных Держав и Советской России была поддержана премьер-министром Великобритании Д. Ллойд Джорджем. Собственно говоря, он активно отстаивал такую идею ещё в 1920 г., выдвигая проект Лондонской конференции, который так и не воплотился [10, с. 30–35.]. Теперь же в конце 1921 г., с учётом наличия уже подписанного торгового соглашения с правительством РСФСР (от 16 марта 1921 г.), одной из задач английского премьера было создание благоприятных условий для его реализации и для восстановления системы международных экономических отношений в целом. Советская сторона недвусмысленно заявляла, что таковые предполагают, прежде всего, «официальное признание Советского Правительства» [9, с. 580]. Значи-

тельным шагом по пути к нему могла стать международная конференция с участием РСФСР. В ходе Каннской встречи Союзных Держав, проходившей в январе 1922 г., Д. Ллойд Джорджу удалось убедить в необходимости её созыва французского премьера А. Бриана. В ходе этой встречи английский премьер сформулировал два принципа своего проекта так называемого «Пакта об отказе от агрессии» (дословно – Пакт о неагрессии (Non-Aggression Pact). – *Авт.*): отказ от пропаганды, подрывающей порядок и политические системы в других странах, и обязательство воздерживаться от агрессии против соседних стран [11, p. 321–332]. Они легли в основу Каннской резолюции от 6 января, предусматривавшей, что будет проведена конференция, на которую «всем государствам Европы, включая Германию, Россию, Австрию, Венгрию и Болгарию, следует предложить отправить своих представителей… Они (Союзные Державы) рассматривают такую конференцию как неотложный и существенный шаг вперёд в деле экономической реконструкции Центральной и Восточной Европы». Была разработана и её предварительная повестка дня, включавшая помимо финансовых и экономических вопросов и такие, как изучение методов реализации принципов резолюции 6 января; установление европейского мира на прочной основе; выработка существенных условий для восстановления доверия без ущерба существующим договорам. Сразу же было отправлено приглашение на такую конференцию, которая должна пройти в Генуе, правительству РСФСР [12, p. 2, 4].

Ход и итоги Каннской встречи Союзных Держав привлекли пристальное внимание Польши, изыскивавшей возможности добиться международного признания и гарантии рижской границы. С одной стороны, в ходе неё Великобритания отвергла проект англо-французского гарантийного пакта, который предусматривал в качестве одного из возможных условий его вступления в силу ситуацию, когда Польша подвергнется нападению, а Франция придёт к ней на помощь [13, с. 2]. Как отмечал польский представитель в Лондоне, «нет шансов, что Англия примет такой проект», что объяснялось господствующим в английском обществе мнением о «польском империализме» [14, s. 51–63]. То есть гарантировать рижскую польско-советскую границу, по крайней мере, отдельно от иных держав, Великобритания однозначно отказывалась. С другой стороны, план проведения международной конференции в Генуе породил в Польше представления о возможности использовать это событие для обеспечения признания и гарантии своей восточной границы. Как отмечала варшавская газета «Вечерний курьер», выдержки из которой приведены в газете «Известия», добиваться умиротворения Европы нельзя было, «не приняв во внимание интересов Польши, которая должна получить гарантии безопасности своих границ на многие годы, иначе в Польше не будет той уверенности и того спокойствия, без которых невозможно её экономическое возрождение». При этом шагом к умиротворению должно было стать «признание Советской России», которое являлось бы одновременно и **признанием границ**, установленных Рижским договором. В этих обстоятельствах «Польша может только приветствовать грандиозные планы, **выработанные в Лондоне** и развиваемые в Канн» [15, с. 1]. Обнадёживали польское министерство иностранных дел и донесения его представителя в Лондоне Я. Цехановского. Он сообщал, что глава Северного департамента британского ведомства иностранных дел (Форин офис), курирующего политику в отношении Восточной Европы, Дж.Д. Грегори назвал Генуэзскую конференцию хорошим случаем для признания Рижского мира [14, s. 109–111]. Эта информация, казалось бы, иллюстрировала совпадение позиций Великобритании и Польши по вопросу признания границы, первой ступенью к положительному решению которого должна была стать реализация английского плана конференции в Генуе, фактически зафиксированного в Каннской резолюции. Однако уже на этой первой ступени с середины января 1922 г. начали возникать **проблемы**.

Французский премьер А. Бриан, обвинённый в излишней уступчивости Д. Ллойд Джорджу, был смещён со своего поста сразу после завершения Каннской встречи. Его сменил Р. Пуанкаре, занявший гораздо более жёсткую позицию в отношении английского плана и потребовавший, как минимум, отсрочки конференции на несколько месяцев [16, p. 36]. Во главе с Р. Пуанкаре Франция стала также настойчиво добиваться подписания до начала конференции двустороннего англо-французского гарантийного пакта с включением в него уже

упоминавшегося ранее пункта о Польше. Позиция Великобритании в этом вопросе осталась неизменной: никакой речи о гарантиях польских границ идти не могло. Более того, настойчивость Франции породила у главы Форин офис Дж.Н. Керзона идею о том, что от заключения этого пакта будет зависеть жизнь министерства Р. Пуанкаре, а также о возможности использовать переговоры по этому вопросу для оказания давления на Францию [17, p. 7]. Однако, как отметил английский исследователь Эндрю Уильямс, убеждать Р. Пуанкаре в необходимости подтвердить каннские обещания его предшественника относительно международной конференции Д. Ллойд Джордж начал «в присущей ему манере», то есть «через голову Керзона» [16, p. 37].

Активную роль посредника в процессе преодоления франко-английских противоречий выполнил Эдвард Бенеш, министр иностранных дел Чехословакии, ярый сторонник укрепления международного положения Малой Антанты, включавшей также Румынию и Королевство сербов, хорватов, словенцев. Интересы блока центральноевропейских государств он сформулировал в ходе встреч 16, 17 и 20 февраля с английским премьер-министром в Лондоне. Э. Бенеш высказался за налаживание экономических и торговых связей в Европе, а в отношении России – за следование принципу взаимной экономической выгоды. Военно-политическую безопасность своего государства и всей Центральной Европы он связывал с ликвидацией противоречий между Великобританией и Францией и созданием системы гарантий, в которую будут включены Германия и Россия. «Если Франция окажется в изоляции, это будет для неё ужасно, это разделит Восточную Европу и будет реальная опасность со стороны Германии», а в случае войны страны Центральной Европы будут раздавлены [18, p. 9]. Подогрел опасения Э. Бенеша и английский премьер, не исключая более страшной ситуации, если «Россия, Германия и Великобритания выступят вместе» [18, p. 7]. Посредническая роль Чехословакии в ходе подготовки Генуэзской конференции оказалась плодотворна: к концу февраля по итогам встречи Д. Ллойд Джорджа и Р. Пуанкаре в Булони между Великобританией и Францией было в основном достигнуто соглашение об организации и проведении международной конференции в Генуе.

Помощь, которую в преодолении видимых англо-французских разногласий оказал Э. Бенеш – лидер Малой Антанты – и рост его авторитета на международной арене однозначно были не на руку Польше, видевшей в Чехословакии своего соперника в вопросе лидерства в балтийско-черноморском межморье. Более того, Э. Бенеш подчёркивал нежелание «давать России дипломатическое признание» в Генуе [19, p. 4], что, очевидно, снимало вопрос и о признании польско-советской границы, интересующий польскую сторону. Однако не учитывать рост значения Малой Антанты в канун Генуэзской конференции Польша не могла, что подвигло её для упрочения своих собственных позиций к сближению с этим блоком. Основой для сближения должно было стать их общее стремление выступать на предстоящей конференции с позиций признания неприкосновенности всех мирных договоров. Соответствующее решение было принято на встрече в Бухаресте в конце февраля 1922 г. Поэтому в начале марта Польша предложила организовать в Варшаве совещание с представителями Малой Антанты для согласования общей линии на предстоящей конференции, но натолкнулась на отказ Э. Бенеша. Чехословакия навязала такую же позицию Румынии и Королевству СХС, указывая на непрочность международных позиций Польши, в частности, напряжённость её отношений с Великобританией и Советской Россией [3, с. 212, 216]. Таким образом, заручиться поддержкой своего стремления добиться международного признания польско-советской границы со стороны Малой Антанты к началу весны 1922 г. польскому министерству иностранных дел не удалось. Более того, в лице Э. Бенеша оно встретило однозначного противника своим планам. Хотя, взяв на себя роль посредника между Францией и Великобританией, чехословацкий министр согласился на принятие более благоприятной для Польши формулы Д. Ллойд Джорджа, гласившей, что «Союзные державы будут готовы признать Россию, только если Российское правительство примет определённые условия» [20, p. 8]. Кроме того, нельзя не признать, что посредническая деятельность Э. Бенеша, поспособствовав организации конференции, создала тем самым и возможность для постановки на ней вопроса о признании польско-советской границы.

Однако не только позиция Франции создавала препятствия на пути к проведению международной конференции в Генуе. Вторая проблема исходила непосредственно от Великобритании, где она воспринималась как «дитя Д. Ллойд Джорджа» [21, p. 81] и далеко не у всех политиков вызывала такой же энтузиазм. Как главе коалиционного правительства, английскому премьер-министру необходимо было заручиться поддержкой и консервативной, и либеральной его части. Ключевые усилия в этом направлении были им предприняты в конце марта. 27–28 марта прошли встречи министров и заседания Кабинета, посвящённые выработке инструкций для английской делегации на Генуэзской конференции. В сущности, большая часть обсуждения свелась к рассмотрению вопроса о возможности признания правительства РСФСР в ходе неё. Убеждая членов Кабинета, прежде всего его консервативную часть, в важности заключения «Пакта об отказе от агрессии» и необходимости не отказываться априори от возможности признания советского правительства, Д. Ллойд Джордж использовал два основных аргумента. Во-первых, для нормализации экономической жизни необходимым условием было восстановление торговли с Россией, невозможное без установления мира в Европе и получения иностранными «торговцами какого-либо статуса в судебных органах» стран, где они ведут свою деятельность. Мира на границах советского государства с Финляндией, Польшей, Румынией не было, а он, как и согласие всех сторон на «уважение границ», мог быть гарантирован Европейским пактом [22, p. 7–8]. В пользу последнего аргумента свидетельствовали и передаваемые в правительство сводки о событиях в зарубежных странах. Так, в начале марта поступило сообщение, что Л. Троцкий в воззвании к армии и флоту обратил внимание на отсутствие уверенности в безопасности советских границ в условиях откладывания срока проведения конференции в Генуе, призывая энергичнее вести подготовку войск [23, p. 8–9]. Второй аргумент премьер-министра основывался также на сведениях, поступавших из России. Д. Ллойд Джордж заявлял, что «Ленин отходит от коммунистических принципов» и признание его правительства будет поддержкой умеренных сил в России [24, p. 5]. Делая такие заявления, английский премьер, как это видно из его более позднего выступления в парламенте (от 3 апреля), исходил из содержания некой «речи Ленина», произнесённой 1 ноября 1921 г. [25]. По-видимому, речь шла об одном из докладов В.И. Ленина, полных риторики об ошибочности предыдущей экономической политики и необходимости «встать на почву наличных капиталистических отношений», сделанных в конце октября 1921 г. [26, с. 193–213, 155–175.]. В процессе обсуждения аргументов главы Кабинета был затронут также вопрос, непосредственно интересовавший Польшу: вопрос о гарантиях территориальной целостности восточноевропейских государств со стороны Главных союзных держав. И премьер, и Кабинет однозначно признали, что «Пакт об отказе от агрессии» подобных гарантий не предполагает [22, p. 18–19]. В итоге 28 марта были утверждены инструкции британской делегации, не исключавшие возможности развития дипломатических отношений с Россией, но лишь в случае принятия последней «Каннских условий» и лишь при достижении консенсуса в этом вопросе с остальными государствами, представленными в Генуе [27, p. 2]. Таким образом, вопрос об участии английской делегации в международной конференции с сохранением потенциальной возможности признания РСФСР в правительстве Великобритании был решён положительно. Также 3 апреля Д. Ллойд Джордж добился одобрения «Каннских условий» в качестве базиса конференции в Генуе и поддержки попыток правительства по их реализации в парламенте, получив вотум доверия с численным перевесом в 295 голосов: за – 379; против – 84 [25].

Параллельно с разрешением проблем, возникавших на пути к проведению международной конференции в Генуе, и превращением её в реальную перспективу активизировалась и польская дипломатия, направленная на создание возможностей для достижения международного признания польско-советской рижской границы. Эта задача обсуждалась в комиссии польского сейма по иностранным делам 20 февраля, где прозвучали требования добиваться, чтобы «рижский договор был признан государствами, принимающими участие в конференции», и «прийти к соглашению по этому вопросу с правительством Советов». Вместе с тем, на заседании комиссии был поднят болезненный для Польши вопрос о статусе Восточной Галиции [28, с. 1]. Дело в том, что этот регион, включающий территории современных

Львовской, Ивано-Франковской и части Тернопольской областей Украины, с 1919 г. был оккупирован Польшей с санкции Главных союзных Держав, однако формально суверенитет Польши над этой территорией признан не был. Получение признания Восточной Галиции за Польшей было, соответственно, одним из составляющих вопроса о признании польско-советской рижской границы. В польском министерстве иностранных дел было известно, что в Форин офис в течение 1921 г. утвердилось мнение о необходимости оставить регион Восточной Галиции в составе Польши при условии предоставления ему автономии [29, p. 127–129, 138, 268–271, 280–281]. Однако позиция английского премьера была более сдержанной, и в Форин офис он считался противником такого варианта [29, p. 92–97]. Правда, определённое потепление наблюдалось и со стороны Д. Ллойд Джорджа. Так, в беседе с румынским премьером Таке Ионеску он заявил о готовности передать Восточную Галицию Польше «на определённых условиях» [7, s. 90–91]. Тем не менее, вплоть до середины февраля из Лондона продолжали поступать настораживающие данные о позиции Великобритании по этому вопросу на предстоящей конференции. В Форин офис польским представителям сообщали, что в Генуе лучше избегать постановки вопроса о Восточной Галиции как отдельного, так как это «опасно». Рижский мирный договор решил этот вопрос, и его признание будет равнозначно благоприятному для Польши решению восточногалицийского вопроса. Однако признавалось, что предложить поднятие этого вопроса может английский премьер, так как его планы Форин офис не известны [14, s. 117–136]. Учитывая влияние Д. Ллойд Джорджа на внешнюю политику Великобритании и очевидную ведущую роль последней на предстоящей конференции, в Польше явно возникали опасения, что вопрос о статусе Восточной Галиции может стать в ходе переговоров с РСФСР разменной монетой в руках английской делегации. Это подвигло депутатов комиссии польского сейма по иностранным делам выступать против постановки данного вопроса на конференции, а в противном случае и при решении его в форме, противоречащей польским интересам, добиваться от Франции, Чехословакии, Румынии и прибалтийских государств согласия на срыв конференции [30, с. 1]. Именно в этих направлениях попыталось действовать польское министерство иностранных дел.

Как уже отмечалось ранее, заручиться поддержкой своей позиции со стороны стран Малой Антанты к началу весны 1922 г. польскому министерству иностранных дел не удалось. Вплоть до начала конференции в Генуе лидер этого блока Э. Бенеш заявлял о готовности поддерживать лишь экономические отношения с советской стороной без её политического признания [31, с. 1]. Более плодотворным оказался прибалтийский вектор деятельности польских дипломатов. 29–30 марта прошло совещание в Риге с участием представителей Польши, Эстонии, Латвии и РСФСР. На нём соответствующие государства признали, что они готовы строго выполнять все обязательства, взятые на себя по двусторонним договорам, в том числе по Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 г., и выразили мнение, что «юридическое признание Российского Советского Правительства отвечало бы делу экономического восстановления Восточной Европы» [32, с. 173–175]. Однако этот «успех» имел неоднозначные международные последствия для Польши. В Великобритании текст Рижского протокола произвёл благоприятное впечатление, прежде всего, на премьера, начавшего пристальнее рассматривать Польшу как возможного союзника в Генуе в английском подходе к переговорам с РСФСР [33, s. 34–42]. Появление этого протокола соответствовало установке английского кабинета на то, что «принятие договоров между Польшей и Балтийскими странами, с одной стороны, и Россией – с другой, поспособствовало бы миру и восстановлению Европы [29, p. 450–451]. Во Франции же, однозначно настроенной против юридического признания РСФСР, участие Польши в подписании Рижского протокола вызвало недовольство союзницей и всплеск подозрений её в ведении двойной игры [34, с. 1]. В итоге действия польского представителя на Рижском совещании В. Йодко-Наркевича были дезавуированы [35, с. 47.], что оставило Польшу в «подвешенном состоянии» в деле поиска действенных союзников для отстаивания своих интересов в Генуе.

Последней попыткой Польши зарезервировать возможность благоприятного для себя решения вопроса о признании её рижской границы в Генуе стало посещение польским министром иностранных дел К. Скирмунтом столиц Главных союзных Держав – Парижа и Лон-

дона – в начале апреля 1922 г. В ходе пребывания в Лондоне польский министр попытался произвести максимально благоприятное впечатление как на Д. Ллойд Джорджа, так и на английскую общественность в целом, заявляя, что Польша не намерена участвовать в каком-либо новом нападении на Советскую Россию и не будет ставить препятствий общему признанию России, так как «таким признанием будет автоматически подтверждён рижский договор» [36, с. 4]. Судя по отчёту о визите К. Скирмунта, представленному в Варшаву польским представительством в Лондоне, он поспособствовал удачному для Польши изменению позиции Великобритании, особенно английского премьера, «ищущего союзника в Генуе» [33, s. 36–38]. Благоприятным для реализации польских задач на предстоящей конференции было также содержание текста меморандума Форин офис по проблеме договоров с Россией, представленного в английское правительство в то же время. В нём указывалось, что во внешнеполитические интересы Великобритании вполне вписывается признание Рижского мирного договора 1921 г. Оно позволяло реализовать право союзников на определение восточных границ Польши и сделать шаг к определению международного статуса Восточной Галиции, так как предполагало передачу её Польше [37, p. 288–296]. Тем не менее, в ходе встречи с польским министром английский премьер проявил значительную сдержанность, не отрицая возможности дебатов по вопросу границ Польши в ходе конференции [38, s. 168–169].

Таким образом, к середине весны 1922 г. в ходе подготовки к конференции в Генуе преимущественно стараниями польских дипломатов на международном уровне был обозначен вопрос о признании, прежде всего, Главными союзными Державами польско-советской границы, описанной в тексте Рижского мирного договора от 18 марта 1921 г. На положительное для Польши решение этого вопроса позволяла надеяться позиция Великобритании, в частности, фактическая готовность ее премьер-министра к рассмотрению вопроса о юридическом признании советского правительства России, которое должно было повлечь и признание польско-советской рижской границы. Вместе с тем, учитывая разницу во внешнеполитических приоритетах: для Польши – признание её границ, для Великобритании – поиск путей для стабилизации ситуации в Восточной Европе как фундамента для развития международных экономических связей с включением в них РСФСР, эти страны не могли выступить союзницами в вопросе признания рижской границы. Со стороны Польши сохранялись опасения, что линия польско-советской границы может стать одним из предметов торга между английской и советской сторонами в ходе поиска путей для достижения компромисса на конференции в Генуе.

Литература

1. Kumaniecki, J. Uznanie wschodniej granicy Polski przez Radк ambasadoryw / J. Kumaniecki // Kwartalnik historyczny. – 1969. – № 1. – S. 73–92.

2. Мирный договор между Союзными и Объединившимися Державами и Германией и Протокол, подписанные 28 июня 1919 г. // Версальский мирный договор. Итоги империалистической войны. Серия мирных договоров / редкол.: Ю.В. Ключников [и др.]. – М. : Издание Литиздата НКИД, 1925. – С. 3–176.

3. Языкова, А.А. Малая Антанта в европейской политике 1918–1925 гг. / А.А. Языкова. – М. : Изд-во «Наука», 1974. – 330 с.

4. Tommasini, Fr. Odrodzenie Polski / Fr. Tommasini. – Warszawa : Nakiadem ksigarni F. Hoesicka, 1928. – 364 s.

5. Documents on British Foreign Policy. 1st Ser. / ed. by R. Butler [and others] (DBFP). – Vol. 11. – London : Her Majesty's stationary office, 1961. – 789 p.

6. Дубровко, Е.Н. Польские территориальные претензии в Восточной Европе и политика Великобритании (конец 1918–1919 гг.) / Е.Н. Дубровко // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – № 4(49). – 2008. – С. 7–16.

7. Archiwum akt nowych (AAN). – Zespyi 463. – Sygn. 58.

8. AAN. – Zespói 503. – Sygn. 584.

9. Документы внешней политики : в 24 т. / Ком. по изданию дипломатических документов при МИД СССР. – М., 1957–2000. (ДВП) – Т. 4: 19 марта 1921 г. – 31 декабря 1921 г. / Л.С. Гапоненко [и др.]. – М. : Гос. изд. полит. литературы, 1960. – 836 с.

10. Дубровко, Е.Н. Британские посреднические инициативы в ходе польско-советской войны (июль 1920 г.) / Е.Н. Дубровко // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. / РИВШ. – Минск, 2009. – Вып. 8(13). – Ч. 1. – С. 30–35.

11. Saxon Mills, J. The Genoa Conference / J. Saxon Mills. – London : Hutchinson & Co, 1922. – 436 p.

12. Resolutions adopted by the Supreme Council at Cannes, January, 1922, as the Basis of the Genoa Conference / His Majesty's stationary office. – London, 1922. – 7 p.

13. За границей. Антанта. К договору о гарантиях // Известия. – 12 января 1922 г. – № 8(1447). – С. 2.

14. AAN. – Zespói 463. – Sygn. 59.

15. К признанию Советской России. Интересы Польши // Известия. – 15 января 1922 г. – № 11(1450). – С. 1.

16. Williams, Andrew. The Genoa conference of 1922: Lloyd George and the politics of recognition // Genoa, Rapallo, and European Reconstruction in 1922 / edited by Carole Fink, Axel Frohn, Jürgen Heideking. – Cambridge university Press, 1991. – P. 29–48.

17. The anglo-french agreement. Memorandum by the secretary of state for foreign affairs. February 17, 1922 // The National Archives (The NA) [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers. – Date of access : 21.09.2012.

18. Memorandum of a conversation, held in the Prime Minister's room, House of commons, on Friday, February 17, 1922, at 11 a. m. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers. – Date of access : 21.09.2012.

19. Memorandum of a conversation at 10, Downing street, London, S.W. on Thursday, Feb. 16th, 1922 at 12 noon // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers.– Date of access : 21.09.2012.

20. Memorandum of a meeting held at 10, Downing str., London, S.W. on Monday, February 20th, 1922 at 7-30 p. m. // The Cabinet Papers 1915–1982 // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers. – Date of access : 17.01.2013.

21. Sylvester, A. The real Lloyd George / A. Sylvester. – London – Toronto – Melbourne – Sydney : Casselland Company LTD, 1947. – 322 p.

22. Conclusions of a Conference of Ministers held in the Lord Privy Seal's Room, House of Commons, on Monday, 27, March 1922, at 6-50 p. m. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers. – Date of access : 21.09.2012.

23. Foreign countries report № 64, 8th March 1922 // The NA [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers.– Date of access : 21.10.2011.

24. Conclusions of a Conference of Ministers held, at 10, Downing street, on Tuesday, March 28th., at 11 a. m. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers. – Date of access : 21.09.2011.

25. Vote of confidence. House of Commons debates 03 April 1922 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/commons/1922/apr/03/vote-of-confidence. – Date of access : 10.02.2013.

26. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. – М. : Изд-во полит. литературы, 1967–1975. – Т. 44: июнь 1921 – март 1922 гг. – 1970. – 725 с.

27. Conclusions of a Meeting of the Cabinet, held at 10, Downing Street, S.W., on Tuesday, 28th, March 1922 at 12 noon // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers. – Date of access : 21.09.2011.

28. К общей мирной конференции. Польша готовится // Известия. – 22 февраля 1922 г. – № 42(1431). – С. 1.

29. DBFP. – Vol. 23. – London : Her Majesty's stationary office, 1981. – 1026 p.

30. К общей мирной конференции. Польша готовится // Известия. – 22 февраля 1922 г. – № 42(1431). – С. 1.

31. К общей конференции. Позиция Чехословакии // Известия. – 4 апреля 1922 г. – № 76(1515). – С. 1.

32. ДВП. – Т. 5: 7 января 1922 г. – 19 ноября 1922 г. / А.Е. Богомолов [и др.]. – М. : Гос. изд. полит. литературы, 1961. – 808 с.

33. AAN. – Zespói 463. – Sygn. 60.

34. К общей мирной конференции. Недовольство Франции Польшей // Известия. – 7 апреля 1922 г. – № 79(1518). – С. 1.

35. Почс, К.Я. «Санитарный кордон»: Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921–1929) / К.Я. Почс. – Рига : Знание, 1985. – 176 с.

36. За границей. Польша. Заявление Скирмунта // Известия. – 9 апреля 1922 г. – № 80(1519). – С. 4.

37. DBFP. – Vol. 19. – London : Her Majesty's stationary office, 1974. – 1060 p.

38. Nowak-Kieibikowa, M. Konstanty Skirmunt: polityk i dyplomata / M. Nowak-Kieibikowa. – Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 1998. – 368 s .

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 01.04.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 94:378.4(476.2)«198»

Деятельность Гомельского государственного университета в годы «перестройки» (по материалам заседаний Учёного Совета ГГУ второй половины 1980-х гг.)

А.И. Зеленкова, М.П. Савинская

В статье освещаются основные этапы деятельности Гомельского государственного университета в годы «перестройки» (вторая половина 1980-х гг.). Анализируются различные направления работы вуза в условиях начавшегося реформирования высшей школы. Источниками для написания статьи являются протоколы заседаний Учёного Совета университета, хранящиеся в фондах Архива учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Ключевые слова: образование, университет, учебная работа, «перестройка», реформа, преподаватели, студенты.

The main stages of F. Scorina Gomel State University activity within the years of perestroika (the late 1980s) are dealt with in the article. Different spheres of the University's activity are analyzed under high school reformation period. The basic sources for the article are University's Scientific Council decisions stored in the funds of the Archive of F. Scorina Gomel State University.
Keywords: education, university, educational work, "perestroika", reform, lecturers, students.

Важным этапом в осмыслении ситуации, которая сложилась в СССР к весне 1985 г., был курс на ускорение социально-экономического развития. Руководство страны предпринимало попытки разработать систему мер для решения накопившихся проблем во всех сферах жизни общества. XXVII съезд КПСС (февраль-март 1986 г.) явился рубежом, после которого наметились важные перемены в трактовке преобразований. Формула ускорения наполнялась новым содержанием, проводилась мысль о необходимости более комплексного и глубокого реформирования. В мае-июле 1986 г. термин «ускорение» постепенно вытеснялся понятием «перестройка». Раскрывая его, Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачёв подчеркивал, что перестройка охватывает не только экономику, но и социальные отношения, политическую систему, духовно-идеологическую сферу, стиль и методы работы партии, всех кадров. Он поставил знак равенства между перестройкой и революцией, подчеркнув, что «перестройка – процесс, который будет протекать в рамках определенного исторического периода». Руководство СССР считало, что интеллигенция и молодёжь – социальные группы, интеллектуальный потенциал и динамизм которых поможет осуществить задуманные масштабные реформы. Активно поддержали начавшиеся в стране перемены педагогические коллективы и студенты вузов СССР и БССР.

Архивные документы Гомельского государственного университета (протоколы заседаний Учёного Совета, отчёты и доклады руководителей структурных подразделений) свидетельствуют, что во второй половине 1980-х гг. в вузе постепенно осуществлялись изменения в учебно-воспитательном процессе и научно-исследовательской деятельности, соответствовавшие преобразованиям, происходившим в стране в годы перестройки. В 1986 г. были разработаны пятилетние планы развития вузов в соответствии с принятыми на XXVII съезде КПСС и XXX съезде КПБ решениями в сфере образования.

В начале 1986/1987 учебного года на заседаниях Учёного Совета ГГУ рассматривались вопросы об участии коллектива преподавателей и сотрудников в намеченных преобразованиях. Например, в октябре 1986 г. обсуждалась работа факультетов вуза по укреплению творческих связей с отраслями народного хозяйства и заключению долговременных договоров о сотрудничестве. В выступлении проректора по учебной работе Л.А. Шеметкова отмечалось, что в результате проделанной в этом направлении работы в университете были открыты научные подразделения. Особенно интенсивно эту работу проводил физический фа-

культет. Кроме того, Академия наук БССР подписала договоры о научно-техническом сотрудничестве с математическим, биологическим, геологическим и историко-филологическим факультетами. «В связи с реформой высшей школы, перестройкой народного хозяйства необходимо всем факультетам, ведущим подготовку педагогических кадров, начать работу по заключению договоров с облоно, утвердив их в министерстве. Однако договоры мы заключаем, а министерство заявки не даёт или их сокращает. Физики на 1987 г. заключили договоры на 109 человек, а по плану вуз получил только 39 мест. Иногда предприятия сокращают заявки несмотря на то, что договоры заключены и утверждены Минвузом СССР и согласованы с Госкомитетом СССР, поскольку эти договоры не носят силу закона для предприятий, у них нет юридической ответственности за их выполнение. Предприятия живут сегодняшним днём, прямая связь с предприятиями накануне распределения выпускников оказывается надёжнее, чем долгосрочные договоры. Но министерство не приветствует прямую связь. Введение системы частичной оплаты создаст базу для заключения договоров» [1, л. 30].

13 марта 1987 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановления «О мерах по улучшению подготовки и использования специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве» и «О мерах по улучшению подготовки и использования научно-педагогических и научных кадров». Министерства образования СССР и БССР дали указание руководству вузов рассмотреть и разработать мероприятия по их выполнению. Ректор университета Б.В. Бокуть ознакомил членов Учёного Совета ГГУ с обращением министра высшего и среднего специального образования СССР Г.Я. Ягодина к преподавателям вузов страны, в котором содержался призыв активно содействовать перестройке высшей школы, утверждать новые начала в её работе [2, л. 1]. На заседаниях Учёного Совета Борис Васильевич Бокуть подчёркивал, что в современных условиях «качество подготовки студентов будет определять всю нашу работу», и факультетам необходимо постоянно совершенствовать учебно-методическую работу, переработать рабочие программы по учебным дисциплинам. В годы перестройки большое внимание уделялось преобразованиям в экономике, принимались специальные документы по подготовке специалистов экономического профиля, поэтому Учёный Совет ГГУ с 1986 г. неоднократно обсуждал работу экономического факультета. Так, 27 ноября 1986 г. на заседании Учёного Совета декан факультета В.Д. Арещенко выступил с информацией о подготовке кадров для системы Госагропрома СССР: «По направлениям колхозов и совхозов принято 26 абитуриентов (9 женщин, а остальные – ребята, отслужившие армию и отработавшие несколько лет в колхозах). Им трудно даётся математика, иностранный язык, но наша задача – сохранить их. Несмотря на указание обкома партии, 7 из 26 студентов стипендии хозяйства не выплачивают, хотя направления им дали. Кадровики из Агропрома заявили, что им экономисты не нужны. Как распределять этих выпускников, ведь направление юридической силы не имеет и хозяйство, выдавшее его, никакой ответственности не несёт» [3, л. 52]. 26 ноября 1987 г. на заседании Учёного Совета рассматривался вопрос о работе экономического факультета по выполнению решения коллегии Минвуза СССР и бюро отдела экономики академии наук СССР от 13.02.1987 г. «О состоянии и мерах по перестройке подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров, научных исследований в области экономики в свете радикальной реформы хозяйственного управления». Было отмечено, что проведена значительная работа по совершенствованию учебного процесса. Проведена корректировка рабочих программ с учётом проблематики радикальной реформы управления и хозяйственного механизма, переработаны учебные курсы, «учитывая связь с жизнью», усилена проблемность лекций, расширено использование на старших курсах деловых игр. В оперативном порядке для студентов выпускных курсов был введён спецкурс «Хозяйственный механизм деятельности предприятия». Часть учебных занятий проводилась непосредственно на предприятиях (ПО ЗИП, ПО «Гомсельмаш», химзавод и др.) с целью овладения студентами современными методами и средствами интенсификации экономической работы. Большое количество студентов привлекалось к выполнению госбюджетных тем, к работе в научных кружках. Как утверждал заместитель декана Н.В. Герасимчик: «На факультете неуклонно и последовательно утверждаются принципы демократизма, коллективности и гласности. Шире привлекаются и участвуют студенты, студенческий актив в

совершенствовании учебного процесса. По предложению студентов-экономистов на факультете проводится эксперимент по уплотнению рабочего учебного времени путём организации непрерывных 80-минутных занятий, что высвобождает в день 1 час для самоподготовки, общественной работы. Студенты работают в совете факультета, учебно-методической и стипендиальной комиссиях» [4, л. 64]. Руководство университета акцентировало внимание на проблемы, возникшие в связи с перестройкой в экономике. Ректор подчёркивал: «Заключение договоров – вопрос больной и для нас, и для отраслей. Непросто будет добиваться этого, когда предприятие работает на хозрасчёте. Мы готовим две группы для сельского хозяйства для своей области, они нигде не узаконены. Если мы обратимся в Агропром, возникнут вопросы: есть специальные вузы – Минский институт народного хозяйства, сельскохозяйственная академия в Горках, Гродненский сельскохозяйственный институт. Нужно делать что-то важное, вводить новые спецкурсы. Вряд ли будем находить сбыт. Нужно доказывать в Агропроме, что наш специалист нужен. Мы сейчас даже не знаем перечня специальностей по экономике. Мы как-то вели разговор с Министерством сельского хозяйства, чтобы готовить ОМОЭИ-стов для сельского хозяйства. Если меньше 5 чел., то договор не заключается. Вопрос важный не только для экономического факультета, но и для других. Можно эти договоры заключать с предприятиями и организациями из других республик (регионов), абитуриентов нужно набирать из тех регионов, для которых мы готовим специалистов». Проректор университета Л.А. Шеметков отмечал, что необходимо заключать договоры «вуз – предприятие», так как предприятиям вместо денег за подготовку специалистов «разрешается передавать нам оборудование с вычетом этой суммы. Это очень важно, так как 3 тыс. руб. перечисляются за выпускника из отраслевого министерства в наше, и нам может ничего и не попасть» [4, л. 67–68]. Преобразования по подготовке студентов на экономическом факультете неоднократно обсуждались в изучаемый период на заседаниях Учёного Совета ГГУ.

В апреле 1986 г. произошла авария на Чернобыльской АЭС, которая непосредственно отразилась на всех сферах жизни Гомельщины. ГГУ уже в первые месяцы после катастрофы включился в изучение её последствий. На биологическом факультете с 1986/1987 учебного года был введён курс радиобиологии, часть студентов прошли производственную практику в радиологическом институте. Началось строительство вивария, где планировалось создать радиобиологическую лабораторию [3, л. 54].

В годы перестройки Министерство образования СССР выступало с инициативами проведения различных преобразований. Например, в декабре 1987 г. был издан приказ, подписанный министром Г.Я. Ягодиным, о создании региональных центров высшей школы. Основная задача центров – создание межвузовской инфраструктуры на базе совместного объединения вузов, повышение эффективности вузовской науки, улучшение условий труда и отдыха, организация совместных подразделений (межвузовских кафедр и факультетов) для обслуживания учебного процесса и научных исследований. В числе 18 городов СССР был назван и Гомель. Ректор ГГУ отмечал, что Минвузу поручено составить положение о региональном центре и его уставе, а нам необходимо дать свои предложения. В связи с этим университет должен продолжить генеральный план застройки от Ново-прудковской улицы до поймы реки Сож. Факультетам и кафедрам подготовить свои предложения о том, «что мы должны строить – научные подразделения, соцкультбыт и другие объекты, связанные с региональными условиями нашего университета» [5, л. 54]. Однако процессы, начавшиеся в СССР на последнем этапе перестройки, не позволили реализовать данный проект.

Первые итоги деятельности Гомельского государственного университета в условиях проводившихся кардинальных изменений в социально-экономической и общественно-политической жизни СССР были подведены проректором по учебной работе Л.А. Шеметковым на расширенном заседании Учёного Совет университета 30 августа 1988 года. В своём выступлении Леонид Александрович подчёркивал, что 1987/1988 учебный год «прошёл под знаком перестройки, причём приметы её были довольно неожиданны. С одной стороны, шёл довольно густой поток всевозможных нормативных документов Комитета по народному образованию СССР. С другой стороны, а лучше сказать параллельно, в университет зачастили комиссии по изучению того, как идёт перестройка. Причём комиссий было много (в один

месяц одновременно работало пять комиссий) и разного уровня – от районного до союзного. В целом выводы всех комиссий были удовлетворительными. Одним из главных пожеланий проверяющих было: сделать так, чтобы вопросы перестройки, её ход периодически обсуждались в коллективе студентов и преподавателей университета. Необходимо понять, что перестройка – это не просто улучшение, а, прежде всего, качественное изменение характера и содержания деятельности, основанной на новой психологии отношения к своему делу. Мы должны не просто выполнять нашу работу, но и по-новому учиться оценивать и её содержание, и конечные цели» [6, л. 12].

Важным преобразованием в высшей школе в годы перестройки было привлечение студенческой молодёжи к решению текущих вопросов учебно-воспитательной и научно-исследовательской работы вузов. В соответствии с приказом Минвуза СССР «О расширении студенческого самоуправления» в состав Совета университета предусматривалось избрание 25% студентов. Вопрос об участии студентов в управлении университетом на расширенном заседании Учёного Совета рассматривался одним из первых. В докладе Л.А. Шеметкова было отмечено: «В совете университета 13 студентов, в факультетских советах – от 3 до 6 студентов. Однако в работе советов активность студентов ещё невысока. Что это: недостаток работы или недостаток системы? Может ли студент быть достаточно компетентен как член совета? Не превратится ли право студента принимать участие в управлении вузом в скучную и ненужную обязанность? Не лучше ли предоставлять право студентам самим решать, в каких заседаниях совета они должны принимать участие, и именно в этих случаях обеспечивать представительство студенчества в размере 1/3 от числа членов совета. В вопросе студенческого самоуправления немало белых пятен. У нас нет ещё общежитий, переведённых на полное самоуправление. И причина здесь не в нежелании, а в отсутствии правовых норм. У нас нет пока именных стипендий учёного совета университета, которые мы имеем право вводить по приказу Минвуза СССР в размере до 90 рублей». Проректор затронул вопрос анкетирования «преподаватель глазами студента» и предложил проводить анкетирование преподавателей «лишь по требованию студентов» [6, л. 12–13].

Во второй половине 1980-х гг. вузы предпринимали попытки усовершенствовать учебный процесс, внедряли новые формы деятельности. Например, в ГГУ была уменьшена недельная загрузка студентов, сокращено количество лекций и организована самостоятельная работа студентов под контролем преподавателя. Однако, как отмечал Л.А. Шеметков, работа в этом направлении тормозилась острым дефицитом аудиторного фонда, отсутствием методического обеспечения и современной множительной техники. Критические замечания по организации самостоятельной работы студентов в университете были указаны и в справке комиссии Гособразования СССР: «На большинстве факультетов университета сокращённые часы переводятся на самостоятельную работу. Часы самостоятельной работы вносятся в расписание и, как правило, являются обязательными для студентов. Студенты высказываются против такой самоподготовки под контролем преподавателя и предлагают использовать эти часы для контрольных мероприятий и собеседований. Существующие в университете формы организации самостоятельной работы не дают ожидаемой эффективности на практике. Кафедры общественных наук провели перераспределение лекционных часов в пользу семинарских занятий в незначительном объёме или вообще отказались от такого перераспределения. На факультетах, как правило, отсутствуют спецкурсы по выбору, в том числе и по общественным наукам» [6, л. 14].

На ежегодной общеуниверситетской учебно-методической конференции также высказывались предложения по улучшению учебно-воспитательного процесса: выработать комплекс контрольных мероприятий по дисциплине, выполнение которых гарантирует студенту, по меньшей мере, удовлетворительную оценку на экзамене; провести тестирование первокурсников с целью выявления уровня их подготовки и необходимости компенсирующего обучения; организовать межсессионные аттестации студентов межкафедральной комиссией (включая контрольные работы); ввести теоретический экзамен по специальности на предзащите дипломной работы и разрешить написание дипломных работ лишь наиболее подготовленным и хорошо успевающим студентам; создать в читальном зале фонд магнитофонных записей лекций.

Преобразования затронули и такие направления работы вузов, как приём абитуриентов и выпуск специалистов. Так, Л.А. Шеметков подчёркивал, что ректорату университета не удалось добиться осуществления регионального конкурса в соответствии с заключёнными договорами на подготовку специалистов. «Отчасти это связано с тем, что наше министерство находилось в стадии переформирования. В будущем учебном году мы постараемся убедить министерство народного образования СССР в необходимости осуществления целевого регионального приёма на конкурсной основе. Требует своего решения и вопрос о раздельном конкурсе для городских и сельских выпускников школ – в соответствии с потребностью в учителях». В докладе проректор обратил внимание и на качество подготовки выпускников. В 1988 г. 37 выпускников ГГУ получили дипломы с отличием (в 1987 г. – 21), на «отлично» защитили дипломные работы 41% выпускников дневного отделения и 31,3% заочного (в 1987 г. – соответственно 38,2% и 25,8%). Рекомендовано к внедрению дипломных работ 20,6% (в 1987 г. – 18,2%). «Эти цифры имеют характер косвенного фильтра». Укрепились связи с производством, создан учебно-научно-производственный комплекс «Гомельский государственный университет – Гомельский политехнический институт – предприятия Минрадиопрома СССР», успешно работает факультет повышения квалификации для промышленных предприятий, заключены договоры на подготовку специалистов, охватывающие 100% выпускников университета. До ноября 1988 г. предприятия должны перечислить на счёт министерства по 3 тыс. рублей за каждого нашего выпускника, направленного в производственную сферу. Гособразование СССР разрабатывает новое положение об аттестации выпускников вузов на заключительном этапе обучения. В проекте этого положения предлагалось не менее 70% состава ГЭК комплектовать из ведущих специалистов отраслей, их предприятий – основных заказчиков кадров данного профиля, представителей научных учреждений, профессиональных обществ, творческих союзов, ведущих учёных и специалистов родственных вузов. Предлагалось, что оплата внешних членов ГЭК будет осуществляться за счёт средств вузов или отраслей народного хозяйства. По мнению Л.А. Шеметкова, такая система представляет «Вавилонскую башню!». Это наглядный пример того, как право превращается в обязанность, кроме того, это приведёт к значительному расходу средств вуза. Выпускные комиссии должны комплектоваться лишь преподавателями данного вуза, а предприятиям-заказчикам предоставить право принимать участие в создании фонда экзаменационных заданий» [6, л. 16, 17].

Выступая на расширенном заседании Учёного Совета университета, Л.А. Шеметков познакомил педагогический коллектив с программой развития высшей школы на Гомельщине и подчеркнул, что университету предстоит аттестация. «К аттестации надо серьёзно готовиться. Нам не будет страшна никакая аттестация, если удастся вывести перестройку в сферу жизненных интересов каждого конкретного человека – преподавателя, студента, научного сотрудника. Необходимо искать стимулы для ускоренного движения вперёд и беспощадно бороться с новой бюрократией в народном образовании» [6, л. 19].

Значительные усилия в годы перестройки были направлены на пробуждение общества, повышение активности всех заинтересованных в обновленческих процессах. Новый план преобразований был озвучен на январском (1987) пленуме ЦК КПСС. Принципиально новым в нем было то, что основное внимание концентрировалось не только на изменениях в экономике, но и на преобразованиях политической системы, которые в итоге должны были дать мощный импульс социально-экономическому и духовному развитию общества. Курс на проведение политики гласности стимулировал пробуждение общественной активности, формирование инициативного социального поведения. Началась самоорганизация общества, проявившаяся в так называемых «неформальных» движениях. Во многих городах стали появляться дискуссионные клубы, самодеятельные объединения и группы, прежде всего интеллигенции и молодежи. На заседаниях Учёного Совета ГГУ впервые начали обсуждать вопросы о работе с неформальными объединениями в 1988 году. Например, в ноябре проректор Л.А. Шеметков отмечал: «В настоящее время идёт процесс демократизации нашего общества, и там, где не проводится воспитательная работа и дело пущено на самотёк, возникают нежелательные конфликтные ситуации. Работа с неформальными объединениями требует от нас и студентов хороших знаний Положения о порядке организации и проведения собраний,

митингов, уличных шествий и демонстраций, которое необходимо через нашу газету довести до всего коллектива преподавателей, учебно-воспитательного персонала и студентов. Следует отметить, что наши студенты хорошо знают свои права и плохо обязанности. 17 ноября инициативная группа студентов без соответствующего разрешения решила организовать шествие студентов по примыкающим к университету городским улицам. 16 ноября в учебных корпусах и общежитиях были вывешены объявления, и только тогда мы узнали о предстоящих мероприятиях. Студенты обязаны знать, что любые мероприятия, проводимые неформальными объединениями, санкционируются деканом, если организуются на факультете, и ректором при проведении встреч между факультетами» [7, л. 75–76].

В конце 1980-х гг. в истории Гомельского государственного университета произошли знаменательные события. По ходатайству Учёного Совета в 1988 г. Совет Министров БССР (постановление от 29 ноября 1988 г.) принял решение о присвоении Гомельскому государственному университету имени Франциска Скорины [8, с. 21]. Впервые за годы существования нашего университета на расширенном заседании Совета университета 19 сентября 1989 г. на должность ректора был избран Леонид Александрович Шеметков, известный математик, создатель и руководитель нового перспективного научного направления и математической школы.

Изучение архивных документов свидетельствует, что годы перестройки были важным этапом в развитии Гомельского государственного университета. Педагогический коллектив, сотрудники и студенты в целом поддерживали начавшиеся в стране преобразования, иногда оценивая их критически. Многие проекты, обсуждавшиеся в эти годы на Учёном Совете вуза, были реализованы в конце XX – начале XXI века.

Литература

1. Протокол № 3 заседания Учёного Совета Гомельского государственного университета от 23 октября 1986 года // Архив учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины». – Дело 1548.

2. Протокол № 1 заседания Учёного Совета Гомельского государственного университета от 29 августа 1987 года // Архив учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины». – Дело 1670.

3. Протокол № 4 заседания Учёного Совета Гомельского государственного университета от 27 ноября 1986 года // Архив учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины». – Дело 1548.

4. Протокол № 5 заседания Учёного Совета Гомельского государственного университета от 26 ноября 1987 года // Архив учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины». – Дело 1670.

5. Протокол № 8 заседания Учёного Совета Гомельского государственного университета от 25 февраля 1988 года // Архив учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины». – Дело 1670.

6. Протокол № 1 заседания Учёного Совета Гомельского государственного университета от 30 августа 1988 года // Архив учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины». – Дело 1763.

7. Протокол № 4 заседания Учёного Совета Гомельского государственного университета от 24 ноября 1988 года // Архив учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины». – Дело 1763.

8. Зеленкова, А.И. Страницы истории Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины / А.И. Зеленкова, М.П. Савинская // Известия Гомельского государственного университета. – 2009. – № 5(56). – С. 18–23.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 01.04.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 94:340(430-11)[04/20]

История распространения Любекского городского права на землях Центральной и Восточной Европы в позднее Средневековье и раннее Новое время

О.Б. Келлер

Статья предлагает вниманию читателей обзор распространения и применения одного из пяти различных компонентов немецкого права, распространённых в Центральной и Восточной Европе в период Средневековья и Нового времени, – Любекского городского права. Первый раздел статьи посвящён Любекской семье городского права. Во втором разделе содержится информация о происхождении Любекского городского права и записи его рукописей. В третьем разделе перечислены отличия Любекского городского права от Магдебургского. В четвёртом разделе статьи указаны общие тенденции распространения Любекского городского права. В пятом, заключительном, разделе статьи рассматриваются источники Любекского городского права.
Ключевые слова: Любекское городское право, Городской совет Любека, Любекские Статуты, четыре отличия Любекского права от Магдебургского, источники Любекского городского права, права города, распоряжения (Burspraken), судебные решения Совета, документы купеческих объединений, цеховые уставы, казначейские книги, списки податей, завещания, хроники.

The article highlights dissemination and enforcement of Lübeck urban law (Lübisches Stadtrecht). The Lübeck urban law is one of the five various components of the German law which was disseminated in Central and Eastern Europe during the Middle Ages and the Era of Modernity. The article is structured as follows. Section 1 is devoted to the Lübeck branch of urban law. Section 2 is addressed to some important information about the origin of the Lübeck urban law and the creation of its manuscripts. In Section 3, the Lübeck urban law is compared to the Magdeburg one and the differences between them are identified. In Section 4, we derive a set of trends of the Lübeck urban law dissemination. Section 5, the last one, takes a close look at the sources of the Lübeck urban law.
Keywords: Lübeck urban law, Lübeck Town Council, Statutes of Lübeck, four differences between Lübeck Law and Magdeburg Law, sources of Lübeck urban law, rights of town, (Burspraken) arrangements, legal decisions of Town Council, documents of merchant associations, rules of guilds, treasury books, rolls of taxes, testaments, chronicles.

Значимую роль в развитии средневекового немецкого права сыграло «право городов». Большинство немецких исследователей (Вильгельм Эбель [1, с. 9], Герхард Дильхер [2, с. 49], Карл Крёшель [3, с. 281–282] и др.) полагают, что формирование института городского права в самой Германии приходится на XII век. Некоторые же исследователи, например Хайнер Люк, подчёркивают, что средневековые немецкие города уже в XI веке постепенно начинают выделяться из общего правового порядка, однако, как сравнительно самостоятельная группа городское право начинает контрастировать с ленным правом лишь с середины XIII века [4, с. 25].

Право нескольких ведущих городов широко заимствовалось другими. Это происходило по причине того, что нормы права «материнского» города или решения его судов направлялись в суды «дочерних». Причём исключительно в соответствии с просьбами последних. Так, в Германии к основным «семьям» городского права в первую очередь следует относить Магдебургское, Любекское и Нюрнбергское городские права.

Целью данной статьи является рассмотрение Любекского городского права, Любекской семьи городского права, его источников, а также географической зоны действия последнего на землях Центральной и Восточной Европы в периоды Средневековья и Нового времени.

Проблематике исследования Любекского городского права посвящено много книг и научных статей, но, как правило, в зарубежной историографии. В XIX веке Любекскому праву в Померании была посвящена работа Густава фон Вильмовского [5]. В XX веке изучением

Любекского городского права весьма продуктивно занимался Вильгельм Эбель [6], [7]. Он же является создателем брошюры, посвящённой распространению не только Любекского и Магдебургского городских прав восточнее Германии, но и средневекового сборника XIII века «Саксонского Зерцала» [1]. В XXI веке проводился ряд конференций, посвящённых рассмотрению самых разных аспектов из истории Любекского права: это и конференция, которая прошла в Ростоке летом 2005 года. Доклады выступивших на ней учёных были опубликованы несколько позднее [8]. И интернациональная конференция под названием «Магдебургское и Любекское право – основа новой Европы», которая прошла осенью того же 2005 года, с 23 по 25 ноября, в здании Магдебургского культурно-исторического музея. На ней были представлены результаты исследований как Магдебургского городского права, так и Любекского. Доклады, сделанные специалистами не только из Германии, но и из Восточной Европы, были опубликованы четыре года спустя [9]. И многие другие.

Однако, русскоязычная историография обходит стороной Любекское городское право. Она затрагивается косвенно и лишь тогда, когда речь идёт о городах Ганзейского союза. Поэтому целью данной статьи является ознакомление именно русскоязычного читателя с Любекской семьёй городского права, с происхождением Любекского городского права и записью его рукописей, с отличиями Любекского городского права от Магдебургского, его источников, с общими тенденциями распространения Любекского городского права, а также с его источниками.

1. Любекская семья городского права. Любекское городское право – право Вестфалии саксонской правовой семьи. Любекская семья городского права – вторая по масштабам после Магдебургской.

Свыше семи столетий, с XII до начала XX века, Любекское право прочно удерживалось не только в Любеке, но и в многочисленных других городах, принявших и живущих по нормам этого права. Одной из главных областей влияния Любекского права была область частного права. После 1 января 1900 года, согласно «Германскому гражданскому уложению» 1896 года (БГБ), практически полностью было унифицировано частное право германской империи и ликвидированы территориальные и городские права земель. Значительная часть Любекского права оставалась за пределами империи, получив в своих восточных так называемых «правовых колониях» (в городах Ревель, Гапсаль, Везенберг и Нарва) название «Эстонского городского права» силой действия вплоть до 1940 года. Реально элементы Любекского права вошли в БГБ, например, такой правовой институт, как основной долг, обязательство; и в Имперский торговый кодекс 1897 года (ХГБ) [6, с. 7].

Самые старые тексты городского Любекского права, написанные на латыни и относящиеся к периоду приблизительно с 1230 по 1263 гг., содержат каждый около 90 статей. На сегодняшний день сохранилось восемь таких текстов и их фрагментов. С 1270 года запись производится уже на нижненемецком диалекте Северной Германии. Количество статей в правовых книгах ещё до 1300 года возросло до 250. Данных немецких рукописей сохранилось немало. Например, только один город Эльбинг, живущий по нормам Любекского права, по данным 1945 года, владел 11 сборниками. Последняя, действующая до 1900 года редакция «Любекского городского права 1586 года» содержит в шести книгах 417 правовых статей [7, с. 14].

2. Происхождение Любекского городского права и запись его рукописей. Интересен вопрос, что послужило источником, образцом, примером создания Любекского права. Исходным моментом в ведущихся среди правоведов спорах является сообщение хрониста Арнольда, аббата монастыря св. Иоганна в Любеке, продолжившего запись «Славянской Хроники» Гельмольда из Босау. Хронист Альберт пишет, что жители Любека после падения герцога Генриха Льва ещё год защищали свой город от императора-короля, храня верность их бывшему господину – Генриху Льву. Но по приказу самого же Генриха вынуждены были открыть городские ворота. При этом они потребовали от короля сохранения прав, данных им и записанных в «Привилегии герцога Генриха». Здесь и начинается проблема. В источнике, то есть сообщении хрониста Арнольда, речь идёт о сохранении права города Зёста. В каком объёме право города Зёста было даровано Любеку, неизвестно. Или можно ли на самом деле верить этому сообщению хрониста Арнольда? [7, с. 15].

В любом случае, на сегодняшний день принято считать, что Любекское городское право действительно берёт свои истоки от права одного из городов Вестфалии – Зёста. Право вестфальского города Зеста – одно из самых древних и самых полных в северной Германии. Документ состоит из 63 статей. 1–34 статьи составлены между 1151 и 1156 гг. и санкционированы кельнским архиепископом Арнольдом II. Статьи 35–52 записаны в первом десятилетии XIII в. Остальные статьи дополнили право во второй половине XIII века. В 1160 году Любеку был дарован герцогом Генрихом Львом ряд привилегий. Одной из них было право города Зёста. Таким образом город Любек и получил в 1160 году городское право Зёста. Права, дарованные герцогом Генрихом Львом, впоследствии были расширены привилегиями императоров священной Римской империи Фридриха I от 1188 года и Фридриха II от 1226 года. Древнейший сохранившийся латинский текст датирован 1227 годом. Позже комментарии давались также постановлениями Любекского суда шеффенов.

Запись рукописей Любекского права осуществлялась монахами любекских монастырей, например, замкового монастыря, где монахам давали специальный заказ на запись текстов правовых рукописей. Юридические консультации делались устно и непосредственно конкретной партии. Враждующие стороны, ведущие спор между собой, или их официально уполномоченные для процесса представители из города Ростока, Штральзунда и др. обязаны были персонально прибыть в Любек, чтобы спор перед Городским советом, а также приговор Совета их родного города изложить устным образом. Исключение Городской совет Любека сделал только для города Ревель (ныне Таллин) из-за его значительной удалённости. Из Ревеля приговор должны были присылать в двух экземплярах на двух различных кораблях в письменном виде, зафиксированном на пергаменте, так как бумага могла отсыреть. Ответ из Любека тоже давался письменно. Понятно, почему сохранились судебные решения именно для Ревеля. Все остальные обращавшиеся в Городской совет за получением необходимой консультации протоколировались по указу Совета в Любекском Нижнегородском сборнике. Лишь в 1500 году начинается письменная фиксация внутринемецких любекских городов, не удалённых на большое расстояние. Любекский городской Совет ещё долгое время уклонялся от этой, как он считал, новой моды [10].

3. Отличия Любекского городского права от Магдебургского. В отличие от Магдебургского права, города с правом Любекским не имели такого института, как скамья судебных заседателей-шеффенов. Политическая и экономическая сила, а также распорядительная и исполнительная сила являлись в Любеке прерогативой Совета. В одном отчёте церковного характера, датированным 1300 годом, можно прочитать, что городом Любек управляют ратманы – члены Городского Совета, что им надлежит функция контроля за штрафами и что все решения касательно горожан они принимают по своему усмотрению [11, с. 188]. Любекский городской Совет был своего рода Господином города. В общей сложности на сегодняшний день сохранилось примерно 3600 подобных решений Любекского городского Совета. Решения Любекского городского Совета опубликованы в четырёхтомнике, изданном под редакцией Вильгельма Эбеля [12]. Клятва при получении гражданства давалась жителями Любека не городу или Городскому Совету, а Совету и городу. Из-за этого союза «и» в городе в 1600 году возникли серьёзные беспокойства, продолжавшиеся семь лет вплоть до момента заключения мирного соглашения с горожанами от 14 июня 1605 года без того, чтобы формулировка клятвы была изменена [13, с. 56]. Городской Совет в Любеке, Итцехо, Анкламе и Нарве, как, впрочем, и в Гамбурге, избирался не решением граждан, а посредством кооптации. Кооптация представляет собой вид «избрания сверху». Фактически это введение в состав выборного органа новых членов либо кандидатов собственным решением данного органа без проведения дополнительных выборов [14]. Избранный занимал эту должность пожизненно. Как правило, заседало две трети Совета; одна треть имела свободный год для решения иных вопросов. Ежегодное заседание всех членов Совета проводилось 22 февраля, в день праздника основания папского престола. В этот же день официально открывался судоходный сезон после зимней паузы. Процесс выборов был непрост. Ремесленники или мелкие торговцы не имели права избираться на должность ратманов. Такой порядок оставался неизменным вплоть до 1848 года.

Другое отличие Любекского права от Магдебургского заключается в разнице норм об имущественных правах супругов. Саксонско-магдебургское право рассматривает собственность супругов каждого по отдельности [15]. Согласно же нормам Любекского имущественного права супругов, вдова должника подлежала аресту за долги своего мужа вместе с её собственным имуществом. Ревизоры «Любекского права 1586 года» так трактовали это положение, появившееся в XIII веке: «Будет намного лучше, если частное лицо, в некоторых случаях женщина, понесёт имущественные убытки, чтобы не ослабевала вера в торговлю или чтобы собственно городу не был нанесен ущерб из-за упадка таковой» [7, с. 11]. Вообще необходимо отметить, что все Любекские Статуты подчёркивали, что Любек следует рассматривать как город торговый, ориентирующийся на рыночные отношения: в это нужно верить и этому следует оставаться верным. Так, уже в рукописях XIII века значительное место занимают правовые статьи о купле, грузах, поручительстве, судоходном праве, штрафе за фальшивый вес и размеры. К самым ранним законоустанавливающим мероприятиям Любекского права следует отнести также предписания долговых обязательств, конкретно – о банкротстве, о заключении под стражу и мировой сделке [7, с. 11].

Третье отличие Любекского права от Магдебургского заключается в том, что Любек – это приморский торговый город, которому не было знакомо Земское право [7, с. 11].

Ещё один несомненно важный момент. В отличие от магдебургского суда шеффенов, Городской совет Любека не получал деньги за дачу конкретных юридических консультаций судом шеффенов городов, являвшихся для него «дочерними» в правовом отношении общинами. В Любеке никогда не требовали оплаты судебных издержек. Поэтому можно с достоверностью утверждать, что город Любек, в отличие от Магдебурга, не был центром купли-продажи судебных решений и приговоров. Пожалуй, только адвокаты получали вследствие выходящей за внутренние судебные рамки деятельности свой заработок.

4. Общие тенденции распространения Любекского городского права. Значимая историческая роль Любекского права заключается, безусловно, в том, что его действие и влияние распространилось в городах, играющих особое значение в сообщениях на Севере Европы. В XIII, а некоторые города и в XIV веке становятся носителями и исполнителями Любекского права. Их количество за данный отрезок времени увеличивается до 100 [16].

Западная большая группа – это 18 городов Герцогства Гольштейн: Киль, Итцехо, Ольдеслоэ, Рендсбург и др. Восточные балтийские города – Ревель, Нарва, Везенберг и Гапсаль. На землях Тевтонского Ордена – в Пруссии удалось лишь городам Эльбинг, Браунсберг и Фрауенбург длительное время сохранять Любекское право вплоть до 1773 года; города Мемель и Данциг вскоре после приобретения потеряли его. Огромная часть городов с Любекским правом была вдоль побережья Мекленбурга и Померании: это города Висмар, Росток, Штральзунд, Грейфсвальд, Анклам, Кольберг и другие [7, с. 17].

5. Источники Любекского городского права. Важнейшими источниками по истории города Любека и истории Любекского городского права являются: 1) права города; 2) распоряжения (Burspraken); 3) судебные решения Совета; 4) документы купеческих объединений; 5) цеховые уставы; 6) казначейские книги; 7) списки податей; 8) завещания; 9) хроники. Примеры каждой из девяти групп источников можно найти в сборнике «Источники по истории Ганзы» [17].

1) Права города

Любекское право с самого начала проявлялось как право купеческого города, предназначение которого с момента основания состояло в том, чтобы содействовать торговой деятельности, которая бы распространялась на самые обширные расстояния. Это обеспечивалось соответствующим образом положениями о морском, судовом праве, поручительствами и т. д. Любекское право распространяется на общие основы семейного, наследственного, процессуального и уголовного права, а также торгового и транспортного права, но здесь отсутствуют, тем не менее, специфические признаки, присущие характеру всеобщего земского права других правовых положений германских средневековых городов.

2) Распоряжения (Burspraken)

Одной из особенностей в правовой жизни преимущественно северогерманских городов являлись Burspraken, которые по-латыни зачастую назывались civiloquium. Причем пер-

воначально речь шла о собраниях бюргеров, на которых принимались решения относительно применения полицейских мер города; однако позднее собрание бюргеров в качестве органа, компетентного для вынесения решений, стало излишним, оно лишь заслушивало объявления распоряжений, выносимых решением совета, на которые в конце концов перешло понятие Bursprake. По случаю имелось также место, с которого оглашались Burspraken, чаще всего это была галерея ратуши. Burspraken, как правило, обнародовались в точно установленные сроки собрания бюргерства, в Любеке, например, 22 февраля (престольный праздник Св. Петра); 1 мая (престольный праздник Св. Иакова); 11 ноября (престольный праздник Св. Мартина) и 21 декабря (престольный праздник Св. Фомы). Однако в исключительных случаях и при необходимости объявления распоряжений, выносимых решением Совета, могли осуществляться и в промежуточные сроки.

3) Судебные решения Совета

Исходя из факта, что Совет города Любек выступал в качестве Высшего апелляционного суда для городов, на которые распространялось действие Любекского права, сохранилось значительное количество судебных решений Совета, исполнявшего данную функцию. В ранний период эти решения выносились только в устной форме и поэтому вряд ли передавались; в письменном виде отвечали только на апелляции из Ревеля (историческое немецкое наименование эстонской столицы Таллин). Если до середины XV столетия Любекский Совет еще выносил судебные приговоры и выдавал справки правового характера во время незаконченного судебного процесса, то после середины XV века этого констатировать мы не можем.

4) Документы купеческих объединений

Разновидностью купеческих объединений в Кёльне являлись цеховые объединения богатого купечества (Richerzeche), в Любеке – Zirkelgesellschaft (замкнутое патрицианское общество), а в прусских городах Ганзы – объединения бюргерства (Artusvereinigungen) с домами собраний бюргерства – братствами Артура (Artushöfen). Вначале в виде домов для общественных собраний с твердо установленными правилами они были доступны горожанам рыцарского происхождения, однако постепенно туда принимались также городские жители, относящиеся к третьему сословию, но только лишь из ведущих кругов купцов. Документально подтверждены дома собраний бюргерства в таких городах, как Данциг, Торн, Кульм, Кёнигсберг.

5) Цеховые уставы

Существовали цехи ремесленников и торговые цехи. Кроме того, в некоторых городах из политических соображений объединения нескольких различных ремесленных специальностей организовывались в один сводный цех.

Чаще всего понятие «цех» связывают с ремесленниками и мелкими торговцами. Эти цехи почти также стары, как и ганзейские города, истоки которых выявляются в XII столетии. В их появлении имелись мотивы как административного, так и кооперативного характера. Таким образом, цехи выполняли двойные функции и носили двойственный характер. В одном городе цех служил в большей степени административному промысловому надзору и политическому контролю за средним сословием, в других – он как нельзя лучше подходил для автономных стремлений в хозяйственной, социальной и культовой сфере.

Цеховые уставы представляют собой взаимосвязанный Свод правил внутрицеховых и межцеховых отношений. Они вручались властью, бургомистром, или городским советом; либо в форме привилегии или решения совета, либо на основании решения мастера цеха. Когда появился цех, он существовал то ли по неписаным законам, то ли по древним уставам, которые для нас утеряны.

6) Казначейские книги

Казначейские книги ганзейских городов, как и многих других средневековых городов, возникли после того, как городское казначейство было выделено из общего административного Совета как особое административное финансовое ведомство. Этот процесс выделения приходится большей частью на XIII столетие. Сами же казначейские книги появляются в XIV веке: в Любеке, к примеру, в 1316 году. До XIII века в Любеке сохранились лишь счета некоторых ведомств городского Совета, занимавшихся доходами и расходами.

7) Списки податей

Важнейшим источником по истории населения и общественных отношений городов позднего средневековья являются городские налоговые реестры, так называемые реестры шосса (определенная подать с имущества). Термин «шосс» со времен позднего средневековья означает прежде всего налоги, в особенности – наряду с такими налогами, как крестьянский, рыцарский и иные – на недвижимое имущество. Соответствующими понятиями, которые использовались отчасти наряду с шоссом, отчасти вместо шосса, являются «collecta» и «bede». В большинстве городов, начиная с XV столетия, существовали отдельные реестры или текущие книги. Налогом облагались все представители третьего сословия (бюргеры) города. Это означает, что гражданское право предполагало налоговую повинность. Вначале такой налог взимался нерегулярно, лишь в соответствии с нуждами бюджета города, однако впоследствии во многих городах, например в Брауншвейге, Люнебурге, Госларе, Гильдесхейме, Гёттингене, Штральзунде, Ростоке, он стал взиматься регулярно. Объектами налогообложения являлись земельная собственность и пенсии, отчасти другие виды движимого имущества, то есть речь шла о налогах на имущество.

Вначале секретарь совета или другое уполномоченное лицо составлял поимённые списки налогоплательщиков; чаще всего они переписывались из регистров последних налогов, затем перепроверялись путем ознакомления и исправлялись. В большинстве городов фактическая уплата налогов, которая происходила в городском казначействе, отмечалась галочкой за фамилией либо помечалась «iurait» или «dedit». Налогоплательщик был обязан правильно оценить и соответствующим образом оплатить свое имущество. Совет имел право купить имущество налогоплательщика по указанной им стоимости. Наложения ареста на имущество в период Средневековья зафиксированы в городе Гёттинген. В Любеке налог (шосс) взимался только с бюргеров, достояние которых превышало 768 любекских марок.

8) Завещания

К одной из важнейших культурно-исторических групп городских источников относятся завещания бюргеров, сохранившиеся почти во всех крупных городах. Изданы два сборника: «Гамбургские завещания» 1351–1400 годов, а также «Регесты любекских бюргерских завещаний» 1278–1363 годов. Тексты завещаний опубликованы в том же виде, в каком эти документы были зафиксированы в различных актовых книгах. С XIII и до второй половины XIV века завещания сохранились преимущественно в виде отдельных документов. Однако после 1350 г. в некоторых городах заводят книги регистрации завещаний, т. е. канцелярские книги отчетности, в которых они регистрировались в виде документов. В позднем средневековье завещания – это уже отдельные документы. В Гамбурге и Любеке их фиксировали на пергаменте в двух или трех экземплярах. Предварительным условием составления завещаний всегда являлось присутствие двух ратманов в качестве свидетелей; а для хранения завещания в совете дополнительно требовалось участие двух ратманов, пользующихся общественным доверием.

С правовой точки зрения права до XIII столетия завещание являлось «завещанием в случае смерти» и было двухсторонним, то есть законные наследники должны были выразить свое согласие. Однако уже в XIII веке развивается и другая форма – одностороннее распоряжение путем последнего волеизъявления. Таким образом, завещание становится субъективно сформулированным конструктивным документом. Для исполнения положений завещания по содержанию всегда привлекались несколько человек: четыре или больше.

9) Хроники

Из многочисленных типов средневековых исторических описаний для ганзейских городов немаловажное значение имеют хроники, сосредоточенные на определенной теме, например, на теме города. Исторические книги, к которым принадлежит центральная тема – город, как правило, создавались в уже существующих городах. Исключением является литература, описывающая более ранние периоды из жизни города. Важнейшим примером является сообщение об основании Любека в хронике Хельмольда фон Босау. Исторические хроники позднего средневековья дошли до нас из Бремена, Гальберштадта, Кёльна, Любека, Магдебурга, Миндена, Мюнстера и Оснабрюка.

Таким образом, в данной статье вниманию читателей были представлены самые разные аспекты из истории Любекского городского права: Любекская семья городского права, источники Любекского права, запись его рукописей, общие тенденции сферы распространения одной из групп источников немецкого средневекового права, трансферированного на земли Центральной и Восточной Европы в Средние века и Новое время.

Литература

1. Ebel, W. Deutsches Recht im Osten: Sachsenspiegel, Lübisches und Magdeburgisches Recht / W. Ebel. – Kitzingen/M. : Holzner, circa 1953. – 27 s.

2. Dilcher, G. Landrecht-Stadtrecht-Territoriales Recht // Statuten, Städte und Territorien zwischen Mittelalter und Neuzeit in Italien und Deutschhland / Hrsg. von G. Chittolini und D. Willoweit. – Berlin : Duncker & Humblot, 1992. – S. 49–52.

3. Kroeschell, K. Recht und Rechtsbegriff im 12. Jahrhundert // Studien zum frühen und mittelalterlichen deutschen Recht / Hrsg. von K. Kroeschell. – Berlin : Duncker & Humblot, 1995. – S. 277–309.

4. Lück, H. Sachsenspiegel und Magdeburger Recht. Europäische Dimensionen zweier mitteldeutscher Rechtsquellen / H. Lück. – Hamburg : Adiuvat in itinere, 1998. – 65 s.

5. Wilmowski, G. von. Lübisches Recht in Pommern / G. von Wilmowski. – Berlin : Guttentag, 1867. – XII. – 299 s.

6. Ebel, W. Lübisches Recht. – Band 1. – Lübeck : M. Schmidt-Römhild, 1971. – 483 s.

7. Ebel, W. Lübisches Recht im Ostseeraum / W. Ebel. – Köln; Opladen : Westdt. Verlag, 1967. – 49 s.

8. Hansisches und_hansestädtisches Recht / Hrsg. von Albrecht Cordes. – Trier : Porta Alba Verlag, 2008. – 219 s.

9. Grundlagen für ein neues Europa. Das Magdeburger und Lübecker Recht im Spätmittelalter und Früher Neuzeit / Hrsg. von Heiner Lück – Mathias, Puhle – Andreas Ranft. – Köln u.a. : Böhlau, 2009. – 322 s.

10. Ebel, W. Diskussion / W. Ebel // Lübisches Recht im Ostseeraum. – Köln; Opladen : Westdt. Verl., 1967. – s. 41–42.

11. Reetz, J. Bistum und Stadt Lübeck um 1300: Die Streitigkeiten und Prozesse unter Burkhard von Serkem, Bischof 1276–1317 / J. Reetz. – Lübeck : Moll-Winter, 1955. – 265 s.

12. Lübecker Ratsurteile: 4 Bde. / Hrsg. von Wilhelm Ebel. – Göttingen u.a. : Musterschmidt, 1955–1967. – Bd. 1–4.

13. Asch, J. Rat und Bürgerschaft in Lübeck 1598–1669: die verfassungsrechtlichen Auseinandersetzungen im 17. Jahrhundert und ihre sozialen Hintergründe / J. Asch. – Lübeck : Schmidt-Römhild, 1961. – 186 s.

14. Bruns, Fr. Der Lübecker Rat / Fr. Bruns // Zeitschrift des Vereines für Lübische Geschichte. – 1951. – Nr. 32. – S. 1f.

15. Schröder, R. Geschichte des ehelichen Güterrechts in Deutschland. – T. 2 : Das Mittelalter. – Abteilung 3: Das sächsische und friesische Recht. – Stettin u.a. : Saunier, 1874. – XIV. – 428 s.

16. Michelsen, A.L.J. Der ehemalige Oberhof zu Lübeck und seine Rechtssprüche / A.L.J. Michelsen. – Altona : Hammerich, 1839. – XXIX. – 374 s.

17. Quellen zur Hanse-Geschichte / Mit Beitr. von Jürgen Bohmbach u. Jochen Goetze. Zsgest. u. hrsg. von Rolf Sprandel. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1982. – XXIV. – 554 s.

Тюбингенский университет,
Германия

Поступило 01.04.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 94(476.2):316.454.7:331.5:61:001:008„195/198”

Динамика численности работников здравоохранения, науки, образования и культуры на Гомельщине в 1950–1980-е гг.

Н.В. Корникова

Данная статья посвящена исследованию динамики численности работников здравоохранения, науки, образования и культуры на Гомельщине в 1950–1980-е гг. В исследовании выявляются факторы, влиявшие на изменение количественного состава врачей, педагогов, специалистов в области науки и культуры. Характеризуется динамика численности кадров в вышеуказанных сферах нематериального производства в регионе исследования в 1950–1980-е гг. в сравнении с общереспубликанскими показателями.
Ключевые слова: динамика численности, интеллигенция, профессиональные группы, Гомельщина, врачи, учителя, работники науки и культуры, социокультурные факторы развития.

This article is devoted to the study of population dynamics of medical workers, scientists, teachers and culture workers in the Gomel Region in the 1950s–1980s. The study identifies the factors that influenced the change of the number of doctors, teachers and experts in the fields of science and culture. The article characterizes the dynamics of the number of workers in the above areas of non-production in the region of research in 1950s–1980s compared to the national figures.
Keywords: population dynamics, intellectuals, professional groups, Gomel Region, doctors, teachers, science and culture workers, socio-cultural factors of development.

Социопрофессиональная структура населения в современном обществе представляет собой совокупность социальных групп, выделение которых происходит на основе распределения работников согласно их принадлежности к определенному виду деятельности. В процессе развития она подвержена изменениям. На протяжении XX века в Беларуси происходит сужение либо расширение профессиональных групп по числу работников. Подобная динамика внутри различных социопрофессиональных групп определяется количественным составом, возрастом и уровнем квалификации населения, занятого в сфере материального и нематериального производства. В зависимости от квалификации и характера выполняемой деятельности можно выделить категории работников умственного и физического труда. Специалисты, занятые разнообразными видами умственной деятельности в различных сферах общественного производства, обладающие высокой квалификацией, формируют слой интеллигенции, внутри которого, в свою очередь, выделяются разнообразные профессиональные группы. Среди них как самые крупные и выполняющие важные общественные функции в сфере нематериального производства можно выделить группы работников образования, здравоохранения, науки и культуры.

В 1950–1980-е гг. Гомельщина являлась промышленно развитым регионом со сформированной инфраструктурой и разветвленной сетью объектов медицинского обслуживания, просвещения и культуры. Этим обуславливалась значительная концентрация высококвалифицированных специалистов в сфере здравоохранения, образования и культуры в городах региона. Однако изменение социально-экономических условий развития общества в БССР на протяжении 1950–1980-х гг. приводило к некоторым колебаниям количественных показателей состава различных социопрофессиональных групп населения. Поэтому важным представляется проследить динамику их численности в изучаемом регионе в зависимости от конкретных факторов.

Цель исследования – охарактеризовать динамику численности работников образования, здравоохранения, науки и культуры на Гомельщине в 1950–1980-е гг.

Для достижения цели решались следующие задачи: определить факторы, влияющие на изменение численности учителей, врачей, специалистов в сфере научного и культурного обслуживания; охарактеризовать динамику количественного состава кадров в образовании,

здравоохранении, науке и культуре на Гомельщине в 1950–1980-е гг. в сравнении с общереспубликанскими показателями.

Новизна исследования заключается в том, что впервые на основе анализа статистических источников с точки зрения исторической науки проводится изучение динамики численности работников образования, здравоохранения, науки и культуры на Гомельщине в течение 1950–1980-х гг. и рассматриваются условия, влияющие на развитие социопрофессиональной структуры региона.

Изучение изменения численности различных социопрофессиональных групп населения БССР и ее регионов отображается в ряде источников и научных исследований – переписях населения, статистических сборниках, работах по демографии. Так, в материалах сборников, изданных по результатам «Всесоюзных переписей населения СССР» за 1958 г., 1970 г., 1979 г., 1989 г., дается анализ социодемографической структуры населения БССР, отображаются общие показатели численности трудовых ресурсов в различных сферах народного хозяйства по республике, а также анализ социальных условий жизни населения. Статистические ежегодники «Народное хозяйство БССР» [1]–[4], «БССР в цифрах» [5], издававшиеся на протяжении 1960–1980-х гг., дают подробную характеристику показателей развития материального и нематериального производства республики, отображают численность различных половозрастных и образовательных групп специалистов, занятых в разнообразных сферах экономики. В некоторых работах по демографии, в частности, монографиях А.А. Ракова «Белоруссия в демографическом измерении» [6], «Население БССР» [7], дается анализ изменения половозрастной структуры населения республики, его занятости и квалификационного уровня в социально-экономическом контексте. Ряд фундаментальных изданий таких, как историко-документальная хроника «Память» [8], многотомная энциклопедия «Гарады і вёскі Беларусі» [9], содержит материалы, характеризующие основные тенденции социально-экономической и культурной истории развития региона.

Источниками для данного исследования послужили материалы ряда статистических изданий: ежегодников и отчетов Государственного комитета по статистике БССР и региональных Центральных статистических управлений. Динамика численности населения области, изменение темпов роста трудовых ресурсов региона, количественный состав разнообразных профессиональных групп в различных сферах общественного производства, показатели развития производственной и социальной сфер экономики Гомельщины в сравнении за несколько десятилетий зафиксированы в ряде статистических сборников, в частности, «Гомельская область за годы советской власти» [10], «Народное хозяйство Гомельской области в годы восьмой пятилетки» [11], «Природные ресурсы и экономика Брестской и Гомельской областей» [12], «Народное хозяйство Гомельской области в цифрах» [13] и др.

В первое послевоенное десятилетие перед БССР стояли задачи восстановления народного хозяйства, сети учреждений здравоохранения и просвещения, повышения уровня жизни населения. Остро ощущалась также кадровая проблема: актуальной была нехватка высококвалифицированных специалистов как на производстве, так и в сфере социального обслуживания населения.

Преодоление последствий войны сопровождалось целым рядом восстановительных мероприятий в социально-экономической жизни республики. Ввиду сложного состояния материальной базы здравоохранения БССР назрела необходимость ее интенсивного расширения и обновления. Бурное строительство лечебных учреждений началось во всех регионах республики с середины 1950-х – начала 1960-х гг. В данный период на Гомельщине было построено 27 сельских больниц, Жлобинская, Рогачевская, Кормянская районные больницы, детская больница в Гомеле, туберкулезный диспансер в Хойниках, поликлиника в Речице, онкологический диспансер в Мозыре. Также были открыты станции скорой помощи в большинстве районных центров Гомельской области [14, с. 91]. Таким образом, в послевоенное десятилетие наметилась тенденция к интенсивному росту сети учреждений здравоохранения в регионе: если число больниц в довоенный период (по данным за 1940 г.) равнялось 96, в 1950 г. – 113, то уже в 1960 г. их количество возросло до 165. Соответственно росту сети объектов здравоохранения наблюдалась устойчивая положительная динамика численности

высококвалифицированных специалистов в сфере медицинского обслуживания на Гомельщине. Если в 1940 г. количество врачей всех специальностей в Гомельской области равнялось 775 чел., в 1950 г. – 1029 чел., то уже к 1960 г. это число составило 1821 чел. Таким образом, по сравнению с довоенным периодом численность врачей по области увеличилась в 2,3 раза [10, с. 317].

В первой половине 1960-х гг. строительство учреждений здравоохранения продолжалось. Были введены в эксплуатацию родильный дом в Гомеле, Житковичская, Брагинская, Лоевская, Мозырская районные больницы и фельдшерско-акушерский пункты в районах Гомельской области [14, с. 91]. В соответствии с этой тенденцией наблюдался дальнейший рост количества высококвалифицированных специалистов в медицине. К 1965 г. численность врачей в Гомельской области составляла 2573 чел., т. е. в сравнении с началом 1960-х гг. увеличилась еще в 1,5 раза [10, с. 317].

На протяжении второй половины 1960-х гг. динамика численности специалистов в медицине продолжала оставаться положительной, но несколько замедлилась. В определенной мере это можно связать с тем, что строительство новых больничных учреждений по области в данный период приостановилось (в 1966 г. – 180, в 1969 г. – 181). По данным за 1966 г., в области насчитывалось 2663 врача, в 1967 г. – 2743, в 1968 г. – 2853, а в 1969 г. – 3028 [1, с. 250].

Следует также отметить, что по обеспеченности населения работниками здравоохранения в 1960 – начале 1970-х гг. Гомельщина занимала средние позиции по республике: по данным на конец 1960-х гг. этот показатель по Гомельской области составлял 20,2, что было выше, чем на Брестчине и Минщине (19 и 17 чел. соответственно), но ниже, чем в Витебской, Брестской и Гродненской областях (24,6; 21,9 и 20,7 чел.) [1, с. 231].

Сходные тенденции положительной динамики роста наблюдались на Гомельщине также в отношении педагогических кадров. Первым послевоенным пятилетним планом БССР в области народного образования ставилась задача обеспечить и завершить обязательное всеобщее начальное образование и приступить к всеобщему семилетнему обучению детей как в городе, так и в деревне. Данная задача была сопряжена с увеличением количества начальных и семилетних школ [15, с. 202]. В послевоенные годы в республике также была проведена большая работа по организации обучения взрослых. Создание общеобразовательных школ рабочей и сельской молодежи явилось одним из важных направлений культурной политики государства [15, с. 216]. С 1956 г. началась организация средних школ для обучения молодежи без отрыва от производства, а уже с 1958 года в республике вводилось обязательное восьмилетнее образование. Если в 1945 г. число общеобразовательных школ по Гомельской области равнялось 1838, в 1950 г. – 1964, то уже к 1960 г. эта цифра достигла 2010 [10, с. 274]. Также происходит постепенный рост сети учреждений среднего специального образования: в 1957 г. был открыт Речицкий сельскохозяйственный техникум, в 1960 г. – «Светлогорский государственный индустриальный колледж», а в 1963 г. начало образовательную деятельность «Лоевское педагогическое училище». Несмотря на то, что существовали сложности с обеспечением материально-технической базы, реформа всеобщего начального образования успешно претворялась в жизнь. Безусловно, для реализации задач развития системы образования требовалось привлечение большого количества педагогических кадров. Эта необходимость обусловила достаточно интенсивный рост числа учителей в обозначенный период. Если в 1945 г. численность учителей по Гомельской области равнялась 7 тыс. чел., в 1950 г. – 11,9 тыс. чел., в 1960 г. – 16,3 тыс. чел., то уже к 1965 г. она составила 19,6 тыс. чел., в 1968 г. – 19,8 тыс. чел., а к 1970 г. возросла до 20,2 тыс. чел. [1, с. 324]. Таким образом, приток педагогических кадров оставался весьма интенсивным, и до конца 1960-х годов численность учителей на Гомельщине по сравнению с 1945 г. возросла почти в 3 раза. Также следует отметить, что в сравнении с другими регионами республики по обеспеченности педагогическими кадрами Гомельская область на протяжении 1950–1960-х гг. имела достаточно высокие показатели и немного уступала только Минской области, где по данным на 1970 г. количество работников образования составляло 20,5 тыс. чел. [2, с. 232].

Большое внимание в республике и регионах в послевоенное время уделялось также развитию сети научных и культурно-просветительских учреждений. В конце 1950-х – начале

1970-х гг. значительно возросло количество ученых в республике. Если на начало 1959 г. в БССР насчитывалось 5,5 тыс. научных работников, то на конец 1970 г. это количество увеличилось до 22 тыс. Улучшилась работа по подготовке ученых высшей квалификации. Количество научных работников, имеющих ученую степень, возросло в 3 раза. Основной формой подготовки научных кадров оставалась аспирантура. С 1959 г. по 1970 г. количество аспирантов по республике возросло в 4,6 раза. Также интенсивно росла сеть учебных заведений республики [16, с. 582]. Уже в 1953 г. в Гомеле был открыт Белорусский институт инженеров железнодорожного транспорта, продолжал свою деятельность Мозырский педагогический институт после реорганизации в 1952 г. Это положительным образом повлияло на рост выпуска численности специалистов из высших учебных заведений Гомельщины. Если за 1950–1955 гг. было подготовлено 3723 специалиста, то уже к 1965 г. выпуск гомельских ВУЗов составил 4549 человек. В соответствии с данными тенденциями интенсивно происходил рост кадров научных работников на Гомельщине: по данным за 1962 г. их численность составила 557 чел. (в т. ч. 4 доктора наук и 116 кандидатов наук), а уже в 1966 г. возросла до 757 чел. (в т. ч. 9 докторов наук и 154 кандидата наук) [10, с. 47].

Вместе с тем на протяжении 1950–1960-х гг. на Гомельщине происходит активное строительство объектов культуры и просвещения. До конца 1960-х значительно расширяется численность клубных учреждений в регионе: уже к 1965 г. их количество составляло 818, к 1969 г. – 923, а к 1970 г. еще увеличилось до 997 [2, с. 380]. Постепенно росла сеть библиотек. В 1953 г. была открыта Библиотека имени И. Мележа в Гомеле, продолжала работу Гомельская областная библиотека имени В.И. Ленина [9, с. 23]. Уже к концу 1960-х гг. по области действовала 21 районная, 31 городская и 586 сельских библиотек [1, с. 370]. Важным событием в культурной жизни Гомельщины стало открытие Гомельского областного драматического театра в 1954 г., а также основание в 1967 г. Областной филармонии и образование в феврале 1968 г. театра кукол [9, с. 23]. Вместе с ростом количества культурно-просветительских учреждений происходило некоторое увеличение удельного веса численности работников культуры по региону: по данным на 1960 г. он составлял 9% от всего занятого населения области, а до конца 1960-х гг. возрос до 9,7% [12, с. 17].

На протяжении 1970-х гг. на Гомельщине происходит дальнейший рост численности работников в сфере здравоохранения, просвещения и культуры, что обуславливалось рядом социальных факторов. Вектор государственной политики, направленный на рост обеспеченности населения местами в больничных учреждениях в целом по республике и в регионах на протяжении 1970-х гг., повлиял на сохранение тенденции к росту численности высококвалифицированных кадров в области здравоохранении. Так, если в 1965 г. в БССР насчитывалось 79973 тыс. больничных коек, в 1970 г. – 94165, то к 1975 г. это число увеличилась до 107005. Численность врачей по республике с 1965 г. до 1975 г. также возросла с 18,8 тыс. до 28,3 тыс., т. е. в 1,5 раза [3, с. 311–313].

В 1977 г. ЦК КПСС и Правительство СССР приняли развернутое постановление о мерах дальнейшего улучшения народного здравоохранения. За годы 10-й пятилетки (1976–1980 гг.) в Гомельской области на 3148 больничных коек увеличилась мощность больничных мест и медицинских корпусов. На строительство больниц, поликлиник, санитарно-эпидемиологических станций и других объектов здравоохранения было израсходовано 28,5 млн. руб., что в 2,1 раза больше, чем до 1975 г. [14, с. 104].

В конце 1970-х годов значительное внимание уделялось также объектам здравоохранения на селе. Был проведен ряд мероприятий, обеспечивающих улучшение медицинского обслуживания населения, чему способствовала работа по закреплению медицинских кадров на селе [14, с. 114].

Все эти факторы позитивным образом отразились на динамике численности высококвалифицированных специалистов в здравоохранении на протяжении 1970-х гг. на Гомельщине. В 1970 г. количество врачей всех специальностей по области равнялось 3121, в 1974 г. – 3760 чел., в 1975 г. – 3903 чел., в 1977 г. – 4204 чел. и к 1979 г. увеличилось до 4422 чел. Средняя обеспеченность высококвалифицированными специалистами в медицине в регионе с 1970 г. по 1979 г. увеличилась с 20,2 до 27,5 чел., т. е. в 1,3 раза. Однако в целом по республи-

ке это был средний показатель: по расчетам за 1979 г. Гомельщина уступала Гродненской, Могилевской и Витебской областям по численности врачей на 10000 тыс. чел. [3, с. 312–315].

Вместе с тем в отношении количества педагогических кадров по республике на протяжении 1970-х гг. наблюдаются несколько иные тенденции. До середины 1970-х гг. в БССР происходит существенное сокращение количества общеобразовательных школ всех видов: в 1965 г. это число равнялось 13000, в 1970 г. – 11246, в 1975 г. – 8853, в 1977 г. – 7977, а уже к 1979 составило 7575 [3, с. 276]. Соответствовало этой тенденции некоторое уменьшение количества учителей по всем регионам республики, что зачастую выражалось в частых случаях кадровой недоукомплектованности общеобразовательных учреждений. Так, по Гомельской области в данный период происходит небольшое сокращение численности педагогических работников: если в 1970 г. она составляла 20,2 тыс. чел., в 1975 г. – 19,7 тыс. чел., то уже в 1979 г. уменьшилась до 18,2 тыс. чел. [3, с. 284] Однако стоит отметить, что по данным на конец 1970-х гг. среди всех областей республики по обеспеченности учителями Гомельщина значительно превосходила другие регионы и занимала второе место в БССР, уступая лишь Минской области [3, с. 284].

Достаточно интенсивно на протяжении 1970-х гг. осуществлялось культурное развитие Гомельщины. 1970-е гг. были периодом плодотворной и активной деятельности Гомельского областного драматического театра, когда происходил рост театральной труппы. В областном центре и районах были открыты новые клубные учреждения, численность которых с 1970 до 1979 г. возросла от 997 до 1148 [3, с. 301]. Значительным событием в культурной жизни Гомеля и области также стало открытие в 1972 г. цирка. Численность работников культуры в области практически не изменилась и оставалась на протяжении данного периода достаточно стабильной. Так, в течение 1970-х гг. удельный вес работников культуры по области составлял от 9,8 до 9,6% от всего занятого населения Гомельщины [12, с. 17].

На протяжении 1970-х гг. наблюдался также некоторый рост численности кадров в сфере науки и научного обслуживания населения. Так, с 1970 по 1975 гг. удельный вес специалистов в науке и сфере научного обслуживания вырос с 1,2 до 1,9% от общего количества занятого населения [12, с. 17].

На протяжении 1980-х гг. динамика численности социопрофессиональной структуры населения Гомельщины определялась основными направлениями развития социально-экономической жизни республики.

В сфере здравоохранения республики прослеживалась тенденция к расширению сети пунктов медицинского обслуживания населения. По данным, на начало 1980-х гг. на Гомельщине происходит разукрупнение территориальных терапевтических и педиатрических участков. К 1984 г. в поликлиниках области дополнительно создается 24 отделения профилактики. Возрастает также число цеховых медицинских участков, здравпунктов на промышленных предприятиях. Данные тенденции нашли отражение в постепенном росте численности врачебных кадров по области [14, с. 112]. Если в 1980 г. количество высококвалифицированных специалистов в здравоохранении Гомельщины составляло 4534 чел., в 1981 г. – 4613 чел., то к 1983 г. это число равнялось 4809 чел. В целом показатель обеспеченности врачами всех специальностей по области в расчете на 10000 населения к 1983 г. составлял 29 чел. В сравнении с другими регионами республики по этому показателю Гомельская область уступала только г. Минску, Витебщине и Гродненщине, где эти цифры составили 67,5; 35,4 и 34,5 чел. соответственно [4, с. 259].

Новый период в истории системы здравоохранения республики начался с середины 1980-х гг., что было обусловлено событиями, произошедшими в данный период на Чернобыльской АЭС. За послеаварийные годы изменяется сеть и структура медицинских учреждений в области. За счет средств, направленных на ликвидацию последствий аварии на ЧАЭС, было введено 160 новых объектов здравоохранения [14, с. 118]. Обеспеченность населения больничными местами по области с 1985 по 1990 гг. возрастает с 128,8 до 138,4 (в расчете на 10000 чел.) [13, с. 55]. Стала решаться кадровая проблема. Однако стоит отметить, что на протяжении второй половины 1980-х гг. все же сохранялась высокая текучесть кадров, что было вызвано сложностями социального характера: не осваивались новые средства на строи-

тельство новых лечебных учреждений, были неудовлетворительными бытовые условия проживания специалистов на селе [14, с. 118]. Эти негативные явления оказали некоторое влияние и на кадровую ситуацию. Так, в 1985 г. численность врачей всех специальностей по области равнялась 5117 чел., в 1987 г. – 5170 чел., а по данным на 1990 г. количество врачебных кадров сократилась до 5003 чел. [13, с. 54]. Общее количество работников здравоохранения на Гомельщине в этот период было выше, чем в Брестской, Гродненской, Минской и Могилевской областях БССР, но обеспеченность населения врачами (в расчете на 10000) к 1987 г. составляла всего 31,2 чел., что являлось одним из самых низких показателей по республике [4, с. 259].

Определенные изменения происходят также в развитии системы образования Гомельщины. На протяжении 1980-х годов наметилась устойчивая тенденция к сокращению числа дневных общеобразовательных школ по Гомельской области: в 1980 г. это количество равнялось 1179, в 1985 г. – 1080, а в 1990 г. – 852. В некоторой степени это можно связать с демографической ситуацией в регионе, т. к. стало заметно поступательное сокращение количества обучающихся в средних общеобразовательных учреждениях области. В 1980 г. их численность составляла 244,9 тыс. чел., в 1985 г. – 240,2 тыс. чел., а к 1990 г. еще немного сократилась до 239,7 тыс. чел. [13, с. 45]. Но, тем не менее, динамика численности педагогических кадров оставалась положительной. Несмотря на то, что по сравнению с концом 1970-х гг. произошло некоторое сокращение числа учителей, до конца 1980-х гг. все же отмечался рост количества работников образования. В 1980 г. численность педагогических кадров составляла 17,6 тыс. чел., в 1985 г. – 18,1 тыс. чел., в 1987 г. – 18,6 тыс. чел., а уже к 1990 г. равнялась 19 тыс. чел. [4, с. 230]. В определенной степени это связано с тем, что с 1984 г. проходит общесоюзная реформа образования, наметившая переход к 11-летней системе обучения. Начальная школа переходила на 4-летнее образование. Была также расширена сеть межшкольных учебно-производственных комбинатов, создание которых началось еще со второй половины 1970-х гг. и имело целью получение рабочей специальности старшеклассниками [17, с. 43].

В 1980-е гг. достаточно интенсивно развивается сеть научных и высших учебных заведений в изучаемом регионе. В 1980 г. в областном центре был создан научно-исследовательский институт прикладной физики АН БССР и основан Гомельский кооперативный институт на базе Гомельского филиала Московского кооперативного института. В 1981 г. был образован Гомельский политехнический институт, в 1987 г. на базе сектора геронтологии Академии наук БССР в Гомеле был создан Институт радиобиологии, а в 1990 г. произошло открытие Гомельского государственного медицинского института [8, с. 235–241]. В определенной мере это отразилось на достаточно стабильной численности кадров в сфере науки и научного обслуживания. На протяжении 1980-х гг. их численность равнялась 9,1 тыс. чел., в 1985 г. – 10 тыс., а в 1990 г. – 9,5 тыс. чел. [13, с. 11].

В течение 1980-х гг. на Гомельщине происходит постепенный рост численности работников культуры. Так, если в 1980 г. количество специалистов в данной сфере составляло 7,9 тыс. чел., в 1985 г. – 8,3 тыс. чел., то уже к 1990 г. произошло увеличение числа специалистов в учреждениях культуры до 8,9 тыс. чел. [13, с. 11]. Это было обусловлено дальнейшим развитием уже сложившейся сети культурно-просветительских учреждений в регионе. На протяжении 1980-х годов происходит открытие ряда музейных учреждений по области: начали свою деятельность Хойникский краеведческий музей в 1982 г., Лоевский музей битвы за Днепр в 1985 г., Брагинский исторический музей в 1988 г. В период исследования по области также увеличилось количество клубных учреждений и домов культуры: с 1980 г. до 1987 г. оно возросло с 1176 тыс. до 1202 тыс., что являлось одним из самых высоких показателей по республике [4, с. 250].

Таким образом, проведено исследование динамики численности работников здравоохранения, образования, науки и культуры на Гомельщине в 1950–1980-е гг. В обозначенный период Гомельская область являлась промышленно развитым регионом, в городах которого концентрация населения была достаточно велика. Подобные факторы обусловили развитие широкой сети учреждений медицинского обслуживания и просвещения, что обуславливало

относительную устойчивость и пропорциональный рост количественного состава кадров в здравоохранении, образовании, науке и культуре. Наличие значительного количества высших учебных заведений также способствовало притоку специалистов в вышеназванных учреждениях. Характер динамики численности врачей, учителей, работников научной и культурной сферы во многом был обусловлен направленностью социально-экономического развития республики и оставался на протяжении 1950–1980-х гг. достаточно стабильным. Численность высококвалифицированных специалистов в учреждениях медицины, образования и культуры в регионе исследования на протяжении 1950–1980-х гг. оставалась высокой по сравнению с другими областями республики, но Гомельщина несколько уступала другим регионам БССР по обеспеченности населения работниками здравоохранения.

Литература

1. Народное хозяйство Белорусской ССР. Статистический ежегодник / ЦСУ при Совете министров БССР; редкол. : Д.Л. Черванев [и др.]. – Минск : Беларусь, 1970. – 268 с.

2. Народное хозяйство Белорусской ССР. Статистический ежегодник / ЦСУ при Совете министров БССР; редкол. : Д.Л. Черванев [и др.]. – Минск : Беларусь, 1971. – 289 с.

3. Народное хозяйство Белорусской ССР. Статистический ежегодник / ЦСУ при Совете министров БССР; редкол. : Д.Л. Черванев [и др.]. – Минск : Беларусь, 1980. – 268 с.

4. Народное хозяйство БССР в 1988 г. Статистический ежегодник / Гос. комитет БССР по статистике; редкол. : Д.В. Василенко [и др.]. – Минск : Беларусь, 1988. – 295 с.

5. БССР в цифрах. Статистический ежегодник / ЦСУ при Совете министров БССР; редкол. : Д.Л. Черванев [и др.]. – Минск : Беларусь, 1980. – 268 с.

6. Раков, А.А. Белоруссия в демографическом измерении / А.А. Раков. – Минск, 1974. – 128 с.

7. Раков, А.А. Население БССР / А.А. Раков. – Минск : Наука и техника, 1969. – 224 с.

8. Памяць : гісторыка-дакументальная хроніка Гомеля : у 2 кн. Кн. 2; рэдкал. : Г.К. Кісялеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БЕЛТА, 1999. – 558 с.

9. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя ў 15 т. Т. 1, кн. 1. Гомельская вобласць / С.В. Марцэлеў; рэдкал. : Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2004. – 632 с.

10. Гомельская область за годы советской власти. Статистический сборник / ЦСУ БССР. Стат. управление Гом. области; редкол. : В.В. Фокин [и др.]. – Гомель, 1967. – 187 с.

11. Народное хозяйство Гомельской области в восьмой пятилетке. Статистический сборник / ЦСУ БССР. Стат. управление Гом. области; редкол. : И.П. Клименок [и др.]. – Гомель, 1971. – 261 с.

12. Природные ресурсы и экономика Брестской и Гомельской областей / Гомельский гос. ун-т БССР; редкол. : Б.В. Бокуть [и др.]. – Гомель, 1977. – 167 с.

13. Народное хозяйство Гомельской области в цифрах (краткий статистический сборник) / Госкомстат РБ. Гомельское обл. упр. статистики. – Гомель, 1993. – 126 с.

14. Абраменко, М.Е. Очерки истории здравоохранения Гомельской области / М.Е. Абраменко, С.Н. Бордак; под ред. М.Е. Абраменко. – Гомель : Гомельский гос. мед. ун-т, 2005. – 136 с.

15. Народное образование в Белорусской ССР / И. Ильюшенко [и др.]; под ред. И. Ильюшенко. – Минск, 1961. – 438 с.

16. Гісторыя Беларускай ССР у 5 т. / рэдкал. : І.М. Ігнаценка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – 766 с.

17. История образования и педагогической мысли Беларуси / В.В. Пашкевич [и др.]; под ред. В.В. Пашкевич. – Мозырь : Содействие, 2009. – 56 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 01.04.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 94(476)“15/16”:316.64(=476)

К вопросу о факторах пробуждения этнического самосознания белорусов в конце XVI – середине XVII вв.

А.М. Кротов

В статье анализируется этнополитическая ситуация, которая развивалась в Беларуси в конце XVI – середине XVII вв., и доказывается, что украинское казачество своими агрессивными действиями сыграло важную роль в пробуждении этнического самосознания белорусов и их этнической самоидентификации.
Ключевые слова: белорусы, украинские казаки, этническое самосознание, этническая самоидентификация.

The article analyzes the ethnopolitical situation which developed in Belarus in the late 16th – the mid 17th centuries; it proves that the Ukrainian Cossacks by their aggressive actions played an important role in ethnic consciousness awakening of the Belarusians and in their ethnic self-identification.
Keywords: Belarusians, Ukrainian Cossacks, ethnic consciousness, ethnic self-identification.

Национальное самосознание белорусов никогда не имело в качестве своего основного стержня ненависти к русским и украинцам. Близкое генетическое родство трёх восточнославянских народов в комплексе с приобретённым за столетия совместного сосуществования и взаимодействия опытом позволяют и сегодня, с полным на то правом, говорить о дружбе, добрососедстве, тесном партнёрстве.

Тем не менее, это три отдельных народа со своим чётко выраженным национальным обликом, характером, менталитетом, национальными ценностями и амбициями, со сложившимися за века стереотипами видения друг друга.

Вряд ли стоит оспаривать тот факт, что из трёх восточнославянских народов именно белорусы имеют наименее развитое национальное самосознание. В традиционной белорусской (крестьянской) среде механизм самоидентификации срабатывал, прежде всего, в рамках конкретной общины или деревни. Здесь для самоопределения, в зависимости от ситуации, были важны основные составляющие этнографического плана – язык, религия, одежда, приверженность обычаю, социальная принадлежность [1]. В целом можно говорить о том, что белорусское крестьянство испытывало своего рода «комплекс “этнической неполноценности”» [2, с. 62]. Но этот комплекс появился не сам собой – его развитию содействовали определённые факторы. Как утверждает Ю. Чернявская: «Помимо привычных противоборствующих влияний (католицизма, влекущего за собой ополячивание, и православия, утверждающего... “русинский” элемент в культуре), во второй половине XVII в. появилось третье – не такое мощное, но вполне конкурентоспособное, особенно для южных областей, – украинское» [2, с. 39–40].

Но когда белорусы стали понимать, что они и говорящие с ними на одном языке, хотя и на разных его диалектах, москали (русские) и черкасы (украинцы) не единое целое и воспринимать последних как чужаков? Когда произошла революция в мировосприятии белорусов, в системе их самоидентификации по линии «свой-чужой» («иной»), которую можно считать отправной точкой их истинного этногенеза?

Принято считать, что именно XVII век стал прологом и началом упадка Речи Посполитой. Представляется, что именно тогда белорусы и осознали себя как отдельный народ в сравнении с иными народами, которые оказывали наибольшее влияние на их судьбу. Начиная с этого времени главными «иными» для белорусов стали те, кто жил с ними по соседству – русские и украинцы. И те, и другие пришли в Беларусь как освободители от польской (ляшской) неволи. И те, и другие говорили о воссоздании державы Русской и о воссоединении русского народа. И те, и другие оказывали трансформирующее воздействие на жизнь бе-

лорусов и на их массовое сознание. Но это были разные факторы и, как выяснилось в ходе захвата белорусских земель, – факторы противодействующие.

Как известно, пламя вспыхнувшей в 1648 г. в Украине казацкой революции сразу же вышло за её пределы, перекинувшись на Беларусь. Она оказалась втянутой в войну, которая неоднозначно оценивается в научной литературе. Но наиболее обоснованными, на наш взгляд, являются оценки, свойственные современной украинской историографии. Характеризуя историческую реальность середины XVII в., украинские историки объективно оценивают характер украинско-белорусских отношений и раскрывают суть планов вождей казацкой революции, касающихся белорусских земель [3], [4], [5], [6].

Началось всё с того, что украинское казачество, ранее идеализировавшееся продвинутыми в деле мифотворчества поляками как «окраинное русское рыцарство (лыцарство)» [7], поднялось на борьбу за свои политические и экономические права. Проповедовавшаяся польскими авторами (Бартошем Папроцким и др. – А.К.) теория о рыцарском происхождении запорожцев была воспринята последними и легла в основу требований «реестровых» казаков о предоставлении им шляхетских прав [8].

Кем же были эти претенденты на шляхетство на самом деле? В «киевскую эпоху» в Приднепровье, в славяно-печенежско-половецкой среде, в результате смешения кровей и культур стали создаваться воинственные общины – ставшие прообразом запорожского казачества. Но наиболее сильное влияние на эту среду оказала татарская эпоха [7]. Степь («Дикое поле»), ставшая для казаков домом, издавна кормилась разбоем и набегами. Именно она была истинной школой запорожской вольницы, дав ей все – от воинских приёмов, лексикона, внешнего вида, до обычаев, нравов и всего стиля жизни. Как известно, запорожские казаки не только грабили всех, кто им попадался на их территории, но и осуществляли морские набеги на владения турок. На Черном море они грабили купцов независимо от их веры и подданства. Не гнушались казаки и работорговлей.

От начала XVIII в. сохранилось любопытное описание одного из казачьих гнезд, своего рода филиала Сечи, составленное московским попом Лукьяновым. Ему пришлось посетить Хвастов – стоянку знаменитого казака-характерника Семёна Палея и его вольницы (казаков-характерников считают наитипичнейшим порождением Сечи. – А.К.) [9]. Впечатлённый увиденным, Лукьянов пишет: «Вал земляной, по виду не крепок добре, да сидельцами крепок, а люди в нём, что звери. По земляному валу ворота частые, а во всяких воротах копаны ямы, да солома постлана в ямы. Там палеевщина лежит человек по двадцати, по тридцати; голы, что бубны, без рубах, нагие, страшны зело. А когда мы приехали и стали на площади, а того дня у них случилося много свадеб, так нас обступили, как есть около медведя; все казаки – палеевщина, и свадьбы покинули; а все голудьба безпорточная, а на ином и клочка рубахи нет; страшны зело, черны, что арапы и лихи, что собаки: из рук рвут. Они на нас стоя дивятся, а мы им и втрое, что таких уродов мы отроду не видали. У нас на Москве и в Петровском кружале не скоро сыщешь такого хочь одного» [8]. Сохранился отзыв о палеевцах и гетмана Мазепы. По его словам, Палей «не только сам повседневным пьянством помрачаясь, без страха Божия и без разума живет, но и гультяйство также единонравное себе держит, которое ни о чем больше не мыслит, только о грабительстве и о крови невинной» [8].

Видимо, по части «грабительства и крови невинной» мало чем отличались от Палия и другие казаки-характерники, в том числе Северин Наливайко и Иван Золотаренко, которые оставили свой кровавый след на белорусских землях.

Первое «знакомство» белорусов с запорожцами произошло во время Ливонской войны 1558–1583 гг., когда казаки впервые оказались под хоругвями Великого княжества Литовского [3].

Следующий раз казаки появились в Беларуси в конце XVI в., во время восстания Северина Наливайко. В «Баркулабовской хронике» об этом читаем: «В 1595 г… 30 ноября… появился Северин Наливайко. При нём было 2000 казаков и 14 гаковниц. Могилёв – город славный… казаки сожгли... Мещан, бояр, почтенных людей, мужчин, женщин и малых детей – побили, порубили, изнасиловали. Богатства неисчислимые забрали…» [10, с. 454].

В 1601–1603 гг. поляки попытались использовать запорожцев в войне со шведами в Прибалтике. Однако они «ничего доброго не сделали, ни гетману, ни королю не пособили, только на Руси Полоцку великий вред сделали, и город славный Витебск опустошили, …мещан знатных рубили, и такую содомию чинили, что хуже злых неприятелей или татар» [11]. «Витебская летопись» очень скупо говорит об этом: «В год 1602. Казаки с атаманом Дубиной за предательство витебских мещан Витебск выбили» [12]. Она же сообщает и о том, какую кару за содеянное понесли казаки: «В год 1604. Закованных Дубину, атамана, и двенадцать старших привели к королю, а потом на Заручавских Волотовках трёх из них посадили на кол живьём» [12].

«Баркулабовская хроника» дополняет картину: «В 1603 г. объявились запорожские казаки во главе с гетманом Иваном Куцковичем (Куцкой). При нём казацкого люду – 4000... В том же году, в городе Могилеве Иван Куцка сдал гетманство, потому что в войске начались своевольства: кто что хочет, то и делает. От его королевской милости и панов-рады приезжал комиссар. Он напоминал и грозил казакам, чтоб они никакого насилия в городе и по селам не чинили. Один мещанин принёс к этому комиссару на руках свою шестилетнюю девочку – едва живую, изнасилованную. Было горько и страшно смотреть. Все люди плакали, молились Создателю, чтобы тех своевольников покарал вечными муками» [10, с. 462]. Далее, рассказывая о казаках, хронист рисует поведение, аналогичное поведению татар: «А когда казаки запорожские на Низ отсюда выезжали, очень большой вред по сёлам, по городам чинили: женщин, девиц и ребят с собой много забрали. Также коней много с собой забрали. Один казак имел коней 8, 10, 12, ребят – 3, 4, женщин и девиц – 2 или 3» [13, с. 605].

Надо думать, что и в канун «хмельниччины» запорожские казаки не стали другими. Другими стали исторические обстоятельства… Украина начала чувствовать последствия польской экспансии. Рано или поздно она должна была вызвать ответную реакцию запорожской свободолюбивой вольницы.

И хотя запорожский казак, ведущий разбойную жизнь, выработавший под влиянием образа жизни и смешения со степняками особый темперамент и характер, был совершенно не похож на коренного малороссиянина, представлявшего иной мир – оседлый, земледельческий, с культурой, бытом, навыками и традициями, унаследованными от киевских времён, в глазах белорусов именно это порождение враждебной степной стихии стало типичным воплощением украинца.

Картина разгоравшегося пожара была бы не полной, если бы мы обошли вниманием проблему положения украинского крестьянства в так называемый «золотой век» – десятилетие перед 1648 г. Даже Натан Ганновер (еврейский религиозный деятель, историк, писатель. – А.К.), которого уж точно не заподозришь в сочувствии украинцам, пишет об этом положении следующее: «Почти все православные магнаты и паны изменили своей вере и перешли в папскую, а православный народ стал всё больше нищать, сделался презираемым и низким, и обратился в крепостных и слуг поляков и даже… у евреев» [14, с. 85]. Ганновер чётко отделяет казаков от «остальных украинцев». Реестровые казаки (всего около 30000), говорит он, «были освобождены от податей и пользовались вольностями наравне со шляхтой, но остальная беднота православного народа была порабощена магнатами и панами… И так они были унижены, что почти все народы, и даже тот народ, что стоит ниже всех (т. е. евреи. – А.К.), владычествовали над ними» [14, с. 85].

До 1648 г. казачество фактически было явлением посторонним для Украины, жило на степной окраине, в «Диком поле», вся же остальная Малороссия управлялась польской администрацией. Не имея, в отличие от шляхты, гражданских прав, казаки не могли вести с властью переговоры на равных, потому казацкая старшина легализовала свои политические устремления через пламенные декларации о поддержке православия. Таким образом, борьба казаков Запорожской Сечи за свои профессионально-групповые права была превращена в широкую национальную борьбу. А взятая ими на себя роль защитников «русской религии» оправдывала казацкие восстания в глазах не только крестьян, но и немалой части украинских горожан и шляхты [15, с. 88]. Казацкие выступления, регулярно повторяясь, перерастали в

восстания, к которым присоединялись крестьяне и городские низы, притом распространялись они далеко за традиционные очаги казачества – вплоть до Подолья, Волыни и белорусского Могилёва.

Вновь встав на смертный бой в 1648 г., казачество стало бороться уже не только за свои казацкие привилегии и в защиту православия, но и в целях захвата власти, изгнания из Украины «ляхов», «королевят»-олигархов, евреев, униатов и католических ксендзов [15, с. 88–89]. После разгрома коронных войск под Жёлтыми Водами и Корсунем Б. Хмельницкий стал полновластным гетманом. Всё войско поставило его гетманом и упросило принять эту должность. «Летопись Самовидца» рассказывает: «Сразу же казаки разошлись по разным городам, избрав себе полковников и сотников. Где только находились шляхтичи, замковые слуги, евреи, городские власти всех их убивали, не щадя жён и детей, грабили их маетности, жгли и разрушали костёлы, ксендзов убивали, разоряли шляхетские замки и усадьбы, еврейские дворы, не оставляя ни одного целого. Мало кто тогда не обагрил своих рук кровью и не участвовал в грабежах» [16, с. 83].

В дни восстания польская власть была изгнана, и страна оказалась во власти анархии. В Украине устанавливалось управление по «законам военного времени», когда всё определяла воля командующего армии или военного отряда, занимавшего ту или иную территорию. В силу своего военного опыта и организованности казаки завладели всеми важными постами в народном ополчении, придав ему свое запорожское устройство, свою субординацию. Потому казацкие чины – полковники, сотники – явились властью также для малороссийского населения тех мест, которые были заняты их отрядами... Выработанная и сложившаяся в степи для небольшой самоуправляющейся военно-разбойничьей общины система переносилась теперь на огромную страну с трудовым оседлым населением, с городами, знавшими магдебургское право [8].

Восстания малороссов поляки боялись гораздо больше, чем самих казаков. Коронный гетман Николай Потоцкий писал королю в начале восстания: «Число его (Б. Хмельницкого. – А.К.) сообщников простирается теперь до трех тысяч. Сохрани Бог, если он войдет с ними в Украину, тогда эти три тысячи возрастут до ста тысяч» [8]. Предвиденное Потоцким воплотилось в жизнь – большая часть восставших действовала по всей Малороссии в виде так называемых «загонов», внося ужас и опустошение в панские поместья. В течение нескольких недель «презренное мужичье» сделало то, чего в течение пятидесяти лет не могло добиться ни одно казачье восстание – панская власть в Малороссии была сметена как ураганом.

Начало «Збаражской войны» 1649 г. вызвало настоящий ажиотаж. «Летопись Самовидца» сообщает: «Из Заднепровья к гетману Хмельницкому прибыли полки… а в них несметное количество войска: в некоторых полках было более двадцати тысяч казаков. Что село, то и сотник, а в иных сотнях было и по тысяче человек. Все поголовно подались в казачество… Это происходило потому, что в прошлом году многие обогатились грабежом шляхты, евреев и других людей. Даже в городах с магдебургским правом присяжные, бургомистры и райцы оставляли свои должности, брили бороды и шли в войско: там считали бесчестием, если бы кто был небритым с бородой в войске. Так дьявол надсмеялся над степенными людьми» [11, с. 85]. Вряд ли у нас есть основания подвергать сомнению сказанное казацким летописцем – ажиотаж был вызван, прежде всего, желанием нажиться за счёт грабежей. Те, кто не разделял этого всеобщего ажиотажа, тоже шли. Летописец говорит: «Если кто-либо из людей видных и не хотел вступать в казацкое войско, всё же был вынужден это делать во избежание издевательств и нестерпимых бедствий, побоев, лишений в напитках и еде» [11, с. 83].

В результате «хмельниччины» было не только создано новое государственное образование – «Войско Запорожское Украины», но и восстановлено древнее Государство Российское в понимании Украины. Посылая, например, к царю Алексею Михайловичу своих посланников – войскового судью Самойлу Богдановича и переяславского полковника Павла Тетерю, в письме, которое они должны были ему вручить, Хмельницкий пишет: «Посланников наших… с товарищами изволь милостиво выслушать и нас, Богдана Хмельницкого, гетмана Войська Запорожского, и всё Войсько Запорожское и весь христианский мир российский духовных и светских людей во всяком чину пребывающих, которые от тебя ласки ждут

– пожаловать, облагодетельствовать, права церкви, привилегии, всякие свободы и имения духовных и светских людей сущих – кто что имел от веков, от князей и панов благочестивых, от королей польских пожалованным в державе Русской – за что мы кровь свою проливаем, получив то от дедов и прадедов и не давая тому пропасть – просим, да, просим, и до лица земли припадаем, очень просим твоё царськое величество: изволь, твоё царское величество, подтвердить и грамотами своими государскими укрепить на века» [17].

Во всех переговорах со Швецией и Семигородом (Трансильванией) Хмельницкий добивался признания прав казацкого государства «на всю старую Украину, или Русь (Роксоланию), где греческая вера и язык их ещё существует – до Вислы, чтобы они могли удержать то, что добыли своей саблей» [6, с. 58].

В связи с этим в украинской политике всё больше активизировалась белорусская проблема. Хмельницкий, отдавая ей предпочтение, в известной степени способствовал появлению в Восточной Беларуси казаческого движения. Но, буквально сразу же, содействие его развитию со стороны Москвы начинает преобладать над содействием Чигирина (в 1648–1657 гг. этот город являлся резиденцией Хмельницкого и столицей гетманской автономии (Гетманщины. – А.К.)). Чтобы использовать белорусскую шляхту как свою социальную опору на белорусских землях, русское правительство поручило могилёвскому шляхтичу Константину Поклонскому, присвоив ему чин полковника, создать белорусский казачий полк. Сформирован он был в июле-августе 1654 г. из белорусской шляхты, горожан и крестьян Могилевского, Мстиславского и Чаусского уездов. Тогда же он принял участие во взятии Могилёва.

Хотя могилевчане следили за ходом военных действий и знали уже, что царские стрельцы с казаками руководствуются тактикой выжженной земли, они всё-таки решили открыть перед неприятелем городские ворота. Русские власти пытались расположить к себе горожан, раздавая им опустевшие дома евреев и поляков [18, с. 47], [19, с. 49], [20, с. 50]. Документы стандартно и даже обыденно говорят об этом, к примеру, следующее: «Мы войт, бурмистры, райцы и лавники, также и все постольство места Его Царского Величества Могилёва, …згодне и одностайне, абы домы и кгрунта по шляхте, также вшеляких ляхах, жыдах и мещанах збеглых и змерлых позосталые не ваковали, упатруючы, упалым зас и зубожалым людем вшелякого поратованя жычачы и вчесне тому, абы под час трвог и наездов неприятельских ку обороне места було кому ставати…» [18, с. 47]. Из них видно, что связанное с «благодеянием» новых хозяев города условие – участие в защите его от «наездов неприятельских» – делало это приобретение настоящим «данайским даром».

Очень быстро всякие надежды могилевчан на единоверцев рассеялись. Русские стрельцы занялись в городе насилием и грабежами. Они отбирали деньги и оружие, лошадей и хлеб, семена и кухонную утварь. Горькая участь постигла могилёвских евреев. Изгнанные из города, близ него, в поле, они были ограблены и почти все убиты. На месте расправы над могилевскими евреями их земляки-христиане насыпали курган, на который, чтобы оплакать единоверцев, съезжались потом иудеи всей Речи Посполитой [21].

Массовое истребление евреев вселяло в их земляков-белорусов чувство страха перед новой действительностью. Белорусы, хотя и смотрели на евреев без особых симпатий, явной агрессии по отношению к ним не проявляли. Это объяснялось, во-первых, низкими пассионарными качествами белорусов; во-вторых, тем, что сложившаяся в Беларуси система отношений не порождала таких экономических, социальных и политических противоречий, какие в это время существовали в Украине; и, в-третьих, в Беларуси не было силы, которая поставила бы на повестку дня вопрос о создании белорусского государства и превращении титульного этноса в хозяина своей страны – силы, аналогичной украинскому казачеству. Той силы, которая для сплочения собственного этноса стала бы искать кандидата на роль «козла отпущения» и переносить на него (а в этой роли традиционно выступали евреи. – А.К.) ответственность за всё и вся, безнаказанно вымещая на нём все накопившиеся обиды. Белорусская социальная и культурная среда не благоприятствовала появлению в Беларуси враждебной евреям установки и агрессивного (тем более – крайне агрессивного, как в Украине) отношения к ним. Та лютая жестокость, с которой украинские казаки расправлялись с белорус-

скими евреями, вызывала у белорусов сочувствие к ним и заставляла видеть в казаках весьма опасных чужаков. Ситуация усугублялась ещё и тем, что ксенофобскому преследованию последние подвергали не только евреев, но и поляков (и тех, кого таковыми считали).

Письма наказного гетмана И. Золотаренко, отсылаемые в царскую ставку во время кампании 1654 г., рассказывают о тактике, которую он использовал: «Стоя под Гомелем, посылали мы отряды, которые на том берегу Днепра замки и города захватывали и под меч пускали непослушных; а города, которые нам вред чинили, сжечь наказали, прежде всего Речицкий замок, Жлобин, замок Рогачёв сожжён» [4]. Как утверждает В. Яценко, такая тактика была «визитной карточкой казаков во время войны в ВКЛ» [4].

На этом фоне возникла вражда между Поклонским, которому русское правительство передало во временное управление Могилёв, преобразовав Могилёвский уезд в полковую административно-территориальную единицу (Белорусский казачий полк), и наказным атаманом И. Золотаренко. Последний сначала пытался убедить Поклонского в необходимости пойти на союз по-хорошему, а потом приказал нападать на подвластных белорусскому полковнику казаков и шляхту, опустошать территорию белорусского полка [4]. Царские власти в разгоравшийся конфликт не вмешивались.

Поклонский жаловался царю, что казаки Золотаренко «приезжают в город Могилев и чинят обиды большие в уезде, хлеб у крестьян ржаной, и вой, и лошади, и всякую животину брали» [21], но безрезультатно. Молчание Москвы в конечном счёте ухудшило отношение к русским. Начались нападения казаков Поклонского на русских стрельцов, которые вынудили могилевского воеводу Алферова писать царю: «На твою государеву службу полковник не идет, а люди его твоих государевых солдатов в городе на карауле по воротам бьют» [21]. В феврале 1655 г., во время кампании, начатой гетманом Янушем Радзивиллом, Поклонский с четырьмя сотнями своих казаков перешёл на его сторону. Причины своего поступка Поклонский объяснил в письме к могилевчанам, где писал, что надеялся на освобождение своей земли от ляхов, но вместо этого увидел «лупление домов Божих, что и от татар бывало; а христиан наших, которые в повседневном гонении от униатов пребывали, ныне в вечную неволю забрали, а иных помучили; а какие безделия над честными женами и девицами чинили...» [21].

Кампания 1655 г. ещё более ухудшила отношение местного населения к казакам. Оснований для этого они давали достаточно – казацкое войско густо выстилало свой путь пожарищами и трупами. Их реляции о победах рисуют однотипную и страшную картину: «Которые были в том местечке польские и литовские люди и тех всех людей под меч положили, и то местечко и предместья сожгли» [5]. Но всё-таки резня, устроенная казаками в Вильно, затмила всё, что было до неё. Здесь они превзошли сами себя.

Возвращаясь из-под Вильно в Беларусь, казаки захватили ряд населённых пунктов (Мир, Кореличи, Еремичи, Рубежевичи, Свержень, Столбцы) и к концу сентября вновь осадили Старый Быхов. Более года защитники крепости успешно отражали напор казаков и русских стрельцов. Обозлённый их решимостью, Золотаренко обещал: «Когда возьмём вас мечом, и малого ребёнка живым не оставим» [5]. Но под Быховом он сам был смертельно ранен из мушкета, как говорит легенда, серебряной пулей. Подстрелил его с колокольни католический органист Томаш. Потом он признался, что именно ксендзы дали ему «пулю из священной чаши, освящённую и укреплённую специальными заговорами» [22]. Эта пуля, вынутая из тела гетмана, действительно оказалась необычной – на серебряной её сердцевине были вырезаны латинские буквы.

Здесь хотелось бы вернуться к особому статусу Золотаренко в казацкой мифологии – статусу казака-характерника (казака-колдуна, «чаклуна»). Этот представитель элиты запорожского казачества белорусами действительно воспринимался как посланец ада, которого будто бы не брали ни огонь, ни вода, ни сабля, ни обычная пуля. На смерти Золотаренко связанное с ним сверхъестественное якобы не закончилось... Тело наказного гетмана было доставлено в Корсунь (ныне Корсунь-Шевченковский Черкасской области. – А.К.). Тут гроб с ним находился в церкви Святого Николая. В день Рождества Христова, во время службы, при очень большом стечении народа церковь загорелась. В огне, по словам Самовидца, «заживо сгорело боле 430 человек» [16, с. 95]. Пострадало и тело самого Золотаренко – уничто-

жив за свою жизнь с помощью огня немало белорусских городов, после смерти он и сам потерпел от этой стихии. Как утверждает В. Яценко, белорусы в этой смерти увидели что-то символическое [5]. В подтверждение своих слов он ссылается на статью С. Павловского, в которой пересказывается белорусская легенда о смерти И. Золотаренко: «Труп Золотаренко то поднимался в гробу, то вновь падал, лицо его было страшно искривлено, зубы оскалены, а изо рта слышались стоны. В день похорон народа собралось море. Когда монахи начали совершать отпевание, труп Золотаренко поднял руку, с которой стекала кровь, и трижды крикнул: “Бегите! Бегите! Бегите!” В паническом ужасе бросились убегать попы, казаки и весь народ. В этот момент церковь загорелась, и вместе с ней труп Золотаренко поглотил огонь» [23]. В восприятии переживших ужас казацкого нашествия белорусов образ И. Золотаренко закрепился надолго. Его именем белорусские матери ещё долго будут пугать своих детей.

Ставшие жестокой реальностью массовые убийства мирных жителей, насилия, грабежи, надругательство над церквями, осуществлявшиеся людьми, говорившими на «русском» языке и считавшими себя православными христианами, заставили белорусов ментально дистанцироваться от них – как от лютых врагов, сродни татарам. Не будет лишним заметить, что в Беларуси наказание смертью через посаживание на кол практиковалось только в отношении казаков [23].

Ближайшее же время показало белорусам истинные цели «освободителей». Универсалом Б. Хмельницкого от 29 января 1656 г. «на полковництво… в Белую Русь до Могилёва, Чаус, Новобыхова и Гомеля и иных городов и местечек, и сил там же находящихся» был назначен Иван Нечай [6, с. 63]. В отличие от И. Золотаренко, который носил титул наказного гетмана, т. е. начальника над казаками, выступившими в поход, Нечай получает чин белорусского полковника, что недвусмысленно указывало, прежде всего, на административный характер его полномочий [6, с. 64]. Его действия по вытеснению русских из отданных ему Хмельницким во властвование белорусских земель [6, с. 65] и, прежде всего, Могилёвского повета, ясно показывают, зачем он сюда был послан. В апреле 1657 г., усугубляя возникший в русско-украинских отношениях конфликт, Б. Хмельницкий принимает под свой протекторат Старый Быхов [6, с. 68].

Антироссийская деятельность гетманских властей в Беларуси, о которой в Москву исправно докладывал второй воевода Могилёва И. Бутурлин, вызывает там раздражение. Переговоры между Москвой и Чигирином по белорусской проблеме результатов не дали. И потому в июне 1657 г. в Смоленске было сформировано войско во главе с воеводой Змеевым и подьячим Мининым, которое должно было вытеснить казаков из Смоленского, Дубровинского, Оршанского и Могилёвского поветов [5].

Сразу же после заключения по инициативе гетмана Ивана Выговского в сентябре 1658 г. соглашения между Речью Посполитой и Гетманщиной, предусматривавшего вхождение последней в состав Речи Посполитой в качестве третьего её равноправного члена – «Великого Княжества Русского», Иван Нечай развернул боевые действия против русских. Закончились они в начале декабря 1659 г. расправой царских властей над казацкими командирами. В борьбе за белорусские земли Великая Русь победила Малую.

Таким образом, в конце XVI – середине XVII вв. запорожское казачество, воплотив собой в глазах белорусов весь украинский народ, показало иную, абсолютно чуждую им хищную природу. Противопоставив себя белорусам, оно пробудило их этническое самосознание, активизировало процесс этнической самоидентификации и заложило в основу начавшего формироваться национального менталитета, образно говоря, первые, обожжённые в пламени войны с «единокровными и единоверными братьями» кирпичи.

Литература

1. Лобач, В. Восточный сосед. Образ русского в белорусской традиционной культуре / В. Лобач, Ю. Борисёнок // Родина [Электронный ресурс]. – 2002. – № 7. – Режим доступа : http://www.wirade.ru/cgi-bin/wirade/YaBB.pl?board=krievs;action=display;num=1084573414;start=0#0. – Дата доступа : 23.02.2013.

2. Чернявская, Ю. Белорусы. От «тутэйшых» – к нации / Ю. Чернявская. – Минск : ФУАинформ, 2010. – 512 с.

3. Яценко, В. «Українсько-білоруські» війни : у 3 ч. Ч. 1 (Литвини захоплюють Київ) / В. Яценко // Історична правда [Електронний ресурс]. – 25.05.2011. – Режим доступу : http://www.istpravda.com.ua/articles/2011/05/ 25/40311. – Дата доступу : 02.02.2013.

4. Яценко, В. Вказана праця. Ч. 2 (Хмельницький б'є у відповідь) / В. Яценко // Історична правда [Електронний ресурс]. – 07.06.2011. – Режим доступу : http://www.istpravda.com.ua/articles/2011/06/7/41884. – Дата доступу : 02.02.2013.

5. Яценко, В. Вказана праця. Ч. 3 (Гетьман проти царя) / В. Яценко // Історична правда [Електронний ресурс]. – 20.06.2011. – Режим доступу : http://www.istpravda.com.ua/articles/2011/06/20/43183. – Дата доступу : 02.02.2013.

6. Україна і Росія в історичній ретроспективі : нариси в 3-х т. Т. 1. Українські проекти в Російській імперії / В.Ф. Верстюк, В.М. Горобець, О.П. Толочко [Електронний ресурс]. – Інститут історії України НАН України. – К. : Наук. думка, 2004. – 504 с. – Режим доступу : http://histans.com/LiberUA/Book/UaRu/1/2_2.pdf. – Дата доступу : 25.02.2013.

7. Казаки: правда, мифы или легенда. Ч. 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://sonsky.ucoz.ua/publ/kazaki_pravda_mify_ili_legenda_ch_1/1-1-0-135. – Дата доступа : 21.02.2013.

8. Ульянов, Н. Происхождение украинского сепаратизма / Н. Ульянов [Электронный ресурс]. – Мадрид, 1966; М. : Индрик, 1996. – 280 с. – Режим доступа : http://www.debryansk.ru/~mir17/ukrsep-1.htm. – Дата доступа : 27.02.2013.

9. Сажнев, Н. Казаки-характерники / Н. Сажнев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://newvesti.info/kazaki-xarakterniki. – Дата доступа : 25.02.2013.

10. Баркулабаўская хроніка // Старажытная беларуская літаратура (XII–XVII стст.). – Мінск : Кнігазбор, 2010. – С. 446–465.

11. Широкорад, А.Б. Запорожцы – русские рыцари : история запорожского войска / А.Б. Широкорад [Электронный ресурс]. – М. : АСТ Москва, 2008. – 289 с. – Режим доступа : http://www.e-reading-lib.org/bookreader.php/1006985/Shirokorad_-_Zaporozhcy_-_russkie_rycari._Istoriya_zaporozhskogo_voyska.html. – Дата доступа : 23.02.2013.

12. Віцебскі летапіс [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://bk.knihi.com/letapisy/letapisy8.html. – Дата доступу : 02.03.2013.

13. Баркулабаўскі летапіс // Анталогія даўняй беларускай літаратуры: XI – першая палова XVIII стагоддзя ; НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; падрыхт. А.І. Богдан [і інш.], навук. рэд. В.А. Чамярыцкі. – Мінск : Беларуская навука, 2003. – С. 593–608.

14. Ганновер, Н.Н. Пучина бездонная. Хроника Натана Ганновера / Н.Н. Ганновер // Еврейские хроники XVII столетия (Эпоха «хмельничины») ; исслед., пер. и ком. С.Я. Борового. – М., Иерусалим : Гешарим, 1997. – С. 81–152.

15. Камінський Сулима, А. Історія Речі Посполитої як історія багатьох народів, 1505–1795. Громадяні, їхня держава, суспільство, культура / А. Сулима Камінський. – Київ : Наш час, 2011. – 263 с.

16. Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти // Страна казаков : сб. / сост. А.А. Олейников ; под общ. ред. Г.Я. Сергиенко. – Киев : Радуга, 2004. – С. 75–166.

17. Лист Б. Хмельницького до московського царя Олексія Михайловича 17 лютого 1654 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://uahistory.ucoz.ua/publ/zagalni/istorichni_dzherela/list_b_khmelnickogo_do_moskovskogo_carja_oleksija_mikhajlovicha/48-1-0-94. – Дата доступу : 01.02.2013.

18. Постановление могилёвского магистрата, на основании указа Алексея Михайловича, об отдаче пану Кондратовичу Шевне дома, оставшегося свободным после бегства из Могилёва прежнего владельца // Акты, издаваемые Комиссией, высочайше утверждённой для разбора древних актов в Вильне. Т. 34 : Акты, относящиеся во времени войны за Малороссию. – Вильно : Электро-типография «Русский Почин», 1909. – С. 47–48.

19. Постановление могилёвского магистрата, на основании указа Алексея Михайловича, об отдаче Прохору Лукиничу дома, оставшегося свободным после бегства из Могилёва прежнего владельца // Акты, издаваемые Комиссией, высочайше утверждённой для разбора древних актов в Вильне. Т. 34 : Акты, относящиеся во времени войны за Малороссию. – Вильно : Электро-типография «Русский Почин», 1909. – С. 49–50.

20. Постановление могилёвского магистрата, на основании указа Алексея Михайловича, об отдаче Гелияшу Карповичу дома, оставшегося свободным после бегства прежнего владельца // Акты, издаваемые Комиссией, высочайше утверждённой для разбора древних актов в Вильне. Т. 34 : Акты, относящиеся во времени войны за Малороссию. – Вильно : Электро-типография «Русский Почин», 1909. – С. 50–51.

21. 1 лютага 1661. Магілеўскае паўстанне [Электронны рэсурс] ; Арлоў, У. Дзесяць вякоў беларускай гісторыі / У. Арлоў, Г. Сагановіч. – Мінск, 1997. – Рэжым доступу : http://old.knihi.com/10viakou/10v313.html. – Дата доступу : 25.02.2013.

22. Казаки-характерники – кто они? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://topwar.ru/20151-kazaki-harakterniki-kto-oni.html. – Дата доступа : 02.03.2013.

23. Паўлоўскі, С. Пасаджэнне на кол / С. Паўлоўскі // Наша Ніва [Электронны рэсурс]. – 7 мая 2001 г. – № 19. – Рэжым доступу : http://nn.by/?c=arprint&i=95465. – Дата доступу : 02.03.2013.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 01.04.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 94(476)“1917–1920”:[37.091.64:94]

Насуперак праўдзе і дзяржаўным інтарэсам (аб інтэрпрэтацыі гісторыі беларускай дзяржаўнасці 1917–1920 гг. у адным дапаможніку для сярэдняй школы)

Р.Р. Лазько

У артыкуле прааналізаваны агляд гісторыі беларускай дзяржаўнасці ў 1917–1920 гг., які выкладзены ў дапаможніку для сярэдняй школы аўтарства Я.К. Новіка, і абгрунтавана сцвярджэнне аб тым, што гэты агляд уяўляе сабой грубае ідэалагічнае скажэнне гістарычнага працэса, пазбаўляючы выданне характару вучэбнай кнігі. У выніку “дапаможнік” Я.К. Новіка разыходзіцца з пазнаваўчымі і выхаваўчымі задачамі, пастаўленымі ў дзяржаўных дакументах.
Ключавыя словы: грамадзянскае выхаванне, канцэпцыя і выхаваўчы стандарт прадмета “Сусветная гісторыя. Гісторыя Беларусі”, гісторыя Беларусі 1917–1920 гг., праблема дзяржаўнасці, вучэбная праграма для сярэдняй школы, вучэбныя дапаможнікі Я.К. Новіка, ідэалагічная заангажаванасць, дыскрэдытацыя гістарычнага выхавання, шкодніцтва дзяржаўным інтарэсам.

The article investigates the history of Belarusian statehood in 1917–1920 given in the book for a secondary school by E.K. Novik. The article proves that the information provided in the book is a gross ideological distortion of the historical process, which deprives the publication of the nature of an educational book. As a result, the “publication” by E.K. Novik diverges from cognitive and educational objectives set in the state documents.
Keywords: civil education, conception and educational standard of the subject “World History. History of Belarus”, history of Belarus in 1917–1920, problem of statehood, curriculum for secondary school, books by E.K. Novik, ideological engagement, discredit of historical education, wrecking state interests.

Не так даўно ў сродках масавай інфармацыі было размешчана паведамленне аб выніках аднаго сацыялагічнага даследавання, праведзенага ў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, меўшага на мэце выявіць сістэму каштоўнасцей, на якія арыентуецца беларуская моладзь. Адпаведна яму, у іерархіі каштоўнасцей нашай моладзі патрыятызм, любоў да Радзімы займаюць апошнія месцы, значна саступаючы матэрыяльным каштоўнасцям. Пры першым звароце да гэтай інфармацыі яна выклікае здзіўленне, якое неўзабаве пераходзіць у занепакоенасць. Здзіўляе яна, бо вядома, якія вялікія намаганні прыкладаюць дзяржаўныя органы для выхавання патрыятызму ў сучаснай беларускай моладзі. Акрамя даўно існаваўшых класічных выхаваўчых устаноў, у апошнія гады гэтай справай займаецца немалалюдная ідэалагічная вертыкаль, установы якой разглядаюць патрыятычнае выхаванне ў якасці прыярытэтнага накірунку сваёй дзейнасці. У святле прыведзенай вышэй сацыялагічнай інфармацыі гэта дзейнасць выяўляе сваю неэфектыўнасць. На гэтай канстатацыі, аднак, нельга спыняцца. Не варта суцяшаць сябе спасылкай на адпаведнасць выяўленай сацыяёлагамі каштоўнаснай арыентацыі нашай моладзі вядучай сусветнай тэндэнцыі ў грамадскіх паводзінах, для якой таксама характэрныя прыярытэты, звязаныя з правамі і дабрабытам асобы. Справа ў тым, што для народаў большасці еўрапейскіх краін дзяржава стала даўно засвоенай грамадствам, хоць і не ідэальнай каштоўнацю, чымсці натуральным, што быццам было і будзе заўсёды. У нас жа сітуацыя іншая. Беларуская дзяржаўнасць яшчэ не стала такой “вечнай” каштоўнасцю для ўсіх сваіх грамадзян, і яшчэ не выкінутыя на гістарычны сметнік праекты, якія прадугледжваюць яе знікненне. Таму падставы для занепакоенасці ёсць, і яны ў тым, што наша сённяшняя, яшчэ цвёрда не ўстаўшая на ногі, не пазбаўленая хваробаў росту дзяржава – палітычнае ўвасабленне нашай Радзімы – не атрымлівае папаўнення ў шэрагі сваіх будаўнікоў. Гэта сітуацыя стварае неабходнасць шукаць сродкі для паляпшэння грамадзянскага выхавання моладзі і пазбаўляцца ад усяго таго, што яму шкодзіць.

Між тым, некаторыя з гэтых сродкаў відавочныя. Грамадзянскае выхаванне, як вядома, пачынаецца з маленства. Але яго найважнейшы этап і адначасова важнейшы яго сродак –

гэта набыццё адукацыі, час, калі фарміруецца асоба, калі малады чалавек усведамляе сваю прыналежнасць да грамадства, у якім жыве. А паколькі грамадства і створаная ім дзяржава з'яўляюцца прадуктамі гістарычнага развіцця, то відавочна, што першараднае значэнне ў фарміраванні ўсіх грамадзянскіх якасцей, уключаючы і стаўленне да Радзімы, набывае выкладанне айчыннай гісторыі, а ў рамках адпаведнага курса – гісторыі беларускай дзяржаўнасці. У сістэме суб'ект – аб'ект – сродкі навучання пры ўсіх дасягненнях інфармацыйных тэхналогій непераўзыйдзеным па эфектыўнасці звяном застаецца арганізаваная настаўнікам (выкладчыкам) праца навучэнцаў з вучэбнай кнігай. Ён – настаўнік, выкладчык – ёсць і застанецца галоўным суб'ектам працэса фарміравання ведаў па гісторыі і неабходных арыенціраў дзейнасці, якія на гэтыя веды абапіраюцца. У гэтай ролі ён здольны апладніць сродкі навучання, у тым ліку галоўны з іх – падручнік – сваім інтэлектам, сумленнем і ўласным патрыятычным стаўленнем да такога далікатнага прадмета, як гісторыя беларускай дзяржаўнасці.

Пры выкладанні гісторыі барацьбы беларускага народа за стварэнне сваёй дзяржавы ў 1917–1920 гг. творчая роля настаўніка па шэрагу прычын мусіць быць асабліва высокай. Каб зразумець гэта, звернемся, перш за ўсё, да дакументаў, якія ляжаць у аснове сённяшняй сістэмы сярэдняй гістарычнай адукацыі, вызначаюць патрабаванні дзяржаўных органаў да мэтаў, задач і зместу навучання гісторыі. Гэта "Канцэпцыя вучэбнага прадмета "Сусветная гісторыя. Гісторыя Беларусі" (далей – Канцэпцыя) і адукацыйны стандарт гэтага вучэбнага прадмета [гл. 3, 4]. Абодва дакументы сярод мэтаў гістарычнай адукацыі ставяць на першыя месцы "авалоданне вучнямі сістэматызаванымі ведамі аб сусветным гістарычным працэсе і фарміраванне ўяўленняў аб месцы ў ім Беларусі…, выхаванне сацыяльна актыўнай і творчай асобы, грамадзяніна і патрыёта Айчыны" [3, с. 4], [4, с. 7, 8]. Канцэпцыя і дзяржаўны стандарт адназначна вызначаюць і шляхі дасягнення названых мэтаў. Гэта "фарміраванне каштоўнасных арыентацый навучэнцаў на аснове выхавання нацыянальнай самасвядомасці, грамадзянскага патрыятызму"; адукаваны малады чалавек мусіць усведамляць "сваю прыналежнасць да сучаснай беларускай нацыі як нацыі палітычнай, вызначальнай прыкметай якой з'яўляецца наяўнасць суверэннай беларускай дзяржавы" [3, с. 4], [4, с. 8]

Выкладанне матэрыялу айчыннай гісторыі 1917–1920 гг. у сувязі з гісторыяй сусветнай у поўнай меры дазваляе настаўніку рэалізаваць пастаўленыя ў дзяржаўных дакументах мэты і задачы. Ён мае магчымасць паказаць, што выхад беларускага народа ў сваім развіцці да этапу стварэння нацыянальнай дзяржавы, які адбываўся ў гэтыя гады, быў часткай адпаведнага агульнаеўрапейскага працэсу. У гэты час каля паўтара дзесятка еўрапейскіх народаў, ад Ірландыі да Прыбалтыкі і Балканаў, вялі барацьбу за стварэнне сваіх дзяржаў. Не праспаў свайго часу і беларускі народ, паслаўшы ў канцы 1917 г. сваіх найбольш актыўных прадстаўнікоў на Ўсебеларускі кангрэс для пошуку сродкаў, каб спыніць тую цывілізацыйную драму, у якой ён апынуўся ў ходзе сусветнай вайны і анархіі, ахапіўшай Расію. Ідэя нацыянальнай дзяржаўнасці як інструмента абароны яго карэнных інтарэсаў чотка прагучала на гэтым кангрэсе, а ў наступныя гады крок за крокам асвойвалася масамі. Беларуская Народная Рэспубліка (БНР), першы плён намаганняў у накірунку дзяржаўнага самавызначэння беларускага народа, была тым пастаянным фактарам, які прымушаў суседзяў памятаць і ўлічваць яго дзяржаўныя памкненні. БССР была заканамерным вынікам існавання БНР, а сама яна праз дзесяцігоддзі паслужыла формай для стварэння сучаснай рэальнай беларускай дзяржавы.

Змест адукацыі, як вядома, вызначае вучэбная праграма прадмета, задачай падручніка (вучэбнага дапаможніка) з'яўляецца прадстаўленне сістэматызаванага інфармацыйнага забеспячэння праграмы з улікам узроставых асаблівасцей вучняў. У 2009 г. Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь зацвердзіла вучэбную праграму па гісторыі Беларусі (XIX – пачатак XXI ст.) для агульнаадукацыйных устаноў [1], якая істотна не мянялася да 2012 г. Пасля ўважлівага азнаямлення з ёю і з адпаведнымі раздзеламі асноўнага вучэбнага дапаможніка па гэтай дысцыпліне, рэкамендаванага міністэрствам [2, с. 47–48], даводзіцца сцвярджаць, што змест гэтых раздзелаў не адпавядае мэтам, сфармуляваным у Канцэпцыі і дзяржаўным стандарце. Гаворка ідзе аб дапаможніку "Гісторыя Беларусі (кастрычнік 1917 – пачатак XXI ст.)" пад рэдакцыяй прафесара Я.К. Новіка для 11 класа (Мінск, 2009), дзе пытанні гісторыі беларускай дзяржаўнасці ў 1917–1920 гг. разглядаюцца ў раздзелах 16–17: "Беларусь у час Каст-

рычніцкай рэвалюцыі” і “Афармленне беларускай савецкай дзяржаўнасці”. (Увосень 2012 г. школы атрымалі новы дапаможнік аўтарства Я.К. Новіка, аб якім гаворка будзе далей, і новую праграму.) Перш чым перайсці да разгляду адпаведных раздзелаў дапаможніка, звернем увагу на тое, што асобныя іх недахопы былі прадвызначаны ўжо зместам вучэбнай праграмы. Яе навукова-метадычны ўзровень знізіў чыста храналагічны крытэрый фармулёўкі шэрагу яе параграфаў, накшталт “Беларусь у час Лютаўскай…, Кастрычніцкай рэвалюцый”. У гэтых фармулёўках можна бачыць непераадоленую тэндэнцыю разглядаць айчынную гісторыю праз расійскую прызму замест таго, каб вызначыць і зафіксаваць ключавыя для кожнага этапа праблемы развіцця ўласна беларускага народа. Такі падыход, між іншым, затушоўвае неабходнасць пастаноўкі пытання аб аўтахтоннасці і нацыянальным характары абедзвюх форм дзяржаўнасці, узнікшых у Беларусі ў 1918 – пачатку 1919 г. Гэтаму ж выніку садзейнічае і выпадзенне з поля зроку аўтараў у пэўны момант працэсу беларускай нацыятворчасці (у праграме было пазначана паняцце “фарміраванне беларускай народнасці”, але паняцце аб фарміраванні беларускай нацыі адсутнічае) і ўхіленне ад чоткай увязкі спробаў стварэння беларускай дзяржаўнасці з гэтым базавым працэсам.

Зразумела, што аўтары вучэбнага дапаможніка звязаныя патрабаваннямі вучэбнай праграмы, нават недасканалай. Але застаючыся ў межах яе патрабаванняў, яны, тым не менш, маюць магчымасць хоць бы часткова пераадолець яе недахопы. Дзеля гэтага можа служыць сістэма адбору і падачы матэрыялу, метадычны апарат вучэбнай кнігі. Аўтары дапаможніка пад рэдакцыяй прафесара Я.К. Новіка не толькі не выкарысталі гэтых магчымасцей, але і павялічылі недахопы праграмы ў якасных і колькасных адносінах. Каб паказаць гэта, звернемся да тэксту двух адпаведных яго параграфаў (16–17).

Адпаведна з пазнаваўчымі заканамернасцямі і рэкамендацыямі Міністэрства адукацыі, аўтары названых параграфаў дапаможніка пачынаюць іх з метадычнай рубрыкі “Успомніце” з тым, каб закласці аснову для засваення новага матэрыялу і прычынна-выніковых сувязей гістарычнага працэсу. У першым з гэтых параграфаў, адпаведна з пытаннямі метадычнай рубрыкі, у якасці такой асновы мабілізуюцца веды аб часе і спосабах устанаўлення савецкай улады ў Беларусі. А ў асноўным тэксце параграфа каля трэцяй часткі яго аб’ёму займае прадстаўленне асаблівасцей устанаўлення савецкай улады ў нашым краі. Для чаго быў неабходны такі ўхіл у бок апісання Кастрычніцкай рэвалюцыі? Ці не для таго, каб паказаць, што тут, у Беларусі, яна мела салдацкі характар, а створаныя ў яе выніку органы ўлады былі органамі дыктатуры бальшавіцкіх араганізацый Заходняга фронта? Гэта было б справядліва, адпавядала б навуковаму погляду на гэту праблему і закладвала б аснову для засваення ідэі аб актуальнасці ў канцы 1917 г. стварэння мясцовай, народнай, беларускай улады ў беларускім краі. Аднак такое разуменне сітуацыі, як відаць, не ўласціва асноўнаму аўтару і рэдактару выдання. Замест гэтага ён выкладае сваё шкадаванне аб тым, што цяпер Кастрычніцкую рэвалюцыю ўжо не называюць “Вялікай”. Дык што, зноў будзем фарміраваць з нашых маладых людзей рэвалюцыянераў, “верных ленінцаў”?

Панастальгіраваўшы па тых часах, калі Кастрычніцкая рэвалюцыя ў нашай краіне называлася не інакш, як “Вялікай”, аўтар пераходзіць да палохання дзяцей беларускімі нацыянальнымі дзеячамі, якія быццам бы пасля пачатку рэвалюцыі пачалі патрабаваць стварэння ў Беларусі “незалежнай беларускай дзяржавы на буржуазнай аснове”. Ідэалагічная заангажаванасць і тут моцна пашкодзіла прафесару Новіку. Як і любы іншы аўтар школьнага дапаможніка, ён не абавязаны быць спецыялістам па ўсіх праблемах, якія прадстаўляе вучням у адаптаванай для іх форме. Але прафесійная культура патрабуе з увагай і з павагай ставіцца да вынікаў працы спецыялістаў-даследчыкаў, каб не нарабіць памылак самому і не ўвесці ў зман настаўнікаў і іх вучняў. Калі б аўтар быў здольны з гэтымі меркамі звярнуцца да прац сваіх калег [5], да апублікаваных крыніц па гісторыі Ўсебеларускага з’езда [6], [7], то ён зразумеў бы, што як на з’ездзе, дзе было пастаўлена пытанне аб беларускай дзяржаўнасці, так і ў цэлым у беларускім нацыянальным руху ў гэты час пераважалі не “буржуазныя”, а сацыял- і нацыянал-рэфармісцкія (неанародніцкія) партыі. Найбольш уплывовая сярод іх, Беларуская сацыялістычная грамада, напрыклад, лічыла сваёй канчатковай мэтай “ажыццяўленне сацыялістычнага ладу пры дапамозе класавай барацьбы і сацыяльнай рэвалюцыі” [8, с. 285]. Замест таго, каб у даступнай вуч-

ням форме прадставіць вынікі даследаванняў беларускіх гісторыкаў па гэтай праблеме, Я.К. Новік заняўся апраўданнем у дапаможніку роспуску Ўсебеларускага з'езда бальшавіцкімі ўладамі Заходняй вобласці і фронта, даходзячы пры гэтым да грубага скажэння яго дзейнасці. Для пачатку ён спрабуе падважыць існуючую ў літаратуры ацэнку з'езда як прадстаўнічага дэмакратычнага форума беларускага народа, меўшага права гаварыць ад яго імя. Дзеля гэтага аўтар піша, што 1872 дэлегаты з'езда "не прадстаўлялі ўвесь беларускі народ. Ён не толькі іх не выбіраў, але і мала што ведаў аб гэтым з'ездзе". Але хто ж тады быў прадстаўлены ў такіх масавых арганізацыях, як прафсаюзы, кааператывы, беларускія арганізацыі ў войску, бежанскія арганізацыі, земствы і гарадскія думы, якія на сваіх канферэнцыях і сходах *выбіралі* дэлегатаў на Ўсебеларускі з'езд? У адрозненне ад прафесара Я.К. Новіка, мінскія бальшавікі, якія не толькі назіралі за з'ездам, але і былі прадстаўлены на ім, ведалі аб гэтым і адзначалі ў сваім друку, што "ў працы беларускага з'езда запрошаны прыняць удзел усе партыі і прадстаўніцтвы ў Беларусі без выключэння" і што з'езд сабраўся "шматлюдны", "настрой [на ім] узняты" [9, 9 дек.], [9, 13 дек.]. Параўнаем: на тым абласным бальшавіцкім з'ездзе, дзе праз год была абвешчана БССР, прысутнічалі максімум 175 дэлегатаў з рашаючым голасам і 31 з дарадчым [гл. 10] ад адной – бальшавіцкай – партыі, пры гэтым звыш 40% яго дэлегатаў прадстаўлялі партыйныя арганізацыі Смаленскай губерні – у 3,5 разы болей, чым было прадстаўнікоў ад Мінскай і Віленскай губерняў разам, а Гродзенская губерня наогул не была прадстаўлена [11, л. 17, 18]. На аснове адной фальсіфікацыі аўтар робіць другую, сцвярджаючы, што быццам бы адпаведна з меркаваннем "удзельнікаў з'езда" на тэрыторыі Беларусі "павінна была існаваць буржуазная ўлада, незалежная ад СНК РСФСР і ад Савецкай Расіі" (с. 108). Але дастаткова было б прачытаць пастаўленую на галасаванне дэлегатаў "Пастанову з'езда аб самавызначэнні Беларусі і аб часовай краёвай уладзе", каб зразумець, што з'езд заняў зусім супрацьлеглую пазіцыю. Ён даручаў абранаму ім Савету правесці перадачу "ўсёй зямлі з жывым і мёртвым інвентаром без выкупу ў рукі працоўнага сялянства", устанавіць "народны кантроль над вытворчасцю і гандлем", наладзіць "дзелавыя адносіны з цэнтральнай (расійскай – Р.Л.) уладай", а на перагаворах з Германіяй аб міры адстойваць "цэласнасць, нападзельнасць Беларусі і яе неадлучнасць ад Расійскай Федэратыўнай Рэспублікі" [7, с. 154]. У адным не памыляецца прафесар Новік: гэты прадстаўнічы форум беларускага народа намерваўся замяніць беларускімі органамі бальшавіцкія органы ўлады Заходняй вобласці і фронта, гэта значыць, аддаць справу самавызначэння беларускага народа ў рукі яго прадстаўнікоў. За гэта ён і быў разагнаны.

Праявіўшы няздольнасць прафесійна бездакорна прадставіць вучням адну з ключавых падзей навейшай гісторыі беларускага народа, аўтар не знайшоў нічога лепшага, як смакаваць недарэчны выраз "самаабвешчаная дзяржава" ў адносінах БНР. Як быццам нормай з'яўляюцца дзяржавы несамаабвешчаныя.

Да ліку такіх нешматлікіх у сусветнай гісторыі фактаў тварэння дзяржаўнасці чужымі, знешнімі сіламі, і па гэтай прычыне з самага пачатку фіктыўнай, адносіцца стварэнне БССР, як і іншых савецкіх рэспублік на заходніх рубяжах былой Расійскай імперыі. Але ў аўтара іншая ацэнка гэтай падзеі. У стварэнні БССР ён бачыць пачатак "рэальнага і дзейснага *нацыянальна*-дзяржаўнага будаўніцтва ў Беларусі" (выдзелена намі – Р.Л.). З гэтым сцвярджэннем, аднак, ніяк не сумяшчаюцца такія вядомыя факты, як прыняцце ЦК РКП(б) свайго рашэння аб утварэнні БССР без удзелу беларускіх дзеячаў, нават самых блізкіх (яны былі падключаныя толькі да яго рэалізацыі), як абрэзка тэрыторыі толькі што абвешчанай рэспублікі на карысць Савецкай Расіі, а неўзабаве і яе ліквідацыя тым жа органам шляхам аб'яднання з Літоўскай савецкай рэспублікай і, нарэшце, рэпрэсіі супраць беларускіх нацыянал-камуністаў – праціўнікаў гэтага гвалту. Не справіўшыся з задачай прадставіць навукова-папулярны нарыс гісторыі ўтварэння БССР, аўтар далей наогул адмовіўся ад спробы патлумачыць прычыны яе другога абвяшчэння ў ліпені 1920 г. Няхай настаўнік з дзецьмі выкручваецца сам.

Нягледзячы на сціплыя магчымасці, якія стварае школьны дапаможнік, прафесар Новік адводзіць значнае месца разгляду знешніх фактараў у працэсе ўзнікнення абедзвюх форм дзяржаўнасці на тэрыторыі Беларусі – германскага, польскага і фактара Антанты. Гэтыя фактары сапраўды мелі істотнае значэнне ў працэсе беларускай дзяржаватворчасці, паколькі ён ішоў ва ўмовах барацьбы суседніх дзяржаў за кантроль над геапалітычнай прасторай Усход-

няй Еўропы, да якой належала і Беларусь. Спроба беларускіх нацыянальных арганізацый абаперціся на аднаго з удзельнікаў гэтай барацьбы разглядалася імі як адзін з тактычных інструментаў у змаганні за стварэнне беларускай нацыянальнай дзяржавы. Рада і Народны сакратарыят БНР усталі на той самы шлях, на якім суседзі – Польшча, Літва, Украіна – ужо дасягнулі некаторых поспехаў у стварэнні сваёй дзяржаўнасці. Але прафесар Новік ня можа дапусціць для Беларусі таго, што было магчымым для яе суседзяў, і замест таго, каб патлумачыць дзецям акалічнасці і матывы з'яўлення сумна вядомай тэлеграмы кайзеру Вільгельму II, проста асуджае яе як спробу "рэалізаваць незалежнасць пры дапамозе знешніх сіл" (с. 109). Дзіўна гэта для паслядоўніка Леніна – Сталіна, якім выяўляе сябе прафесар Новік. Як паслядоўнік бальшавіцкіх лідараў, ён мусіў бы помніць ленінскае вучэнне аб неабходнасці выкарыстоўваць супярэчнасці паміж імперыялістамі ў інтарэсах сацыялізма. Менавіта такую тактыку спрабавалі прымяніць беларускія нацыянальныя арганізацыі, але ў інтарэсах беларускай дзяржавы. А ці была яна ўдалай – гэта пытанне для навуковых дыскусій.

Аўтар не здолеў праявіць і разумення польскага фактара ў працэсе фарміравання беларускай дзяржаўнасці. Як вядома, Польшча ў гэты час вяла барацьбу з Савецкай Расіяй і актыўна ўплывала як на беларускія нацыянальныя сілы, так і на рашэнні савецкага ўрада адносна Беларусі. Польскі фактар прадстаўлены ў дапаможніку як фактар знешняй пагрозы для беларускай дзяржаўнасці, што, безумоўна, спрашчае яго. Тым не менш, гэты погляд можна было б сцярпець, улічваючы тое, што ён з'яўляецца тыповым для пераважаючай у беларускай гістарыяграфіі плыні. Сапраўды істотным недахопам аўтарскай трактоўкі польскага фактара з'яўляецца адсутнасць у ёй канстатацыі галоўнага матыву польскай экспансіі на ўсходзе Еўропы – імкнення адціснуць Расію як мага далей на ўсход, каб зменшыць пагрозу з яе боку для нараджаўшайся польскай дзяржавы. Прафесар Новік абмежаваўся сцвярджэннем аб наяўнасці ў польскага ўрада мэты аднавіць Польшчу ў граніцах 1772 г., як напісана ў адным месцы, ці Рэчы Паспалітай, як напісана ў другім. Пазбаўленая якога-небудзь тлумачэння, прадстаўленая мэта ў кантэксце адпаведнага раздзела набывае ірацыянальны характар. З тэксту падручніка вучням немагчыма было зразумець, чаму частка дзеячаў беларускага нацыянальнага руху шукала падтрымкі з боку Польшчы ў сваёй барацьбе за стварэнне БНР і чаму не знайшла яе. Разам з тым, неабходна аддаць належнае аўтару і ацаніць як выдатнае яго асабістае дасягненне – указанне на патрыятычны ўздым, ахапіўшы польскі народ, як на галоўную прычыну паражэння Чырвонай Арміі пад Варшавай летам 1920 г. Абяссіленая Савецкая Расія вымушана была заключыць мірны Рыжскі дагавор з Польшчай, па якім ёй "адыйшла" тэрыторыя Заходняй Беларусі.

Нягледзячы на недапушчальнае для вучэбнай кнігі абыходжанне прафесара Новіка з гістарычным матэрыялам, у 2012 г. Міністэрства адукацыі зноў даверыла яму напісаць вучэбны дапаможнік адпаведна з новай, палепшанай вучэбнай праграмай [12]. Гэты дапаможнік па перыядзе 1917–1945 гг. дапушчаны міністэрствам для выкарыстання ў 10 класе [13]. Вывучэнне яго раздзелаў, тэматычна адпавядаючых раздзелам дапаможніка 2009 г., дазваляе заўважыць значнае паляпшэнне яго структуры і зместу. Відавочна, гэта адбылося ў выніку рэцэнзавання рукапісу, у якім удзельнічала вялікая група спецыялістаў – выкладчыкаў універсітэтаў і сярэдніх навучальных устаноў. Палепшылася напаўненне дапаможніка ўласна беларускім матэрыялам за кошт скарачэння матэрыялу агульнарасійскага. Выдзелены два аб'яднаныя параграфы "Абвяшчэнне і стварэнне беларускай дзяржаўнасці", у якіх паслядоўна разглядаецца ўзнікненне ўсіх трох форм дзяржаўнасці таго часу – БНР, БССР і ЛітБел ССР. З большым рацыяналізмам і паслядоўнасцю паказаны ўплыў на гэты працэс польскага фактара. Аднак аўтар так і не сышоў з ідэалагічных пазіцый, прадэманстраваных ім у дапаможніку 2009 г. Ён працягвае шкадаваць, што Кастрычніцкую рэвалюцыю ўжо не называюць "Вялікай", зноў палохае дзяцей беларускімі нацыянальнымі дзеячамі, якія быццам бы спрабавалі стварыць беларускую "буржуазную" дзяржаву, незалежную ад Савецкай Расіі [13, с. 24, 25], і г. д. Да гэтых недарэчнасцей дададзены шэраг фактычных памылак. Толькі пераадольваючы гэтыя істотныя недахопы *"дапаможніка"*(?!) добрасумленны і высокакваліфікаваны настаўнік здольны фарміраваць у вучняў навуковыя ўяўленні аб перыпетыях стварэння беларускай дзяржаўнасці ў 1917–1920 гг. як працэсе аўтахтонным і заканамерным. На настаўніка падае вельмі вялікая псіхалагічная і арганізацыйна-метадычная нагрузка, якая не кожнаму па плячы.

З тэксту вучэбных дапаможнікаў прафесара Я.К. Новіка для агульнаадукацыйнай школы вынікае, што беларускі народ ва ўмовах развалу Расійскай імперыі, ішоўшага ў 1917–1918 гг., аказаўся няздольным да тварэння ўласнай дзяржаўнасці, адзіную няўдалую спробу ў гэтым накірунку зрабілі яго класавыя ворагі – беларуская буржуазія. Яму ж заставалася чакаць падарунка ад вышэйшых бальшавіцкіх уладаў, якія яго то адбіралі, то вярталі зноў. Такое стаўленне аўтара да беларускага народа як да несамастойнай біясацыяльнай масы не ратуе яго галаслоўная дэкларацыя аб тым, што ЦК РКП(б) разам з іншымі фактарамі сваёй палітыкі ўлічваў імкненні нашага народа да стварэння сваёй дзяржаўнасці, прымаючы рашэнне аб стварэнні ССРБ [13, с. 26]. Падмена прафесійнага абавязку гісторыка ідэалагічнай зацятасцю аўтара дапаможніка прывяла да сумнага выніку, які дыскрэдытуе ўсю сістэму гістарычнай адукацыі Рэспублікі Беларусь. Напісаныя пад яго кіраўніцтвам ці ім асабіста дапаможнікі для сярэдняй школы па гісторыі Беларусі не адпавядаюць крытэрыям, устаноўленым для вучэбнай кнігі. Яны не служаць умацаванню гістарычнай памяці і гістарычнай адказнасці беларускай моладзі, а наадварот, разбураюць гэтыя якасці. Іх стварэнне можа быць ацэнена адназначна: гэта шкодніцтва дзяржаўным інтарэсам, учыненае на дзяржаўныя сродкі.

Літаратура

1. Праграмы на 2009/10 вучэбны год. Гісторыя Беларусі: XIX – пачатак XXI ст. // Гісторыя. Праблемы выкладання. – 2009. – № 7. – С. 44–46.

2. Инструктивно-методическое письмо Министерства образования Республики Беларусь «О преподавании учебного предмета “Всемирная история” в 2011–2012 учебном году» // Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. – № 6. – С. 37–54.

3. Концепция учебного предмета «Всемирная история. История Беларуси» // Гісторыя. Праблемы выкладання. – 2009. – № 7. – С. 3–7.

4. Образовательный стандарт учебного предмета «Всемирная история. История Беларуси» (V–XI классы) // Гісторыя. Праблемы выкладання. – 2009. – № 7. – С. 7–12.

5. Рудовіч, С.С. Час выбару : праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе / С.С. Рудовіч. – Мінск, 2001. – 200 с.

6. Усебеларускі з’езд 1917 года : сведчанне сучасніка / Прадм. і публ. В. Скалабана // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 1–4.

7. Канчер, Е.С. Из истории общественных, национальных и революционных движений белорусов / Е.С. Канчер // Нёман. – 1993. – № 1. – С. 138–167.

8. История Беларуси в документах и материалах / авт.-сост. И.Н. Кузнецов, В.Г. Мазец. – Минск, 2000. – 672 с.

9. Советская правда. Центральный орган Областного исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта. – 1917.

10. У гістарычных крыніцах ёсць разыходжанні наконт агульнай колькасці ўдзельнікаў з’езду, таму мы прыводзім максімальныя лічбы. Гл. Кушнер, В.Ф. Першы з’езд КП(б) // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Т. 5. М–Пуд / рэдкал. Г.П. Пашкоў (гал. рэд.). – Мінск : БелЭн, 1999. – С. 480.

11. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 4п. – Воп. 1. – Спр. 7.

12. Учебные программы для учреждений общего среднего образования с русским языком обучения. Всемирная история. История Беларуси. V–XI классы. – Утвержд. Министерством образов. Республики Беларусь. – Минск : НИОбразов, 2012.

13. Новік, Я.К. Гісторыя Беларусі. 1917–1945 гг. : вучэб. дапам. для 10 кл. устаноў агул. сярэд. адукацыі з беларус. мовай навуч. / Я.К. Новік; аўтар метад. апарату В.В. Гінчук. – Мінск : Народная асвета, 2012.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 10.04.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 94(476)«192»:322:272:172

Основные направления политики советской власти по отношению к духовенству и верующим Римско-католической церкви в БССР 1920-х гг.

А.Д. Лебедев

Данная статья посвящена рассмотрению основных направлений политики советской власти в БССР 1920-х гг. по отношению к духовенству и верующим католической церкви. В соответствии с советским законодательством наиболее активные прихожане и духовенство были лишены избирательных прав и подвергались репрессиям по линии ОГПУ.
Ключевые слова: история, католическая церковь, Советская Беларусь, репрессии, ОГПУ.

This article is devoted to the Soviet authorities' policy concerning the Catholic church parish in the 1920s in the BSSR. According to soviet laws the most active parishioners and the members of their families were discriminated and disfranchised. Furthermore they were often subjected to repressions from the direction of the OGPU.
Keywords: history, catholic church, Soviet Belarus, repressions, OGPU.

После Октябрьской революции 1917 г. в Беларуси произошли серьезные изменения, затронувшие практически все сферы жизни общества, в том числе религию и церковь. В соответствии с советским законодательством Римско-католическая церковь, как и все остальные, была лишена своих земельных владений, а также статуса юридического лица. Запрещалось преподавание религиозных предметов в школе, отменялся церковный брак. Духовенство и костельный актив попали под пристальное внимание партийно-советского аппарата.

На протяжении 1920-х гг. в отношении ксендзов власти производили целый комплекс мероприятий в следующих направлениях: 1) правовая и имущественная дискриминация; 2) дискредитация в средствах массовой информации и устной пропаганде; 3) аресты; 4) привлечение к сотрудничеству с властью. В рамках первого направления ксендзы лишались избирательных прав, права пользоваться землей, облагались крупными налогами и штрафами, им запрещалось работать в государственных учреждениях, священнослужителей привлекали на черновые работы [1, с. 373, 374], [2, с. 188, 602], [3, с. 156, 157, 169].

Дискредитация духовенства осуществлялась через газеты, официальные документы, в ходе антирелигиозных кампаний. Ксендзов называли агентами «польского фашизма» [4, л. 3–6], «врагами рабоче-крестьянского государства» [5, л. 15 об.], обвиняли в том, что они отвлекают население от «совстроительства», распространяют «буржуазную идеологию», сеют национальную рознь [6, с. 57, 82, 249, 250, 254]. В советской прессе о католическом духовенстве публиковались материалы обличительного характера.

Репрессии в отношении католических священнослужителей происходили в несколько этапов. ***Первый*** этап – 1918–1922 гг. Всего за это время было арестовано около 30 ксендзов. Одним из первых в марте 1918 г. органами ЧК был арестован настоятель кафедрального костела в Могилеве кс. Е. Святополк-Мирский. Его обвинили в контрреволюционной деятельности и после непродолжительного следствия расстреляли. В 1919–1920 гг. репрессии были связаны с событиями советско-польской войны. Во время войны власти наиболее часто арестовывали ксендзов в качестве заложников в ответ на аресты коммунистов в Польше. Только в 1919 г. лишению свободы подверглись 10 священников РКЦ (в Витебске – В. Балул, А. Озелис и И. Рудис, в Минске – Б. Уссас и К. Лупинович, в Гомеле – П. Бирник, в Полоцке – Л. Барановский, в Освее – Н. Дядул, в Сенно – И. Крол, в Мире – В. Лотаревич). В 1921 г. наблюдается некоторый спад репрессивной активности. За этот год были арестованы двое ксендзов – Л. Гашинский в Могилеве и К. Андрекус в Гомеле [7], [8, с. 34, 43, 44, 47], [9, с. 44, 58, 114, 256, 353, 410].

Репрессии возобновляются с новой силой в 1922 г. в связи с изъятием костельных ценностей и вскрытием мощей святых. Тогда в Беларуси было арестовано 11 ксендзов (в Минске – Я. Василевский, М. Томашевский, А. Лисовский, в Витебске – С. Трусковский, Л. Барановский, в Гомеле – Л. Буйновский и В. Буйновский, в Койданово – Ф. Касперович, в Полоцке – И. Лукьянин, И. Демьян, в д. Блонь под Минском – И. Мациевский) [10, с. 54], [11, s. 128–139], [12, s. 14, 15, 42, 43].

Второй этап – 1923–1925 гг. В 1923 г. в конфессиональной политике советской власти наступает крутой поворот. Масштабные антирелигиозные кампании, массовые аресты среди духовенства временно прекращаются. За это время в Беларуси было арестовано только 2 ксендза – С. Ярошевич в Черикове и Л. Барановский в Витебске [10, с. 55]. При этом 1924 год вообще обошелся без арестов среди духовенства РКЦ. Характерно, что это никак не согласуется с общей динамикой арестов среди духовенства в целом. По данным историка спецслужб О. Мозохина, в 1924 г. репрессии в отношении духовенства существенно возросли по сравнению с 1923 г. Так, если в 1923 г. всего в СССР было арестовано 975 священнослужителей, то в 1924 г. уже 1494, т. е. на 53% больше [139, с. 255, 259]. Подобный либерализм в отношении ксендзов в БССР, на наш взгляд, объясняется обменами политзаключенными с Польшей и Литвой, пик которых приходится именно на 1924 г. Поэтому власти сочли нецелесообразным арестовывать ксендзов, которых можно было обменять на иностранных коммунистов.

Третий этап – 1926–1929 гг. Во второй половине 1920-х гг., как и в начале 1920-х гг., наблюдается активизация репрессий. В это время в БССР было арестовано 20 ксендзов. В 1926 г. – И. Белоголовый (Могилев), И. Бородюля (д. Губино под Лепелем) и А. Филипп (Витебск) [14], [9, с. 54]. В 1927 г. – Б. Слоскан (Могилев), И. Ибянский (Логойск), К. Сивицкий (Орша), Я. Верисоцкий (Дрисса), В. Жолнеревич (м. Обольцы под Оршей), К. Мустейкис (Бобруйск), П. Авгло (Витебск), И. Демъян (Сенно), П. Карпович (Лепель) [14], [9, с. 188, 382, 375]. В 1928 г. – П. Казюнас (Чаусы), В. Пашкевич (Могилев), Я. Жаврид (Бобруйск) [14], [9, с. 172, 202]. В 1929 г. – И. Лукъянин (д. Юрковичи Логойского р-на), И. Мациевский (д. Блонь), А. Шатило (Койданово), Э. Войцехович (Заславль) и П. Казюнас (Чаусы) [14], [9, с. 202, 258, 446].

Отличие арестов данного периода от начала 1920-х гг. заключается в том, что они не связаны с какой либо крупной кампанией властей, например, изъятием церковных ценностей или вскрытием мощей. Всплеск репрессий в 1926 г. и особенно в 1927 г. объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, аресты в определенной степени были «спровоцированы» самой Римско-католической церковью. В 1926 г. посланец папы Пия XI – М. д'Эрбиньи – попытался воссоздать иерархию в СССР и тайно назначил епископов. Например, в Могилев – Б. Слоскана [15, с. 242, 243]. Понятно, что государство, которое стремилось контролировать все сферы жизни общества, не могло не отреагировать соответствующим образом на подобную самостоятельность. Во-вторых, по мнению российской исследовательницы О.А. Лиценбергер, наблюдается ужесточение конфессиональной политики властей уже в 1927 г. [15, с. 246–247]. Подтверждается эта тенденция и перепиской партийных органов и ГПУ. Так, в марте 1927 г. в письме под грифом «совершенно секретно» глава ГПУ БССР Р.А. Пиляр сообщал в Бюро ЦК КП(б)Б о необходимости усилить репрессии в отношении ксендзов, ведущих антисоветскую работу [16, л. 40–41].

Таким образом, с 1919 по 1929 гг. нами зафиксировано 49 арестов в отношении духовенства РКЦ. Однако, если учесть то обстоятельство, что некоторые священники на протяжении этого периода арестовывались неоднократно (Л. Барановский, И. Демъян, П. Казюнас, И. Лукъянин, Я. Мациевский), то количество ксендзов, подвергшихся лишению свободы, составляет всего 44 человека. Безусловно, данные цифры нельзя считать абсолютно точными в силу недостатка достоверных источников. Например, в архивных материалах обнаружены фрагментарные данные об арестах ксендзов П. Капуста и А. Мачука на рубеже 1926–1927 гг. [10, с. 56]. Однако иных документов, подтверждающих эти сведения, не выявлено.

Наиболее частыми мотивами ареста были: заложничество, сопротивление мероприятиям советской власти, подозрение в шпионаже (ст. 66 УК РСФСР 1922 г., ст. 58-10 УК РСФСР 1926 г., ст. 58-6 УК РСФСР 1926 г. с изменениями 1927 г., ст. 68 УК БССР 1928 г.),

антисоветская агитация (ст. 69 УК РСФСР 1922 г., ст. 58-13 УК РСФСР 1926 г., ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР 1926 г. с изменениями 1927 г., ст. 72а УК БССР 1928 г.), использование религиозных предрассудков с целью свержения рабоче-крестьянской власти (ст. 119 УК РСФСР 1922 г., ст. 58-14 УК РСФСР 1926 г., ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР 1926 г. с изменениями 1927 г., ст. 72б УК БССР 1928 г.) [17], [18], [19, с. 39–43].

Дальнейшая судьба арестованных была различна. На протяжении 1921–1929 гг. 15 священнослужителей (В. Балул, Н. Дядул, И. Крол, А. Озелис, И. Рудис, Б. Уссас, Я. Францук, С. Лозинский, К. Михалькевич, Л. Буйновский, В. Буйновский, А. Лисовский, М. Томашевский, С. Трусковский, Я. Василевский) смогли выехать в Польшу, Латвию и Литву в ходе обмена политзаключенными. Следует отметить, что эта цифра составляет почти треть от всех арестованных ксендзов в Беларуси в 1919–1929 гг. Для остальных наиболее часто выносимым приговором было лишение свободы на срок от 3 до 5 лет с местом отбывания наказания в исправительно-трудовом лагере или в ссылке. Такие приговоры были вынесены 15 ксендзам. Смертная казнь применялась реже. За весь период с 1917 по 1929 гг. было расстреляно 8 человек, 7 из них – в первые пять лет существования советской власти. В большинстве случаев, за исключением открытых судебных процессов 1922 г., приговоры выносились внесудебными органами расправы [10, с. 57].

Еще одним направлением политики в отношении духовенства была попытка привлечь его на сторону власти. Так, в научной литературе и архивных документах упоминаются сведения о том, что ГПУ проводило работу по привлечению к негласному сотрудничеству священнослужителей РКЦ. Среди таковых можно назвать кс. И. Бородюлю, К. Лупиновича, А. Шатило, К. Андрекуса [3, с. 185], [14], [20, с. 322]. Кроме того, под давлением ГПУ на протяжении 1920-х гг. в БССР отреклись от сана 4 ксендза (Вл. Хщенович, А. Сак, Б. Волынец, И. Жамойтук). Эти факты были использованы в атеистической пропаганде.

Прихожане, как и духовенство РКЦ, также находились в фокусе государственной политики. В 1920-х гг. основные категории верующих, которые были максимально близки к костелу – это органисты, хористы (участники костельных хоров), председатели костельных советов или комитетов, их секретари, рядовые члены этих организаций, родственники ксендзов и, наконец, просто активные прихожане, которых работники ОГПУ называли термином «костельники». Социально-имущественный состав костельного актива был достаточно пестрым. Это и крестьяне-бедняки, и бывшие дворяне, и городские служащие [10, с. 57].

Государственная политика коснулась верующих как минимум по трем направлениям. Первое – это правовая дискриминация. В первую очередь лишались избирательных прав костельные органисты. В соответствии с инструкцией «О производстве перевыборов сельсоветов и их исполкомов» 1925 г. они были отнесены к категории священнослужителей, а таковые по Конституции были лишены избирательных прав [2, с. 188, 602], [21, л. 317 об.]. Кроме того, та же инструкция свидетельствовала, что члены церковных советов, церковные старосты, сторожа и певчие «к категории духовных служителей не относятся <…> поэтому лишать таких лиц избирательных прав нет ни оснований, ни надобности» [22, л. 317 об.]. Однако, начиная с 1928 г., в документах устойчиво прослеживается линия, свидетельствующая об обратном. В частности, члены костельных комитетов, участники религиозных кружков, а нередко и члены их семей лишались избирательных прав [23, л. 133–134], [24, л. 127].

Второе направление – это налогообложение. Недовольство ростом налогов за пользование костелами фиксируется среди верующих в Бобруйской волости – в 1923 г., в Борисовском округе – в 1925 г., в Полоцком округе – в 1927 г. [10, с. 58].

Третье направление – это репрессии. Как и в случае с духовенством, они проходили в три этапа:

а) 1919–1922 гг. – в связи с событиями советско-польской войны и изъятием церковных ценностей. Причем нередко верующие проходили по делу вместе со своими ксендзами, как это было в Гомеле и Минске [25, л. 87, 87 об.], [12, s. 14, 15, 40, 41, 42, 43];

б) 1923–1927 гг. – это относительно спокойный период в жизни костельного актива. За пять лет, судя по имеющейся у нас информации, в БССР был арестован только один сторож костела в Витебске [9, с. 208];

в) 1928–1929 гг. – период активизации арестов в отношении прихожан РКЦ. С конца 1920-х гг. чаще всего власти в деревне сталкивались с сопротивлением коллективизации, раскулачиванию и антисоветской агитацией на этой почве. Именно эти обстоятельства нередко служили основанием для арестов. Как и в случае с духовенством, им предъявлялись обвинения преимущественно политического характера: антисоветская агитация, помощь международной буржуазии, использование религиозных предрассудков масс, сопротивление мероприятиям советской власти и т. д. [26, л. 88–88 об., 240–240 об., 241–241 об., 243–243 об.], [10, с. 59]. Сроки наказания были различными, как правило, от 6 месяцев до 3 лет заключения.

Таким образом, политика советской власти по отношению к духовенству и верующим РКЦ в БССР 1920-х гг. включала целый комплекс мероприятий: правовая дискриминация, лишение свободы на различные сроки, дискредитация в рамках пропаганды. При этом наибольшая активность в проведении подобных мероприятий припадает на начало и конец 1920-х гг. Отличие репрессивной политики в отношении прихожан по сравнению с духовенством заключается в том, что верующих не обменивали на политзаключенных, как ксендзов.

Литература

1. Декреты советской власти. – Т. 1. – 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1957. – 626 с.

2. История советской конституции (в документах). 1917–1956 гг. – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1957. – 1046 с.

3. Навіцкі, У.І. Змена канфесіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20–30-я гг. XX ст. / У.І. Навіцкі // Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / В.В. Грыгор'ева [і інш.]; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск : ВП Экаперспектыва, 1998. – С. 155–234.

4. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 2992. Выписки из протоколов заседаний бюро и секретариата ЦК КП(б)Б, протоколы заседаний Польского бюро при ЦК, планы работы бюро на январь 1926 г. – март 1927 г.

5. ГАООГО. – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 261. Отчеты и планы работы Мозырского польбюро. 1924–1925 гг.

6. Перед крутым поворотом: тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 гг.) : Отражение времени в архивных документах / авт.-сост. : Р.П. Платонов [и др.]; под. ред. Р.П. Платонова. – Минск : БелНИИДАД, 2001. – 312 с.

7. Белевская, М. Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве / М. Белевская [Электронный ресурс]. – Вильно, 1932. – Режим доступа : http://pawet.net/library/history/bel_history/_memoirs/016a. – Дата доступа : 31.01.2012.

8. Няхай сведчанне іх веры не забудзецца: лёс каталіцкага касцёла на Беларусі. 1917–1953 гг.: Юбілейны камітэт канферэнцыі каталіцкіх біскупаў Беларусі. Камісія па справах Новых Мучанікаў. – Мінск : Непакалянаў, 2000. – 154 с.

9. Маракоў, Л. Рэпрэсаваныя каталіцкія духоўныя, кансэкраваныя і свецкія асобы Беларусі (1917–1964) / Л. Маракоў. – Мінск : Смэлтак, 2009. – 776 с.

10. Лебедев, А.Д. Политика советской власти по отношению к Римско-католической церкви в БССР (1919–1929 гг.) / А.Д. Лебедев. – Минск : РИВШ, 2013. – 192 с.

11. Dzwonkowski, R. SAC. Kościół katolicki w ZSSR. 1917–1939 rr. Zarys historii / R. Dzwonkowski. – Lublin : Towarzystwo Naukowe KUL, 1997. – 477 s.

12. Proces księży w Mińsku. Zarys sprawozdawczy / pod red. J. Leszczyńskiego. – Mińsk : Wydawnictwo partyjne CBKPB «NAPRZÓD», 1922. – 43 s.

13. Мозохин, О.Б. Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953) / О.Б. Мозохин. – М. : Кучково поле, 2006. – 480 с.

14. Dzwonkowski, R. Losy duchowieństwa katolickiego w ZSSR. 1917–1939. Martyrologium / R. Dzwonkowski // Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.kul.lublin.pl/dzwonkowski/martyrologium.html. – Дата доступа : 08.09.2007.

15. Лиценбергер, О.А. Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение / О.А. Лиценбергер. – Саратов : Поволжская Академия государственной службы, 2001. – 384 с.

16. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 2993. Протоколы заседаний Польского бюро агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б). 1926–1927 гг.

17. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Информационно-справочный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.library.ru/help/docs/n10349/yk1922.txt. – Дата доступа : 01.06.2007.

18. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // Российская ассоциация жертв незаконных политических репрессий [Электронный ресурс]. – Режим доступа : rosagr.natm.ru/dynamic/docs/ugolovnyicodex.doc. – Дата доступа : 22.05.2007.

19. Рэабілітацыя. Зборнік дакументаў і нарматыўных актаў па рэабілітацыі ахвяраў палітычных рэпрэсіяў 1920–1980-х гадоў у Беларусі / укл. і аўтар каментарыяў А. Дзярновіч. – Мінск : Athenaeum, 2001. – Т. III. – 178 с.

20. Костел и власть на Гомельщине (20–30-е годы XX в.) / А. Лебедев, В. Пичуков, С. Лясковски. – Варшава – Люблин – Гомель : IPN-IESW, 2009. – 470 с.

21. ГАООГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 2608. Директивные указания ЦК РКП(б), постановления губкома, планы работы отдела, протоколы Губполитпросвета и отборочной комиссии, отчеты, докладные по агитпропработе добровольных обществ. Т. 2. 1924–1925 гг.

22. ГАООГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1371. Переписка с партийными организациями, губернским и уездными отделами Чрезвычайной комиссии и ОГПУ. 1922 г.

23. ГАГО. – Ф. 466. – Оп. 1. – Д. 99. Протоколы заседаний городской и сельских избирательных комиссий. 1928–1929 гг.

24. ГАООГО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 527. Протоколы и выписки из протоколов парторганов. 1928–1930 гг.

25. Российский государственный исторический архив в г. Санкт-Петербурге. – Ф. 826. – Оп. 1. – Д. 944. Дело Гомельского р.-к. приходского костела. 1887–1922 гг.

26. ГАООГО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 114. Переписка Польбюро с партийными и советскими организациями по вопросам работы среди польского населения. 1926–1930 гг.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 01.04.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 94(476):331.361:331.538:37.018.324-058.7“195/196”

Профессиональное обучение и трудоустройство воспитанников детских домов БССР (1954–1964 гг.)

Т.Г. Любавина

В статье рассматривается проблема профессионального обучения и трудоустройства воспитанников детских домов БССР в 1954–1964 гг. Показаны мероприятия государственных органов по оказанию помощи детским домам республики в организации трудового обучения подростков и их трудоустройства. Рассмотрены итоги проведенной политики в данной области.
Ключевые слова: БССР, детские дома, воспитанники, трудовое обучение, трудоустройство.

The article deals with the problem of vocational training and employment of pupils of orphanages in the BSSR in 1954–1964. It shows the actions of government bodies assisting the republic orphanages in the organization of labour training of teenagers and their employment. The results of the pursued policy in the field are considered here.
Keywords: BSSR, orphanages, pupils, labour training, employment.

Обучение и трудоустройство детей-сирот является важнейшей задачей в работе государственных воспитательных учреждений. Изучение данной проблемы актуально, так как рассмотрение ее аспектов в исторической ретроспективе позволяет определить пути совершенствования процесса обучения и трудоустройства воспитанников детских домов. В свою очередь, это имеет большое практическое значение в реализации социальной политики по отношению к детям, оставшимся без попечительства родителей. Цель исследования: рассмотреть процесс профессионального обучения и трудоустройства воспитанников детских домов в 1954–1964 гг.

Пребывание детей в детском доме всегда ограничено возрастным порогом, по достижению которого они подлежат обязательному распределению на учебу или трудоустройство. Данному процессу предшествует длительный период подготовки детей к самостоятельной трудовой деятельности, приобретения необходимых навыков и умений. В рассматриваемый исторический период процедура выпуска воспитанников из детских домов БССР имела ряд характерных особенностей, о чем свидетельствуют архивные документы. Следует отметить, что заявленная проблема остается малоизученной на современном этапе в исторической науке. Историография по проблеме обучения и трудоустройства воспитанников детских домов скупая. Однако имеется целый ряд исследований, посвященных вопросам образования в СССР. Среди них следует выделить работу А.Д. Калинина «Народное образование в СССР», в которой раскрыты важнейшие аспекты организации образовательного процесса в целом [1]. К важнейшим документам, которые позволяют раскрыть суть процесса выпуска воспитанников из детских домов, можно отнести следующие. Устав детского дома от 29 мая 1954 г. является основополагающим документом, где юридически определены все нюансы процедуры выпуска детей [2, л. 31–36]. В приказе министра просвещения БССР от 27 марта 1958 г. «Об улучшении трудового воспитания и обучения детей и работы учебно-производственных мастерских в детских домах республики» отображены вопросы профессионального обучения детей [3, л. 36–44]. В постановлениях Совета Министров СССР «О мероприятиях по улучшению работы детских домов» от января 1954 г. и «О мерах улучшения воспитания детей, оставшихся без попечения родителей» от 9 августа 1956 г. отражены законодательные нормы и их изменения в процедуре распределения детей из детских домов на учебу и трудоустройство [4], [5]. Обширную информацию по обучению и трудоустройству воспитанников дают годовые отчеты детских домов, статистические отчеты, материалы переписки Министерства просвещения, коллегии Министерства просвещения Совета Министров и Главного управления трудовых ресурсов БССР.

Ежегодно перед руководством детских домов республики стояла непростая задача отправить на учебу или трудоустроить большое количество воспитанников. Статистические данные свидетельствуют о том, что с 1954 по 1959 гг. количество детей, подлежащих выводу, в среднем колебалось от 5 до 7 тыс. в год. С начала 1960-х гг. данное количество уменьшается в среднем до 3 тыс. в связи с реорганизацией многих детских домов в школы-интернаты и сокращением в них контингента воспитанников. Основная масса подростков распределялась в ремесленные, железнодорожные и сельскохозяйственные училища, а также в школы ФЗО. Меньшее количество воспитанников отправлялось на учебу в средние и высшие учебные заведения и на работу в предприятия и МТС. Так, в 1956 г. всего по республике выбыло из детских домов 7358 воспитанников, 3198 из них отправились в училища и школы ФЗО и ФЗУ, на работу на предприятия – 402 чел., в средние и высшие учебные заведения – 512 чел. В 1963 г. из детских домов БССР выбыло 3080 воспитанников, из них в училища – 618 чел., на работу в предприятия – 265 чел., в средние и высшие учебные заведения – 123 чел. [6, л. 22], [7, л. 22], [8, л. 4].

Максимальный возраст, установленный для пребывания в детском доме, составлял 16 лет. По его достижению, а то и ранее, воспитанники в обязательном порядке или поступали в учебное заведение, или трудоустраивались. Если подросток в возрасте 16 оставался неустроенным, он продолжал проживать в детском доме, но попадал в категорию переростков [2, л. 32], [3]. Воспитанники-переростки являлись основной проблемой, так как из года в год их оставалось все больше в детских домах. Многих из них было весьма затруднительно трудоустроить по состоянию здоровья. По этой причине в 1955 г. 1543 воспитанника не могли быть приняты в учебные заведения или предприятия [9, л. 279]. Министерству просвещения БССР пришлось обратиться в республиканские министерства и ведомства, которые дали согласие устроить только 465 чел. В конечном итоге, ситуация с переростками приводила к тому, что отделы народного образования не имели возможности принимать в детские дома детей из детских приемников-распределителей МВД, домов ребенка, а также детей, находящихся на патронате и живущих в тяжелых материальных условиях. Кроме того, содержание переростков требовало дополнительных финансовых затрат [10, л. 151].

В ремесленные и железнодорожные училища, школы ФЗО, которые находились в ведении Белорусского Республиканского Управления трудовых резервов, прием учеников осуществлялся исключительно по плану набора. В свою очередь планы набора были намного меньше, чем число воспитанников, подлежащих распределению. Так, в 1955 г. подлежало устройству 1600 воспитанников в училища и школы ФЗО, но реально они могли принять только 350 чел. [9, л. 278].

Архивные документы указывают, что Министерство просвещения БССР и его областные отделы народного образования не имели серьезной поддержки со стороны министерств народного хозяйства и Исполкомов областных Советов депутатов трудящихся в деле устройства воспитанников. Роль исполкомов в данном вопросе сводилась к написанию ходатайств в Совет Министров БССР о выделении дополнительных мест на трудоустройство. Причиной тому было нежелание брать ответственность за создание нормальных жилищно-бытовых условий для детей. Нередки были случаи отказа принимать воспитанников детских домов со стороны самих училищ и предприятий. Главными аргументами с их стороны были отсутствие мест в общежитиях, наличие сверхплановой численности рабочих, вредность производства и т. д. [6, л. 24], [11, л. 55].

Вышеперечисленные факторы способствовали увеличению количества воспитанников, которое вывозилось на учебу и работу в другие республики. Так, в 1955 г. из БССР уехало 1962 воспитанника. В 1964 г. 600 чел. поступили в профессионально-технические училища за пределами республики. Преимущественно они направлялись в Свердловскую, Ленинградскую и Калининградскую области РСФСР, также в Литовскую и Латвийскую ССР. С большим воодушевлением воспитанники ехали поднимать целину [10, л. 23], [12, л. 98].

Профессиональное обучение воспитанников осуществлялось не только в учебных заведениях, но и непосредственно в самих детских домах. С этой целью при каждом детском доме были организованы производственные мастерские и созданы сельскохозяйственные участки. Воспитанники приобретали специальности шоферов, портных, полеводов, садоводов, животноводов и др. В ряде детских домов республики была создана необходимая материальная база

и осуществлялся должный контроль за выполнением учебных программ по общетехническому, хозяйственно-бытовому и сельскохозяйственному трудовому обучению детей.

Однако оставались некоторые трудности в организации учебного процесса, сопряженные с недостатком полезной площади в мастерских, нехваткой необходимого оборудования, инструментов и материалов для работы. Во многих детских домах учебно-производственные мастерские по обработке дерева и металла, волокна и ткани размещались в недостаточно приспособленных помещениях, малых по размерам, не отвечающих санитарным нормам: низкие потолки, малые окна, сгнившие полы, отсутствие форточек, недостаточное отопление. Согласно санитарным нормам, в учебно-производственных мастерских на каждого ребенка должно было приходиться полезной площади 4 кв. м., а фактически выходило 2–2,5 кв. м. В каждой мастерской по правилам предусматривалось не менее чем 15 оборудованных рабочих мест, а в действительности выходило 5–8 мест. Отрицательно на учебном процессе сказывался и тот факт, что многие директора детских домов давали отпуска инструкторам по труду в октябре – ноябре месяцах, считая, что учебные занятия с воспитанниками в учебно-производственных мастерских являются необязательными.

Довольно серьезно стоял и кадровый вопрос. Детские дома не были укомплектованы опытными, имеющими соответствующее образование, инструкторами по труду. В большинстве детских домов республики работали лица, имеющие 4–5 классов образования, не владевшие методикой работы с детьми, не имевшие производственной квалификации. Естественно, подбор таких кадров отрицательно сказывался на качестве получаемых воспитанниками знаний.

Как свидетельствуют документы, к 1958 г. в республике не было ни одной учебно-производственной мастерской, которая находилась бы на хозрасчете, имела специальные счета в отделениях Госбанка или изготавливала продукцию для удовлетворения нужд детских домов, садов и школ, хотя в некоторых из них имелись все возможности.

Многие промышленные предприятия и учреждения, шефствовавшие над детскими домами, не оказывали никакой практической помощи в организации учебно-производственных мастерских, обеспечении их всем необходимым оборудованием и инструментом. В свою очередь, руководители отделов народного образования не принимали мер к активизации деятельности шефов в данном направлении.

Подготовка старших воспитанников к трудовой деятельности не была реализована в полном объеме. Так, во многих областных центрах и промышленных городах имелись предприятия, на базе которых воспитанники имели возможность овладеть профессиями токаря, слесаря, фрезеровщика, столяра, плотника, каменщика и др. В детских домах, расположенных вблизи экономически крепких совхозов, колхозов, воспитанники могли приобрести специальности полевода, садовода, животновода, огородника. Однако директора детских домов ничего не предпринимали в этом отношении.

В большинстве детских домов БССР неудовлетворительно выполнялись программы по общетехническому, хозяйственно-бытовому и сельскохозяйственному труду. Многие инструктора просто не разбирались в программах, не имели навыков составления рабочего плана на четверть, ведения учета выполнения заданий учениками. Директора и завучи детских домов в свою очередь не оказывали им практической помощи, не контролировали и не руководили их работой [2, л. 37–39].

Для исправления сложившейся ситуации Министерство просвещения БССР разработало в 1958 г. ряд мер. Было принято решение оборудовать при каждом школьном детском доме не менее двух мастерских (швейная, по обработке дерева и металла). Швейная мастерская должна была иметь не менее 5–7 швейных мест, а мастерские по обработке дерева или металла – не менее 10 оборудованных мест с полным набором инструмента на каждое место. На оборудование мастерских в наиболее крупных школьных детских домах было выделено 700 тыс. руб. из централизованных средств Министерства просвещения БССР.

Советы ОблОНО обязывались разработать перспективные планы развития учебно-производственных мастерских по каждому детскому дому с учетом возможностей дальнейшего развития, обеспечения получения производственной квалификации воспитанниками, подлежащими трудоустройству. Также была предусмотрена разработка мероприятий по ор-

ганизации производственного обучения всех воспитанников 16 лет и старше, имеющих физические недостатки и не подлежащих по условиям приема выводу в профессионально-технические и ремесленные училища, школы ФЗО и профтехшколы.

По каждому детскому дому были определены профили мастерских и виды профессий, которым будут обучаться воспитанники 8–10-х классов, исходя из местных условий и возможностей. После окончания курса профессионального обучения воспитанникам присваивалась квалификация по определенной специальности. Присвоение производственных разрядов осуществлялось специальной комиссией, создаваемой на предприятиях или при детском доме.

В дальнейшем был определен перечень детских домов республики, в которых предусматривалось содержание производственных мастерских за счет специальных средств по особой смете со счетами в отделениях Госбанка. Мастерские, изготовляющие и реализующие готовую продукцию, подлежали регистрации в соответствующих финансовых органах и включению в плановое снабжение оборудованием, инструментами и материалами. Количество и ассортимент готовой продукции определяли областные базы Госснабсбыта. По новым правилам, при составлении смет по подсобным сельским хозяйствам и учебно-производственными мастерскими выделялись специальные средства в зависимости от получаемых доходов (от 5 до 15%) на оплату труда детей. Заработанные деньги вносились на персональные сберегательные книжки воспитанников, которые потом выдавались им при выходе из детского дома [2, л. 40–43].

Принятые меры способствовали не только повышению качества учебных занятий по трудовому обучению в учебно-производственных мастерских, но и удалось наладить выпуск собственной продукции, которая шла на обеспечение собственных нужд в детских домах. Девочки в швейных мастерских изготавливали различные предметы одежды: платья, шарфы, юбки, карнавальные костюмы и т. д., а также предметы постельного белья: наволочки, пододеяльники, простыни. В мастерских изготавливались стулья, табуретки, столы. Активизировалась работа на сельскохозяйственных участках. Во многих детских домах республики были созданы опытные участки, где дети знакомились не только с теорией, но и практическими приемами по выращиванию сельскохозяйственных культур. Итогом такого рода обучения становилось приобретение воспитанниками соответствующих специальностей, что способствовало их дальнейшему трудоустройству [13, л. 34].

XIX съезд КПСС (1952 г.) принял решение о завершении перехода от 7-летнего образования ко всеобщему среднему. Данное решение внесло коррективы в работу детских домов. С 1956 г. Советам Министров союзных республик было поручено приступить к осуществлению среднего образования воспитанников детских домов и создать необходимые условия для подготовки их к работе в различных отраслях народного хозяйства. В связи с этим пребывание подростков в детских домах было продлено до 18-летнего возраста. После окончания средней школы воспитанники направлялись для работы на предприятия народного хозяйства, а также в технические училища, строительные и горнопромышленные школы, средние специальные и высшие специальные заведения.

Для подготовки из воспитанников детских домов высококвалифицированных рабочих со средним образованием было принято решение организовать в 1957 году в системе Главного управления трудовых резервов при Совете Министров СССР 30 профессионально-технических училищ с 12-летним сроком обучения (включая срок общеобразовательной подготовки). Советы Министров союзных республик совместно с Главным управлением трудовых резервов при Совете Министров СССР в месячный срок должны были рассмотреть вопрос о передаче для указанной цели части детских домов в ведение Главного управления трудовых резервов при Совете Министров СССР.

В системе Главного управления трудовых резервов при Совете Министров СССР для тех воспитанников детских домов, которые не смогут к 18 годам окончить среднюю школу, предусматривалось создание в 1957 г. специальных профессионально-технических училищ с 4-летним сроком обучения для подготовки квалифицированных рабочих с образованием в объеме семилетней школы. Бывшим воспитанникам детских домов, обучающимся в школах ФЗО и профтехшколах, устанавливалась бесплатная выдача обмундирования и по одному комплекту по-

стельных принадлежностей. Воспитанникам детских домов, не удовлетворяющим требованиям приема в ремесленные училища, училища механизации сельского хозяйства, школы ФЗО, ФЗУ и профтехшколы, разрешалось оставаться на период производственного обучения в детских домах на срок до 6 месяцев. Воспитанники, имеющие физические недостатки и хронические заболевания, – на срок не более одного года. В случае необходимости перевода трудоустроенного воспитанника с одного предприятия на другое в течение первого года после выпуска, он имел право быть зачисленным на питание в детском доме на срок не более месяца, а также на оказание помощи в повторном устройстве на работу. Бывшие воспитанники, учащиеся в высших, средних и профессиональных учебных заведениях, приезжающие на каникулярное время в детские дома, где они ранее воспитывались, также зачислялись на питание на срок до двух недель [5].

Переход к среднему образованию стимулировал улучшение работы в детских домах республики. Главной задачей стало дать воспитанникам среднее образование к 18-летнему возрасту. Возможность оставлять их в детском доме до 20–22 лет просто исключалась. В связи с этим был взят курс на улучшение учебно-воспитательной работы и трудового обучения. Отделы народного образования в своей работе сделали упор на создание настоящих мастерских и подсобного хозяйства, где воспитанники могли получать ценные трудовые навыки, ведь не все из них после окончания средней школы могли поступить, например, в институт [14, л. 27–28].

Таким образом, в 1954–1964 гг. Министерство просвещения и областные отделы народного образования проделали большую работу по усовершенствованию системы профессионального обучения воспитанников детских домов. Были созданы технически оснащенные мастерские, в которых подростки получали необходимые навыки для дальнейшей трудовой деятельности. Чаще всего воспитанники овладевали рабочими специальностями такими, как: шофер, плотник, швея, полевод, животновод. Кроме того, продукция, производимая в данных мастерских, шла не только на продажу, но и собственные нужны. В сфере трудоустройства воспитанников по-прежнему оставались некоторые проблемы. Предприятия не всегда могли принять заявленное по плану количество подростков, а министерства и ведомства не спешили оказывать помощь в данном вопросе. Однако процесс трудоустройства с начала 1960-х гг. стал более результативным. Этому способствовал переход к среднему образованию и сокращение количества воспитанников вследствие реорганизации части детских домов в школы-интернаты.

Литература

1. Калинин, А.Д. Народное образование в СССР / А.Д. Калинин ; М-во просвещения СССР. – М. : Педагогика, 1972. – 143 с.
2. Государственный архив Могилевской области (ГАМОО). – Ф. 124. – Оп. 4. – Д. 240.
3. Государственный архив Минской области (ГАМО). – Ф. 1243. – Оп. 1. – Д. 193.
4. О мероприятиях по улучшению работы детских домов : пост-е Сов. Мин-в СССР от 30 янв. 1954 г., № 171 // Библ-ка норм.-прав. актов СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4928.htm. – Дата доступа : 25.02.2013.
5. О мерах улучшения воспитания детей, оставшихся без попечения родителей : пост-е Сов. Мин-в СССР от 9 авг. 1956 г., № 1106 // Библ-ка норм.-прав. актов СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5116.htm. – Дата доступа : 25.02.2013.
6. Национальный архив республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 42. – Оп. 5. – Д. 438а.
7. НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 5. – Д. 444.
8. НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 5. – Д. 1272.
9. НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 5. – Д. 435а.
10. НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 1. – Д. 432б.
11. ГАМО. – Ф. 1243. – Оп. 4. – Д. 39.
12. НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 5. – Д. 278.
13. ГАМО. – Ф. 1243. – Оп. 1. – Д. 148.
14. ГАМО. – Ф. 1243. – Оп. 1. – Д. 167.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 01.04.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 94:323(470):327(476+438)“19”

Польскі вектар расійскай дзяржаўнай палітыкі ў Беларусі ў пачатку XX ст.

В.А. Міхедзька

У артыкуле асвятляюцца асаблівасці дзяржаўнай палітыкі ў дачыненні да польскага насельніцтва беларуска-літоўскіх губерняў Расійскай імперыі ў пачатку XX ст. Адлюстраваны асноўныя этапы развіцця заканадаўчага рэгулявання становішча польскага насельніцтва, паказаны асабістыя матывацыі прыняцця заканадаўчых рашэнняў. Адзначана, што ў першыя гады XX ст. адбываецца збліжэнне ўрадавай адміністрацыі і кансерватыўных польскіх землеўладальнікаў. У выніку скарачэння абмежавальнага заканадаўства адбылося аднаўленне эканамічнага, грамадскага і культурнага польскага ўплыву ў Беларусі, што выклікала новы ўздым антыпольскай рыторыкі ў асяроддзі мясцовай адміністрацыі.
Ключавыя словы: палякі, дзяржаўная палітыка, Расійская імперыя, “заходнія ўскраіны”.

The paper highlights the features of the state policy in relation to the Polish population in the Belarusian-Lithuanian provinces of the Russian Empire in the early twentieth century. The main stages of the legislative regulation of the provisions of the Polish people as well as the personal motives of legislative decisions are shown. It is noticed that in the early years of the twentieth century a convergence of government administration and the conservative Polish landowners is exercised. A reduction of the restrictive legislation creates the restoration of economic, social and cultural Polish influence in Belarus, which caused a new upsurge of anti-Polish rhetoric in the local administration.
Keywords: Poles, state policy, Russian Empire, “western borders”.

Палітыка Расійскай імперыі на яе заходніх “ускраінах”, у тым ліку і ў Беларусі, прыцягвае значную ўвагу даследчыкаў. Сведчаннем таго ёсць публікацыі апошняга часу расійскіх, заходнееўрапейскіх і амерыканскіх гісторыкаў [1], [2], [3]. Адной з найбольш значных праблем застаецца вывучэнне ўрадавай палітыкі ў дачыненні да польскага насельніцтва “Заходняга края”. Пасля паўстання 1863–1864 гг. яна, як вядома, набыла жорсткі дыскрымінацыйны характар. На працягу дзесяцігоддзяў пасля паўстання ў краі дзейнічала складаная сістэма заканадаўчых абмежаванняў польскага насельніцтва ў гаспадарчым, грамадскім і культурна-рэлігійным жыцці. Асабліва жорсткім абмежавальны рэжым стаўся ў 80-я гг. XIX ст. [4], [5]. Пасля паўстання ў краі ўзмацніўся ўплыў “краёўцаў” – лаялісцкай часткі мясцовага польскага грамадства, што лічыла ўзброенае выступленне трагічнай памылкай. “Краёўцы” шукалі магчымасцей для захавання пальшчызны ў складаным ўзаемадзеянні з расійскай уладай. Мэтай прапанаванага артыкула ёсць разгляд кантэксту расійскай палітыкі і, перад усім, пазіцый мясцовай адміністрацыі да польскага насельніцтва Беларусі ў пачатку XX ст.

Пачатак царавання Мікалая II многімі прадстаўнікамі польскага “зямянства” Паўночна-Заходняга краю быў успрыняты з надзеяй на памякчэнне абмежавальнага рэжыму. Сапраўды, імператар у першыя гады свайго кіравання прадэманстраваў шэраг дабразычлівых крокаў на карысць каталіцкага і польскага насельніцтва “Заходняга края”. Самым значным з іх было скасаванне з 1 студзеня 1897 г. кантрыбуцыйнага грашовага падатку з нерухомай маёмасці, які польскія землеўласнікі плацілі з 1863 г. Указ, засведчыўшы памкненне “ўмацаваць у Заходнім краі расійскую дзяржаўнасць”, падаваў скасаванне падатку як асабістую ласку манарха да польскіх землеўладальнікаў [6, с. 143–144]. Яшчэ аднім сведчаннем “зычлівасці” мясцовыя польскія лаялісты лічылі стрыманую рэакцыю ўладаў на “радыкалізм” і “нягнуткасць” віленскіх каталіцкіх біскупаў Звяровіча, а потым і Э. фон Роппа [7, с. 153–154]. У той жа час, з 1901 г. расійскі урад, узяўшы на ўвагу, што колькасць сялян каталіцкага веравызнання з ліку беларускага і літоўскага насельніцтва “небяспечна” павялічылася, абмежаваў іх ў магчымасцях набыцця зямельнай маёмасці па-

мерамі ў 60 дзесяцін [8, с. 45].

Хуткае пашырэнне і радыкалізацыя антыўрадавага руху ператварыла мясцовых польскіх землеўладальнікаў у натуральных саюзнікаў урада. Мясцовая адміністрацыя прыкладна з 1901–1902 гг. і да канца 1905 г. ўжо не разглядала палякаў як сілу найбольш небяспечную для расійскага панавання ў краі. Польскія землеўладальнікі ўспрымаліся як кансерватыўны асяродак, на які ўрад мог бы абаперціся перад набіраўшым моц сацыяльным рухам [9, арк. 3 адв.], [10, арк. 5 адв., 6]. Віленскі генерал-губернатар П.Дз. Святаполк-Мірскі ў дакладзе Мікалаю II у траўні 1904 г. адзначаў кансерватыўнасць польскіх землеўладальнікаў, якія, на ягоную думку, ператварыліся ў апору расійскага ўрада [11, арк. 7 адв., 60, 63 адв., 100].

Рускія памешчыкі, павелічэння колькасці якіх у краі ўрад дамагаўся з дапамогай абмежавальнага заканадаўства, такую апору ўраду скласці яшчэ не маглі. У масе сваёй яны не гаспадарылі самі ў набытых маёнтках, аддаючы перавагу службе ў Пецярбурзе і ў іншых гарадах. Яны аддавалі маёнткі ў кіраванне ці ў арэнду мясцовым ураджэнцам. Шмат хто з рускіх пакупнікоў набываў зямлю ў спекулятыўных мэтах [12, s. 25]. Як заўважаў П.Дз. Святаполк-Мірскі, "памешчык рускага паходжання… частакроць з'яўляецца драпежнікам зямлі, які ігнаруе ўсе патрэбы ўрада" [11, арк. 10 адв.]. Такім чынам, расійская адміністрацыя ў гэты час бачыла ў збліжэнні з мясцовымі польскімі землеўладальнікамі магчымасць умацаваць свае пазіцыі ў краі. Як аптымістычна сцвярджаў віленскі генерал-губернатар, "…Расія выступае цяпер у дачыненні да сваіх больш цывілізаваных іншародцаў узброенай магутнымі сіламі... наш урад... ужо не сустракае сярод заходніх іншародцаў таго супраціву з боку іх духоўных пачаткаў, які б у мінулы час мог уяўляцца небяспечным" [11, арк. 73 адв., 74].

У снежні 1904 г. царскі маніфест абвясціў перагляд абмежавальнага заканадаўства ў дачыненні да "іншародцаў" [13, с. 1197–1198]. Падставай для такога спрыяльнага для мясцовых палякаў развіцця падзеяў выбітны прадстаўнік мясцовых польскіх лаялістаў І. Корвін-Мілеўскі лічыў самога Мікалая II, "пра якога… усім дзеячам польскім… паўтараў, што калі і маем у цэлай дзяржаве расійскай аднаго сапраўды зычлівага да нас і здольнага чалавека, то гэтым чалавекам ёсць Мікалай II" [12, с. 193]. Па сведчанні І. Корвін-Мілеўскага, асабістая зычлівасць П.Дз. Святаполка-Мірскага дазволіла дамагчыся ўказа Мікалая II ад 1 мая 1905 г., якім былі скасаваны найбольш значныя абмежаванні для палякаў у пазямельнай сферы [7, с. 191]. Польскае насельніцтва "Заходняга края" атрымала права на агульных асновах, без абмежавання ў памерах і тэрмінах, купляць, прымаць у заклад і пажыццёвае ўладанне, арандаваць зямельную маёмасць усіх відаў. Пры тым, што захавалася забарона палякам набываць і арандававаць зямельную маёмасць у асоб іншых нацыянальнасцей, польскія землеўладальнікі хутка навучыліся яе абыходзіць. Тады ж быў абвешчаны дазвол выкладання на польскай мове ў тых мясцовасцях края, дзе "большасць навучэнцаў належала да польскай народнасці" [14, с. 286–287]. Штопраўда, улада ў адказ на гэтыя саступкі патрабавала ад мясцовых палякаў сведчанняў лаяльнасці, якія мелі перад усім сімвалічны характар. Ішло пра іх ўдзел ва ўрачыстых цырымоніях адкрыцця ў Вільні помнікаў М. Мураўёву і Кацярыне II. У першым выпадку ў 1898 г. улады палічылі за лепшае не патрабаваць масавай прысутнасці ўплывовых польскіх дзеячаў, магчыма таму, што асоба М. Мураўёва не карысталася вялікай папулярнасцю ў Пецярбурзе. Аднак на адкрыцці помніка Кацярыне II у верасні 1904 г. ужо былі многія з аўтарытэтных польскіх дзеячаў. Аднак, гэта запатрабавала ад П.Дз. Святаполк-Мірскага значных дыпламатычных намаганняў [7, s. 191]. Вялікае станоўчае ўражанне на мясцовае польскае грамадства, па сведчанні Э. Вайніловіча, пакінуў указ 17 красавіка 1905 г., якім былі скасаваны найбольш значныя абмежаванні ў дзейнасці каталіцкай царквы [12, s. 108–109].

Гэтыя перамены адбываліся на фоне палітычнага крызіса царскай улады. Пачатак думскага перыяду стварыў новыя ўмовы для ўзаемадзеяння расійскай улады і польскага грамадства края. Стварэнне асобных дэпутацкіх груповак у Думе ад польскіх "прывісленскіх" губерняў і ад беларуска-літоўска-ўкраінскіх губерняў было выразным лаялісцкім сігналам. Як адзначаў дасведчаны І. Корвін-Мілеўскі, і ў Дзяржаўнай радзе польская групоўка набыла ў 1906 г. рэпутацыю кансерватыўнага "асяродка палітычнай раўнаўвагі" [7, s. 251].

Вяртанне палітычнага курса да канфрантацыі з палякамі І. Корвін-Мілеўскі звязваў са

зменай асабістага стаўлення Мікалая II: “Нашы варшаўскія мудрацы самі наладзілі яму ў 1907 г. грубіянскі афронт, якога аніводны манарх, асабліва аніводны Раманаў, ані забыцца, ані дараваць не мог” [7, с. 193]. Падчас цырымоніі адкрыцця дзейнасці II Дзяржаўнай Думы польскія дэпутаты, адначасова з фракцыяй сацыял-дэмакратаў, дэманстратыўна адмовіліся ўстаць на знак пашаны да асобы імператара. У выніку, заўважаў пазней І. Корвін-Мілеўскі, “ад той хвіліны зрабілі сабе з зычлівага да гэтага часу Мікалая II непрымірымага ворага…” [7, s. 260].

Відавочна, аднак, што асабістая крыўда Мікалая II толькі ўзмацніла тое агульнае ўражанне небяспекі для расійскага панавання, што стварыла хуткая рэстаўрацыя эканамічнага, грамадскага і культурнага ўплыву палякаў на “заходніх ускраінах” імперыі. Пра гэта з думскай трыбуны і на старонках прэсы ўсё гучней казалі расійскія нацыяналістычныя партыі. Змянілася ў гэтым жа накірунку танальнасць паведамленняў беларуска-літоўскіх губернскіх уладаў.

Яскравым сведчаннем моцнай заклапочанасці расійскай адміністрацыі ўзростам польскага ўплыву ў краі з’яўляецца падрыхтаваная мінскім губернатарам А.Ф. Гірсам «Докладная записка о мерах, могущих укрепить национальное самосознание белорусов и противодействовать их полонизации» [15]. А.Ф. Гірс меў дастаткова значны досвед знаёмства з “заходнімі ўскраінамі”. Грамадзянская служба яго пачыналася з пасадаў павятовага маршалка Ковенскай, а потым Мінскай губерняў, пасля быў кіеўскім губернатарам. Гэты дакумент, які быў створаны ў студзені 1914 г., відавочна ад пачатку меў праграмны характар. Асобны адбітак запіскі пад грыфам “зусім сакрэтна” быў адрасаваны мінскаму губернскаму маршалку А.С. Далгаво-Сабураву. Неабходна адразу зазначыць, што, гаворачы пра “нацыянальную самасвядомасць беларусаў”, А.Ф. Гірс зыходзіў з афіцыйнай канцэпцыі “трыадзінага рускага народу” і меў на ўвазе ўмацаванне менавіта расійскай свядомасці сярод беларускага насельніцтва. У гэтым разуменні сутнасці беларускага пытання і адпаведных задач урада А.Ф. Гірс быў вельмі блізкі да П.Дз. Святаполка-Мірскага.

“Запіска” А.Ф. Гірса пачынаецца з прызнання заслуг М.М. Мураўёва ў стварэнні падмурка для ўмацавання “рускіх пачаткаў” і развіцця “рускай культуры ў краі за кошт польскай”. У гэтым кантэксце мінскі губернатар заўважаў, што скасаванне многіх абмежавальных заканадаўчых норм было заўчасным: “Суцэльны шэраг фактаў сведчыць, што рускі элемент у краі яшчэ недастаткова ўмацаваўся, каб уласнымі намаганнямі адстаяць край для Расіі і для рускай культуры” [15, с. 1]. Праз дзесяць гадоў пасля аптымістычных заяў П.Дз. Святаполк-Мірскага мінскі губернатар сумна канстатаваў: “Як толькі былі скасаваны ўсе забароны… зараз жа выявілася ўся перавага польскай меншасці і ў культурных і ў эканамічных адносінах і недастатковая падрыхтаванасць рускай большасці для супрацьдзеяння польскай гегемоніі ў краі. Польскае жыццё ва ўсіх культурных галінах пачало заўважна перамагаць рускае жыццё…” [15, с. 13]. Дзеля таго, каб “адстаяць край для Расіі”, мінскі губернатар прапаноўваў захаваць старыя, а ў шэрагу выпадкаў – стварыць новыя абмежавальныя нормы ў дачыненні да польскага насельніцтва края і каталіцкага касцёла. Акрамя таго, А.Ф. Гірс лічыў неабходнымі мерапрыемствы, якія, на ягоную думку, мусілі спрыяць развіццю “рускіх пачаткаў” у краі. Сярод найбольшых значных абмежавальных задач, якія стаялі перад урадам, ён вызначаў спыненне дзейнасці сярод беларускага каталіцкага насельніцтва тайных польскіх школ, жорсткі кантроль за рухам зямельнай уласнасці ў краі. Вялікую небяспеку для рускай прысутнасці ў краі губернатар бачыў у паланізацыйным характары дзейнасці мясцовых біскупаў-палякаў і каталіцкіх семінарый, пашырэнні каталіцкага празелітызма. Губернатар А.Ф. Гірс пераконваў урад, што “ў справе паланізатарскай дзейнасці злучаюцца ўсе палякі края незалежна ад стана” [15, с. 7]. Таму, лічыў губернатар, нельга дапускаць “палякаў і католікаў” на пасады, якія забяспечваюць непасрэдны кантакт з народнымі масамі і ўсяляк абмежаваць іх прысутнасць у земскіх установах. Вялікую небяспеку для ўрада губернатар бачыў у фактычным захопе палякамі ўстаноў гарадскога кіравання: “Гарадскія ўправы Заходняга края павінны быць забраныя з польскіх рук… і мусіць быць уведзена курыяльная сістэма выбараў галосных па нацыянальнасцях, рускую большасць сярод галосных патрэбна замацаваць законам” [15, с. 12].

Буйным недахопам папярэдняй “ускраіннай палітыкі” мінскі губернатар лічыў ігнараванне “багатага і ўдзячнага этнаграфічнага матэрыялу, якім з’яўляецца беларускае племя. Ба-

гата адоранае ад прыроды, незвычайна працавітае, цвярозае, несумненна адданае Расіі і Рускаму Пасаду” [15, с. 14]. Заўважым, што такая характарыстыка “беларускага племені” з вуснаў высокага расійскага ўрадоўца выразна адрознівалася ад папярэдняй даўгатэрміновай традыцыі. Мінскі губернатар прапаноўваў рэфармаваць дзейнасць мясцовых настаўніцкіх семінарый і пачатковых школ, павялічыўшы аб’ём выкладання ў іх гісторыі, “асабліва мясцовай”, геаграфіі Расіі і рускай літаратуры. На гэтыя навучальныя ўстановы, пераконваў губернатар, “неабходна глядзець не толькі з педагагічнага пункту, але і з пункту гледжання палітычнага, як на адзіны пакуль шлях далучэння найбольш здольных прадстаўнікоў беларускага племені да рускай культуры” [15, с. 15]. Але паўставала праблема забеспячэння навучальных устаноў “правільнымі” падручнікамі. А.Ф. Гірс лічыў такімі творы М. Каяловіча і П. Бранцава, якія з’явіліся яшчэ за мураўёўскім часам і сталіся ўжо бібліяграфічнымі рарытэтамі. Таму ўраду неабходна было паклапаціцца і дапамагчы “мясцоваму рускаму грамадству ў яго памкненні ведаць гісторыю края ў бесстароннім асвятленні” [15, с. 17].

Значным рэсурсам супрацьдзеяння польскім уплывам А.Ф. Гірс ужо традыцыйна лічыў праваслаўную царкву і перад усім прапаноўваў мабілізаваць на барацьбу з “паланізмам” праваслаўныя брацтвы [15, с. 17–19, 23–24].

Сярод прапаноў мінскага губернатара было і стварэнне ў Мінску сельска-гаспадарчага інстытута. Патрэба ў ім тлумачылася неабходнасцю забяспечыць рускіх землеўладальнікаў, недасведчаных у мясцовых умовах гаспадарання, паслугамі рускіх аграномаў: “Недахоп рускіх людзей з агранамічнымі ведамі і адначасова знаёмых з умовамі мясцовай сельскай гаспадаркі надта згубна ўплывае на развіццё ў краі рускага землеўладання, ператвараючы яго частакроць у фікцыю”. Як за дзесяць гадоў да таго зрабіў П.Дз. Святаполк-Мірскі, мінскі губенатар прызнаваў: “Рускае дваранства, што набыло ў краі зямельныя маёмасці… належыць да разраду людзей… якія зрэдку маюць магчымасць жыць у сваіх маёнтках і кіраваць імі непасрэдна”. У выніку, заўважаў А.Ф. Гірс, у краі распаўсюдзілася з’ява, калі “маёнтак лічыўся ўласнасцю рускага памешчыка, …а фактычна ён знаходзіўся ў руках аканома паляка…” [15, с. 22]. Адначасова А.Ф. Гірс звяртаў увагу ўрада на патрэбы развіцця “рускага землеўладання”. На думку мінскага губернатара, мясцовае сялянства не магло стацца асноўным суб’ектам рускай зямельнай уласнасці з-за сваёй “некультурнасці”. Як заўважаў губернатар, “разлічваць, што сілы гэтыя можа даць рускае дваранства, нельга… нават у цэнтры Расіі дваранскае землеўладанне пачынае ісці да заняпаду”. Таму патрэбна “звярнуцца… да мясцовых рускіх культурных сіл недваранскага паходжання, да праваслаўнага духавенства, якое дала значныя кадры мясцовай рускай інтэлігенцыі…, да рускага чынавенства, сярод якога частка элемента прышлага з цэнтра Расіі, частка ж вылучаная мясцовым насельніцтвам, а таксама да той мясцовай рускай інтэлігенцыі, якая вылучана мясцовым беларускім насельніцтвам, дзякуючы паўвекавой дзейнасці тут рускай школы. Гэта інтэлігенцыя, у асяроддзі якой пераважнай па колькасці групай з’яўляюцца настаўнікі народных і царкоўна-прыхадскіх школ, найбольш прыдатная для стварэння з яе рускіх культурных землеўладальнікаў, з прычыны таго, што яна знаёмая з мясцовымі ўмовамі жыцця і сельскай гаспадаркі і безумоўна варожая да паланізатарскіх тэндэнцыяў палякаў” [15, с. 14].

Такім чынам, прапанаваныя А.Ф. Гірсам захады не выходзілі за межы, вызначаныя калісьці яшчэ М. Мураўёвым. Адзіным параўнальна новым сталася дастаткова высокая ўвага да магчымасцей выкарыстання ў антыпольскім змаганні беларускага насельніцтва. Штопраўда, і тут А.Ф. Гірс падмацаваў свае прапановы аўтарытэтам М. Мураўёва, які быццам быў першы, хто “зразумеў і ацаніў значнасць гэтага багатага этнаграфічнага матэрыяла” [15, с. 15]. Вядома, што зварот да аўтарытэта Мураўёва ў дадзеным выпадку быў больш чым сумніўным, але гэты аргумент А. Гірса магчыма зразумець. Грэблівае стаўленне Мікалая II да беларусаў было вядомае, трэба было падмацаваць свае прапановы выключным аўтарытэтам [16, с. 73].

Такім чынам, ва ўмовах пашырэння і радыкалізацыі грамадскага руху расійская ўлада была вымушана шукаць збліжэння з кансерватыўнымі польскімі элітамі. Наступствам гэтага збліжэння сталася паслабленне антыпольскай рыторыкі і частковае скасаванне абмежаваль-

нага заканадаўства. Аднак хуткае аднаўленне польскімі элітамі сацыяльна-эканамічнага і культурнага лідэрства ў “заходнім краі” выклікаў новы ўздым антыпольскіх настрояў, памкненне рэстаўраваць антыпольскае абмежавальнае заканадаўства і выкарыстаць беларускае насельніцтва ў барацьбе супраць палякаў.

Літаратура

1. Долбилов, М.Д. Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М.Д. Долбилов. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 1000 с.

2. Anti-Jewish Violence : Rethinking the Pogrom in East European History. – Bloomington : Indiana University Press, 2011.

3. Бовуа, Д. Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / Д. Бовуа. – М. : Новое лит. обозрение, 2011. – 997 с.

4. Самбук, С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. / С.М. Самбук. – Минск, 1980.

5. Смалянчук, А. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. / А. Смалянчук. – СПб. : Неўскі прасцяг, 2004. – 406 с.

6. Об отмене… особого процентного сбора в доход казны с недвижимых имений лиц польского происхождения в девяти западных губерниях // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3-е. – Т. 17. – СПб., 1900. – № 13899.

7. Korwin-Milewski, H. Siedemdziesąt lat wspomnień (1855–1925) / H. Korwin-Milewski. – Poznań, 1930. – 603 s.

8. Об ограничении принадлежащего крестьянам католического исповедания права приобретения земельной собственности в 9-ти западных губерниях / Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3-е. – Т. 21. – СПб., 1903. – № 19618.

9. Отчет виленского губернатора за 1903 год / Российский государственный исторический архив. – Ф. 1284. – Оп. 194. – Д. 52.

10. Отчет минского губернатора за 1902 год / Российский государственный исторический архив. – Ф. 1284. – Оп. 194. – Д. 98.

11. Отчет виленского генерал-губернатора П.Д. Святополка-Мирского от 20 мая 1904 года // Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў. – Ф. 1284. – Воп. 194. – Спр. 136.

12. Woyniłłowicz, E. Wspomnienia. 1847–1928. Część pierwsza / E. Woyniłłowicz. – Wilno, 1931. – 365 s.

13. О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка / Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3-е. – Т. 24. – СПб., 1907. – № 25495.

14. О порядке выполнения пункта седьмого именного указа 12 декабря 1904 г. в отношении девяти западных губерний / Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3-е. – Т. 25. – Ч. 1. – СПб., 1908. – № 26163.

15. Докладная записка «О мерах, могущих укрепить национальное самосознание белорусов и противодействовать их полонизации» минского губернатора Гирса // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 60. – Воп. 3. – Спр. 114.

16. Куропаткин, А.Н. Дневник / А.Н. Куропаткин // Красный архив. – 1922. – Т. 2.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 01.04.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 378.6(476.2)«1944/1991»

Деятельность кафедры всеобщей истории Гомельского государственного университета в 1944–1991 гг.

В.А. Острога

В статье анализируется создание и деятельность кафедры всеобщей истории Гомельского государственного университета в 1944–1991 гг. Особое внимание обращено на преподавательский состав, учебную и научно-исследовательскую работу. Детально характеризуется тематика научных исследований. Сделан вывод о трансформации кафедры в 1980-е гг. в крупный научно-образовательный центр в области истории.
Ключевые слова: кафедра, научно-исследовательская работа, Новая и Новейшая история, университет, научный центр.

The article examines the foundation and activities of the World History Chair of Gomel State University in 1944–1991. Special attention is given to the teaching staff, educational and scientific-research work. The subjects of scientific research are characterized in detail. The conclusion is made about the transformation of the Chair in the 1980s into the major scientific and educational centre in the field of history.
Keywords: chair, scientific-research work, New and Contemporary History, university, research centre.

В настоящее время система высшего образования нашей страны переживает новый этап своего развития. Поэтому актуально изучение истории деятельности различных вузов республики. В этой связи особую важность приобретает исследование истории кафедр, которые зачастую являются научно-образовательными центрами в своей области знаний. Исторический опыт их работы становится востребованным для дальнейшего более эффективного развития науки. В данном исследовании на основе неопубликованных архивных источников будет проанализирована деятельность кафедры всеобщей истории Гомельского государственного университета за весь послевоенный советский период, чего в настоящее время в полном объеме еще не проведено.

Начало подготовки историков в Гомельском государственном университете имени Ф. Скорины было положено в 1944 г., так как существовавший в довоенный период с 1930 г. Гомельский педагогический институт имени В.П. Чкалова не имел в своем составе исторического факультета. В первый 1944/1945 учебный год в институте на новом историческом факультете была создана кафедра истории, которую возглавил доцент Фирсов. Однако он не проживал постоянно в Гомеле и мог лишь периодически приезжать из Москвы, что абсолютно не способствовало организации работы кафедры [1, л. 1]. В итоге, уже в декабре 1944 г. на должность заведующего был назначен доцент С.М. Орлов. В этот период, кроме него, на кафедре работало еще двое преподавателей, в том числе совместитель доцент Я.Г. Фейгельсон, читавший все курсы всеобщей истории. В следующем учебном году состав кафедры увеличился до 5 человек.

На начало 1946/1947 учебного года кафедра истории, с января 1947 г. руководимая старшим преподавателем И.П. Вольским, насчитывала 8 сотрудников. Из них Новый период всеобщей истории читал Я.Г. Фейгельсон, а кандидат исторических наук А.М. Джамилинский – историю Востока. Однако, как отмечалось в отчете кафедры за этот год: «То, что кафедра истории не была разделена на кафедру истории СССР и кафедру всеобщей истории, а работала как единая кафедра, делало работу кафедры громоздкой и создавало значительные затруднения» [2, л. 127].

В марте 1946 г. на заседании бюро Гомельского обкома КП(б)Б институт и все его кафедры были подвергнуты жесткой критике за слабую научную работу. В протоколе заседания отмечалось: «Состав преподавателей нуждается в решительном подъеме своей научной квалификации... Большинство опытных преподавателей в силу учебной перегрузки не зани-

маются научно-исследовательской работой, не все... готовятся к сдаче кандидатского минимума и работают над кандидатскими диссертациями» [3, л. 161].

В октябре 1947 г. была создана кафедра всеобщей истории, которой первоначально руководил кандидат исторических наук Л.В. Александренко. Вскоре его заменил доцент А.М. Джамилинский. На кафедре работало 5 человек: Л.В. Александренко (Новая история и спецкурс «Масарик как публицист»), А.М. Джамилинский (Новая история стран Востока), декан исторического факультета А.М. Гуревич (история древнего мира и спецкурс «Международные отношения. 1938–1945 гг.»), А.И. Коробочко (история средних веков) и Я.Г. Фейгельсон (методика преподавания истории) [4, л. 258].

Как и преподаватели других советских вузов, сотрудники кафедры в этот период прошли проверку на отсутствие «низкопоклонства перед Западом и космополитизмом». По ее результатам в отчете о работе института было замечено, что «в лекциях по новой истории доц. Александренко и по истории стран Востока Джамилинского нет должной политической заостренности» [5, л. 16]. В 1948/1949 учебном году, после увольнения А.М. Джамилинского, зав. кафедрой стал А.М. Гуревич. Вместе с ним работали Л.В. Александренко, А.И. Коробочко и Э.Б. Модина. Каждый из них имел собственную научную тему: А.М. Гуревич – «Большевистское подполье и партизанское движение в Гомельской области в годы Великой Отечественной войны», Л.В. Александренко – «Аграрные реформы в Чехословакии», постепенно трансформировавшаяся в тему докторской диссертации «Аграрные преобразования в странах народной демократии», Э.Б. Модина – «Индийский национальный конгресс и национально-освободительное движение в Индии в 1905–1907 гг.», А.И. Коробочко – «Народные восстания во Франции в XVIII в.» [6, л. 547].

В 1949 г. А.М. Гуревич перешел на кафедру истории КПСС и заведовать кафедрой всеобщей истории стал Г.П. Куриленко. Однако в конце учебного года он был уволен из института как «неспособный». На кафедре продолжали работать Л.В. Александренко (Новая история), Э.Б. Модина (Новейшая история), А.И. Коробочко (история средних веков) и Каминский (методика преподавания истории). Кроме того, совместитель А.М. Гуревич прочел курс «История международных отношений». В этом году А.И. Коробочко и Э.Б. Модина защитили кандидатские диссертации. Как отмечалось в отчете института за 1949/1950 учебный год: «Кафедра всеобщей истории, несмотря на наличие 3-х кандидатов исторических наук… не заняла еще подобающего ей места в институте. Не все лекции читались преподавателями этой кафедры на должном уровне, недостаточно проводились связи с современностью, слабо давалась критика антипартийных космополитических взглядов на новейшую, среднюю и древнюю истории» [7, л. 14–15].

В 1950/1951 учебном году состав кафедры не изменился, но был назначен новый заведующий К.В. Элме, работавший над докторской диссертацией по истории Чувашии. Ввиду трудностей развертывания научной работы по всеобщей истории, он направил силы кафедры на изучение истории Гомельщины и отмечал в одном из отчетов: «...выполнение плана научной работы по всеобщей истории возможно только в архивных и книжных фондах Москвы и Ленинграда» [8, л. 42]. Нужно заметить, что в этом году была организована проверка работы исторических кафедр, при подведении итогов которой их руководству было высказано много замечаний [9, л. 6].

В следующем учебном году ситуация не изменилась, более того, кафедра понесла невосполнимую утрату – скончался Л.В. Александренко. С этого момента несколько лет подряд Э.Б. Модина была единственным преподавателем курсов Новой и Новейшей истории в институте.

В 1952/1953 учебном году, как и в последующие годы, на кафедре работали 4 сотрудника: заведующий К.В. Элме (древний мир), Э.Б. Модина (Новая и Новейшая история Запада и Востока), А.И. Коробочка (средние века) и Каминский (методика преподавания истории). А.И. Коробочко в этот период начал работу над докторской диссертацией по теме «Развитие капитализма в сельском хозяйстве Франции в XVIII в.», впоследствии по рекомендации кафедры истории средних веков Ленинградского государственного университета изменив ее на «Экономическая программа французской буржуазии в дореволюционный период (50–80-е гг. XVIII в.).

С 1955/1956 учебного года существовавшие в институте две исторические кафедры были объединены и вновь стали единой кафедрой истории под руководством И.А. Ильиных. На новой кафедре Э.Б. Модина продолжала читать Новейшую историю Запада и историю Востока, А.И. Коробочко стал читать Новую историю.

В это время проходил процесс сокращения подготовки историков в институте. К началу следующего учебного года исторический факультет был ликвидирован и из института уволены три преподавателя, среди которых был А.И. Коробочко. Единственным специалистом по всеобщей истории оставалась Э.Б. Модина, которая в новых условиях вынуждена была изменить тему НИР на «Научно-атеистическое воспитание на уроках истории в 9 классе», хотя продолжала работать над своей востоковедческой темой «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на национально-освободительное движение народов Востока» [10, л. 16]

На 1958/1959 учебный год кафедра истории была самой малочисленной в институте, состояла из 3 человек и в конце года была ликвидирована. Оставшиеся преподаватели, в т. ч. Э.Б. Модина, со следующего учебного года перешли на кафедру марксизма-ленинизма. Э.Б. Модина некоторое время читала Новую историю и работала по прежним научным темам, пока летом 1960 г. не была уволена.

Таким образом, 1960 г. фактически стал временем прекращения преподавания и изучения всеобщей истории в Гомельском педагогическом институте и с учетом этого в целом в Гомельской области. Для такого крупного региона БССР это было явно ошибочным действием. Почти на десятилетие развитие исторической науки на Гомельщине было остановлено. Не помогло даже протестное письмо преподавателей в ЦК КПСС [11, с. 115]. Но в 1969 г., когда на базе педагогического института был создан Гомельский государственный университет, историческое образование стало вновь востребованным. Таким образом, Гомельский педагогический институт – единственный в БССР, который пережил ликвидацию исторического факультета и возродил его благодаря созданию университета.

Подготовка историков начала осуществляться в рамках историко-филологического факультета (ИФФ). Для этого базовой кафедрой на факультете была определена кафедра истории КПСС и научного коммунизма. На ней работало несколько преподавателей, ведших общеисторические курсы. Но реально ситуация была довольно парадоксальной. Так, на 1972 г., через три года после открытия исторической специальности, на факультете имелись 4 филологические кафедры и ни одной исторической. Таким образом, в первой половине 1970-х гг. историческое образование и тем более научная деятельность оставались в «тени». Ликвидировать специальность оказалось гораздо легче, чем восстановить. Учебный план на историческом отделении постоянно не выполнялся. Из-за отсутствия преподавателей некоторые учебные курсы переносились на следующий год, отдельные читали аспиранты. Студенты трех курсов находились в незавидном положении.

В октябре 1971 г. ответственный за историческое отделение ИФФ зав. кафедрой истории КПСС и научного коммунизма доцент А.Г. Мещерский впервые официально поднял на заседании Совета факультета вопрос о скорейшем создании самостоятельной кафедры истории. Его поддержали и в марте 1972 г. на Совете рассматривался специальный вопрос «О выполнении учебного плана на историческом отделении». Докладчик А.Г. Мещерский проинформировал, что «из-за отсутствия преподавателей на втором курсе не читаются история средних веков, нумизматика, история стран Азии и Африки. На третьем курсе не читалась история СССР, не ведутся по Новой истории практические занятия. Положение очень тяжелое» [12, л. 65]. Он сообщил, что имеется 10 вакансий, но очень мало желающих, т. к. нет преподавательского жилья. В итоге было решено ставить вопрос перед ректоратом о создании кафедры всеобщей истории и истории СССР.

1 сентября 1972 г. на ИФФ была создана кафедра истории СССР и всеобщей истории, выделившаяся из состава кафедры истории КПСС и научного коммунизма. Кафедру возглавил доцент Г.С. Евдокименко. В ее первом составе было 7 сотрудников: 2 профессора, 2 доцента и 3 преподавателя, вакантных должностей осталось 5. Из числа преподавателей лишь профессор А.А. Бенедиктов читал курс истории стран Азии и Африки. Он являлся специали-

стом по истории колониальной Индии. Штатных специалистов по Новой и Новейшей истории не имелось. Университет был вынужден пригласить на почасовку преподавателей из БГУ, в частности, курс Новой истории читал В.И. Синица, Новейшей – профессор Г.М. Трухнов [13, л. 18]. Однако кадровая ситуация оставалась очень сложной, и лишь после вмешательства Минвуза БССР к кафедре были прикомандированы 4 преподавателя с кафедры истории Нового и Новейшего времени БГУ. Трое из них должны были обеспечить чтение Новой и Новейшей истории: профессора Л.М. Шнеерсон, Г.М. Трухнов и доцент Д.С. Климовский. Помимо учебной работы, эти преподаватели «провели ряд консультаций по организации кафедральной работы, научной работы преподавателей и студентов».

В мае 1973 г. по контракту на кафедру были приняты трое преподавателей, в том числе Н.Л. Третьякова (история южных и западных славян, история Средних веков) и доцент Л.Н. Гаранин (Новая и Новейшая история). Помимо их, на кафедру распоряжением Минвуза БССР был распределен выпускник кафедры истории Нового и Новейшего времени БГУ Г.Г. Лазько.

В этой сложной ситуации Г.С. Евдокименко предложил, что «для лучшего руководства учебным процессом кафедра нуждается в разделении на две кафедры: истории СССР и БССР и кафедру всеобщей истории» [14, л. 26]. Появилась зыбкая перспектива восстановления на Гомельщине полноценного центра изучения всеобщей истории. Ну а пока на первый (1972 г.) план НИР кафедры было запланировано три темы: одна коллективная – «Очерки истории Гомельской партийной организации КПБ» и две индивидуальные – «Земство и аграрное движение на материалах Северного Кавказа и Нижнего Поволжья (1905–1915 гг.)» (И.Ф. Мужев) и «Некоторые вопросы истории Древнего Востока» (А.А. Бенедиктов) [15, л. 73]. Таким образом, исследования планировалось проводить только по одному направлению.

В следующем учебном году кафедра увеличилась до 11 человек. Однако вновь на подмогу из Минска приезжали профессора Л.М. Шнеерсон и Г.М. Трухнов. В этом году кафедра активно подключилась к работе в республиканском межвузовском сборнике «Вопросы истории», в перспективе планируя свой. Было сформировано два направления кафедральной НИР: 1. История белорусского народа. Аграрные отношения в Белоруссии в период капитализма. 2. Рабочее, коммунистическое и национально-освободительное движение в Новое и Новейшее время [16, л. 126].

Заведующего кафедрой не покидала мысль о разделении кафедры, и на заседании в апреле 1974 г. он даже заявил, что работа в этом направлении уже идет. А в годовом отчете он отметил: «Самое главное – необходимо решить вполне созревшую проблему о разделе кафедры на две самостоятельные единицы. Это во многом поможет и в решении других неотложных проблем: укомплектование необходимыми кадрами, осуществление научно разработанных специализаций, улучшение состояния научной работы и т. д.» [17, л. 120].

В 1974/1975 учебном году кафедра насчитывала уже 14 преподавателей. Однако с уходом посредине учебного года с кафедры профессоров А.А. Бенедиктова и И.Ф. Мужева ситуация вновь осложнилась. Нужно отметить, что несмотря на внешнее впечатление «профессорской силы» кафедры А.А. Бенедиктов и И.Ф. Мужев были недисциплинированные, своенравные и язвительные люди, любившие всех критиковать, но самим оставаться вне критики. Действуя сообща, они скорее осложняли работу кафедры, нежели помогали ей. К примеру, после проверки Минвуза БССР в декабре 1973 г. работа их была признана неудовлетворительной [18, л. 119].

Пришлось опять приглашать Л.М. Шнеерсона и Г.М. Трухнова. На вакантные преподавательские должности планировали прибыть из Могилева старший преподаватель К.М. Петухов и доцент БГУ К.А. Ревяко, а также после окончания университета были оставлены выпускники А.М. Бобков и И.П. Заркевич для преподавания дисциплин всеобщей истории. Как и прежде, вследствие учебных перегрузок, преподавателям не оставалось времени на научную работу. Хотя нельзя не признать их стремления не уступать трудностям. Достаточно часто преподаватели писали отзывы на авторефераты диссертаций, обсуждали тексты диссертаций и т. д. Например, во II научной конференции профессорско-преподавательского состава по итогам научно-исследовательской работы за 1974 г. 11 докладов было историче-

ской тематики, среди них четверо – Л.Н. Гаранин, Н.Л. Третьякова, Н.А. Титова и Г.Г. Лазько – выступили с сообщениями по проблемам всеобщей истории [19, л. 95].

В следующем учебном году кафедра всеобщей истории сумела обойтись своими силами, и преподавателей БГУ уже не приглашали. Хотя в кафедральном отчете отмечались «...большие проблемы с преподаванием истории Азии и Африки, нет квалифицированного специалиста» [20, л. 110]. С начала года Новейшую историю стал читать старший преподаватель К.М. Петухов. По его словам, в мае 1975 г. он защитил диссертацию в ЛГУ, так и не утвержденную ВАК.

Для укрепления кафедры Г.Г. Лазько направили в аспирантуру в БГУ. Предполагалось, что еще один вновь прибывший молодой преподаватель будет направлен в аспирантуру при ЛГУ по истории Азии и Африки.

29 декабря 1975 г. на заседании кафедры впервые были утверждены две специализации по истории СССР и Всеобщей истории и планы их реализации [21, л. 53–54]. В этом году, несмотря на относительную кадровую слабость, кафедра проводила активную научную работу. Например, обсуждались кандидатские диссертации преподавателя Н.А. Титовой, был дан отзыв на монографию Д.С. Климовского «Германия и Польша в локкарнской системе европейских отношений» (Минск, БГУ, 1975). Но именно в этом году в отчете кафедры было жестко заявлено не только о разделе кафедры, но и что «назревает проблема в выделении исторического отделения в самостоятельный факультет», и «если университет не решит этой давно назревшей проблемы в 1976/1977 учебном году, кафедра вынуждена будет поставить этот вопрос самостоятельно перед вышестоящими органами, включая областной комитет и ЦК КПБ» [22, л. 135].

В 1976/1977 учебном году одним из главных событий на кафедре было обсуждение письма председателя Научно-технического совета Минвуза СССР профессора М.Т. Белевского, в котором он критически относится к подготовке историков в Гомельском госуниверситете, предлагая развитие специализаций. В связи с этим на кафедре разгорелась дискуссия о том, насколько необходимо при подготовке будущих школьных учителей истории дифференцировать их обучение на специализации. В том же году на кафедре уже не предлагали ее разделения, а лишь создания внутри ее двух секций – истории СССР и всеобщей истории.

В следующем учебном году, в мае 1978 г. на кафедре проводилась проверка Минвуза БССР, в результате которой ее работа была признана удовлетворительной [23, л. 109]. Однако в отчете кафедры вновь прозвучало требование ее раздела на две.

С 1978/1979 учебного года ситуация на кафедре ухудшилась. В связи с ограничением набора на историческое отделение произошел переход на одну специализацию по истории СССР. Всеобщая история вновь оказалась в «тени». Отметим, что в 1978 г. сотрудник кафедры доцент Л.Н. Гаранин руководил научной темой «Проблемы классовой борьбы и демократического антифашистского движения в Германии и Польше на 1 этапе общего кризиса капитализма», рассчитанной на 1976–1980 гг. В проекте принимало участие 5 человек.

В следующем учебном году на кафедре работало 15 человек. Из них четверо вели курсы Новой и Новейшей истории: доцент Л.Н. Гаранин (история Нового времени), старший преподаватель К.М. Петухов (история Новейшего времени), ассистенты И.П. Заркевич (история стран Азии и Африки) и Г.Г. Лазько (история Новейшего времени). Кадровая ситуация была настолько остра, что лекции читали аспиранты.

Ликвидация специализации по всеобщей истории привела к значительному смещению ее научной ориентации. Так, вопросы, обсуждаемые на кафедре, в основном касались изучения и преподавания истории БССР и СССР, и Л.Н. Гаранин даже читал спецкурс «Отечественная война 1812 г. в Белоруссии» [24, л. 42]. Но работа все же продолжалась. К примеру, на университетский смотр-конкурс на лучшую опубликованную в 1979 г. работу среди молодых ученых была рекомендована статья ассистента Г.Г. Лазько «Польша и франко-советский договор о взаимной помощи (май 1935 – март 1936 гг.)». Этот молодой педагог, направленный из БГУ, оказался впоследствии талантливым ученым и организатором науки. Именно благодаря ему у кафедры установились партнерские научные связи с кафедрой южных и западных славян Львовского государственного университета.

В другом случае, на университетскую VIII научную конференцию по итогам научно-исследовательской работы за 1979 г. среди 14 работ исторической проблематики в двух раскрывались проблемы Новой и Новейшей истории (Л.Н. Гаранин и И.П. Заркевич).

С сентября 1980 г. кафедрой стала руководить З.Н. Сорока, специализировавшаяся по истории СССР. В этом году вследствие увольнения И.П. Заркевич на кафедре преподавать Новую и Новейшую историю остались лишь трое человек. Однако в кафедральном НИР «Проблемы классовой борьбы пролетариата, стратегии и тактики революционных организаций» они участвовали под руководством А.А. Титовой, вынужденно читавшей историю Средних веков и исследовавшей проблемы Новой истории.

В октябре на заседании кафедры был поднят вопрос о чтении курса истории южных и западных славян. Заведующая констатировала, что с этим курсом на кафедре сложилась тяжелая обстановка и от почасовика В.И. Шишко, преподававшего его несколько лет, он передается Г.Г. Лазько, а ассистент В.П. Пинчуков вместо И.П. Заркевич будет читать курс истории стран Азии и Африки.

С 1981/1982 учебного года из 17 преподавателей пятеро – Л.Н. Гаранин, Г.Г. Лазько, К.М. Петухов, В.Ф. Маслюков и В.П. Пинчуков – читали курсы Новой и Новейшей истории. Трое из них – Л.Н. Гаранин, Г.Г. Лазько и К.М. Петухов – под руководством А.А. Титовой с 1981 г. начали работать на НИР по теме «Политическая борьба в странах Центральной и Восточной Европы в 1919–1945 гг.». Завершение исследования планировалось в 1985 г.

В июне 1982 г. на заседании кафедры был рассмотрен давно назревший персональный вопрос К.М. Петухова. Это был неорганизованный преподаватель, обвиняемый в плагиате и лжи при подготовке диссертации. Единогласно было принято предложение о переводе его с должности старшего преподавателя на ассистента. В итоге тот по собственному желанию уволился из университета и сразу написал несколько жалоб на кафедру.

На сентябрь 1982 г. в области Новой и Новейшей истории вновь работало четверо человек: Л.Н. Гаранин, Г.Г. Лазько, В.Ф. Маслюков и А.М. Бобков. Нужно подчеркнуть, что в этом году на заседании кафедры было решено ходатайствовать перед ректоратом о восстановлении специализации по всеобщей истории. Работа над этим поручалась Г.Г. Лазько, который с сентября 1982 г. по январь 1983 г. временно исполнял обязанности заведующего. В июне сотрудники кафедры обсудили монографию Л.Н. Гаранина «Очерки истории рабочего движения в Магдебурге (40-е годы XIX в. – 1918 г.)», одобрили ее и рекомендовали к депонированию.

Следующий учебный год продемонстрировал, что исследования в области всеобщей истории по некоторым позициям стали более активными, чем по истории СССР. Так, в заявке кафедры для перспективного плана издательства «Высшая школа» из 7 позиций 4 были по всеобщей истории. Л.Н. Гаранин запланировал подготовку монографии «Под знаменем социализма. Очерки истории рабочего движения в Прусской Саксонии XIX – начала XX веков» (1987 г.), А.М. Бобков – «Захватнические планы германского империализма в Белоруссии в годы Первой мировой войны» (1987 г.), В.Ф. Маслюков – «Международная солидарность и кубинская революция» (1989 г.), А.А. Титова – «Аграрная реформа в Польше в 1918–1925 гг.» (1990 г.) [25, л. 113].

Летом 1984 г. в Гомельском университете после почти тридцатилетнего перерыва в соответствии с приказом Минвуза БССР № 392 от 19 июня 1984 г. была восстановлена кафедра всеобщей истории [26, л. 170]. Кафедра, выделенная из состава кафедры истории СССР и всеобщей истории, должна была начать работу с 1 сентября 1984 г. Штат кафедры во главе с исполняющим обязанности заведующего Г.Г. Лазько составлял 9 человек, в том числе 3 доцента и 5 ассистентов.

С 1984/1985 учебного года на восстановленной кафедре началась активная работа. Из имеющихся 8 преподавателей 5 преподавали Новую и Новейшую историю: Е.А. Бровкин – историю южных и западных славян, Л.Н. Гаранин – Новую историю, Г.Г. Лазько – Новую историю, историю южных и западных славян, В.Ф. Маслюков – историю стран Азии и Африки, А.М. Бобков – Новейшую историю. В ноябре 1984 г. исполняющего обязанности заведующего кафедрой Г.Г. Лазько единогласно рекомендовали на должность заведующего. В

том же месяце, после предварительной консультации с профессором Л.М. Шнеерсоном, на кафедре была утверждена новая тема НИР «Проблемы внутренней и внешней политики Германии и Польши на первом этапе общего кризиса капитализма», рассчитанная на 1986–1990 гг. [27, л. 16].

Следующий год стал временем дальнейшего становления кафедры, однако, на взгляд Г.Г. Лазько, «этот процесс... нежелательно затягивается в силу тех ошибок, которые были допущены при разделении в 1984 г. кафедр... оказались искусственно разобщенными дисциплины, относящиеся к одному циклу научных дисциплин…» [28, л. 91]. Речь шла о курсе «Основы археологии» и других, более относящихся к истории СССР и БССР.

Важным моментом развития кафедры стало обсуждение на одном из ее заседаний в начале 1986 г. перспектив диссертационных исследований. В результате было выяснено, что Л.Н. Гаранин и А.А. Титова вследствие высокой учебной нагрузки и слабого состояния здоровья не желают писать докторские диссертации. Недавно защитившийся В.Ф. Маслюков информировал, что планирует поступать в начале 1990-х гг. в докторантуру. Доцент А.М. Бобков отметил, что ввиду отсутствия возможностей длительной работы в архивах ГДР он не имеет возможности писать докторскую диссертацию по своей теме, но проводить исследования планирует и дальше. Е.А. Бровкин заявил, что работает над кандидатской диссертацией [29, л. 84].

Учебная и научная работа на кафедре всеобщей истории во второй половине 1980-х гг. осуществлялась в соответствии с планами, хотя сопровождалась некоторыми трудностями. Так, в 1988/1989 учебном году в связи со сложностями разработки темы «Проблемы внутренней и внешней политики Германии и Польши на первом этапе общего кризиса капитализма» второй кафедральной темой стала «Этническая история и материальная культура Белоруссии» [30, л. 5]. Тема диссонировала со специализацией кафедры, но в существующих условиях работать по белорусской проблематике было вынужденной необходимостью.

С сентября 1989 г. на кафедре стал работать Н.Н. Мезга, читавший курсы по Новой истории и истории Азии и Африки. В этом году Г.Г. Лазько единогласно был переизбран на новый срок заведывания кафедрой. Именно он установил связь кафедры с Институтом балканистики и славяноведения АН СССР.

На начало 1990/1991 учебного года на кафедре трудилось 9 преподавателей. Из них 6 кандидатов наук и 5 доцентов, остальные – молодые ассистенты. В этом году на кафедре была запланирована на 1991–1995 гг. третья тема НИР «Германия и Польша между двумя мировыми войнами (проблемы социально-политического развития и двусторонних отношений)» [31, л. 5].

В следующем учебном году на кафедре заговорили о необходимости менять «методологические подходы к изучению Новой и Новейшей истории», и был начат перевод на белорусский язык делопроизводства.

Таким образом, кафедра всеобщей истории Гомельского государственного университета за исследуемый период (1944–1991 гг.) прошла сложный путь развития и стала к концу 1980-х гг. одним из крупнейшим центров в Беларуси в области изучения зарубежной истории.

Литература

1. Государственный архив Гомельской области. – Ф. 1429. – Оп. 5. – Д. 8.
2. Там же.
3. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Ф. 144. – Оп. 1. – Д. 70.
4. Государственный архив Гомельской области. – Ф. 1429. – Оп. 5. – Д. 81.
5. Там же. – Д. 82.
6. Там же. – Д. 108.
7. Там же. – Оп. 5. – Д. 140.
8. Архив учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины». – Ф. 29. – Оп. 2а. – Д. 132.

9. Зеленкова, А.И. Из истории создания и становления исторического факультета Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины / А.И. Зеленкова, М.П. Савинская // Гістарычнаму факультэту – 20 гадоў : зб. навук. прац гіст. ф-та ГДУ імя Францыска Скарыны / Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, УА "Гомельскі дзяржаўны універсітэт імя Ф. Скарыны", гістарычны факультэт ; рэдкал. : В.А. Міхедзька (галл. рэд.) [і інш.]. – Гомель : ГДУ, 2009. – 267 с.

10. Государственный архив Гомельской области. – Ф. 1429. – Оп. 11. – Д. 115.

11. Зеленкова, А.И. Малоизвестные страницы истории Гомельского государственного педагогического института (по документам Национального архива Республики Беларусь) / А.И. Зеленкова, М.П. Савинская // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2010. – № 6(63). – С. 114–120.

12. Архив учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины». – Ф. 1563. – Оп. 1. – Д. 96.

13. Там же. – Д. 153.

14. Там же.

15. Там же.

16. Там же. – Д. 211.

17. Там же.

18. Там же. – Д. 268.

19. Там же. – Д. 330.

20. Там же.

21. Там же.

22. Там же. – Д. 460.

23. Архив учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины». – Ф. 29. – Оп. 1. – Д. 683.

24. Там же. – Д. 937.

25. Там же. – Д. 1197.

26. Там же.

27. Там же. – Д. 1323.

28. Там же. – Д. 1458.

29. Там же.

30. Там же. – Д. 1686.

31. Там же. – Д. 1960.

Белорусский государственный университет,
г. Минск

Поступило 11.04.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 94(476)“192/193”:316.64(=438)

Проблемы самоидентификации поляков БССР в 1920–1930-х гг.

В.Н. Сидоренко

Данная статья посвящена проблемам самоидентификации польского населения в БССР в 1920–1930-х годах и осуществлению национальной политики. В ней проанализирована динамика развития важнейших факторов, которые содействовали оформлению национального самосознания поляков. Научная новизна статьи обеспечивается введением в научный оборот разнообразных источников, в том числе архивных материалов.
Ключевые слова: этнос, самоидентификация, национальное самосознание, поляк, национальная политика, БССР.

This article is devoted to the problems of self-identification of the Polish population in the BSSR in the 1920s–1930s and implementation of the national policy. It explores the dynamics of the development of the most important factors which contributed to the design of national self-consciousness of the Poles. The scientific novelty of the article is provided by the introduction of a variety of sources, including archive materials, into the scientific circulation.
Keywords: ethnos, self-identification, national self-consciousness, Pole, national policy, BSSR.

Этнос определяется как устойчивое сообщество людей, которое сложилось исторически на определённой территории и характеризуется общностью языка, быта, культуры, черт психики и самосознания, отражённой в едином названии и представлении про единство происхождения [1, с. 547]. Формами этноса являются народность и нация. Кроме того, этнические признаки способны изменятся, но не значительно, а социально-экономические отношения, наоборот, способны к интенсивной трансформации. В современной практике на постсоветском пространстве иногда вместо «этнос» звучит термин «этникос».

Данная статья посвящена проблемам самоидентификации польского населения сквозь призму осуществления национальной политики в БССР в 1920–1930-х годах. В ней проанализирована динамика развития важнейших факторов, которые содействовали оформлению национального самосознания поляков. Также в ней рассматриваются наиболее значимые факторы, которые препятствовали указанным процессам.

Изучая особенности становления и оформления этнической самоидентификации поляков Беларуси, необходимо выделить ряд факторов, позволявших соотнести себя именно с польским этносом. К таким факторам можно отнести католическое вероисповедание, знание и владение польским языком, память об особом социальном прошлом (принадлежность предков к шляхетскому сословию) и отличительные культурно-бытовые признаки (одежда, еда, манеры, традиции). Проблемы самоидентификации, особенно этнической, тесно связаны с личностным самосознанием. Это достаточно сложная процедура соотнесения себя с определённой устойчивой группой. Сложность состоит в том, чтобы выделить признаки этой устойчивой группы и найти таковые у себя.

Вопросы, касающиеся этнической истории, взаимодействия культур, проблем самоидентификации, процессов, происходящих в иноэтничной среде, стали особенно актуальны в отечественной науке в конце XX – начале XXI вв. Появление национальных государств после распада Советского Союза вызвало интерес ко всему национальному, этническому. Проблемам истории национальных меньшинств в Беларуси посвящены работы И. Пушкина, В.П. Пичукова, А.Д. Лебедева, Э.Г. Иоффе, В. Тугая, В.Н. Жука, В.Н. Сидоренко. Огромный вклад в изучение положения поляков в БССР и СССР вносят польские исследователи: М. Иванов, Р. Дзвонковский, Е. Глаговска, П. Эберхард, И. Кабзинска, К. Коселя, Д. Тарасюк, З.Ю. Винницки и др.

Самоидентификация польского населения в БССР в 1920–1930-х гг. была обусловлена наличием ряда проблем. До начала XX века (в период нахождения белорусских земель в со-

ставе Российской империи) польское население соотносило себя с этнической территорией (Привисленским Краем) и сохраняло свою этничность с помощью католического костёла. Официально царские власти проводили антикатолическую и антипольскую политику. Общие проблемы и дискриминация объединяли польское население, консолидируя его, как в Привисленском Крае, так и в Северо-Западном Крае.

К числу важнейших этнических признаков относится язык. Перепись 1926 г. обнаруживает 97.498 (1.96%) поляков в БССР, из них сельских жителей – 77.833 (1.86%), а городских – 19.665 (2.32%). Из 79.300 сельских поляков только 31.500 пользовались польским языком. Из 18.100 городских поляков польский язык знали 10.600 человек. Таким образом, только 42.100 человек из 97.489 знали, а что важнее – пользовались польским языком. Эти сведения неполные, т. к. не включают Гомельщину, которая в момент переписи 1926 г. находилась в составе РСФСР. Но выше приведённые данные должны быть критически переосмыслены. Тщательное источниковедческое исследование переписи 1926 г. показывает наличие двух граф, использующих понятие «родного языка»: «Население (граждане СССР и иностранцы) по родному языку» и «Родным языком признавали». В последней графе даётся информация о том, что родным языком среди поляков польский признавали 16.409 мужчин и 19.637 женщин, белорусской язык родным считали 20.803 мужчин и 21.948 женщин, русский – 8167 мужчин и 9012 женщин. Из 19.665 горожан-поляков родной язык использовали 9092 [2]. Разночтения в подходах к использованию той или иной графы приводит к тому, что белорусские и польские исследователи оперируют различными данными.

Серьёзный пересмотр своей идентификации в среде польского населения произошел в период советско-польской войны (1919–1920 гг.). Этнокультурная и социокультурная ситуация в БССР в начале 1920-х гг. была весьма сложной. Её особенности были обусловлены затруднениями населения в определении своей этнической принадлежности. Этому были серьёзные причины. Среди этих причин самой очевидной является невысокий уровень общей грамотности населения БССР.

Таблица 1 – Грамотность населения БССР по данным переписи 1926 г. [2]

Национальность	**Всё население, %**	**Сельское население, %**		
		всего	**мужчины**	**женщины**
Белорусы	36	34	49	20
Украинцы	43	37	53	20
Русские	49	38	52	23
Поляки	50	45	53	38
Литовцы	61	53	59	50
Евреи	70	68	73	63

Данные таблицы 1 характеризуют ситуацию сразу после того, как советская власть развернула в БССР широкую компанию по борьбе с безграмотностью. К 1933/34 учебному году в БССР было открыто 146 польских школ, 63 из которых в приграничных районах. Учителей для этих школ готовил Польский педагогический техникум в Минске. В 1934 г. 72 школы были реорганизованы в белорусские. Пересмотр всей сети польских школ начался в конце 1930-х гг. после составления справки о польских школах в БССР народным комиссаром просвещения БССР Воронченко [3, л. 23–24].

Признаками этноса являются компоненты материальной, социальной, духовной культуры. Наибольшими этническими свойствами обладает язык. Однако для польского населения БССР в 1920–1930-х гг. это весьма спорно. Белорусский исследователь Г. Горецкий при анализе переписи 1926 г. отмечал, что поляки в БССР редко пользовалось польским языком в быту и связывали свою «польскость» с иными факторами [4, с. 77–113]. Польский демограф П. Эберхардт в 1990-х гг. указал, что в межвоенный период на Беларуси поляки утратили в значительной мере навыки пользования родным языком [5]. В польской историографии традиционно принято считать, что сохранение национальной принадлежности было возможно благодаря католическому вероисповеданию. Огромная роль отводилась религиозности поляков, их «костёльной культуре».

Рост национального самосознания среди белорусов прямо связывается с белорусизацией, а рост национального самосознания среди польского населения соотносится с национальной политикой советской власти, и прежде всего – с работой польских школ. В 1925 г. проект системы образования среди польского населения в общесоюзном масштабе был разработан Софьей Дзержинской и разослан Польским бюро ЦК КП(б)Б и ЦК КПУ [6, л. 1–2]. Большая часть её предложений по организации польской школы была воплощена. Поликультурный характер социальной жизни в БССР в 1920–1930-х гг. обеспечивал обогащение духовных сил белорусского народа, сделал разнообразным духовное наследие. В середине 1930-х гг. оказалось, что советское руководство более не видит необходимости поддерживать многонациональную культурную жизнь, более того – стремится избавиться от разного рода проявления нетипичности.

Важным фактором сохранения национальной идентичности в 1920–1930-х гг. выступало католическое вероисповедание. Большинство поляков исповедовали католицизм. Потому и советское руководство ассоциировало католичество с польскостью, а польскость – с католичеством. В документах 1920–1930-х гг. активно проводится мысль о крайней религиозности и фанатичности польского населения БССР, об огромном влиянии католических ксендзов, об особом социальном происхождении польского населения. Практически до конца 20-х гг. XX в. советское и партийное руководство, особенно на местах, считало, что все представители польского этноса по происхождению являются шляхтой. Однако это было совершенно не верно. «Работа среди польского населения Белоруссии осложняется следующими компонентами: принадлежность польского населения к той национальности, представители которой (польские помещики) являлись злейшими врагами белорусского крестьянина. Вследствие этого отзвуки прежней классовой борьбы переносятся на национальную почву и затрудняют уяснение массами национальной политики, проводимой Компартией; […] Существование значительного слоя так называемой “загродовой шляхты” с её кастовыми предрассудками и частичной обособленностью по отношению к крестьянскому населению» [7, л. 101]. Большая часть поляков БССР являлись крестьянами, до революции 1917 г. арендовали земли, т. к. по указу Николая II 1905 г. не могли владеть земельной собственностью более 60 десятин. С 1863 г. царские власти планомерно боролись с польским помещичьим землевладением на Беларуси, и потому к 1917 г. результаты были весьма существенными. Местные поляки чаще были мелкими собственниками или арендаторами земли, обрабатывали её собственными силами или использовали сезонный найм батраков. Польбюро ЦК КП(б)Б неоднократно отмечало, что по социальному составу поляки в большинстве представлены крестьянством, к которому следует причислять и «шляхту-загродовую». Среди городского населения польского происхождения были представлены мелкая буржуазия и рабочие. Однако, фабрики, на которых работали рабочие-поляки, находились в основном вне городов БССР [8, л. 24].

Многочисленные документы (отчёты об обследовании польских сельских советов) свидетельствуют, что польское население во время переписи 1926 г. нередко записывалось белорусами. Однако, следует отметить, что так же часто и белорусы-католики причисляли себя к польской национальности. Причины того, что в рубрику белорусы попала часть поляков, следующие: сами регистраторы во время переписи заявляли, что польское население в Белоруссии не может записываться поляками; во многих местностях находились дома только женщины, которые не отстаивали свою национальность; «мы, мол, настроены здорово из прошлых лет, когда были случаи, что если именуешь себя поляком, то отвечали, идите в Варшаву» [7, л. 43]. Подобные сведения встречаются повсеместно в документах 1920-х гг., т. е. в Минском, Витебском, Гомельском, Мозырском округах.

Официальные источники советской власти отмечают большое уважение польского населения к родному языку. Об этом свидетельствует и активное желание поляков БССР открывать школы на родном языке, и то, что успех советизации польского населения во многом зависел от работы местных органов власти на польском языке [9, л. 117], [10, л. 24–49]. Долгое время поляки БССР воспринимали советскую власть как русскую, а не рабоче-советскую [11, л. 25]. Это важное обстоятельство объясняет такую настороженность по отношению к советам.

Ещё более противоречивыми в жизни польского населения БССР стали 1930-е годы. Процесс исчезновения традиционной культуры ускорился. Советская власть своими мероприятиями в 1930-х гг. вольно и невольно содействовала размыванию, стиранию этнических особенностей малых национальных групп. Унификация общественно-политической и культурной жизни в советском государстве, возврат к идеологии мировой революции – во всех этих процессах не осталось места поликультурному плюрализму.

Наряду со всем выше изложенным были факторы, способствовавшие сохранению поляками собственного этнического самосознания. Консолидации польского населения в БССР и росту его самосознания, более выразительной самоидентификации содействовало создание национальных сельских советов БССР в 1920-х гг. Работа, делопроизводство в польских сельсоветах и их обслуживание окружным польбюро и РИКом (Районным исполнительным комитетом) должны были проводиться на родном польском языке.

Таблица 2 – Польские сельские советы в БССР в 1920–1930-х гг. [12, л. 270]

Год	Кол-во с/с	Год	Кол-во с/с
1924	0	1931	28
1925	2	1932	39
1926	12	1933	40
1927	19	1934	41
1928	19	1935	32
1929	21	1936	21
1930	22	1937	0

Из данных таблицы 2 видно, что до 1934 г. наблюдается неуклонный рост числа польских национальных советов БССР. Работа в них велась на польском языке, если председатель и секретарь «были грамотны по-польски». Местные поляки охотно соглашались на создание национального совета, полагая, что это поможет им отстаивать свои интересы перед районной властью. В 1920-е гг. в резолюциях и постановлениях съездов и пленумов ЦК КП(б)Б и РКП(б) отмечено много недостатков в работе национальных советов, слабое внимание окружных органов власти к их деятельности, пренебрежение к языковому вопросу. «…Съезд [13-й съезд РКП(б) – *прим. авт.*] констатирует, что работе среди нацменьшинств как в пределах РСФСР (поляки, немцы, мордва и т. д.), так и в нацреспубликах (Украина, Туркестан) до сих пор не уделяется на местах достаточного внимания. Партийные организации должны всемерно усилить эту работу, уделив ей больше сил и средств» [13, с. 271]. Оценивая мероприятия советской власти по созданию национальных советов и школ, местные поляки чаще высказывались положительно.

Средний экономический уровень хозяйств большинства польских сельсоветов был выше прочих. В литературе, посвящённой проблемам социально-экономического развития БССР, отмечается, что именно из-за того, что значительная часть крестьян-поляков были крепкими середняками или так называемыми кулаками, то они чаще становились жертвами раскулачивания и репрессий. Однако, не все польские деревни были зажиточными. Сохранились материалы этнографической экспедиции в д. Рудня-Шлягино Гомельского округа (1928 г.), проведённой польским сектором Инбелкульта. Ландзберг (бывший ксёндз В. Хшчонович) отмечает бедственное положение польских крестьян Гомельщины. Уровень их образования тоже не был высоким. «W porownaniu do innych wsi, rownież potęguje jej nędzę: tam nie noszą np. Łapci, nie użzwają do strojow domowych i t.p. Stąd okolicyni chŁopi nazywają ich “pszenicznikami” choć ta ich niby “pszenica” nędzą przetykana» [14, л. 33]. («По сравнению с другими деревнями уровень культуры отражает её (д. Рудня-Шлягино) бедность: там не носят, например, лапти, не используют домотканую одежду и т. д. Поэтому соседние крестьяне называют их “пшеничниками”, хоть вся их так называемая “пшеница” пропитана бедностью».) [*перевод авт.*] В то же время руководство польбюро Гомельской округи в документах делопроизводства (отчётах, докладах) характеризует польские деревни как весьма зажиточные.

Несмотря на устоявшееся в белорусской науке суждение о сворачивании национальной политики, начиная с 1929 г. статистические материалы говорят о совершенно другом. Рост количества польских национальных советов продолжался и в 1929 г. и в 1930 г. Только с 1934–1935 гг. начинается компания по реорганизации и упразднению польских советов. Первыми упразднёнными стали национальные советы Гомельщины – Маритон и Утонька Чечерского района. Местное население высказалось категорически против, окружное руководство писало в Минск, что не считает необходимым упразднять эти сельское советы. Но республиканское руководство никакого внимания на это не обратило. Осенью 1934 г. в 21 районе БССР было закрыто 10 польских школ, 70 перевели на белорусский язык. В следующем году этот процесс ещё более интенсифицировался. Реорганизация польских национальных сельских советов не остановила процесс создания польских колхозов. В 1934 г. в БССР их насчитывалось 190 [15, л. 50–52а].

Во второй половине 1930-х гг. вопросы национального характера попали в категорию нежелательных. Многочисленные дела о подпольных шпионских организациях формировали предвзятое отношение у карательных органов к людям польской национальности [16]. Опасения за свою судьбу и судьбу близких не позволяли полякам БССР открыто обозначать свою национальную принадлежность.

Межвоенный период в жизни национальных меньшинств является противоречивым и весьма сложным. Поэтому интерес у исследователей к этому периоду не ослабевает. В общественно-политической, социально-культурной и экономической жизни БССР 20–30-х гг. XX в. присутствовали факторы, которые усложняли процессы национальной самоидентификации. Одновременно огромное влияние оказывали и те факторы, которые содействовали росту национального самосознания и способствовали национальной самоидентификации польского населения БССР в 1920–1930-х гг. Возможность развивать национально-культурные стороны, отстаивать свои социальные интересы в 1920-х гг. сочеталась с попытками советской власти использовать «права и возможности» в деле советизации населения и популяризации идей большевизма в надежде на скорую мировую революцию.

По мере становления однопартийной системы и складывания культа личности Сталина, под влиянием унификации общественно-политической и этно-национальной жизни в БССР «национальная тема» стала использоваться весьма умеренно. Такой порядок сохранился и в первые послевоенные годы. Самоидентификации польского населения в БССР содействовало относительное религиозное единство. Среди поляков абсолютное большинство исповедовали именно католицизм. Костёл в БССР долгое время поддерживал у верующих чувство принадлежности именно к польскому этносу. Однако, именно языковая и культурно-религиозная близость поляков и белорусов-католиков усложняла самоопределение первых и самоидентификацию вторых. Национальная политика советской власти в 1920 – начале 1930-х гг., осуществляемая в таких направлениях, как строительство национальных школ, создание национальных сельских советов, судебных камер, возможность свободного использования родного языка в официальных учреждениях, периодическая печать и радио на национальных языках, содействовала оформлению национальной самоидентификации поляков БССР.

Литература

1. Чаквін, І.У. Этнас / І.У. Чаквін // Этнаграфія Беларусі : энцыкл. / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн. – 575 с.

2. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том X. Белорусская Советская Социалистическая Республика. Отдел 1. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – М. : ЦСУ Союза ССР, 1928.

3. Справки о структуре и состоянии научных кадров Академии наук БССР, пересмотре сети польских школ // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 11875.

4. Гарэцкі, Г. Нацыянальныя асаблівасці насельніцтва БССР і беларускага насельніцтва СССР паводле перапісу 1926 г. / Г. Гарэцкі // Полымя. – 1929. – № 5. – С. 77–113.

5. Эберхард, П. Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі 1897–1989 гг. / П. Эберхард. – Мінск : БФС, 1999.

6. Polacy w Rewolucji Pazdziernikowej i wojnie domowej w Rosji // Archiwum Aktów Nowyh. – Ф. 446/II. – Д. 11.

7. Протоколы и выписки из протоколов, указания и директивы польбюро АПО ЦК ВКП(б), КП(б)Б // НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 3651.

8. Протоколы заседаний польбюро // НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 3662.

9. Материалы по осуществлению национальной политики в БССР // НАРБ. – Ф. 701. – Оп. 1. – Д. 16.

10. Протоколы заседаний польбюро // НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 4272.

11. Отчёты Польского Бюро при ЦБ КП(б)Б о работе за январь – ноябрь 1923 г. // НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 1234.

12. Отчёты о работе польского бюро при ЦБ КП(б)Б // НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 649.

13. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – Т. 3. 1922–1925. – 9-е изд., доп. и испр. – М. : Политиздат, 1984. – 494 с.

14. Материалы, относящиеся к польсекции инбелкульта // НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 3671.

15. Циркуляры сельскохозяйственного отдела ЦК КП(б)Б, докладная записка полоцкого райкома КП(б)Б от 8 мая 1934 г. о мероприятиях по развёртыванию работы среди единоличников…, список национальных и интернациональных колхозов БССР // НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 7532.

16. Кузнецов, И. Репрессии на Беларуси в 1920–1930-е гг. / И. Кузнецов // Репрессивная политика советской власти в Беларуси : сб. науч. работ. Вып. 2 / сост. И. Кузнецов, Я. Басин. – Минск, 2007.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 01.04.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 930(47+57):327(569.4)

Российская историография палестинской проблемы во второй половине XX – начале XXI вв.

М.М. Сидоренко

В статье рассматриваются отличительные черты российской историографии, посвященной палестинской проблеме. Анализируются позиции российских исследователей по ключевым аспектам истории палестино-израильского конфликта. Сделан вывод о том, что подходы российских историков второй половины XX – начала XXI вв. к проблеме определялись как внутриполитическими условиями, так и внешней политикой, проводимой сначала СССР, а затем Россией, а потому часто обнаруживают черты политической ангажированности.
Ключевые слова: российская историография, палестинская проблема, палестино-израильский конфликт, ближневосточная политика СССР/России.

Some distinctive features of Russian historiography on the Palestine question are considered in the article. Russian researchers' positions on the main aspects of Palestine-Jews conflict are analyzed. The author comes to the conclusion that the approaches of Russian historians of the late 20th century – early 21st centuries towards that problem were determined by internal political conditions as well as by the foreign policy conducted by the USSR and afterwards by Russia. Because of that these approaches often reveal the characteristics of political commitment.
Keywords: Russian historiography, Palestine question, Palestine-Jews conflict, USSR/Russia's Near East policy.

Палестинская проблема, являясь центральным звеном арабо-израильского конфликта, своими корнями уходит глубоко в историю. Наибольшую актуальность она приобретает с началом массовой еврейской иммиграции в Палестину в конце XIX – начале XX вв. и после образования государства Израиль в 1948 г. С тех пор и по сей день палестино-израильское противостояние продолжает оставаться одной из самых трудноразрешимых международных проблем. Проблеме палестино-израильских отношений уделяли и продолжают уделять внимание историки, политологи, социологи всего мира. Особенно это справедливо в отношении российских историков. Ближний Восток всегда был приоритетным направлением российской внешней политики. Позиция Советского Союза в 1947 г. сыграла решающую роль в образовании государства Израиль. В последующие годы СССР, несмотря на то, что оказывал дипломатическую и военную помощь арабским странам, демонстрировал намерение установить «справедливый и прочный мир» в регионе. «Преемница» СССР Российская Федерация также стремится играть роль активного посредника в решении проблем ближневосточного региона. С 2002 г. Россия входит в так называемый «квартет» международных посредников по ближневосточному урегулированию. Неудивительно поэтому, что и российские историки никогда не оставляли в стороне ближневосточную тематику, в частности, проблему палестино-израильских отношений. Многочисленные труды российских исследователей советского и постсоветского периодов, посвященные различным аспектам палестинской проблемы, свидетельствуют об этом. Но несмотря на то, что российская историческая наука насчитывает огромное количество публикаций по арабо-израильскому и палестино-израильскому конфликту, до настоящего времени сами эти публикации не стали предметом специального исследования. Редко анализировалось освещение единичных аспектов арабо-израильского конфликта в российской исторической литературе, главным образом, анализ исторической литературы по проблеме дается в контексте историографических обзоров во вводных разделах диссертаций. Таким образом, отсутствие историографических работ по палестинской проблеме подчеркивает необходимость такого исследования.

В данной статье предпринята попытка представить и проанализировать имеющиеся в российской историографии научные исследования по теме и выявить существующие в них

подходы к интерпретации и оценкам фактов из истории палестинской проблемы. Актуальность темы для Республики Беларусь обусловлена следующими факторами. Прежде всего, подобные исследования демонстрируют открытость нашего государства для диалога и межгосударственного взаимодействия с Российской Федерацией в различных областях науки и культуры. Во-вторых, изучение белорусской исторической наукой российской историографии палестинской проблемы являет собой попытку представить нейтральный (неангажированный) подход белорусских историков к анализу результатов научных изысканий политически ангажированных российских авторов. В-третьих, исследование состояния и особенностей развития российского ближневостоковедения способствует развитию этого направления в исторической науке нашей страны. Основными белорусскими специалистами по палестинской проблеме на сегодняшний день следует считать Д.Л. Шевелева [1] и М.В. Шевелеву [2]. К этой теме обращались также Г.А. Космач, В.С. Кошелев, С.А. Иокша и др.

В российской историографии палестинской проблемы четко выделяются два этапа – советский и постсоветский. Концептуальные подходы исследователей к освещению различных аспектов арабо-израильского конфликта и палестинской проблемы на каждом из этих этапов определялись внутриполитическими условиями и находились в тесной связи с проводимой СССР/Россией внешней политикой.

Так, господствовавшая в СССР марксистско-ленинская идеология, противостояние на международной арене с США, враждебность в отношениях с Израилем не могли не отразиться на историографии событий. Для исследований этого периода был характерен идеологизированный, политизированный подход к проблеме, пропалестинские и антисионистские позиции авторов. Подавляющую часть исследований советского времени составляли работы по идеологии сионизма [3]–[5], арабо-израильским войнам [6]–[8], «миротворческой» деятельности Советского Союза на Ближнем Востоке [9], [10], национально-освободительному движению палестинских арабов [11]–[13]. Жесткий идеологический контроль обусловил догматизацию и искажение в советской историографии многих событий арабо-израильского конфликта. Наиболее сложные вопросы, как, например, решающая роль СССР в создании еврейского государства в 1947–1948 гг., советская военная поддержка Израиля в палестинской войне 1948–1949 гг., антиизраильские провокации арабских стран, террористическая деятельность организаций Палестинского движения Сопротивления, историками, как правило, обходились стороной или упоминались лишь косвенно.

Процессы департизации и демократизации российского общества, восстановление в 1991 г. дипломатических отношений с Израилем способствовали переосмыслению российскими историками многих событий арабо-израильского противостояния, меньшей тенденциозности в изложении фактов и более беспристрастному их анализу. Но исследования постсоветского этапа также не лишены конъюнктурности. Поддержание российским государством дружественных отношений со всеми сторонами конфликта обусловило существование в среде современных российских востоковедов как пропалестинских, так и произраильских настроений. Тем не менее, большая часть российских исследователей не склонна занимать ту или иную сторону в конфликте, что соответствует официальному курсу внешней политики Российской Федерации. Политические события на Ближнем Востоке в 1990-е – 2000-е гг., прямо или косвенно связанные с палестинской проблемой, поспособствовали расширению диапазона исследовательских задач и увеличению количества публикаций по палестинской проблеме. Российские историки сегодня чаще обращаются к анализу развития конфликта в последние два десятилетия, хотя и не забывают возвращаться к вопросам о его генезисе и истории развития. В основном ими изучаются такие темы, как ближневосточный мирный процесс [14]–[17], создание Палестинской Национальной Администрации [18]–[21], обострение отношений между ПНА и Израилем в начале 2000-х гг. [22]–[24], внутриполитический раскол в Палестинской Автономии [25]–[26], строительство израильских поселений [27], [28], усилия мирового сообщества, в частности, России, по решению палестинской проблемы [29]–[33] и др.

Таким образом, к ключевым аспектам палестинской проблемы, привлекавшим внимание российских исследователей во второй половине XX – начале XXI века, можно отнести такие, как проблема палестинского национального движения и формирование палестинской государствен-

ности; взаимоотношения между Израилем и Палестинской Национальной Автономией (ПНА) в 1990-е – 2000-е гг.; перспективы и пути урегулирования палестинской проблемы, а также роль мирового сообщества, и, в особенности, Российской Федерации на этом направлении.

Палестинское национальное движение и проблема формирования палестинской государственности стали предметом специального изучения для российских историков только с конца 1960-х – начала 1970-х гг. До 1967 г. в центре внимания советских историков находился конфликт между «сионистским образованием» в Палестине и арабскими государствами, а проблема национально-освободительного движения арабов Палестины освящалась в контексте общих исследований по ближневосточному конфликту. Поражение арабских стран в «шестидневной» войне 1967 г., принятие СБ ООН резолюции № 242, которая впервые зафиксировала появление палестинского вопроса, а также оформление к этому времени самостоятельного национального движения палестинцев обусловили обращение советских авторов к проблеме палестинского национализма. Эта тема стала рассматриваться как неразрывно от других аспектов палестинской проблемы, например, в монографиях В.П. Ладейкина [5], Е.Д. Дмитриева (Пырлина) [34], Е.М. Примакова [35], О.А. Колобова [36], А.В. Кудрявцева [37], так и в форме специально посвященных ей научных статей и диссертаций. Специально национально-освободительному движению арабов Палестины были посвящены публикации Р.Г. Ланды [11], Л.А. Барковского [12], В.С. Копина [13], диссертации Д.А. Зеленина [38] и С.С. Щевелева [39]. Подходы советских авторов к основополагающим вопросам национально-освободительной борьбы арабов Палестины практически не отличались. Особое внимание в исследованиях этого периода уделялось анализу структуры Палестинского Движения Сопротивления, входивших в него организаций и отношений между ними в переломные моменты ближневосточной истории.

Развал социалистической системы, с одной стороны, и принципиально новый ход событий на Ближнем Востоке, с другой стороны, предопределили как формирование новых подходов к изучению палестинского национально-освободительного движения, так и постановку новых исследовательских задач. Основными вопросами исторического анализа российских специалистов в постсоветский период стали события вокруг проблемы палестинской государственности в 1990-х – 2000-х гг. Над этой темой с несколько пересмотренных позиций продолжали работать известные востоковеды-арабисты Е.Д. Пырлин, Е.М. Примаков, Г.И. Мирский, Р.Г. Ланда. Вместе с тем, в историографии проблемы появились новые имена. Так, вопросами нереализованного палестинского государства стали заниматься В.В. Андреев [21], Н.С. Глебова [25], Е.Е. Кирсанов [26], Г.Г. Косач [20] и др. Весомый вклад в исследование проблемы палестинской государственности сделали К.И. Поляков и А.Ж. Хасянов – авторы монографий и научных статей по истории палестинского движения сопротивления в 1980-90-е гг. и проблемам государственного строительства в Палестинской Национальной Автономии [18]–[19].

Одно из приоритетных мест в российской историографии палестинской проблемы занимает изучение взаимоотношений между Израилем и ПНА на рубеже XX–XXI вв. Это связано с активным участием Российской Федерации в процессе урегулирования на Ближнем Востоке. Активно изучая основные аспекты взаимоотношений между Израилем и ПНА, а также опыт и результаты усилий мирового сообщества по примирению конфликтующих сторон, российские исследователи выработали своё видение проблемы. Большинство из них считает, что наилучшие условия для решения палестинской проблемы сложились в конце XX века и могли быть реализованы на переговорах в Кемп-Дэвиде в июле 2000 г. В то же время, российские специалисты по разному подходят к определению причин, по которым решить конфликт все-таки не удалось. Чаще исследователи обнаруживают независимый, взвешенный подход к этому вопросу, но среди них встречаются и такие, которые симпатизируют либо палестинцам, либо израильтянам. К примеру, произраильские настроения обнаруживаются в публикациях О.А. Зайцевой [30], И.Б. Филиппова [40], Е.Я. Сатановского [41], крайние пропалестинские симпатии сегодня разделяет М.Л. Шевченко [42].

Широко обсуждаемой в российском научном сообществе последних лет является тема о перспективах и путях урегулирования палестино-израильского конфликта. Отметим, что

подавляющее большинство российских историков и аналитиков сходятся во мнении относительно того, что в ближайшие годы возможность решить палестинскую проблему выглядит маловероятной. Тем не менее, их позиции относительно наиболее эффективного варианта решения палестинской проблемы не столь однозначны. Так, если Г.И. Мирский [43] и В.В. Попов [44] урегулирование конфликта видят только в концепции двух государств, то Е.Я. Сатановский, наоборот, отрицает точку зрения, согласно которой создание Палестинского государства является единственным способом разрешения палестинского вопроса. Е.Я. Сатановский считает более или менее реальными такие варианты решения проблемы, как интеграция Западного берега с Иорданией или реализация Синайского проекта [17]. За «иорданский вариант» решения проблемы выступает Т.В. Яковлева. Она полагает, что в условиях невозможности до сих пор реализовать принцип «двух государств» наиболее реальной и перспективной выглядит возможность присоединения Западного берега к Иордании. Успешную реализацию плана, по мнению исследователя, могут обеспечить общие исторические корни и культурные традиции иорданских и палестинских арабов, а также наличие достаточного числа его сторонников среди израильтян и иорданцев [45].

Палестинская проблема – международная проблема, и роль мирового сообщества в её порождении, как и в попытках решения, бесспорна. Пристальное внимание внешнеполитическому аспекту палестинской проблемы уделяли российские исследователи как советского периода, так и современного. В советские годы участие международного сообщества в решении палестинской проблемы чаще освящалось в контексте общих исследований по арабо-израильскому конфликту. Тем не менее, деятельность ООН в урегулировании ближневосточного кризиса и политика Соединенных Штатов Америки в Палестине исследовались в СССР и как самостоятельные темы [8], [46], [47]. Советские историки подчеркивали необходимость повышения роли ООН в разрешении арабо-израильского конфликта и палестинской проблемы и негативно оценивали действия США в этом вопросе. В российской исторической науке 1990-х – 2000-х гг. международный аспект палестинской проблемы изучается активнее. На сегодняшний день существует несколько комплексных исследований, в которых анализируются посреднические усилия ООН, США и западноевропейских стран по примирению палестинцев и израильтян [48]–[51]. Предметом специальных исследований стали такие интернационально значимые составляющие конфликта, как статус Иерусалима [33], [36] и судьба палестинских беженцев [52]–[54]. Современные авторы, в отличие от советских, демонстрируют разнообразные позиции в отношении места и роли мирового сообщества в возникновении и урегулировании важнейших аспектов палестинской проблемы.

Живой интерес современных российских специалистов вызывает и политика Российской Федерации на палестино-израильском направлении. Российские аналитики – ученые и обозреватели – активно следят за политикой своего государства в зоне палестино-израильского конфликта, неоднозначно подходят к определению мотивов этой политики, оценкам тех или иных действий правительства Российской Федерации в этом направлении, прогнозам рисков и возможностей, которые они за собой влекут. Анализ историографического материала, а также публикаций в средствах массовой информации дает основание считать, что сегодня в России существует четыре основных подхода по этому вопросу: государственно-патриотический, государственно-прагматический, произраильский и пропалестинский. Сторонники государственно-патриотического подхода полностью поддерживают российскую политику равноудаленности от Израиля и Палестинской Автономии, одобряют контакты российского правительства с ХАМАС, видят в них залог уникального, выигрышного положения России как для дела урегулирования, так и для национальных, экономических и других интересов страны. На таких позициях стоит подавляющее большинство российских специалистов [55]–[57]. Государственно-прагматический подход характеризует авторов, которые также поддерживают курс российского правительства на ближневосточном направлении, но, в отличие от «патриотов», с большей критикой анализируют политику российского руководства, не так явно высказывают симпатии в адрес проводимой им ближневосточной политики, просчитывают как положительные, так и отрицательные последствия действий своего правительства для национальных интересов Российской Федерации. К этой группе

можно отнести сотрудников МГИМО А.В. Федорченко, А.В. Крылова и некоторых других [58]. Произраильски настроенные авторы, как, например, Ф.А. Лукьянов и Е.Я. Сатановский, доказывают, что основные интересы России сосредоточены в её более тесных отношениях с Израилем, и считают участие России в мирном процессе если не контрпродуктивным, то бессмысленным. В контактах Москвы с ХАМАСом и ему подобными радикальными организациями видят угрозу российским интересам [59], [60]. Диаметрально противоположное мнение в отношении Израиля высказывают авторы, симпатизирующие палестинцам [42].

Анализ российской историографии палестинской проблемы во второй половине XX – начале XXI вв. позволяет придти к следующему заключению. Российскими историками и востоковедами накоплено огромное количество научных исследований по различным аспектам палестинской проблемы, что свидетельствует об устойчивом интересе специалистов к этой теме, обусловленном проводимой сначала СССР, а затем Российской Федерацией политикой в ближневосточном регионе. Вместе с тем, категоричные антиизраильские подходы российских исследователей советского периода к этой проблеме и наличие как пропалестински, так и произраильски направленных публикаций авторов постсоветского периода подталкивают к выводу об определенной ангажированности занимаемых российскими исследователями позиций.

Литература

1. Шевелев, Д.Л. Генезис палестинской проблемы (1882–1917) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.05 / Д.Л. Шевелев ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2000. – 155 с.

2. Шевелева, М.В. Процесс палестино-израильского урегулирования (1991–2001) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 / М.В. Шевелева ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2005. – 118 с.

3. Алестин, Ф. Палестина в петле сионизма. Преступники. Жертвы. Свидетели. Судьи / Ф. Алестин. – М. : Юридическая литература, 1988. – 304 с.

4. Евсеев, Е.С. Фашизм под голубой звездой. Правда о современном сионизме: его идеологии, практике, системе организаций крупной еврейской буржуазии / Е.С. Евсеев. – М. : Молодая гвардия, 1971. – 159 с.

5. Ладейкин, В.П. Источник опасного кризиса (роль сионизма в разжигании конфликта на Ближнем Востоке) / В.П. Ладейкин. – М. : Политиздат, 1973. – 296 с.

6. Звягельская, И.Д. Ближневосточный конфликт : разработка для использования сов. общ. орг. / И.Д. Звягельская, В.В. Озолинг. – М., 1982. – 38 с.

7. Агарышев, А.А. От Кэмп-Дэвида к трагедии Ливана / А.А. Агарышев. – М. : Молодая гвардия, 1983.

8. Киселев, В.И. Палестинская проблема и ближневосточный кризис / В.И. Киселев. – Киев : Политиздат Украины, 1983. – 215 с.

9. Дмитриев, Е. Путь к миру на Ближнем Востоке / Е. Дмитриев, В. Ладейкин. – М. : Международные отношения, 1974. – 247 с.

10. Пырлин, Е.Д. Конструктивный вклад СССР в поиски решения конфликта на Ближнем Востоке / Е.Д. Пырлин // Великий Октябрь и актуальные проблемы арабского мира : сб. статей. – М. : Наука, 1979. – С. 88–117.

11. Ланда, Р.Г. Освободительная борьба арабов Палестины (1948–1967) / Р.Г. Ланда // Народы Азии и Африки. – 1976. – № 1. – С. 18–31; Ланда, Р.Г. Из истории ПДС (1967–1971) / Р.Г. Ланда // Народы Азии и Африки. – 1976. – № 4. – С. 18–31; Ланда, Р.Г. Современный этап борьбы ПДС (1971–1976) / Р.Г. Ланда // Народы Азии и Африки. – 1976. – № 5. – С. 15–29.

12. Барковский, Л.А. Генезис руководства национально-освободительным движением арабов Палестины в 1920–1935 гг. / Л.А. Барковский // Актуальные проблемы идеологии и культуры стран Востока. – М. : Наука, 1982. – С. 161–173.

13. Копин, В.С. Палестинское движение сопротивления на современном этапе (1975–1977) / В.С. Копин. – М., 1978. – 118 с.

14. Мирский, Г.И. Израиль и палестинцы: самый длительный конфликт / Г.И. Мирский // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 3. – С. 96–103; № 4. – С. 66–74.

15. Примаков, Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). – М. : ИИК «Российская газета», 2006. – 384 с.

16. Пырлин, Е.Д. Трудный и долгий путь к миру: взгляд из Москвы на проблему ближневосточного урегулирования / Е.Д. Пырлин. – М. : РОССПЭН, 2002. – 512 с.

17. Сатановский, Е.Я. Замкнутый круг «миротворческой дипломатии» / Е.Я. Сатановский // ИБВ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/08-05-08c.htm. – Дата доступа : 15.10.2012.

18. Поляков, К.И. Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства / К.И. Поляков, А.Ж. Хасянов. – М. : ИИИиБВ, 2001. – 175 с.

19. Поляков, К.И. Палестина: перспектива независимости и проблема лидерства / К.И. Поляков, А.Ж. Хасянов // Политическая элита Ближнего Востока. – М. : ИИИиБВ, 2000. – С. 146–152.

20. Косач, Г.Г. Палестинская автономия: демократия и созидание национальной государственности / Г.Г. Косач // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 12. – С. 99–108.

21. Андреев, В.В. Основные этапы эволюции политического лидерства в палестинском национально-освободительном движении / В.В. Андреев // Политическая элита Ближнего Востока. – М. : ИИИиБВ. – 2000. – С. 5–17.

22. Капитонов, К.А. Террор. Война без правил: израильско-палестинское противостояние / К.А. Капитонов. – М. : АСТ: Восток – Запад, 2006. – 525 с.

23. Крылов, А.В. Анализ основных документов палестино-израильского переговорного процесса после подписания Норвежских соглашений (1996–2001 гг.) / А.В. Крылов, Н.М. Сорокина // Аналитические доклады ИМИ. – Вып. 1(25). – М. : МГИМО(У), 2011. – 78 с.

24. Жукарин, Р.Ю. Деятельность премьер-министра Израиля А. Шарона по разработке и осуществлению новой стратегической парадигмы в отношении арабо-израильского конфликта (2001–2006 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.15 / Р.Ю. Жукарин ; Нижегор. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2009. – 29 с.

25. Глебова, Н.С. О взаимоотношениях ХАМАС и ООП / Н.С. Глебова // Ближний Восток и современность. – М. : ИИИиБВ, 2003. – Вып. 20. – С. 104–114.

26. Кирсанов, Е.Е. Основные принципы перестройки Организации Освобождения Палестины (с точки зрения движения ХАМАС) / Е.Е. Кисанов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/11-12-08c.htm. – Дата доступа : 16.09.2011.

27. Зыкова, О.А. Организации еврейских поселенцев на палестинских территориях: инструменты и степень их влияния в израильской политике : автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / О.А. Зыкова ; Дипломат. акад. МИД России. – М., 2008. – 22 с.

28. Крылов, А.В. Израильские поселения на оккупированных арабских территориях (1967–2007 гг.) / А.В. Крылов. – М. : МГИМО(У), 2011. – 340 с.

29. Зайцева, О.А. «Женевская инициатива»: путь к окончательному урегулированию? / О.А. Зайцева // Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы. – М. : ИИИиБВ, 2003. – С. 17–29.

30. Зайцева, О. Проблема Иерусалима в палестино-израильском конфликте и в международных отношениях / О.А. Зайцева // Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии / под ред. А.Д. Эпштейна. – М. : ИИИиБВ, 2004. – С. 68–145.

31. Ближневосточный конфликт: поиски выхода : аналитический доклад российской группы Международного Дискуссионного клуба «Валдай» / «РИА» Новости, ИВ РАН, СВОП. – М. : ИВ РАН, 2011. – 46 с.

32. Пырлин, Е.Д. 100 лет противоборства. Генезис, эволюция, современное состояние и перспективы решения палестинской проблемы / Е.Д. Пырлин. – М. : РОССПЭН, 2001. – 480 с.

33. Меламедов, Г.А. Проблема Иерусалима в контексте ближневосточного переговорного процесса : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.15 / Г.А. Меламедов. – М., 2006. – 22 с.

34. Дмитриев, Е. Палестинская трагедия / Е. Дмитриев. – М. : Международные отношения, 1986. – 156 с.

35. Примаков, Е.М. Анатомия ближневосточного конфликта / Е.М. Примаков. – М. : Мысль, 1978. – 374 с.

36. Колобов, О.А. США – Израиль и арабский мир / О.А. Колобов. – М. : Наука, 1984. – 148 с.

37. Кудрявцев, А.В. Исламский мир и палестинская проблема / А.В. Кудрявцев. – М. : Наука, 1990. – 132 с.

38. Зеленин, Д.А. Эволюция национально-освободительного движения арабского народа Палестины (1920–1990 гг.) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.04 / Д.А. Зеленин. – М., 1990. – 203 с.

39. Щевелев, С.С. Борьба организации ФАТХ в составе ПДС за решение палестинской проблемы (1964 – сер. 80-х гг.) : автореф. … канд. ист. наук : 07.00.03 / С.С. Щевелев. – М., 1987. – 22 с.

40. Филиппов, И.Б. Политика государства Израиль в борьбе с арабским терроризмом / И.Б. Филиппов // Востоковедный сборник. – Вып. 3. – М. : ИИИиБВ, 2002. – С. 279–294.

41. Сатановский, Е.Я. Палестинская проблема – век XXI / Е.Я. Сатановский // Международная жизнь. – 2003. – № 11. – С. 107–117.

42. Шевченко, М. Зачем России Палестина // Информационно-аналитический канал ANSAR [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ansar.ru/person/2011/09/29/21935. – Дата доступа : 29.09.2011.

43. Мирский, Г.И. Израильско-палестинский узел Большого Ближнего Востока / Г.И. Мирский // Вестник аналитики. – 2010. – № 1. – С. 72–76.

44. Попов, В.В. О перспективах ближневосточного урегулирования / В.В. Попов // МГИМО [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://mgimo.ru/news/experts/document225800.phtml. – Дата доступа : 06.07.2012.

45. Яковлева, Т.В. Израиль – ПНА: «иорданский вариант» в качестве возможной альтернативы принципу «двух государств» / Т.В. Яковлева // ИБВ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.iimes.ru/?p=15083#more-15083. – Дата доступа : 05.07.2012.

46. Хазанов, М.Е. ООН и ближневосточная проблема (1948–1978 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.05 / М.Е. Хазанов. – М., 1979. – 25 с.

47. Звягельская, И.Д. «Конфликтная политика» США на Ближнем и Среднем Востоке (середина 70-х – вторая половина 80-х годов) / И.Д. Звягельская. – М. : Наука, 1990. – 189 с.

48. Близняков, Р.А. Проблема Палестины в Организации Объединенных Наций (1947–1967 гг.) : автореф. … канд. ист. наук : 07.00.03 / Р.А. Близняков ; Таврич. нац. ун-т им. В.И. Вернадского. – М., 2005. – 23 с.

49. Ходынская-Голенищева, М.С. Роль ООН в урегулировании палестинского вопроса (1945–2010 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.15 / М.С. Ходынская-Голенищева. – М., 2011. – 31 с.

50. Евсейчик, Т.В. Новый «европейский квартет» и «старые» ближневосточные проблемы / Т.В. Евсейчик // Востоковедный сборник. – М. : ИИИиБВ, 2006. – Вып. 7. – С. 85–96.

51. Колобов, А.О. Позиция Евросоюза по отношению к Израилю и Палестинской Национальной Автономии в рамках ближневосточного мирного процесса / А.О. Колобов // Вестн. Нижегор. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 3. – С. 224–226.

52. Листопадова, А.В. В поисках путей решения проблемы палестинских беженцев / А.В. Листопадова // Востоковедный сборник. – 2003. – № 5. – С. 76–92.

53. Абилов, К.А. США и проблема палестинских беженцев / К.А. Абилов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2007. – № 1. – С. 69–80.

54. Казакова, Н. Гуманитарная деятельность ООН и решение проблем палестинских беженцев / Н. Казакова // Востоковедный сборник. – 2003. – № 5. – С. 56–75.

55. Демченко, А.В. Роль России в урегулировании палестино-израильского конфликта // Перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.perspektivy.info/rus/desk/rol_rossii_v_uregulirovanii_palestino-izrailskogo_konflikta_2011-09-02.htm. – Дата доступа : 02.09.2011.

56. Егорин, А.З. Ближний Восток в политике России на современном этапе / А.З. Егорин // Ближний Восток: вызовы XXI века. – М. : ИБВ, 2009. – С. 62–69.

57. Колобов, А.О. Арабо-израильский конфликт и новая ближневосточная политика Российской Федерации / А.О. Колобов, О.А. Колобов, Р.Ю. Жукарин, О.О. Хохлышева // Вестник Нижегор. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2007. – № 2. – С. 258–263.

58. Федорченко, А.В. Ближний Восток: возможные варианты трансформационных процессов / А.В. Федорченко, А.В. Крылов ; ИМИ МГИМО(У) МИД России, Центр ближневосточных исследований. – М. : МГИМО-Университет, 2012. – 84 с.

59. Сатановский, Е.Я. Россия и ближневосточный мирный процесс / Е.Я. Сатановский // Россия на Ближнем Востоке: цели, задачи, возможности. – М. : ИИИиБВ, 2001. – С. 206–212.

60. Лукьянов, Ф. Станет ли Израиль союзником России? Ориентация на арабский мир – это лишь советская инерция / Ф. Лукьянов // Московские новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://mn.ru/oped/20120627/321527014.html. – Дата доступа : 27.06.2012.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 01.04.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 947.608.43:323.3:364.6–053.2(043.3)

Воспитательные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей в 1920-е годы

А.П. Соловьянов

В статье исследуется деятельность детских учреждений для несовершеннолетних, совершивших правонарушения, для которых была применена мера изоляции от общества. Указываются основные недостатки и положительные стороны в организации и функционировании данных учреждений. Показано положение подростков и молодых людей, выпускаемых из учреждений исправительного воспитания.
Ключевые слова: несовершеннолетние правонарушители, распределитель, комиссии, БССР, воспитание.

This article examines the activities of child care for young offenders administered a measure of isolation from society. It identifies the main shortcomings and positive aspects in the organization and functioning of these institutions. It shows the position of adolescents and young adults discharged from correctional institutions of education.
Keywords: juvenile offenders, distributor, commissions, BSSR, education.

В начале 1920-х годов одной из тяжелейших проблем советского общества являлась детская преступность. Грабежи, кражи, взломы магазинов, совершаемые подростками, стали довольно распространенными явлениями того времени. Новое советское государство и общество не хотели мириться с таким положением и предпринимали шаги по сокращению правонарушений несовершеннолетних. Острейшим вопросом в деятельности правоохранительных органов и комиссий по делам несовершеннолетних (комиссий) стало фактическое отсутствие учреждений воспитательного типа для малолетних преступников.

Задержанные милицией дети и подростки первоначально препровождались в детский приемный пункт (приемник) [1, л. 192]. Приемники должны были заменить собою участки милиции, привод в которые несовершеннолетних являлся во всех отношениях нежелательным. Он являлся местом кратковременной и предварительной изоляции малолетнего, необходимой как для производства первоначального опроса, так и для содержания ребенка в случае невозможности или нежелательности устроить его иным образом до рассмотрения дела комиссией. Приемники должны были существовать при каждой комиссии, в каждом уезде (районе), но на практике приемники были открыты не везде. Во многих уездах, например в Климовичском, они так и не были созданы [2, л. 99]. Более того, некоторые из действующих даже закрывались. Так, в 1926 г. был закрыт приемник в Витебске, в результате чего в городе усложнилась правовая защита детей [3, л. 239].

Далее до рассмотрения дела в комиссии несовершеннолетние распределялись следующим образом: если имелись родители, определенное место жительства и ребенок был замечен в совершении правонарушения в первый раз, то он отдавался под их надзор; все беспризорные, не имеющие родных, и все несовершеннолетние, совершившие правонарушения и не имеющие постоянного местожительства, направлялись в распределительный пункт (распределитель); правонарушители-рецидивисты также посылались в распределитель, но уже для особого наблюдения и медико-психологического обследования.

Что собой представляло это учреждение, можно понять, рассмотрев условия жизни в Витебском распределителе. В 1921 г. ввиду отсутствия общежития для несовершеннолетних, прошедших через комиссии, приходилось некоторых освобожденных содержать в распределительном пункте, что было вредным для последних и часто ставило в безвыходное положение комиссию, лишая ее возможности посылать в пункт несовершеннолетних, крайне нуждающихся в психологическом наблюдении [4, с. 27]. В 1922 г. распределитель находился в

тесном и неприспособленном помещении. Детям не хватало обуви и пальто, совершенно отсутствовала теплая зимняя одежда. В этом заведении было холодно и голодно. Все это стимулировало побеги детей [5, л. 5]. Положение распределителя не менялось на протяжении многих лет. В 1928 г. он также находился в очень тяжелых материальных условиях: не хватало помещений, средства отпускались на содержание 10 детей, тогда как постоянно там находилось 20–25, отсутствовала одежда [3, л. 239]. Только в следующем году распределитель был переведен в лучшее помещение [6, л. 33]. В этом учреждении дети должны были находиться не более 2,5 месяцев, но были случаи, когда подростки задерживались там на два года, совершенно не исправлялись и негативно влияли на вновь поступивших ребят. Кроме того, в распределителе жили уже взрослые юноши, которые работали на предприятиях и вносили разлад в детский коллектив [7, л. 246].

Поскольку функции детских приемников и наблюдательно-распределительных пунктов тесно переплетались, то с течением времени они слились в единое учреждение – детский приемник-распределитель [8, с. 21]. После проведения наблюдения и психомедицинского обследования несовершеннолетние поступали для слушания дела в комиссию, которая зачастую направляла их в воспитательные учреждения.

На территории Беларуси ощущалась острая нехватка учреждений для несовершеннолетних правонарушителей. Из-за этого особо опасных из них отправляли в Московский реформаториум (Рукавишниковский приют) [9, л. 53], [10]. По признанию Витебской комиссии, помещать такой контингент в трудовую колонию не представлялось возможным из-за опасного поведения и развращающего влияния на остальных детей [11, л. 104]. Крайне мало было учреждений, где могли содержаться девочки-правонарушительницы, поэтому их тоже направляли в детские учреждения Петрограда и Москвы (1918–1921 гг.) [11], [12], [13]. Выход стремились найти разнообразными путями. Так, коллегия Народного комиссариата просвещения (НКП) Беларуси 11.05.1922 г. постановила содержать в исправительных учреждениях для малолетних преступников, находящихся в ведении НКП, детей лишь до 16-летнего возраста [1]. Однако полностью решить данную проблему не удалось. В 1925 г. Минский окружной отдел народного образования (ОНО) указывал на отсутствие отделения для девочек-правонарушительниц при Институте социального перевоспитания [14, л. 72]. И в 1929 г. учреждение для данного контингента отсутствовало. НКВД в этом же году ставил вопрос об открытии реформаториума для девочек [15, л. 29 об.], [16, с. 8].

К сожалению, официальная статистика не дает полных сведений о численности учреждений для несовершеннолетних правонарушителей. Имеются лишь разрозненные данные, на основании которых можно сделать вывод о наличии на территории Беларуси практически всех типов учреждений для несовершеннолетних, в основном исправительных колоний, домов малолетних преступников, реформаториумов, но их было явно недостаточно. В 1923 г. в БССР функционировал только детский дом-коллектор для социального перевоспитания морально дефективных детей, принимающий несовершеннолетних от целого ряда организаций: ГПУ, угрозыска, милиции, детдомов. В 1924 г. до укрупнения в БССР числилось 6 учреждений для дефективных детей (с 267 детьми). На базе Минского и Могилевского детских домов был создан Институт социального перевоспитания НКП БССР для трудновоспитуемых правонарушителей-рецидивистов [17, с. 231, 234]. В 1926 г. в БССР имелись Институт социального перевоспитания на 80 детей и детский дом для трудновоспитуемых подростков в Витебске на 30 детей [18, л. 9 об.]. В 1927–1928 уч. г. насчитывалось 5 учреждений для умственно отсталых и трудновоспитуемых детей (детдома, колонии), в которых содержалось 279 детей (в т. ч. 44 девочки) [19, с. 77–79].

В 1928 г. в БССР были определены типы детских учреждений для несовершеннолетних правонарушителей: а) детский дом для детей от 8 до 14 лет; б) изолированный детский дом, рассчитанный на детей того же возраста, не поддающихся педагогическому влиянию обычных домов социального перевоспитания, опасных для общества и требующих постоянного контроля; в) трудовая колония для подростков-правонарушителей и беспризорников от 12 до 17 лет, где они получали профессиональную квалификацию [20, с. 6–7].

К 1929 г. сложилась определенная система воспитательных учреждений. Это Могилевская детская коммуна, Белорусский институт социального перевоспитания (который являлся в масштабе Беларуси почти единственным учреждением специального перевоспитательного типа), Борисовский реформаториум. Однако полноценной, разветвленной системы перевоспитательных учреждений не было [21, с. 68].

В БССР (как и в целом по СССР) не было единой системы изоляции воспитанников. Одни учреждения в целях предупреждения побегов укрепляли свои здания оградами, охранниками, решетками; другие, например Институт социального перевоспитания, применяли систему открытых дверей.

Учреждения перевоспитания для несовершеннолетних правонарушителей и неисправимых беспризорников находились не в лучшем положении, чем обычные детдома. Комиссия, проверявшая в 1923 г. детскую колонию «Анополь» Минского уезда, констатировала: «За лето никакого ремонта в доме не было, стекла побиты… печи не все в исправности, ни одна дверь не имела ручки. Всюду грязь, паутина. Внешний вид спален ужасен – полное отсутствие простыней, подушек, затасканные грязные тюфяки, из которых сыпалась какая-то труха, паразиты кишели в одеялах. Дети грязные, с длинными всклокоченными волосами, паразиты на одежде, в голове. Бани не было около двух месяцев, белье не стиралось – дров не было. Спальни не отапливались – всюду холод, сырость. Питание отвратительное – капуста на обед изо дня в день и гнилая картошка, которую дети выкидывали из супа. Были дни, когда дети оставались без хлеба. Дом был погружен во мрак, ни одной лампы, только две коптилки. Помещения для школьных занятий не было, дети занимались, сидя на кроватях». Врач, прикрепленный к колонии, от систематического лечения детей отказался, ссылаясь на отсутствие времени [22]. Большими усилиями в колонии был наведен порядок.

Однако некоторые детские учреждения даже в относительно тяжелые времена находились в хорошем состоянии.

Общей для всех учреждений была проблема нехватки специализированных кадров воспитателей и педагогов. Практически не было педагогов-специалистов, знакомых с работой с трудновоспитуемыми детьми. К сожалению, престиж этой профессии не поддерживался государством материально. Опытные педагоги-специалисты не желали работать в учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей по причине мизерной оплаты труда, технический персонал получал еще меньше. Неудивительно, что последний часто расхищал имущество колоний. На совещании педагогического совета Борисовского трудового дома для несовершеннолетних правонарушителей указывалось, что на 36 руб. в месяц в данное учреждение шли те, кто не нужен был на рынке труда, и прямо говорилось, что «вредны такие голодные работники, которые съедают пайки воспитанников» [23, л. 150].

Школьные программы детучреждений не шли дальше четырехлетки. Исключением являлась Могилевская детская коммуна, при которой функционировала семилетка. Трудовое воспитание и ремесленное обучение были организованы плохо. По причине недостаточного оборудования мастерские не могли конкурировать с рынком, ограничивали свое производство только самообслуживанием. Приходилось приглашать низкопробных инструкторов-ремесленников, так как тяжело было найти квалифицированного работника за низкую зарплату, да еще с выездом в деревню. Можно с уверенностью сказать, что 90% всех побегов воспитанников и их жизненных срывов возникали именно на почве отрыва от мастерских и неумелого подхода к ним при обучении ремеслу. Мастерские детучреждений, за небольшим исключением, являлись скорее классами ручного труда и давали воспитанникам низкую квалификацию. Кроме того, эти мастерские не имели «официального лица», что не давало воспитанникам возможности получить работу по специальности. Исключением являлись, наверное, только столярная мастерская Борисовского реформаториума и слесарная мастерская Могилевской детской коммуны, показывавшие в деле перевоспитания и обучения значительные достижения. Однако даже успешное окончание данных мастерских не гарантировало последующего трудоустройства выпускника. Так, в 1928 г. Институт социального перевоспитания, несмотря на все старания, не смог направить на работу 6 воспитанников, кото-

рые очень успешно занимались. В связи с этим у ребят превалировало плохое настроение, а побеги учащались [21, с. 68, 72–74].

Нельзя не отметить, что некоторые воспитанники не поддавались педагогическому воздействию и вели себя вызывающе.

Согласно исправительно-трудовому кодексу БССР, несовершеннолетние преступники должны были отбывать наказание в специально предназначенных для них исправительно-трудовых учреждениях (ИТУ). Но таких ИТУ в Беларуси не было [24]. Поэтому часть подростков содержалась в исправдомах для взрослых (после революции тюрьмы были переименованы в исправительно-трудовые дома). Так, при Витебском губисправдоме в 1921 г. имелись специальные камеры для несовершеннолетних, в которых содержалось от 7 до 10 чел. [25, с. 14]. В 1925 г. в исправительных домах (в местах заключения) БССР содержалось в среднем 77 подростков, а в 1926 г. – уже 86 [26, с. 149].

В 1928 г. по инициативе НКВД в г. Борисове был создан на основе бывшего исправдома для взрослых исправительно-трудовой дом на 250 мест для несовершеннолетних правонарушителей в возрасте от 14 до 18 лет, приговоренных судами к лишению свободы [24, с. 22–24]. До открытия данного учреждения его будущие воспитанники бродяжничали по улицам крупных городов, поскольку их некуда было деть. После открытия реформаториума окружные деткомиссии получили разверстку, выловили и прислали беспризорных. Однако воспитательный процесс не заладился. НКВД не справился с поставленной задачей, поскольку работники и хотели бы что-то сделать, но не знали, как взяться за организационно-воспитательную работу. Не хватало педагогического персонала, работала только одна столярная мастерская на 15 чел., поэтому многие воспитанники не знали, чем заняться; неудачно было организовано самоуправление. Здание бывшего исправдома находилось в удручающем состоянии: в окнах с решетками – разбитые стекла, выломанные рамы, в классных комнатах зимой замерзала вода. Массовыми были побеги. В реформаториуме произошел бунт несовершеннолетних, затем поджог. В 1929 г. директор и заведующий воспитательной частью были уволены. Бюро Борисовского РК КП(б)Б посчитало необходимым передать реформаториум исключительно НКП [16, с. 7].

Положение подростков и молодых людей, выпускаемых из учреждений исправительного воспитания, было трудным. Находясь в учреждении, они несколько отвыкали от трудных условий борьбы за существование; полная свобода на первых порах манила их многими соблазнами; отношение к ним со стороны родных и общества далеко не всегда было благожелательным, существовало сомнение в том, что они исправятся. В условиях высокой безработицы в стране, после выхода на свободу подросток не всегда мог сразу найти себе работу.

Несовершеннолетнему после освобождения для недопущения рецидива необходимо было дать хотя бы временный приют. В этих целях в апреле 1922 г. НКЮ было утверждено «Положение о Комитетах помощи освобожденным из мест заключения». Освобождаемые из трудовых домов и аналогичных им учреждений несовершеннолетние, которые не могли быть оставлены на попечении семьи, обязательно направлялись в общежитие комитетов и размещались отдельно. Комитет оказывал содействие освобожденным. Проживающие в общежитиях обеспечивались питанием и по назначению заведующего выполняли работы с выплатой установленного заработка. Решались вопросы временного трудоустройства до нахождения постоянной работы и устройства быта. Однако во второй половине 1920-х гг. деятельность комитетов была свернута.

В целом, успешную деятельность государства и общества по ограничению преступности несовершеннолетних сдерживало много факторов. Прежде всего, это излишне либиральное законодательство и мягкие решение, выносимые комиссиями по делам несовершеннолетних. Не менее важным был острый недостаток специализированных детских учреждений, в особенности для девочек-правонарушительниц и подростков, совершивших особо тяжкие правонарушения. Было очевидно, что содержание подростков в общих тюрьмах, даже в отдельных камерах, негативно сказывалось на психике несовершеннолетних и имело отрицательные последствия. Естественно, что к крайне негативным результатам приводило и пол-

ное оставление ребенка на улице, поскольку «его некуда было девать», что содействовало его приобщению к уголовному миру. Стремление исправить, переломить ситуацию наблюдалось в большей степени у правоохранительных органов, поскольку они в первую очередь сталкивались с несовершеннолетними преступниками и видели пути выхода. НКВД ратовал за упрощение бюрократической процедуры определения наказания ребенку и часто выступал инициатором создания детских исправительных учреждений. Однако практика показала, что полное подчинение таких заведений правоохранительным органам не оправдывало себя. Неумелый подбор педагогического и воспитательного персонала, отсутствие опыта, грамотно поставленной педагогической работы, нехватка различных мастерских приводили к негативному результату, что демонстрировали события, происходившие в упоминавшемся ранее Борисовском реформаториуме.

В то же время были и положительные моменты: создание разветвленной сети детских учреждений, приобщение к труду, обучение профессии, запрет рукоприкладства и т. д. Важно отметить, что многие действия государства и общества по созданию и функционированию воспитательных учреждений для подростков достигли своей цели. Большинство бывших несовершеннолетних правонарушителей встали на путь исправления и нашли свое место во взрослой жизни.

Литература

1. Государственный архив Минской области (ГАМО). – Ф. 322. – Оп. 1. – Д. 88. Циркуляры, распоряжения, протоколы заседаний коллегии Наркомпроса о постановке и организации народного просвещения в городе, список детей, прибывших из Поволжья в детдома г. Минска (февраль 1922 г. – январь 1923 г.).

2. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 60. – Оп. 1. – Д. 80. Выписки из протоколов заседаний бюро губкома РКП(б), приказы ГИКа и циркуляры губоно (1925 г.).

3. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 10051. – Оп. 1. – Д. 693. Протоколы заседаний бюро окружкома КП(б)Б (апрель 1928 г. – июнь 1928 г.).

4. Отчет Витебского Губернского Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов XI съезду Советов за время с 1 октября 1922 г. по 1 октября 1923 г. – Витебск : Коминтерн, 1923. – 253 с.

5. ГАВО. – Ф. 2351. – Оп. 1. – Д. 6. Статистические сведения о работе комиссии несовершеннолетних преступников (1923 г.).

6. ГАВО. – Ф. 10051. – Оп. 1. – Д. 796. Протокол совещания директоров учебных заведений города. Отчеты о состоянии детских учреждений, о проведении месячника бережливости. Итоги работы государственного исторического музея (сентябрь 1929 г. – май 1930 г.).

7. ГАВО. – Ф. 933. – Оп. 1. – Д. 88. Устав Белорусского общества «Друзья детей», приказы председателя правления Витебского городского общества «Друзья детей» по основной деятельности и личному составу, отчеты о работе общества за 1931 г. (январь 1931 г. – декабрь 1931 г.).

8. Отчет Минского городского исполнительного комитета Совета рабочих и красноармейских депутатов 7 созыва (с 1 окт. 1922 г. по 1 июня 1923 г.). – Минск, 1923. – 139 с.

9. ГАВО. – Ф. 2351. – Оп. 1. – Д. 8. Переписка с подотделами дефективных детей уездных отделов народного образования о несовершеннолетних правонарушителях и заявления последних в Витгубоно (1920 г.).

10. Государственный архив Могилевской области (ГАМгО). – Ф. 468. – Оп. 1. – Д. 4. Переписка с народным комиссариатом и уездными отделами здравоохранения, аптеками и складами (апрель 1919 г.).

11. ГАВО. – Ф. 2351. – Оп. 2. – Д. 899. Дело по обвинению гр. Саснер Рины в убийстве (1920–1921 гг.).

12. ГАВО. – Ф. 2351. – Оп. 2. – Д. 279. Дело по обвинению гр. Еминой Веры в проституции и бегстве из лагеря (1920 г.).

13. ГАВО. – Ф. 2351. – Оп. 2. – Д. 8. Дело по обвинению Анны Авсеевой в краже курей (1918 г.).

14. ГАМО. – Ф. 321. – Оп. 1. – Д. 112. Отчеты о работе окружной комиссии по делам о несовершеннолетних и списки правонарушителей за 1925–1926 гг.

15. ГАМО. – Ф. 12п. – Оп. 1. – Д. 1000. Документы о работе окружных обществ Красного Креста, Осоавиахима, Союза безбожников и др. общественных организаций (инструкции, протоколы, отчеты, сведения и др.) за 1928–1929 гг.

16. Барацьба з дзіцячай бяспрытульнасцю ў БССР : зборнік / Цэнтр. дзіцячая каміс. пры Цэнтр. выкан. кам. БССР. – Мінск, 1929. – 52 с.

17. Справаздача ўрада Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі VII Усебеларускаму з'езду Саветаў. – Мінск : Выд. Цэнтр. вык. кам. БССР, 1925. – 346 с.

18. НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 1. – Д. 799. Планы работы детдомов, дефективных учреждений, учреждений по ликвидации беспризорности в БССР на 1925/26 гг.

19. Белорусская ССР в цифрах : к 10-летию существования БССР, 1919–1929 гг. / Центр. стат. упр. – Минск, 1929. – 534 с.

20. Сістэма народнай асветы Беларускай Савецкай Сацыялістычнай рэспублікі. Кіраўніцтва спраў СНК і эканамічнай нарады БССР. – Менск : Белдзяржвыд, 1928. – 40 с.

21. Маскалевіч, З. Проблема соцыяльнага перавыхаваньня на Беларусі / З. Маскалевіч // Камуніст. выхаванне. – 1930. – № 2. – С. 67–75.

22. ГАМО. – Ф. 333. – Оп. 1. – Д. 100. Приказ № 21 по город. ОНО, протоколы заседаний пед. Совета дет. колоний уезда, общих собраний учителей и технического персонала колоний, акты обследования комиссией отдела детских колоний и списки воспитанников и обслуживающего персонала колоний за 1923 г. (февраль 1923 г. – декабрь 1923 г.).

23. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 101. – Оп. 1. – Д. 3339. Материалы обследования работы детдомов и учреждений социального воспитания по Белоруссии (выписки из протоколов заседаний, акты, доклады, рабочие программы, производственные планы) (декабрь 1928 г. – сентябрь 1929 г.).

24. Вениосов, А.В. Организационно-правовые основы исполнения наказания в Беларуси в 1924–1928 годах : учеб. пособие / А.В. Вениосов. – Минск : Акад. МВД Республики Беларусь, 2001. – 28 с.

25. Отчет Витебского Губернского экономического совещания совету труда и обороны: январь – октябрь 1921 г. – Витебск : 1-ая гос. тип., 1922. – 141 с.

26. Статыстычны штогоднік: 1925–1926. – Мінск : Выд. Цэнтр. стат. упр. БССР, 1928. – 527 с.

Институт истории Национальной
академии наук Беларуси, г. Минск

Поступило 01.04.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 94(476):94(477):323.1

Урбанизация и коренизация как основа политики белорусизации и украинизации

М.И. Старовойтов

В статье впервые в белорусской историографии на основе значительной части новых архивных источников рассматривается роль урбанизации и коренизации в осуществлении политики белорусизации и украинизации. Автор, выделяя белорусскую специфику, приходит к выводу, что эти процессы в межвоенный период существенно изменили социокультурный облик титульных этносов БССР и УССР, а белорусский город «обелорусить» не удалось.
Ключевые слова: урбанизация, коренизация, белорусизация, украинизация, советская национальная политика.

For the first time in the Belarusian historiography on the basis of new archives this article touches upon the role of urbanization and indigenization in the exercise of belarusization and ukrainization policy. The author, highlighting Belarusian specificity, comes to a conclusion that these processes in the interwar period significantly changed social and cultural image of titled ethnos of the Belarusian SSR and Ukrainian SSR, whereas implying belarusization in a Belarusian town was of no result.
Keywords: urbanization, indigenization, belarusization, ukrainization, soviet national policy.

В исследование белорусизации и украинизации внесен вклад белорусскими, российскими и украинскими историками. Значительные результаты в изучении проблем украинизации достигнуты украинскими исследователями, которые отражены в коллективно подготовленных справочном издании [23] и монографии [26]. Однако обозначенные в заявленной теме аспекты в историографии практически не освещены. В изученных нами работах исследования хронологически не доводятся до конца 1930-х годов. Это, на наш взгляд, не позволило выявить общие тенденции и особенности в проведении политики белорусизации и украинизации. На основе архивных материалов, еще недавно имевших гриф строгой секретности, нами сделаны расчеты и попытка дать адекватную оценку процессам урбанизации и коренизации титульных этносов по результатам, достигнутым к концу межвоенного периода. Для корректности сравнения мы в большей степени обращаем внимание на белорусско-украинский пограничный регион.

На X съезде РКП(б) И.В. Сталин, объясняя белорусские и украинские национальные проблемы, привел примеры, как Рига стала латышским городом, а города Венгрии мадьяризировались. «То же можно сказать, – отмечал он, – о тех городах Украины, которые носят русский характер и которые будут украинизированы, потому что города растут за счет деревни. Деревня – это хранительница украинского языка, и он войдет во все украинские города как господствующий элемент. То же самое будет с Белоруссией, в городах которой все еще преобладают небелорусы» [14, с. 213]. Руководствуясь постановлением и идеями этого съезда, ЦБ КП(б)Б выработало и 5 декабря 1921 г. опубликовало тезисы “Беларускае нацыянальнае пытанне і Камуністычная партыя”. Предполагалось, что с развитием промышленности еврейский пролетариат примет в свои ряды менее энергичного и отсталого белорусского пролетария. “Беларуская вёска пацячэ роўнай, строга разьмернай эканамічнай ракой у пролетарскі горад, …з сваімі разуменнямі, бытам і мовай, якой цяпер ніхто ня ставіць, як раней перашкод” [1, с. 43]. Однако задачи, определенные указанными тезисами и другими партийно-советскими документами, решались поспешно и непоследовательно.

Известный белорусский ученый Г. Горецкий несколько поспешно оценил итоги переписи 1926 г. в части белорусизации города. В мае 1929 г. он писал: “Тэндэнцыю да больш шпаркага тэмпу беларусізацыі ў буйных гарадох мы ўжо перажываем фактычна цяпер; мы зьяўляемся нібы сьведкамі ажыцьцяўленьня гістарычнага прароцтва Сталіна аб няўхільнай

беларусізацыі гарадоў БССР. Аб тых кардынальных зьменах, якія будуць адбывацца ў формах і стылю беларускае культуры (цяпер пераважна “вясковае” культуры), дзякуючы ўплыву беларусізаванага і пралетарызаванага беларускага гораду, тут ня варта гаварыць больш, як толькі адзначыць няўхільнасць гэтага працэсу” [11, с. 21].

В рассматриваемый период под воздействием белорусизации и украинизации в БССР и УССР началась активизация социальной мобильности титульных этносов, выходящих на политическую арену и оказывающих возрастающее влияние на общественную жизнь. Это стало началом перехода от сельского общества к городскому обществу, вызванного советской мобилизационной модернизацией. А.С. Сенявский на примере российских горожан показал, что такой переход означает не просто превращение их из абсолютного меньшинства (15% в конце XIX в.) в абсолютное большинство жителей страны (более 70% в начале 1980-х гг.). Он дал этому процессу такое определение: «Переход к городскому обществу – широкий модернизационный процесс, охватывающий качественные изменения широкого комплекса социальных характеристик подавляющей части населения страны, изменения в течение четырех-пяти поколений качества населения, его занятости и образа жизни, менталитета и многого другого» [24 , с. 218, 221].

Общую тенденцию роста степени урбанизированности и подготовки национальных кадров можно установить за двенадцатилетний период по данным переписей 1926 и 1939 годов. Так, перепись 1926 г. зафиксировала в белорусских округах следующую степень урбанизированности белорусов: Витебский округ – 9,0%, Гомельский – 12,0%, Калининский – 5,5%, Могилевский – 8,7%, Мозырский – 6,4%, Оршанский – 7,4%, Полоцкий – 5,0% и Речицкий – 5,3%, при средних показателях по БССР (белорусы – 8,3%, все население – 17,0%) [5, с. 24–45], [7, с. 38, 41]. Не было существенной разницы, кроме выделявшегося за счет г. Киева одноименного округа, и в украинских округах пограничья. Белоцерковский округ дал показатель урбанизированности украинцев в 7,1%, Волынский – 13,7%, Глуховский – 8,0%, Киевский – 22,2%, Коростеньский – 5,0%, Неженский – 9,5%, Прилукский – 5,5% и Черниговский – 8,1%. По УССР соответственно – 10,9% и 18,5% [6, с. 27, 29], [7, с. 38, 41].

Мобилизационная индустриализация, которая интенсивно проводилась в районах освоения природных ресурсов и создания оборонных предприятий, в значительно меньшей степени затронула «по стратегическим соображениям» белорусско-украинский пограничный регион, т. к. большая часть его территории входила в пограничную полосу СССР. Это повлияло на развитие городов региона и интенсивность притока в них титульного населения. Если взять за основу 15% рубеж, предложенный А.С. Сенявским, то есть все основания считать, что титульное население региона в конце 1930-х годов только начало включаться в урбанизационный переход. Степень урбанизации белорусов Витебской области достигла по данным переписи 1939 г. 19,4%, Гомельской – 18,2%, Минской – 20,0% (без Минска – 13,8%), Могилевской – 15,8%, Полесской – 7,4%. В целом по БССР 16,9% белорусов и 24,7% всего населения проживало в городах [10, с. 70]. По нашим расчетам, опубликованным ранее, всего населения в городах проживало около 20%.

Удельный вес украинцев-горожан в Житомирской области составил 14,0%, в Киевской – 25,6% (без города Киева – около 12%), в Черниговской – 13,7% (по УССР – 36,2%) [10, с. 68–70]. Если по украинскому пограничному региону и по БССР уровень урбанизированности титульных этносов не имел резкого отличия (за исключением Киевской и Полесской областей), то в УССР, в промышленно развитых областях, они имелись и весьма существенные. В Ворошиловоградской области 59,4% украинцев проживало в городах (65,7% – все население), в Днепропетровской – 46,9% и 53,0%, в Сталинской – 72,9% и 78,1%, в Харьковской – 45,7% и 52,7% [25, л. 18–19]. Это было одной из причин этнокультурной специфики региона, в т. ч. и белорусской его части, которую надо учитывать при рассмотрении изменений в социокультурном облике всего населения в 1920–1930-е годы. Титульные этносы в абсолютном большинстве оставались сельскими жителями, а по образу труда, быта, культуры и менталитету являлись представителями традиционного общества. Это роднило и сбли-

жало белорусов и украинцев, но и существенно сдерживало их социокультурное развитие. В таком единстве исторического развития надо видеть и основы славянской интеграции.

Лозунгово-пропагандистское, административное решение задач белорусизации, с главным упором на изучение и использование белорусского языка, привели белорусизацию, на наш взгляд, не к сворачиванию, а к самотеку. В марте 1933 г. нарком финансов республики А. Хацкевич, бывший председатель Нацкомиссии ЦИК БССР, признал, что по вопросам белорусизации и коренизации мы путались, «много глупостей наговорили, написали…, встречались с игнорированием, формальным отношением к белорусизации, т. к. в целом ряде учреждений перекладывали эту работу на машинисток…» [21, л. 28, 30].

Перемещаясь в города, белорусы оказывались в русскоязычной среде. Нами впервые установлено, что белорусский город не стал белорусскоязычным. В 1939 г. только 45,7% городского населения назвало родным языком белорусский (белорусов в городах – 56,8%), 38,8% – русский (13,3%), 12,9% – еврейский (24,0%), 1,8% – украинский (3,2%), 0,2% – польский (1,3%) [2, л. 12]. Накануне Второй мировой войны две столицы еще не имели абсолютного преобладания титульного этноса в составе их населения. В Минске проживало 59212 мужчин-белорусов и 64849 женщин-белорусок, что составляло 51,9% от всех горожан. Родным белорусский язык назвали 99056 минчан, или 41,5% [20, л. 5]. В Киеве проживало 212130 мужчин и 238426 женщин украинской национальности. Они составляли 53,2% горожан. В городах Киевской области с родным украинским языком было 49,4% населения [17, лл. 6, 46], [18, лл. 296, 310]. По г. Киеву, вероятнее всего (такие данные нами пока не выявлены), этот показатель был ниже. Даже такой краткий анализ подтверждает мнение российских историков Ю.А. Борисенка и А.Л. Шемякина: «…задача обелорусить белорусский город, поставленная Сталиным в 1921 г., так и осталась нереализованной…» [4, с. 82]. Как видим, “няўхільнасць гэтага працэсу” не подтвердилась.

В 1928 г. В.Г. Кнорин тоже приводил примеры урбанизированности, только по другим европейским странам. Он коснулся и ситуации с коренизацией в БССР и отметил “…нацыянальны разрыў паміж горадам і вёскай, калі вёска гаворыць на адной мове, я горад на другой…”. Указал он и на то, что “беларускія кадры працаўнікоў на партыйнай і савецкай, прафсаюзнай і іншай рабоце растуць. Аднак у гэтых поспехах беларусізацыі вельмі шмат надворнага і паказнога…” [19, с. 236, 239]. На наш взгляд, рост грамотности и образования белорусов (еще в абсолютном большинстве крестьян) в 1930-е годы положил начало коренному перелому в процессе коренизации, подготовке белорусских кадров – рабочих, служащих, интеллигенции для индустриальных отраслей экономики, сферы обслуживания, здравоохранения, образования и науки. Активизировалась подготовка партийно-советских и хозяйственных национальных кадров.

По данным переписи 1926 г., в республике проживало 80,6% белорусов, 8,2% евреев, 7,7% русских, 2,0% поляков, 1,3% других национальностей. Доля белорусов к началу 1929 г. в административных органах достигла 51,3%, хозяйственных – 30,8%, судебных – 26,3% и земельных – 59,5% [1, с. 14, 19]. В 1939 г. доля белорусов в составе населения БССР увеличилась и составила 82,9%, русских – 6,7%, евреев – 6,6%, украинцев – 1,9%, поляков – 1,1% и 0,8% – прочих [2, л. 12]. В национальном составе кадрового управленческого потенциала наметилась тенденция к росту численности белорусов, хотя имелись и трудности. В мае 1938 г. и. о. первого секретаря ЦК КП(б)Б А.А. Волков отметил, что среди 69 секретарей райкомов партии Минской области (вместе с городскими районами) белорусов было 44 (63,8%), в Витебской из 63 – 47 (74,6%), в Гомельской из 45 – 28 (62,2%), в Могилевской из 66 – 47 (71,2%) и в Полесской из 45 – 30 (66,7%). Среди первых секретарей их было 53–54%. Он сказал, что «ставя вопрос о росте кадров за счет белорусов, тут мы удовлетвориться не можем» [13, л. 110]. Есть основание считать, что такая кадровая проблема существовала и в УССР. В 1939 г. в БССР партийные, государственные, кооперативные, общественные учреждения и предприятия возглавляло 63,6% белорусов (в УССР – 59,6% украинцев), общесоюзного, республиканского и областного значения – 41,6% (42,1%), районного и городского – 65,1% (67,8%), среди судей и прокуроров их было по 59,5%, руководителей сельхоз- и промышленных предприятий – 61,9% (60,1%). Сельскохозяйственные занятия имели 96,0% бе-

лорусов и 90,0% украинцев, а только соответственно 46,0% и 53,3% было в составе руководителей отделений и ферм совхозов, цехов, мастерских промпредприятий, отделений транспортных предприятий. Обычные колхозы возглавляли 95,3% белорусов и 88,2% украинцев, а промартели и промколхозы – 30,0% и 42,7% [2, лл. 62, 64], [27, лл. 80,82].

Накануне развертывания индустриализации фабрично-заводских рабочих было небольшое количество. Так, в БССР их насчитывалось 23114 человек мужчин и 8601 женщина (соответственно 40,0% и 38,0% составляли белорусы), а в украинском Полесье – 12109 и 2912 (57,0% и 52,0% – украинцы). Среди рабочих строителей белорусов было 30,3%, а среди железнодорожников – 68,8%. Соответственно на 5,2% и 15,9% было больше украинцев среди рабочих этих отраслей в украинском Полесье [8, с. 2], [9, с. 154]. В условиях форсированной индустриализации целенаправленная партийно-государственная политика по подготовке национальных рабочих кадров дала заметные результаты. Расчеты показали, что большинство рабочих промышленности и строительстве в 1939 г. составляли уже белорусы и украинцы (оба пола). Особенно это заметно по областям с большой долей титульного этноса в составе населения. Если в Гомельской области на их долю приходилось соответственно 56,7% и 54,5% [3, лл. 47, 58], [12, л. 3], то в Черниговской – 82,3% и 75,7% [28, лл. 122, 134], [27, л. 3]. В Полесской области рабочих белорусов в промышленности было 64,2%, в строительстве – 61,2% [3, лл. 201, 212], [22, л. 3], а в соседней Житомирской области украинцев соответственно 53,9% и 58,1% [16, лл. 122, 134], [15, л. 3].

В наиболее полиэтничных Гомельской и Житомирской областях во многих отраслях промышленности, особенно в тех, где традиционно было занято еврейское население, удельный вес титульного этноса был ниже. Среди строителей и транспортников, бумажников и пищевиков в БССР и пограничных областях УССР в основном преобладали соответственно белорусы и украинцы. По рабочим специальностям высокой квалификации (металлисты) удельный вес титульного этноса в белорусских областях был ниже, в том числе и в Минской, по сравнению с украинскими пограничными областями и Киевской. Последовательная политика коренизации привела к росту численности и доли белорусов и украинцев (немного больше, чем белорусов) в составе научно-педагогической и творческой интеллигенции. Подробнее это рассмотрено в ряде публикаций автора.

В условиях трансформации советской национальной политики целенаправленная партийно-государственная политика белорусизации и украинизации заключалась не только в переводе делопроизводства на язык титульных этносов и изучения их языка партийно-советским и хозяйственным аппаратом. Шел интенсивный процесс, со своими особенностями по регионам, урбанизации и пролетаризации титульных этносов, осуществлялась подготовка национальной интеллигенции. Мы полагаем, что это являлось основой/фундаментом белорусизации и украинизации, т. к. коренным образом меняло социокультурный облик титульных этносов.

Таким образом, мы видим динамику роста национальных кадров как закономерный результат коренизации, а также начало устойчивой тенденции вступления белорусов в урбанизационный переход, переход от традиционного к индустриальному обществу. Осуществление политики белорусизации через урбанизацию белорусского этноса и коренизацию кадров всех уровней и звеньев за счет титульного этноса проходило хотя и медленно, но на протяжении 1920–1930-х годов. Эти процессы, как одни из главных составляющих белорусизации, не прекращались не только в межвоенный период, но и в послевоенный. Белорусский город оставался русскоязычным. В чем-то сходная ситуация была в украинской части белорусско-украинского пограничного региона. Здесь надо говорить об украинской региональной специфике в отличие от всей территории УССР, титульное население которой более активно употребляло в городах украинский язык.

Исторически сложившаяся традиция развития белорусского города как русскоязычного не была изменена в указанный и последующий периоды. Белорус с низким уровнем грамотности и образования, традиционной культурой «переплавлялся» в русскоязычной среде и культуре больших городов БССР. Он сознательно вливался и принимал существовавшую городскую среду и культуру. Это исторические реальности, и с ними надо считаться, соблюдая принцип историзма.

Литература

1. Беларусізацыя 1920-я гг. Дак. і матэр. / склад. У.К. Коршак [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2001.
2. БССР // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 257.
3. БССР // РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 913.
4. Борисенок, Ю. Долой пиджачников! Как товарищ Сталин выучил белорусов их собственному языку на сербский манер / Ю. Борисенок, А. Шемякин // Родина. – 2008. – № 1. – С. 76–82.
5. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – Т. X. – М. : ЦСУ СССР, 1928. – 289 с.
6. Всесоюзный перепис людности 1926 р. – Т. XI. – М. : ЦСУ СРСР, 1928. – 203 с.
7. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – Т. XVII. – М. : ЦСУ СССР, 1929 – 112 с.
8. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – Т. XXVII. – М. : ЦСУ СССР, 1928. – 156 с.
9. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – Т. XXVIII. – М. : Планхозгиз, 1928. – 304 с.
10. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – М. : Наука, 1992.—256 с.
11. Гарэцкі, Г. Нацыянальныя асаблівасці насельніцтва БССР і беларускага насельніцтва СССР паводле перапісу 1926 г. – Мінск, 1929. – 40 с.
12. Гомельская область // РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 548.
13. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМО). – Ф. 3. – Оп. 1а. – Д. 4.
14. Десятый съезд РКП(б) : стенограф. отчет. – М. : Политиздат, 1963. – 368 с.
15. Житомирская область // РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 530.
16. Житомирская область // РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 914.
17. Киевская область // РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 361.
18. Киевская обл. Киев // РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 915.
19. Кнорин, В.Г. Аб рашаючых “дробязях” у вялікім пытанні (Да пытання аб палітыцы беларусізацыі) / В.Г. Кнорин // Избранные статьи и речи ; сост. Н.В. Кузнецов [и др.]. – Минск : Беларусь, 1990. – С. 233 265.
20. Минск // РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 378.
21. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. – Оп. 20. – Д. 97.
22. Полесская область // РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 552.
23. Політика коренізації в радянській Україні (1920–1930-і рр.) : науково-допоміжний бібліографічний покажчик / упоряд. та авт. вступ. ст. : П. Бондарчук [і інш.]. – К. : Інститут іст. України НАН України, 2003. – 219 с.
24. Сенявский, А.С. «Урбанизационный переход» России в XX веке как составляющая модернизационного процесса: условия, реализация, результаты / А.С. Сенявский // Россия на рубеже XXI века: оглянись на век минувший / ред. кол. : Ю.А. Поляков [и др.]. – М., 2000. – С. 216–237.
25. УССР // РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 256.
26. “Українізація” 1920–1930-х рр.: передумови, здабутки, уроки : колективна монографія / за ред. В.А. Смолія. – К. : Інститут іст. України НАН, 2003. – 392 с.
27. Черниговская область // РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 545.
28. Черниговская область // РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 916.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 01.04.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 94(476).1943-1991

Руководство развитием транспорта со стороны Советов депутатов Беларуси (конец 1943–1991 гг.)

Р.В. Тимофеев

Данное исследование показывает основные направления деятельности Советов депутатов Белорусской ССР по решению социально-экономических задач в 1943–1991 годах на примере воздействия на транспорт. Автором были отмечены главные документы, по которым строилась такая работа, основные её формы и направления, достижения и недостатки по управлению транспортными предприятиями. Особое внимание в статье уделено определению общего и особенного в организации Советами депутатов Белорусской ССР деятельности транспорта по его конкретным видам. В исследовании выделены как причины, по которым уровень влияния Советов депутатов Белорусской ССР на транспортные вопросы был недостаточным, так и негативные последствия такой ситуации. В работе использованы данные архивов и периодической печати.
Ключевые слова: Советы депутатов, депутатские комиссии, социальные и экономические вопросы, формы и методы работы.

The given research shows basic directions of the Councils of Deputies of Belarusian SSR of the decision of social and economic tasks in 1943–1991 by an example of influence on transport. The author marks the main documents such work was based on, its general forms and directions, achievements and shortcomings of managing transport enterprises. Special attention in this article is given to the definition of general and peculiar in the activity of different means of transport organized by the Councils of Deputies of Belarusian SSR. The research allocates the reasons because of which the level of influence of the Councils of Deputies of Belarusian SSR on socio transport issues was insufficient as well as negative consequences of that situation. The data of archives and periodical press were used during the research.
Keywords: Councils of Deputies, deputy committees, social and economic issues, forms and methods of work.

В условиях выхода Республики Беларусь на качественно более высокий уровень своего социально-экономического развития важное значение приобрела деятельность местных органов власти, которые занимаются повседневной конкретной работой по реализации государственных решений. Поэтому было бы полезным использовать недавний опыт Советов депутатов, их исполкомов, Верховного Совета БССР по развитию транспорта, связывающего все отрасли хозяйства в единый механизм. Изучение проблемы даёт возможность найти наиболее оптимальные в современных условиях формы воздействия местной власти и депутатов на деятельность транспортных предприятий, выявить новые потенциальные возможности по улучшению транспортного обслуживания населения как регионов, так и Республики Беларусь в целом. Исследование подобного плана востребовано обществом, так как чёткая работа транспорта на местах часто определяет уровень выполнения социальных параметров жизни населения, по достижениям или недостаткам в деятельности транспортных предприятий во многом судят о работе органов власти.

Изучение данной проблемы в контексте истории Беларуси послевоенного периода оказалось минимальным. Наиболее значимые научные работы, связанные с деятельностью Советов депутатов, были выпущёны ещё в 1970-е гг. и не были связаны с отношением советских организаций к транспорту [1], [2]. Целью статьи является показ руководства деятельностью транспорта со стороны Верховного Совета БССР, местных Советов депутатов и исполкомов в конце 1943–1991 годах. Задачи статьи: выделить круг вопросов, которыми чаще всего в отношении транспорта занимались Советы и их исполкомы; показать степень воздействия советских организаций на развитие транспорта и эффективность их усилий; отметить работу сессий Советов и их рекомендации по решению транспортных проблем; раскрыть направления деятельности депутатских комиссий и их взаимодействие с предприятиями.

Материал и методы. Данные о деятельности Верховного Совета БССР, местных Советов депутатов, их исполкомов, сессий Советов, работе депутатских комиссий и отдельных

депутатов были найдены в Национальном архиве Республики Беларусь, Государственных архивах Брестской, Гомельской, Гродненской, Витебской, Могилёвской областей. Они были дополнены сведениями из сборников документов и периодической печати. В исследовании использован системный подход, который позволяет рассмотреть проблему в комплексе, раскрыть целостность объекта и выявить окружающие его связи.

Результаты и их обсуждение. Советы депутатов в изучаемый период были неотъемлемой частью существовавшей политической системы, находились под контролем партийных организаций и выполняли поручения вышестоящих органов власти, в первую очередь СНК (Совета Министров) БССР и ЦК КП(б)Б (КПБ). Верховный Совет БССР был занят законотворческой деятельностью. В отношении транспорта Советы депутатов и их исполкомы занимались конкретной работой на местах, обеспечивали организацию грузовых и пассажирских перевозок. В тех районах БССР, где закончились боевые действия, они помогали железнодорожникам восстанавливать их хозяйство. Уже в октябре 1943 г. Гомельский облисполком выделил необходимые материалы для наладки железнодорожных линий, в ноябре 1943 г. возвратил на довоенное место работы ряд специалистов [3, л. 1, 4]. В условиях продолжавшихся летом 1944 г. боевых действий на территории республики важной задачей было обеспечение бесперебойного прохождения эшелонов к линии фронта. Так, по распоряжению Витебского облисполкома от 3 июля 1944 г. для введения в строй железнодорожного моста в Витебске председателей райисполкомов обязали направить туда необходимое количество рабочей силы [4, л. 25]. После освобождения области от захватчиков свои усилия на мобилизацию рабочей силы для восстановления путей в августе 1944 г. направил Могилёвский облисполком [5, л. 57]. Проблемы перед исполнительной властью поднимались самые разные, и в январе 1944 г. в центре внимания Гомельского облисполкома оказался ремонт социально-бытовых объектов железнодорожников. От активности и ответственности исполкомов во многом зависела бесперебойная работа транспортных предприятий, и чтобы реализовать постановление Совета Министров (СМ) СССР о повышенной погрузке и выгрузке грузов вагонов в 1-й декаде января 1949 г., например, Витебский облисполком обязал предприятия предоставить дополнительные погрузочные средства.

После проведённых после войны выборов в Советы депутатов их представители активно включились в работу. Местные исполкомы ежегодно принимали решения, касавшиеся подготовки транспорта к работе в зимних условиях, Гродненский горсовет в 1948 г. решал вопросы улучшения социально-бытовых условий учащихся местного железнодорожного техникума [6, л. 144]. Неотъемлемой частью работы Советов была деятельность отдельных депутатов. Так, депутат Верховного Совета (ВС) БССР, машинист депо г. Гомеля А. Латышева на пленуме Дорпрофсожа в апреле 1948 г. предложила расширить вождение большегрузных составов и ликвидировать случаи перерасхода топлива [7, с. 2]. Работа транспортных подразделений постоянно контролировалась Советами самого высокого уровня. Так, на сессии ВС БССР в апреле 1949 г. шла речь о том, что некоторые министерства не выполнили постановления СМ БССР от 29 июня 1948 г. о мерах по улучшения погрузочно-разгрузочных работ на железнодорожном и автомобильном транспорте, из-за чего были большие простои вагонов.

Значительную роль сыграли Советы депутатов и их исполкомы в возрождении автотранспорта республики. Так, в январе 1944 г. совещание партийных и советских организаций Гомельской области рассмотрело вопрос о возможностях восстановления его деятельности. Усилиями Гомельского облисполкома в январе-марте 1944 г. был расширен подвижной состав автотранспорта [8, лл. 20, 59]. В целях организации работы городского автотранспорта в октябре 1944 г. горсоветы Минской области разработали и утвердили для него маршруты движения. В январе 1945 г. Гродненский облисполком утвердил тарифы на автотранспортные перевозки. В условиях нехватки ресурсов центральная власть опиралась на местную, чтобы добиться рационального их использования. Так, с сентября 1947 г. облисполкомы реализовывали постановление СМ СССР «О нормах расхода автобензина и смазочных материалов для автомобилей и мотоциклов». Чтобы повысить эффективность работы грузовых автомобилей, Брестский горисполком в ноябре 1948 г. провёл их строгий учёт [9, л. 172]. Успешное функционирование транспорта было невозможно без создания соответствующих усло-

вий. Поэтому сессия ВС БССР в сентябре 1946 г. предложила приложить максимум усилий для улучшения дорожного покрытия, а председатель Госплана БССР И.Л. Чёрный поддержал усилия Советов по восстановлению дорог. В зоне внимания исполкомов одним из вопросов было обеспечение безопасной эксплуатации транспорта. Так, в июле 1944 г. по распоряжению Гомельского облисполкома ГАИ начало регистрацию и осмотр автомобилей [10, л. 54]. В марте 1948 г. рассмотрел итоги проведённого годового техосмотра автотранспорта Витебский облисполком. На выполнение мероприятий по улучшению технического состояния транспорта в декабре 1949 г. было направлено решение Барановичского облисполкома.

Выступления транспортников на сессиях Советов помогали им обращать внимание исполнительной и партийной власти на имевшиеся сложности в работе, но и сами они находились под контролем. Так, на заседании ВС БССР в апреле 1955 г. начальника Белорусской железной дороги (БЖД) Г.И. Котяша обязали дать обещание улучшить работу. На сессии в июне 1958 г. председатель СМ БССР Н.Е. Авхимович поставил перед железнодорожниками задачу по развитию пассажирского хозяйства. Сессия в ноябре 1959 г. отметила недостатки в поездной и маневровой работе железнодорожников.

Наличие депутатского мандата позволяло железнодорожникам активнее отстаивать свою точку зрения по производственной проблеме. Так, в 1955 г. машинист Осиповичского депо, депутат ВС БССР А. Каливанов на встречах с представителями партийной власти убеждал их расширить вождение большегрузных составов [11, с. 23]. Важной социальной задачей было обеспечение потребностей населения в пассажирских перевозках. Поэтому Советы депутатов постоянно обращались к транспортникам по поводу изменения и продления пассажирских маршрутов. Например, на сессии Витебского облсовета 23 сентября 1958 г. депутаты попросили облисполком поставить перед управлением БЖД вопрос о восстановлении движения одного из пригородных поездов. Сессия Могилёвского облсовета в декабре 1959 г. потребовала от железнодорожников навести порядок с обслуживанием на вокзалах. Постоянно перед советскими организациями возникала проблема выполнения показателей по рациональному использованию подвижного состава. Для её разрешения сессия Гродненского горсовета в декабре 1957 г. предложила привлечь дополнительный автотранспорт для своевременной разгрузки вагонов. Советы депутатов, как главные хозяева на закреплённой за ними территориях, выделяли землю под транспортное строительство, в их руках было утверждение планов экономического развития регионов, распределение финансовых средств на решение транспортных проблем. Важные для эффективной деятельности железных дорог мероприятия контролировали облисполкомы. Гродненский в марте 1951 г. выделил фонд леса для обустройства железнодорожных путей, распоряжение Витебского облисполкома от 30 апреля 1954 г. обязало райисполкомы произвести ремонт подъездных дорог к станциям. Брестский облисполком в 1954 г. рассмотрел выполнение железнодорожниками производственных показателей. Чаще всего облисполкомы занимались обеспечением своевременной выгрузки-погрузки вагонов, на особом контроле у них были и пассажирские перевозки.

Большую законодательную работу проводил Президиум ВС БССР. Так, по указам 19 декабря 1952 г. Министерство автотранспорта БССР было преобразовано в союзно-республиканское Министерство автотранспорта БССР, 17 ноября 1953 г. – в союзно-республиканское Министерство автотранспорта и шоссейных дорог БССР, 12 июля 1956 г. – в Министерство автотранспорта БССР [12, с. 1]. Много автотранспортных вопросов рассматривалось и на сессиях. В марте 1957 г. ВС БССР поставил задачу перед министерством автотранспорта (МАТ) по увеличению коэффициента использования машин, его деятельность была подвергнута критике со стороны министерства финансов, возглавляемого Ф.Л. Кохоновым. На сессии в январе 1959 г. председатель Госплана БССР, депутат С.Н. Малинин предложил ликвидировать распылённость автопарка.

В 1950-е гг. при Советах активно действовали постоянные комиссии депутатов, в том числе по промышленности, дорожному строительству и связи, которые занимались обеспечением функционирования транспорта. В то же время, по мнению транспортников, исполкомы Советов проводили мало мероприятий по улучшению состояния дорог. Чтобы исправить ситуацию, например, на сессии Витебского облсовета 31 июля 1957 г. было решено исполь-

зовать для этого местные стройматериалы. Проблем в отношении транспорта Советы решали много. Минский горсовет в 1950 г. прореагировал на замечания жителей по расписанию автобусов. Но повлиять на транспортное предприятие Советы могли лишь через его вышестоящее руководство, что затягивало решение вопроса. Депутаты часто реагировали на транспортные вопросы, поднимавшиеся гражданами. Так, в октябре 1955 г. депутат Фрунзенского райсовета г. Минска Д. Гаев критиковал автотранспортную контору за отсутствие на линиях запланированного количества автобусов. Шаг за шагом усилия Советов давали результат. На сессии Витебского облсовета в сентябре 1958 г. было отмечено, что Витебск связан маршрутами со всеми райцентрами. Но всё сразу сделать не удавалось. За 1956–1959 гг. так и не был решён вопрос с реконструкцией Барановичской автостанции. Контроль за транспортом исполкомами производился с разных позиций. Работу Брестского облавтотреста за 1959 г. рассмотрел отдел капитального строительства плановой комиссии облисполкома. Отражением зависимости Советов от парторганизаций был их конкретный и быстрый ответ на критику за плохую работу транспорта, например в январе 1955 г. на Гродненской городской партконференции. С другой стороны, депутатам было легче, чем кому-либо другому, обратиться в партийные органы и за содействием.

Чтобы обеспечить работу городского автотранспорта, исполкомам приходилось решать многочисленные вопросы. В феврале 1950 г. Барановичский облисполком искал автобусы, чтобы выполнить просьбу населения, высказанную во время выборов, для чего ему пришлось обратиться в отдел транспорта и связи ЦК КП(б)Б [13, л. 3, 5]. Облисполкомы в соответствии с постановлениями СМ БССР издавали распоряжения, которые улучшали развитие транспорта. Так, Витебский облисполком 31 января 1950 г. обязал руководителей автохозяйств организовать учебу с шоферами, в марте 1955 г. Брестский облисполком занимался вопросом предотвращения холостых пробегов автомашин. Облисполкомы обладали полномочиями на открытие новых маршрутов, руководили отделениями регулировки уличного движения, выполняли постановление СМ БССР от 16 июля 1959 г. «Об усилении борьбы с аварийностью на автотранспорте» [14, с. 57].

Шаг за шагом советские организации усиливали свою работу в отношении железнодорожного транспорта. На сессии ВС БССР в декабре 1960 г. председатель бюджетной комиссии, депутат Г.Т. Ковалевский предложил БЖД ликвидировать неоправданно дальние и встречные перевозки. На сессии в декабре 1963 г. депутаты обратили внимание на необходимость организации эффективных погрузочно-разгрузочных работ. В решении вопросов, касавшихся БЖД, приняли активное участие постоянные комиссии. В декабре 1966 г. комиссия по транспорту и связи ВС БССР предложила БЖД провести мероприятия по расширению грузового хозяйства [15, л. 21, 24]. В июле 1966 г. дорога отчиталась перед комиссией о проделанной работе. Планово-бюджетная и отраслевые комиссии ВС БССР в октябре 1967 г. обратили внимание транспортников на недопустимость простоев вагонов.

Не меньше уделяли внимания железнодорожникам местные Советы. Так, в 1960 г. Минский горсовет совместно с управлением БЖД занимался работой по внедрению электротяги, усилиями Могилёвского горсовета был сооружён павильон для пригородных пассажиров. В апреле 1969 г. постоянная комиссия по транспорту и связи Гродненского горсовета распределила обязанности между своими членами по контролю за летними перевозками. Транспортники сами были заинтересованы в тесном взаимодействии с исполнительной властью. Для того чтобы активизировать её работу, они, например в 1967 г., обратились к 1-му секретарю Могилёвского обкома КПБ Г.А. Криулину, после чего местный облисполком стал лучше координировать вывоз грузов со станций.

Советские организации стремились улучшить работу железнодорожников. Так, Ленинский райисполком г. Могилёва в апреле 1963 г. обязал их укрепить слабую материальную базу местной станции. В январе 1963 г. Гродненский облисполком выступил против закрытия, хотя и безуспешно, узкоколейной линии Новоельня – Новогрудок. В мае 1965 г. Гомельский облисполком восстановил ряд ранее ликвидированных остановок по линии на Калинковичи. Постоянным явлением было выполнение Советами поручений высших органов власти. Так, на горисполкомы постановлением СМ БССР от 24 января 1961 г. было возложено строи-

тельство путепроводов в местах пересечений железнодорожных линий с улицами. В 1967 г. СМ БССР в целях улучшения обслуживания населения железнодорожным транспортом обязал Советы внимательней рассматривать подобные вопросы.

Чаще всего Советы депутатов и их исполкомы в 1960-е гг. рассматривали вопросы автотранспорта. Особую важность для населения приобрело постановление Президиума ВС СССР от 9 июля 1965 г. о введении бесплатного проезда в школу учащихся школ в сельской местности. На сессиях ВС БССР автотранспортники отчитывались о своей работе, в октябре 1967 г. министр автотранспорта БССР А.Е. Андреев рассказал о проведении работ по переводу МАТа на новую систему планирования. Активно проявляли себя постоянные комиссии. Под председательством В.Б. Трунова комиссия по промышленности и транспорту в июне 1965 г. внесла в комиссию законодательных предложений ВС БССР меры по предотвращению безбилетного проезда, постановила просить Госплан БССР выделить средства МАТу на строительство социальных объектов. К Бюро СМ БССР по координации работы транспорта комиссия обратилась с просьбой определить номенклатуру грузов для переключения с железной дороги на автотранспорт. Но время показало, что за год поручения выполнены не были, что не свидетельствовало в пользу высокой эффективности работы комиссий.

Для усиления воздействия советских организаций на транспорт ВС БССР в 1965 г. создал специальную постоянную комиссию депутатов по транспорту и связи. Под председательством Я.А. Микуловича в июне 1966 г. она рекомендовала МАТу ускорить подготовку к переводу на новые условия хозяйствования, в мае 1968 г. отметила степень выполнения решений СМ БССР по улучшению обслуживания населения городским транспортом. В апреле 1969 г. в зоне её внимания оказалось использование грузового автотранспорта, в июне 1969 г. комиссия вернулась к этой проблеме и рекомендовала увеличить среднюю продолжительность работы автотранспорта. По ряду вопросов комиссия обращалась в Госплан БССР и СМ БССР. Как правило, министерства своевременно рассматривали предложения комиссий и сообщали о принятых мерах, но не всегда эти меры оказывались эффективными.

В горсоветах стали также работать комиссии по транспорту и связи. Такая комиссия в Минске после своего создания в 1960 г. помогла ГАИ проверить состояние автомашин. Однако большой проблемой комиссий, по мнению её участников, был рекомендательный характер деятельности, когда вопросы приходилось решать через исполкомы. Так, в 1965–1966 гг. комиссия при Минском горсовете во главе с начальником ГАИ И.С. Худеевым с большим трудом добивалась выполнения решения по улучшению работы транспорта. Лишь после выступления в центральной прессе республики вопрос начал решаться. В целях реализации своих предложений комиссия Гродненского горсовета в 1969 г. обращалась за помощью к 1-му секретарю местного горкома КПБ А.И. Могильницкому.

В 1967 г. комиссия по промышленности, транспорту и связи Гомельского облсовета рассмотрела вопрос об обеспечении населения перевозками и рекомендовала принять меры по устранению недостатков. Комиссия Витебского облсовета в марте 1968 г. отметила необходимость открытия новых маршрутов и обеспечения их автобусами. В октябре 1969 г. этой комиссии пришлось вернуться к проблемному вопросу, так как, несмотря на деятельность комиссии, нарушались графики и расписания движения автобусов. Задачей депутатов было включение транспортного вопроса в план работы исполкома, что давало ему шанс для разрешения. Советские организации на местах решали самые разнообразные вопросы. Так, Минский горсовет в январе 1961 г. утвердил маршрутную схему городских и пригородных автобусных сообщений, перспективный план их развития. Депутаты использовали в своей работе различные формы, и в целях улучшения функционирования городского транспорта комиссия по транспорту и связи Гродненского горсовета в марте 1967 г. закрепила своих представителей за автобусными маршрутами.

Часто вопросы регулирования пассажирских автоперевозок поднимались на сессиях депутатов. На сессии Бобруйского горсовета в марте 1963 г. депутаты занимались поиском резервов по уплотнению графика движения автобусов. На сессии Минского горсовета в июле 1969 г. было отмечено введение экспрессных маршрутов. Что касается облисполкомов, то Могилёвский в 1962 г. внёс изменения в номенклатуру грузов для автотранспорта. Слабой

стороной деятельности исполкомов была недостаточная активность по реализации своих решений. Облисполкомы следили за ходом выполнения наказов избирателей, но конкретный исполнитель, например Витебский облавтотрест в 1965 г., чаще всего отвечал на просьбы избирателей отрицательно, ссылаясь на нехватку средств. Тем не менее, депутаты раз за разом обращались в облисполком с целью решить наболевший вопрос. При должной настойчивости вопрос можно было решить положительно. Местным органам власти постоянно приходилось также распределять средства на развитие транспорта. Центральные органы власти постоянно ставили новые задачи перед Советами. По постановлению ЦК КПБ и СМ БССР от 20 мая 1967 г. на исполкомы была возложена обязанность по улучшению социального обеспечения работников городского транспорта. По решению СМ СССР от 26 декабря 1967 г. исполкомы должны были повышать техническое состояние городского транспорта. СМ БССР 19 марта 1968 г. принял своё постановление, где наметил мероприятия, призванные улучшить обслуживание населения транспортом, и исходя из него Гомельский горисполком внёс изменения в графики работы городского транспорта.

ВС БССР постоянно содействовал развитию железнодорожного транспорта. Так, его сессия в декабре 1971 г. утвердила планы по электрификации пригородного движения Минского узла и завершении перевода БЖД на тепловозную тягу. Сессия в декабре 1973 г. рассмотрела замечания начальника БЖД Е.П. Юшкевича по невыполнению рядом предприятий планов строительства транспортных объектов, что затрудняло функционирование дороги. Сессия в марте 1977 г. одобрила информацию Е.П. Юшкевича об улучшении обслуживания населения железной дорогой, но уже в декабре 1977 г. обратила внимание на то, что БЖД не справлялась с повышением объёма перевозок.

Самые актуальные транспортные вопросы рассматривали депутатские комиссии. Комиссия по транспорту и связи ВС БССР под председательством В.С. Гринько в апреле 1970 г. отметила ухудшение качественных характеристик в работе Барановичского отделения БЖД и дала рекомендации по выходу из ситуации, в марте 1971 г. занималась вопросом повышения механизации разгрузочных работ. Постоянная комиссия Витебского облсовета по промышленности, транспорту и связи в июне 1976 г. рекомендовала увеличить ёмкости пригородного поезда на Оршу в выходные дни. Выполняя наказы избирателей, постоянная комиссия по промышленности, транспорту и связи Гродненского облсовета в 1977 г. рекомендовала выделить лимиты на строительство жилья для железнодорожников. Однако препятствием к реализации депутатских предложений было отсутствие необходимых средств и материалов у БЖД. В центре внимания постоянной комиссии Брестского облсовета по дорожному хозяйству, транспорту и связи в марте 1978 г. оказалась работа Барановичского отделения БЖД, которое не смогло обеспечить ритмичную поставку вагонов. Центральные органы власти опирались на исполкомы по многим транспортным вопросам. Так, ЦК КПСС и СМ СССР своим постановлением от 2 июня 1971 г. обязали облисполкомы контролировать выполнение заданий по техническому перевооружению железных дорог. Чтобы реализовать рекомендации Республиканского Совета по координации различных видов транспорта, Гродненский облисполком 10 июля 1978 г. принял решение о повышении эффективности работы железнодорожного транспорта. Главным направлением деятельности местной власти было разрешение конкретных вопросов. Так, Минский горисполком в 1973 г. провёл конкурс на проект реконструкции пассажирского железнодорожного вокзала в Минске. Исполкомы в целом также постоянно искали возможности оперативного разрешения споров между грузоотправителями и грузополучателями.

Тон работе советских организаций на местах в отношении автотранспорта во многом также задавал ВС БССР. В марте 1973 г. его Президиум поручил Оршанскому горисполкому принять меры по улучшению организации работы городского транспорта. Много вопросов решалось на сессиях. Так, сессия ВС БССР в декабре 1971 г. запланировала установление сообщения со всеми сельсоветами, подкрепив это увеличением ассигнований. Используя сессию в июле 1974 г., министр автотранспорта БССР А.Е. Андреев обратился к правительству с просьбой о разрешении направить имевшиеся у министерства средства на укрепление производственной базы. На сессии в марте 1977 г. он согласился с наличием срывов графиков

движения. В прениях по его докладу председатель Минского облисполкома, депутат Н.Н. Сужий отметил, что созданная в 1976 г. при горисполкоме группа городского пассажирского транспорта смогла улучшить перевозки. Работа сессий в целом была дополнительным стимулом для развития транспорта, позволяла быстрее решать возникавшие проблемы, обращая внимание на них всех ветвей власти.

В 1970-е гг. продолжилась работа депутатов в составе комиссий. Так, постоянная комиссия по транспорту и связи ВС БССР в июне 1970 г. установила, что внедрение научной организации труда в Витебских автохозяйствах осуществлялось медленно. Особенностью работы комиссии было то, что она несколько раз возвращалась к одному и тому же вопросу, чтобы проконтролировать выполнение своих рекомендаций. Комиссия в мае 1972 г. рассмотрела вопрос об эффективности использования производственных фондов хозяйствами Гродненского облавтотреста. В ноябре 1972 г. депутаты ВС БССР разобрали работу МАТа, уделив особое внимание необходимости развития централизованных перевозок. В июне 1974 г. комиссия под председательством Л.А. Вержбицкого отметила неполное использование возможностей для повышения эффективности работы Могилевским областным автоуправлением. Существовала практика совместных заседаний комиссий. Что касается комиссии по коммунальному хозяйству, благоустройству и дорожному строительству ВС БССР, то она под председательством М.Ф. Заворотного в 1971 г. выявила недостаточный уровень внедрения в строительство автодорог новейших достижений науки и техники.

Особым направлением работы ВС БССР была деятельность его председателя. Так, Ф. Сурганов в феврале 1973 г. переадресовал в Могилёвский горисполком обращение граждан Могилёва по поводу автобусного сообщения и попросил принять по нему положительное решение, а также сообщить о результатах, что и было выполнено [16, л. 33, 34]. У депутатов уровнем ниже было меньше возможностей решить положительно поступавшие к ним просьбы, но их выручала собственная активность. Какую бы сторону деятельности Советов ни брали, главной оставалась забота об улучшении жизни подотчётного населения. Комиссия Брестского облсовета по дорожному хозяйству, транспорту и связи в декабре 1977 г. отметила факт того, что местные исполкомы стали лучше следить за повышением качества работы транспортников. Не меньше внимания уделялось грузовой работе. Так, комиссия Гродненского облсовета в 1975 г. проверила выполнение предприятиями области решений СМ БССР по улучшению использования грузового автотранспорта. Главные вопросы, которые рассматривала комиссия по транспорту и связи Гродненского горсовета июле 1975 г., – это усиление противодействия хищениям собственности на предприятиях автотранспорта. Усилиями плановой комиссии Витебского облисполкома в 1972 г. была инициирована работа по улучшению использования грузового автотранспорта.

Деятельность комиссий подкреплялось усилиями исполкомов. В 1970-е гг. одной из задач облисполкомов оставалось выполнение постановлений ЦК КПБ и СМ БССР от 14 октября 1968 г. и от 9 декабря 1969 г., которые касались вопросов улучшения использования грузового автотранспорта. Но наиболее часто в поле зрения исполкомов попадали вопросы, связанные с пассажирскими перевозками. В марте 1972 г. Гомельским облисполкомом был рассмотрен вопрос о восстановлении ряда маршрутов в Гомельском районе. Для регулирования автобусного движения Могилёвский облисполком в январе 1973 г. предложил построить новый производственный комплекс. В 1975 г. горисполком в Жодино в целях улучшения перевозок пассажиров, возвращавшихся с ночной смены, внёс изменения в расписание движения автобусов. Как определённый итог работы исполкомов Советов по отношению транспорта можно использовать постановление СМ БССР «О серьезных недостатках в работе городского транспорта республики», принятого в августе 1979 г. Там было отмечено, что облисполкомы и Минский горисполком осуществили ряд мер по расширению и совершенствованию маршрутной сети, но принизили требовательность к руководящим работникам пассажирских хозяйств за состояние перевозок.

Чем сложнее складывалось в республике экономическое положение, тем более активно работали Советы всех уровней. Так, в октябре 1989 г. ВС БССР был занят выполнением постановления ВС СССР о мерах по обеспечению бесперебойного функционирования же-

лезнодорожного транспорта. Не менее активно, чем раньше, работала постоянная комиссия по транспорту и связи ВС БССР. В июне 1981 г. она рассмотрела работу Могилёвского отделения БЖД и предложила расширить вождение тяжеловесных поездов, в декабре 1982 г. комиссия проверила выполнение своего решения. В августе 1989 г. постоянной комиссией ВС БССР по промышленности, энергетике, транспорту, связи и информатики были сделаны предложения по укреплению материальной базы БЖД. Постоянная комиссия Брестского облсовета по промышленности, транспорту и связи в октябре 1980 г. предложила более чёткое планирование и учёт провозных способностей станций. В центре внимания постоянной комиссии по транспорту и связи Гродненского горсовета в 1988 г. был из года в год так и не решённый вопрос, связанный с использованием вагонов. Полезной для решения транспортных вопросов была практика включения специалистов в члены депутатских комиссий, что позволяло быстрее разбираться в проблемной ситуации и предлагать реальные методы её разрешения. Не менее важное значение имела совместная деятельность депутатов с другими организациями. Проблемы функционирования БЖД постоянно поднимались на сессиях областных Советов. Так, сессия Брестского облсовета в июне 1983 г. обратила внимание исполкомов на слабое использование подвижного состава, предложив конкретные пути исправления ситуации. Однако по количеству случаев включения в повестку дня работы Советов железнодорожный транспорт уступал автомобильному.

Вопросы поддержки железнодорожного транспорта продолжали оставаться в сфере особого внимания облисполкомов. Принятое в 1981 г. постановление ЦК КПБ и СМ БССР обязало их выделить помещения для билетных касс. Исполкомы местных Советов взаимодействовали с отделом транспорта и связи ЦК КПБ, от которого им в 1984 г. поступило задание по совершенствованию деятельности транспорта. Под контролем депутатов были наиболее актуальные вопросы. Так, местные Советы и их исполкомы в январе 1984 г. произвели досрочное окончание работ по электрификации участка Барановичи – Брест. В 1989 г. Минский горисполком решил вопрос с выделением территорий для строительства дополнительных путей под размещение электропоездов. Так как от Советов зависело социально-экономическое положение подчинённых им территорий, то решением СМ СССР от 21 марта 1991 г. железным дорогам было поручено установить стоимость проезда пригородными поездами по согласованию с исполкомами городских и областных Советов. Под давлением Советов депутатов в БССР размер повышения тарифов железнодорожниками был уменьшен.

ВС БССР часто обращался к транспортным проблемам исходя из какой-либо актуальной проблемы. Так, по его постановлению «О задачах Советов народных депутатов республики по ускорению решения Продовольственной программы и социальному переустройству села» от 2 февраля 1988 г., в населённых пунктах размером 20 дворов было решено обустроить улицы с твёрдым покрытием. Активность ВС БССР могла быть направлена на какой-либо проблемный регион. На транспортное обслуживание в г. Могилёве за 1988 г. было такое количество жалоб, что Президиуму пришлось принимать специальное постановление, чтобы изменить ситуацию. Показательным является решение Президиума ВС БССР от 28 декабря 1989 г., которое касалось работы Советов депутатов Брестской области и МАТа по организации обслуживания сельского населения. Было отмечено, что Советы области принимали меры к укреплению материальной базы автотранспорта, но слабо осуществляли контроль за его деятельностью. Поэтому Президиум ВС БССР работу Советов Брестской области признал недостаточной, обязал их осуществить меры по расширению объёмов и улучшению качества автомобильного обслуживания.

Не менее активно работали комиссии. В марте 1982 г. комиссию по транспорту и связи ВС БССР заинтересовал ход выполнения Витебскими автотранспортниками заданий по перевозкам грузов. Важно, что к реализации своего решения комиссия обратилась в январе 1983 г. Практика возврата к одной и той же проблеме стала проявляться чаще, чем раньше, что свидетельствовало о нарастании экономических проблем. Показательным для исследования является материал о заседании комиссии по транспорту и связи ВС БССР в июне 1988 г., когда интерес вызвали сведения о степени эффективности усилий депутатов. Так, из 69 замечаний, высказанных избирателями депутатам Брестского облсовета за 1985–1988 гг.

по работе автотранспорта, 43 были реализованы. В свою очередь, постоянная комиссия Брестского облсовета по промышленности, энергетике, транспорту и связи в 1990 г. проконтролировала выполнение решения облисполкома по развитию пассажирского автотранспорта.

Разноплановой осталась деятельность исполкомов. В июле 1982 г. Гомельский облисполком занимался возмещением расходов, связанных с перевозкой рабочих специальными маршрутами транспорта. Мингорисполком в январе 1982 г. закрепил отдельные участки города за службами коммунального хозяйства. На Советы продолжали накладывать многочисленные обязательства партийные органы всех уровней. В декабре 1981 г. XXIX съезд КПБ обязал исполкомы Советов улучшить работу междугороднего пассажирского транспорта. С деятельностью местных Советов надежды связывали сами автотранспортники. Министр автотранспорта БССР А.Е. Андреев в январе 1981 г. обратил внимание местных Советов на то, что ими недостаточно использовались возможности, которыми располагали хозяйства и предприятия. Поэтому Гродненский горисполком в 1982 г. для реализации плана развития транспорта стал использовать средства заводов. Однако возросли сложности во взаимоотношениях исполкомов и автотранспортных предприятий, перешедших в 1988 г. на хозрасчёт. Их противостояние значительного накала достигло в 1990–1991 гг., когда транспортники не соглашались с убыточностью городских и части пригородных перевозок. В итоге часть маршрутов была закрыта, но благодаря позиции Советов большинство их сохранилось, причём уровень оплаты за проезд остался невысоким.

Выводы. Вопросы развития транспорта республики в изучаемый период регулярно затрагивались в законодательной деятельности Верховного Совета БССР, транспортные проблемы постоянно рассматривались на сессиях Верховного Совета БССР, областных и городских Советов депутатов. Много конкретной работы в отношении транспортных предприятий проводили постоянные специализированные комиссии депутатов Советов всех уровней, улучшению условий функционирования автотранспорта содействовали комиссии депутатов по дорожному строительству. Государственные планы экономического и социального развития республики утверждались с учётом поправок постоянных комиссий по транспорту и связи Верховного Совета БССР. На скорейшее разрешение просьб населения по улучшению транспортного обслуживания была направлена деятельность отдельно взятых депутатов, которые делали запросы по этому поводу в различные организации и стремились добиться положительного результата. Депутаты сельских Советов чаще всего занимались вопросами дорожного строительства. Постоянным требованием партийной и высшей исполнительной власти к местным Советам было обеспечение бесперебойной работы всех видов пассажирского транспорта, строгого соблюдения расписания движения, усиления внимания к содержанию автомобильных дорог и улиц. Областные Советы депутатов рассматривали состояние дел на городском транспорте и в определённой степени помогали устранению выявленных недостатков. Но полного успеха в этом направлении они добиться не могли из-за ограниченности своих полномочий, так как материальные ресурсы и мощные административные рычаги влияния находились в руках исполнительных комитетов и партийных органов. Наибольшее количество конкретной, фактически ежедневной работы в отношении транспорта за 1943–1991 гг. проводили облисполкомы, горисполкомы и райисполкомы. Исполкомы Советов чаще всего занимались вопросами транспортного обслуживания пассажиров, в значительно меньшей мере они касались перевозок грузов. Чаще всего решения советских организаций касались эффективности автотранспортной работы. В отношении железной дороги самым острым был вопрос своевременной погрузки-разгрузки вагонов в целях сокращения их простоев.

Литература

1. Петриков, П.Т. Организация и деятельность постоянных комиссий местных Советов Белоруссии. 1944–1970 гг. / П.Т. Петриков. – Минск : Беларусь, 1971; Петриков, П.Т. Советы депутатов трудящихся БССР и их роль в создании материально-технической базы коммунизма (1959–1965 гг.) / П.Т. Петриков. – Минск : Беларусь, 1972.

2. Хакало, Г.Б. Деятельность Компартии Белоруссии по повышению роли Советов народных депутатов в коммунистическом строительстве (1971–1975 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Г.Б. Хакало. – Минск : ИИП при ЦК КПБ, 1979.

3. Материалы по железным дорогам Гомельской области. 6.10.1943–9.02.1944 // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4П. – Оп. 18. – Д. 32.

4. Распоряжения Витебского облисполкома. Ч. 1. 1944 // Государственный архив Витебской области. – Ф. 1966. – Оп. 8. – Д. 9.

5. Протоколы заседаний и решения исполкома Могилёвского облисполкома. 15.08–27.09.1944 // Государственный архив Могилёвской области. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 3.

6. Протоколы заседаний 1–7 сессий Гродненского горсовета за 1948 г. // Государственный архив Гродненской области. – Ф. 484. – Оп. 1. – Д. 2.

7. Третий пленум Дорпрофсожа // Железнодорожник Белоруссии. – 2 апр. 1948 г. – С. 2.

8. Материалы по Главному доруправлению БССР. 1.1–27.04.1944 // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4П. – Оп. 18. – Д. 36.

9. Решения Брестского горисполкома. 2.11–28.12.1948 // Государственный архив Брестской области. – Ф. 783. – Оп. 1. – Д. 47.

10. Распоряжения Гомельского облисполкома. 24.01–30.12.1944 // Государственный архив Гомельской области. – Ф. 1174. – Оп. 7. – Д. 1.

11. Неуклонно повышать темпы и качество перевозок / М. Мурзин // Коммунист Белоруссии. – 1955. – № 3. – С. 22–26.

12. Балыкин, С. Минтрансу – 60 лет / С. Балыкин // Транспортный вестник. – 1999. – 22 мая. – С. 1.

13. Доклад об обеспечении и подготовке кадров шофёров по Министерству автотранспорта БССР. 5.03.1951–8.01.1952 // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4П. – Оп. 18. – Д. 167.

14. Постановление Совета Министров БССР «О введении в действие “Правил движения по улицам и дорогам СССР” в БССР», 16 июля 1959 г. // Собрание законов, указов Президиума Верховного Совета БССР, постановлений, распоряжений Совета Министров БССР. – 1961. – № 1. – С. 57–58.

15. Протоколы № 1–5 заседаний комиссии по транспорту и связи. 29.09.1965–26.12.1966. Верховный Совет БССР // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 968. – Оп. 1. – Д. 667.

16. Переписка председателя Президиума Верховного Совета БССР Ф.А. Сурганова. 3.01–24.12.1973 // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 968. – Оп. 1. – Д. 1219.

Витебский государственный
университет им. П.М. Машерова

Поступило 19.03.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 341.43«1939-1941»(438)(476)

Польские беженцы из западных областей Украины и Беларуси в системе спецпоселений (июль 1940 – июнь 1941 гг.)

Д.М. Толочко

В статье исследуется проблема материально-бытового обслуживания и трудоустройства польских беженцев из западных областей Украины и Беларуси в условиях спецпоселений (июль 1940 – июнь 1941 гг.). Автор приходит к выводу, что обеспечение спецпереселенцев-беженцев в местах их расселения продовольственными, промышленными товарами, жильём, медицинское обслуживание были неудовлетворительными.
Ключевые слова: беженцы, спецпереселенцы, Западная Украина, Западная Беларусь, трудоустройство.

The article studies the problem of financially-consumer services and employment of the Polish refugees from the western areas of Ukraine and Belarus in conditions of special settlements (July 1940 – June 1941). The author comes to a conclusion that provision of special settlers (refugees) in places of their settling with the food, industrial goods, accommodation, health services was unsatisfactory.
Keywords: refugees, special settlers, Western Ukraine, Western Belarus, employment.

В сентябре 1939 г. произошло судьбоносное событие в истории украинского и белорусского народов – их объединение в едином государстве. Этот шаг был осуществлён в условиях начавшейся Второй мировой войны и связан с множеством драматических событий её первого этапа. Среди них – и массовый поток беженцев с территории Польши, занятой фашистской Германией и искавших спасение в УССР и БССР. Исследование судеб этих людей является одной из важнейших проблем новейшей истории Украины и Беларуси.

1 сентября 1939 г. произошло вторжение войск фашистской Германии в Польшу. Одновременно с этим тысячи беженцев двинулись из центральных и западных районов Польши на Восток страны, в том числе и на территорию Западной Украины и Западной Беларуси. О масштабах бегства со стороны населения Польши свидетельствует, в частности, фрагмент из письма Я. Говорской (непосредственной очевидицы указанных событий): «Весь край был в походе на восток. В этом непрерывном потоке беженцев, бежавших от немцев, были и дети, и грудные младенцы, которые попросту умирали с голода, так как ничего нельзя было купить».

17 сентября 1939 г. началась военная операция Красной Армии. В этой связи большинство польских беженцев бросились из Западной Украины и Западной Беларуси на территорию, занятую Германией, а некоторая часть – в Румынию, Литву. Однако и оставшихся в западных областях Украины и Беларуси беженцев было достаточно для того, чтобы значительно увеличить численность населения региона.

Беженцы, прибывшие на территорию Западной Украины и Беларуси из оккупированной Германией Польши, немедленно попали в оперативную разработку органов НКВД УССР и БССР. Среди них начали вербоваться осведомители, тщательно фиксировались высказывания, контролировалась переписка. Первые аресты в этой среде начали производиться ещё в октябре 1939 г. Одной из форм репрессивной политики со стороны советских властей в отношении беженцев стала депортация части из них вглубь СССР. Она была направлена против лиц, отказавшихся принять советское гражданство и записавшихся на выезд в Германию.

В результате проведённой в июне 1940 г. операции по выселению беженцев, из западных областей Украины и Беларуси было депортировано порядка 76–78 тыс. чел. Большая часть из них была размещена на спецпоселениях, остальные – в исправительно-трудовых лагерях НКВД [1, с. 242]. Спецпереселенцы-беженцы поступили в ведение Отдела трудовых поселений (ОТП) ГУЛАГа НКВД, переименованного в феврале 1941 г. в Отдел трудовых и специальных поселений (ОТСП). Подавляющее большинство из них для трудового исполь-

зования были переданы в ведение предприятиям Наркомлеса, Наркомцветмета, ЦОЛеса и лесным лагерям НКВД.

По прибытию беженцев принимающие организации должны были подготовить для них жильё. Строительство новых спецпосёлков не планировалось. Однако, как свидетельствуют многочисленные источники, в частности, материалы с мест расселения, докладные по итогам проверок и т. д., местные власти в большинстве своём оказались неподготовленными к приёму и размещению беженцев [2, л. 29–30].

Основная масса спецпосёлков, находившихся в ведении Наркомлеса, располагалась в лесных, заболоченных зонах, вдалеке от населённых пунктов, инфраструктуры, необходимой для длительного проживания, источников питьевой воды. Во время распутицы добраться до них было очень сложно. Жилища, где размещались спецпереселенцы-беженцы, как правило, представляли собой помещения, мало приспособленные для жилья. Чаще всего это были дощатые помещения барачного и полубарачного типа. Последние, в основной своей массе, не были отремонтированы, утеплены, находились в антисанитарном состоянии. В подавляющем большинстве бараков не было индивидуальных кроватей. Люди спали на двухъярусных нарах [3, л. 9], [4, л. 41]. Так, в Архангельской области часть бараков не имела перегородок, люди ложились спать вповалку, на голых досках без одеял и простынь. В Красноярском крае (спецспосёлки трестов «Хакаслес», «Хакасзолото») в бараках не имелось керосиновых ламп, вёдер, стульев. В Свердловской области часть бараков не имела окон, печей, топчанов, крыши сгнили.

Согласно положению «О спецпереселенцах и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР», каждой семье спецпереселенцев должна была предоставляться отдельная комната или отдельное место в бараке из расчёта не менее 3 кв. м на человека. На таких же условиях должны были расселяться и беженцы. Однако на практике эти нормы не выдерживались [4, л. 149–150].

Скученность в помещениях усугублялась антисанитарным состоянием посёлков. В спецпосёлках не хватало прачечных, бань, мыла. На всю Архангельскую область, например, насчитывалось всего 179 бань, последние топились «по-чёрному», их пропускная способность составляла 15–20 человек в день [4, л. 174]. По причине отсутствия прачечных бельё стиралось и сушилось прямо в бараках. «Помойные ямы и уборные переполнены, за очисткой никто не следит…, помои и нечистоты выливаются прямо на улицу», – отмечалось в акте обследования состояния спецпосёлков в Архангельской области.

Антисанитария, скученность в местах проживания вызывали инфекционные заболевания среди спецпереселенцев. Так, в течение августа – сентября 1940 г. в спецпосёлках трестов Краслес, Севполярлес от тифа, дизентерии и т. д. умерло 289 спецпереселенцев [3, л. 12]. Нередко, как сообщалось в многочисленных докладных проверяющих организаций, представители местных органов здравоохранения совершенно безразлично относились к спецпереселенцам. Например, в Плесецком районе Архангельской области зав. райздравотделом отказался лечить спецпереселенцев с высокой температурой. Он мотивировал это тем, что «грипп есть даже в Москве». В результате один из заболевших скончался. Впоследствии выяснилось, что это не грипп, а тиф.

Неудовлетворительным также обстояло дело с обеспечением прибывших товарами первой необходимости. Не хватало спичек, керосина, продуктов питания. В спецпосёлках практически отсутствовали крупы, овощи. С перебоями доставлялся даже хлеб. Основной рацион спецпереселенцев составляли хлеб и суп [4, л. 175]. У некоторых детей на почве недоедания (дополнительное питание ни дети, ни кормящие матери не получали) развивалась куриная слепота. В Вологодской области по причине крайнего истощения дети не могли посещать уроки физкультуры. У взрослых из-за недостатка в рационе овощей и фруктов часто отмечались заболевания цингой.

Основные причины подобных фактов объяснялись не только неподготовлённостью областей и районов к приёму и размещению спецпереселенцев-беженцев. Отдельные из них, например, Новосибирская, Свердловская, Архангельская области, Коми АССР, где была размещена основная масса беженцев, своими силами просто-напросто не могли обеспечить

всех прибывших продуктами питания и промышленными товарами. Российский исследователь М.Б. Рогачёв в диссертации, посвящённой судьбам депортированных в Коми АССР в течение 1940–1944 гг., обращает внимание на тот факт, что в республике и без того наблюдался дефицит промышленных и продовольственных товаров [5, с. 97–98].

Трудности с обеспечением беженцев жильём, продовольствием, промышленными товарами усугублялись, как отмечалось в различного рода докладных проверяющих организаций, частыми злоупотреблениями со стороны ответственных лиц. Это и воровство, и бездушное отношение к спецпереселенцам и др. [6, л. 32]. Так, в посёлке Видзью Коми АССР продавец Супрядкин выгнал из магазина 50 беженцев, заявив при этом: «Я здесь хозяин, что хочу, то и делаю, перед вами отчитываться не буду». Органы НКВД Архангельской области отмечали, что «персонал груб, допускает хулиганские выходки по отношению к спецпереселенцам-беженцам. На их обращения по поводу улучшения условий работы, бытового обслуживания следуют ответы такого рода: “Умирайте, здесь достаточно земли, чтобы вас похоронить”».

Указанные явления в значительной степени являлись причиной высокой смертности среди спецпереселенцев-беженцев. Сложная ситуация наблюдалась также с трудоустройством и трудоиспользованием депортированных беженцев. В многочисленных документах проверяющих организаций отмечалось, что «предприятия не подготовились к освоению беженцев, не продумали плана расстановки сил, не обеспечили участки работ инструментом в нужном количестве и соответствующего качества» (из докладной начальника Главного экономического управления НКВД СССР Б.З. Кобулова «О приёме и расселении беженцев из УССР и БССР») [2, л. 28]. В этой связи неудивительно, что часть трудоспособных спецпереселенцев не использовалась на работе. По данным на сентябрь 1940 г. в Иркутской области «трудоиспользовалось» 46,9% беженцев, Архангельской – 79,8%, Свердловской – по предприятиям Наркомлеса (94,4%), Наркомцветмета – 90,9% [7, с. 120–121].

Как свидетельствуют данные из мест расселения беженцев, даже получив работу, они выполняли производственные нормы от 20% до 60% [3, л. 56–57]. Как следствие этого заработки беженцев была крайне низки и не могли обеспечить прожиточного минимума. Так, согласно сведениям по Архангельской области, средняя заработная плата беженцев в 4-ом квартале 1940 г. составляла 92,5 рубля (подсчитано по [6, л. 43]). Некоторые из них зарабатывали даже по 80 копеек [3, л. 165]. Следует также отметить, что в системе лесной промышленности расценки были и без того низкие. Даже те спецпереселенцы, которые выполняли нормы до 131%, зарабатывали в месяц не более 240 рублей [7, с. 127]. Более того, отмечались многочисленные факты задержки заработной платы [3, л. 12]. Наблюдались случаи дискриминации беженцев при распределении работы и др. [5, с. 158].

Неудивительно, что многие беженцы оказались в очень тяжёлом материальном положении, так как зарплата для большинства из них являлась единственными источником существования. Спецпереселенцы, длительный срок не получая заработной платы, решались на крайние меры. В Железнодорожном районе Архангельской области спецпереселенка-беженка Х.А. Ляндау даже покончила жизнь самоубийством. Следствие установило, что «Ляндау Х.А., не имея наличных денег на жизнь, ходила по баракам среди спецпереселенцев, собирая по 5–10 копеек на хлеб в виде милостыни, тогда как леспромхоз затянул выдачу заработной платы лично ей в сумме 145 руб. и её мужу в сумме 344 руб., на которые она могла бы жить».

Невыполнение производственных норм со стороны спецпереселенцев-беженцев объяснялось не только плохим снабжением посёлков продуктами питания, нехваткой рабочих инструментов, одежды и обуви. Некоторые беженцы просто не могли выполнять тяжёлую физическую работу [2, л. 28]. Согласно справке Отдела трудовых и специальных поселений ГУЛАГа НКВД, среди депортированных из западных областей УССР и БССР насчитывалось 17 профессоров и научных работников, 1 академик, 12 архитекторов, 310 инженеров, 563 врача, 589 преподавателей, 31 художник, 1277 бухгалтеров, 188 адвокатов, значительная часть беженцев имела рабочие специальности [3, л. 27–28]. Основная масса высококвалифицированных специалистов-беженцев использовалась, как правило, не по специальности, на низкооплачиваемых физических работах. Согласно данным органов ОТСП ГУЛАГа СССР,

на 1 апреля 1940 г. из указанных выше 15037 беженцев работало по специальности только 5000 человек [3, л. 56]. Кроме того, среди беженцев имелись лица нетрудоспособного возраста, инвалиды.

Многие документы содержат сведения о проявлении национальной нетерпимости, грубости по отношению к спецпереселенцам-беженцам со стороны администрации. Так, в Плесецком районе Архангельской области, отмечалось в акте обследования состояния труда и спецссылки области за февраль – март 1941 г., «со стороны комендантов по отношению к спецпоселенцам допускаются грубые и нетактичные обращения, они разговаривают со спецпереселенцами в повышенном тоне, требуют обязательно перед собой стоять». В этом же районе было зафиксировано 11 случаев проявления антисемитизма. Они заключались «в отведении особых часов работы магазина для обслуживания “евреев”, в допущении оскорбительных высказываний в адрес спецпереселенцев-евреев со стороны постоянного состава и членов семей работников леспромхозов».

Как свидетельствуют архивные документы, руководство ОТП-ОТПС ГУЛАГа НКВД с сентября 1940 г. начало осуществлять массовые проверки трудоустройства и размещения спецпереселенцев-беженцев. В дальнейшем они продолжались вплоть до июня 1941 г. Это было вызвано различными причинами: жалобами самих беженцев, сообщениями со стороны местных органов НКВД, в которых указывалось на неудовлетворительное обеспечение беженцев товарами первой необходимости, жильём, работой и др.

Первая из них была организована в сентябре 1940 г. По её результатам руководство ОТП-ОТСП ГУЛАГа НКВД предложило Наркомлесу, ЦОЛесу, Наркомцветмету немедленно провести ремонт и дополнительное строительство жилых помещений для спецпереселенцев-беженцев, улучшить их бытовое обслуживание и трудоиспользование [2, л. 31–32].

Наркоматы не могли оставить указанные замечания без должного внимания. Тем более, что данные проверок направлялись непосредственно в ЦК ВКП(б), в частности, лично И.В. Сталину и В.М. Молотову [3, л. 7].

Кроме того, были усилены меры борьбы с произволом администрации спецпосёлков. Весной 1941 г. (точная дата в документе отсутствует) зам. прокурора СССР Мокичев направил прокурорам краёв и областей, в которых размещались спецпереселенцы, инструкцию. В ней предлагалось «регулярно практиковать выезды в места расселения спецпереселенцев», привлекать виновных в задержке выплаты заработной платы, халатном отношении к нуждам спецпереселенцев к уголовной ответственности [8, л. 115].

Как свидетельствуют архивные материалы, уже к весне 1941 г. ситуация на спецпоселениях начала меняться в лучшую сторону. В качестве примера нам хотелось бы привести материалы из докладной записки «О состоянии спецпосёлков Архангельской области за 1-ый квартал 1941 г.». В документе содержатся сравнительные таблицы трудоустройства, заработной платы и обеспечения беженцев жильём по данным на 1 января 1941 г. и на 1 апреля 1941 г. Так, если в январе процент беженцев, занятых на производстве, составлял 72,7%, то к апрелю уже 87,9% (подсчитано по [4, л. 142]). Средняя заработная плата беженцев в апреле 1941 г. составила 141,8 руб. (в январе – 92,5 руб.) [4, л. 143]. Размер жилплощади увеличился на 0,6 м [4, л. 99–100]. Более того, отдельные беженцы, освоившись с производством, даже перевыполняли план. В отдельных районах, например, в Красноярском крае, также несколько улучшилось снабжение беженцев продовольственными и промышленными товарами [4, л. 8].

Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что отмеченные выше позитивные сдвиги не носили ярко выраженного характера. Вплоть до июня 1941 г., как свидетельствуют отчёты, справки проверяющих организаций, спецпереселенцы, в том числе и беженцы, испытывали нехватку продовольствия, мануфактуры, качественного жилья, остро стоял вопрос с их трудоустройством, медицинским обслуживанием [3, л. 7–12].

Основную причину этого проверяющие организации прежде всего видели в халатном отношении отдельных лиц (не выше уровня начальников спецпоселений, главков, руководителей трестов и др.) к своим обязанностям по «созданию надлежащих жилищно-бытовых условий для спецпереселенцев». Не исключая этого, мы полагаем, что проблема требовала ре-

шения на общесоюзном уровне. Руководители главков, трестов, краёв, областей и др. просто-напросто не могли решить жилищную, продовольственную проблемы, вопросы трудоустройства своими силами. Вместе с тем на союзном уровне эти вопросы не решались.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Обеспечение спецпереселенцев-беженцев в местах их расселения продовольственными, промышленными товарами, жильём, медицинское обслуживание были неудовлетворительными. Это объяснялось целым рядом причин: неподготовленностью хозяйственных организаций к приёму и размещению беженцев, отсутствием у них необходимых финансовых и материальных ресурсов и др. Плохо также обстояло дело с трудовым использованием спецпереселенцев. Результатом указанных явлений стала высокая смертность среди спецпереселенцев-беженцев. Начиная с весны 1941 г., благодаря вмешательству руководства НКВД СССР, наметилось улучшение ситуации с трудоустройством беженцев, обеспечением их жильём, промышленными и продовольственными товарами. Однако в силу того, что решение этих вопросов возлагалось только на местные хозяйственные и партийные органы, которые просто-напросто не имели достаточных материальных ресурсов, указанная проблема оставалась открытой вплоть до июня 1941 г.

Литература

1. Толочко, Д.М. Проблема депортации польских беженцев из западных областей БССР (март – июль 1940 г.) / Д.М. Толочко // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеяння і ўзаемаўплывы : мат-лы Міжнар. навук. канферэнцыі, Гомель, 28–29 верасня 2006 г. / Гомельскі дзярж. ун-т. імя Ф. Скарыны; рэдкал.: Р.Р. Лазько (адк. рэд.) [і інш.]. – Гомель, 2006. – С. 237–243.

2. Материалы по выселению польских осадников. 6 ноября 1940 г. – 19 декабря 1941 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 9479-с. – Оп. 1. – Д. 61.

3. Докладные записки и предложения, направленные в ЦК ВКП(б) о трудовом использовании осадников и беженцев, переселённых из западных областей УССР и БССР // ГАРФ. – Ф. 9479-с. – Оп. 1. – Д. 73.

4. Информационный материал ГУЛАГа о состоянии спецпоселений // ГАРФ. – Ф. 9479-с. – Оп. 1. – Д. 77.

5. Рогачёв, М.Б. Депортированные польские граждане в Коми АССР в 1940–1944 годах : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / М.Б. Рогачёв. – Сыктывкар, 2005. – 204 л.

6. Переписка с НКВД союзных республик о переселении спецпереселенцев из приграничных районов // ГАРФ. – Ф. 9479-с. – Оп. 1. – Д. 66.

7. Депортації : Західні землі України кінца 30-х – початку 50-х рр. : документи, матеріали, спогади : у 3 т. / ред.: Ю. Сливка. – Львів : Інститут українознавства НАНУ, 1996. – Т. 1: 1939–1945 рр. – 750 арк.

8. Переписка с начальниками ОИТК НКВД-УНКВД о порядке приписки трудпоселенцев, об улучшении жилищно-бытовых условий и медицинской помощи спецпоселенцев // ГАРФ. – Ф. 9479-с. – Оп. 1. – Д. 70.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 01.04.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 947.6(“1914–1918”)

Адносіны насельніцтва Беларусі да Першай сусветнай вайны (1914–1917 гг.)

В.М. Хаданёнак

У артыкуле на аснове вялікай колькасці раней не выкарыстоўваемых крыніц разглядаецца стаўленне насельніцтва беларускіх зямель да Першай сусветнай вайны. Паказана іх эвалюцыя і неаднароднасць у залежнасці ад змен на фронце і ўнутры краіны. Робіцца выснова пра негатыўнае ўспрыняцце ваенных дзеянняў большасцю насельніцтва.
Ключавыя словы: Першая сусветная вайна, патрыятызм, маніфестацыя, агітацыя, пратэстныя настроі, рэжым выключных законаў, антываенныя выступленні, цэнзура.

On the basis of a large number of previously unused archives, the article investigates the attitude of the population of the Belarusian lands to World War I. There is shown their evolution and heterogeneity depending on the changing situation on the front and inside the country. It is concluded that the majority of the population had a negative perception of the war.
Keywords: World War I, patriotism, demonstration, agitation, protests, regime of exceptional laws, anti-war speech, censorship.

Першая сусветная вайна пачалася даволі нечакана для абсалютнай большасці насельніцтва беларускіх зямель. У адначассе марнаваліся задумы людзей, іх імкненні і спадзяванні, планы на будучыню.Тым ці іншым чынам вайна закранула кожнага, без уліку яго нацыянальнасці, сацыяльнага і маёмаснага статусу, узросту, становішча ў грамадстве. Пазбаўленае аб’ектыўнай інфармацыі аб прычынах і характары вайны, мясцовае насельніцтва далёка неадназначна ўспрыняла пачатак ваенных дзеянняў. Больш таго, настроі ў грамадстве не былі статычнымі, а мяняліся ў залежнасці ад сітуацыі не толькі на фронце, але і ўнутры краіны.

Мэта дадзенага даследавання – прасачыць эвалюцыю адносінаў насельніцтва Беларусі да Першай сусветнай вайны. Прадмет даследавання – стаўленне насельніцтва 5 беларускіх губерняў (Віцебская, Мінская, Гродзенская, Магілёўская, Віленская) да Першай сусветнай вайны.

Большасць даследчыкаў сыходзіцца на думцы, што ў жніўні – верасні 1914 г. у грамадстве назіраўся пэўны патрыятычны ўздым [1], [9]. Прычым настроі беларускага насельніцтва істотным чынам не адрозніваліся ад агульнарасійскіх. Той факт, што Германія першай абвясціла вайну Расіі, шмат у чым паспрыяў фармаванню ў масавай свядомасці ўстановак яе ўспрыняцця як вайны справядлівай, абарончай, скіраванай на барацьбу з нямецкай агрэсіяй [2, с. 88]. Ваенны міністр А.І. Гучкоў вясной 1917 г. у сваім закліку да грамадскіх арганізацый і да служачых у іх афіцэрах узгадваў: “З самага пачатку вайны пачуццё высокага патрыятызму ахапіла многія грамадскія арганізацыі, якія, жадаючы прынесці дапамогу нашай арміі, сталі працаваць на ратную справу як на фронце, так і ў тылу арміі” [3, арк. 260 адв.].

Па ініцыятыве ўрадавых органаў на беларускіх землях праходзілі патрыятычныя маніфестацыі і сходы, на якіх прадстаўнікі гандлёва-прамысловай буржуазіі, памешчыкаў і духавенства выступалі з вернападданіцкімі прамовамі і заклікалі ўстаць на абарону “Цара і Айчыны”. Услед за Петраградам і Масквой ў Мінску, Магілёве, Пінску, Гомелі, іншых гарадах і мястэчках Беларусі прайшлі набажэнствы, адбыліся сходы, дзе дэкларавалася гатоўнасць да самаахвярнасці ў імя гасудара і айчыны [1, с. 437].

У Мінску 18 ліпеня 1914 г. натоўп навучэнцаў у колькасці 50 чалавек са спевамі і крыкамі “Далоў Аўстрыю!”, “Вітаем Расію і Сербію!” прайшоў па вуліцы да дома губернатара [4, с. 72], дзе ўручыў адрас на імя манарха. У мястэчку Ярэмічы Наваградскага павета адбылася патрыятычная маніфестацыя з удзелам сялянаў бліжэйшых вёсак, якія ішлі з царскім партрэтам. У Пінску 30 ліпеня 1914 г. у маніфестацыі ўдзельнічала каля 5000 мяшчан, гандляроў, прадстаўнікоў духавенства, чыноўнікаў, навучэнцаў [4, с. 72]. Нягледзячы на тое, што

афіцыйныя звесткі аб колькасці ўдзельнікаў урачыстых дэманстрацый былі даволі высокімі, нельга адмаўляць той факт, што далёка не ўсе яны праводзіліся ў добраахвотным парадку, без актыўнага прыцягнення адміністрацыйнага рэсурса і прымусу.

Пачатак вайны часова адсунуў на другі план асобныя ўнутраныя цяжкасці і супярэчнасці. Нават стачачнікі, якія, як меркавалі ў Расіі, фінансава падтрымліваліся Германіяй, вярнуліся да працы, як толькі абвесцілі мабілізацыю. У першыя тыдні і месяцы вайны назіралася і даволі значная актыўнасць мясцовага насельніцтва па аказанню ахвяраванняў на карысць арміі і салдат. Некаторыя з іх былі неверагодна вялікімі. Усё гэта выклікае пэўныя падазрэнні ў іх добраахвотнасці. Савет Міністраў нават быў вымушаны восенню 1914 г. устанавіць мяжу на ахвяраванні для сельскіх таварыстваў у памеры не болей за 20% ад наяўных запасаў зерня [5, с. 9].

Назіраліся, хаця і не так часта, і індывідуальныя праявы своеасаблівых патрыятычных пачуццяў, якія дэманстравалі поўную падтрымку ўрадавага курсу ў справе вядзення вайны. Так, з 15 кастрычніка 1914 г. старшыня Віцебскага камітэта Ўсерасійскага Саюза гарадоў дапамогі хворым і параненым войнам, гарадскі галава, дзейны стацкі саветнік В.Е. Ліцеўскі, адмовіўся ад заробку і працаваў бясплатна [6, с. 194–195].

Але, у пераважнай большасці, не асобныя людзі, а дзяржаўныя ўстановы накіроўвалі на імя гасудара заявы, дзе гаварылася пра адданасць і гатоўнасць выступіць на абарону краіны. Ужо 21 ліпеня 1914 г. гласныя Віцебскай гарадской думы сабраліся на экстраннае паседжанне. Там была адзінагалосна прынята пастанова, у якой гласныя прасілі "…начальніка губерні павергнуць да ступняў яго Імператарскай Вялікасці пачуцці бязмежна вернападданніцкай любові і адданасці" ў сувязі з абвяшчэннем вайны Расіі [6, с. 194]. Падобнага кшталту заявы не прымусілі сябе доўга чакаць і ад грамадскіх арганізацый Гомеля, Бабруйска, Мазыра, Магілёва і г. д.

Але ж адносіны да вайны зусім не былі аднароднымі. Шэраг гісторыкаў увогуле выказваў меркаванне, што "Першая сусветная не мела мэты, за якую можна было памерці… нішто не трымала чалавека на той вайне, дэзерцірства не казалася ганьбай – бо значна больш натуральна сумаваць па дому, чым чакаць на сваю смерць" [7, с. 23].

Расійская імперыя не ўвайшла ў вайну на ўсеагульнай хвалі патрыятызму, не было адзінадушных адносінаў да вайны і ўнутры сацыялагічна акрэсленых груп. Патрыёты і тыя, хто выступаў супраць, сустракаліся ў 1914 г. ва ўсіх слаях грамадства [8, с. 212]. З першых жа дзён праявілася незадаволенасць вайною ў форме рознага кшталту бунтаў.

Каб успрыняцце вайны было больш адназначным, царскія ўлады актыўна выкарыстоўвалі сродкі агітацыі. Для кожнай катэгорыі насельніцтва яны імкнуліся знайсці тое, што магло б выклікаць іх станоўчае стаўленне да баявых дзеянняў. Для буржуазіі абяцаліся новыя рынкі збыту і прыбыткі ад ваенных заказаў, выгадныя кантракты. Памешчыкам навязвалася думка аб тым, што вайна прывядзе да класавай згоды і змяншэння колькасці сялянскіх выступленняў. Рабочых і сялян спрабавалі пераканаць у якасным паляпшэнні ўмоў жыцця, росце матэрыяльнага дабрабыту ў выпадку перамогі над ворагам.

Асноўная стаўка пры вядзенні агітацыі рабілася на ідэю славянскай салідарнасці і адзінства. Такі напрамак афіцыйнай прапагандзе быў закладзены першымі маніфестамі Мікалая II аб уступленні ў вайну з Германіяй і Аўстра-Венгрыяй. Маніфесты з абвяшчэннем вайны актыўна зачытвалі ў цэрквах, пры гэтым святары суправаджалі іх адпаведнымі каментарыямі.

Поруч з услаўленнем рускага духу і славянскай зброі афіцыйная прапаганда частакроць выстаўляла нямецкіх падданых у непрывабным святле, укараняла ў масавую свядомасць уяўленне аб справядлівым, абарончым характары вайны з боку Расіі і фарміравала вобраз агрэсіўнага, антыгуманнага, здатнага на нямецкія зверствы праціўніка [1, с. 436]. Са старонак газет і часопісаў не сыходзілі апавяданні пра слаўныя перамогі над нямецкімі псамі-рыцарамі, атрыманыя Аляксандрам Неўскім, і аб узяцці Берліна рускімі войскамі ў 1760 г. [9, с. 126].

Царскія ўлады для фармавання грамадскай думкі актыўна выкарыстоўвалі розныя сродкі. Шматмільённымі накладамі выдаваліся ўлёткі і бясплатныя прапагандысцкія брашу-

ры. Згодна са справаздачай Дзяржаўнага банка, толькі ў ходзе правядзення вясной 1916 г. пятага ваеннага займа было надрукавана звыш за 1 млн. маляўнічых плакатаў, выдадзена больш за 10 млн. экзэмпляраў прапагандысцкіх брашур. Апроч таго, па прыкладу саюзнікаў актыўна сталі выкарыстоўваць кінематограф [10, с. 131].

Нягледзячы на выдаткоўванне велізарных фінансавых сродкаў, агітацыя не аказвала свайго вырашальнага дзеяння на свядомасць народа. Ужо ў першыя тыдні вайны вядомы публіцыст А.В. Пешахонаў засцерагаў, што ў Расіі "…яе дзяржаўная і грамадская арганізацыя зусім не прыстасавана для выражэння і рэалізацыі агульнай думкі, агульнага пачуцця, агульнай волі" [11, с. 60]. Да таго ж друкаваны матэрыял нярэдка не мог паўплываць на грамадскую думку з-за элементарнай непісьменнасці большасці насельніцтва.

Далёка не апошнюю ролю ў фармаванні грамадскай думкі і адносін народа да ваенных дзеянняў адыгрывала царква. Аўтарытэт яе ў насельніцтва быў даволі высокі. Да таго ж, нядзельныя або святочныя службы ў цэрквах і касцёлах з'яўляліся галоўнай крыніцай навін, асабліва ў мясцінах, аддаленых ад чыгуначных вузлоў і гарадскіх цэнтраў [12, с. 247]. У пераважнай сваёй большасці святары не маглі ў сваіх тлумачэннях прычын і характару вайны выйсці за межы рэлігійнай інтэрпрэтацыі, заклікаючы служыць Богу і цару: "…смела і весела ідзіце ў бой за цара, Русь святую і веру праваслаўную" [2, с. 178]. Дадзены лозунг не мог трывала ўкараніцца на беларускіх землях па прычыне неаднароднасці канфесійнага жыцця (значную частку насельніцтва, апроч праваслаўных, складалі каталікі і іўдзеі).

Разам з узмацненнем дзяржаўнай агітацыі, урадавымі ўстановамі і ваенным камандаваннем быў прыняты цэлы шэраг засцерагальных мер, каб звесці да мінімуму магчымыя пратэстныя настроі насельніцтва. Так, уводзілася турэмнае пакаранне не толькі за абнародаванне сакрэтных ваенных звестак, але і за публічныя заклікі да спынення вайны. Забараняліся негатыўныя матэрыялы аб дзейнасці ўрада і яго органаў, службовых асоб, выказванні знявагі альбо варожасці да рускага народа [1, с. 435] і г. д. Згодна з абавязковымі пастановамі Віцебскага губернатара і Галоўнага начальніка Дзвінскай вайсковай акругі, выдадзенымі 15 жніўня 1914 г., забаранялася "…распаўсюджваць якія-небудзь звесткі і паведамленні, што ўзбуджаюць варожае стаўленне да ўрада альбо змяшчаюць у сабе выразы знявагі ці варожасці да рускай (ці іншай) народнасці, што насяляе імперыю " [13, арк. 11 адв., 12]. Апроч таго, нельга было паведамляць у друку прозвішчы тых, хто праводзіў арышты ці ператрусы ў насельніцтва. Уладальнікі фабрык, заводаў, гандлёвых прадпрыемстваў і ўстаноў абавязаны былі весці падрабязны спіс, дзе пазначаліся прозвішчы і імёны служачых, іх узрост і месца жыхарства. Вінаватыя ў парушэнні дадзенай пастановы падвяргаліся ў адміністрацыйным парадку грашоваму спагнанню ў суме да трох тысяч рублёў альбо зняволенню ў вязніцы ці фартэцыі на тэрмін да трох месяцаў.

Рэжым выключных законаў і адсутнасць праўдзівай інфармацыі з фронту прывёў да з'яўлення ў мясцовага насельніцтва цэлага шэрага здагадак, скажэнняў фактаў, што ніякім чынам не магло паспрыяць стабілізацыі становішча ў тыле краіны. З-за палітыкі замоўчвання асобных праблемных момантаў, тым ці іншым чынам звязаных з вайной, знізіўся ўзровень даверу не толькі да мясцовай адміністрацыі, але і да царскага двара ўвогуле.

Нягледзячы на істотныя высілкі афіцыйнай агітацыі і прапаганды, сфармаваць адзінадушнае стаўленне да вайны ўладам не ўдалося. Да таго ж, істотна адрозніваліся між сабой адносіны да ваенных дзеянняў не толькі паміж рознымі сацыяльнымі супольнасцямі, але нават і ўнутры іх. Апроч гэтага, існавала значная сацыякультурная перагародка паміж тыпалагічна рознымі светамі "вярхоў" і "нізоў", эліты і ніжэйшых слаёў, горада і вёскі [11, с. 60].

Пераважная большасць сялян сустрэла пачатак вайны з насцярогай. Тым больш, што ўжо пачаліся ўборачныя работы, і сяляне добра разумелі, каму ў першую чаргу прыйдзецца ісці на фронт. Чым болей доўжылася вайна, тым больш негатыўным рабілася стаўленне да яе з боку вясковага насельніцтва. Сяляне ўспрымалі незразумелую ім вайну як разнавіднасць стыхійнага бедства, рок, спасланае Богам выпрабаванне [2, с. 88]. Клопат пра ўласную сям'ю мала стасаваўся на той час з клопатам аб бяспецы імперыі.

Пасіўнае непрыняцце вайны вясковым насельніцтвам беларускіх зямель часам набывала і больш радыкальныя формы. Пратэст выяўляўся па-рознаму: пачынаючы з выказванняў

супраць вайны і цара, заклікаў не ісці на яе, адмовы падаць падводы для дастаўкі запасных на чыгуначныя станцыі і заканчваючы масавымі разгромамі панскіх маёнткаў і гандлёвых пунктаў [14, с. 428].

Асабліва часта ў першыя гады вайны сяляне праводзілі патравы зямельных угоддзяў, захоплівалі панскую маёмасць, грамілі маёнткі, забівалі памешчыкаў і служачых, супраціўляліся паліцыі і ўладам, адмаўляліся ад выканання ваенных работ і павіннасцей [14, с. 431]. Найбольшая колькасць сялянскіх выступленняў прыйшлася на 1915 г. Аднак нельга сказаць, што ўсе яны насілі антываенны характар. Так, большасць савецкіх гісторыкаў адносіла нават пагромы вінных лавак да антываенных выступленняў, чым значна павышала іх працэнтны паказчык.

Абурэнне сялянства выклікалі змены і дапаўненні, якія былі ўнесены 3 ліпеня 1916 г. у закон "Аб прызрэнні ніжніх воінскіх чыноў і іх сем'яў". Цяпер сем'і ніжніх чыноў, аб якіх даходзілі звесткі, што яны добраахвотна, без выкарыстання зброі здаліся ў палон ворагу альбо здзейснілі ўцёкі са службы, пазбаўляліся права на атрыманне харчовага забеспячэння з дня наступлення чарговай выдачы пайка [3, арк. 154–155 адв.].

Такім чынам, у пераважнай сваёй большасці сялянства вельмі негатыўна ўспрыняла пачатак ваеннай кампаніі. На працягу вайны час ад часу ўспыхвалі сялянскія выступленні. Яны мелі неарганізаваны, стыхійны характар і даволі часта супадалі з сезоннасцю сельскагаспадарчых работ і правядзеннем мабілізацый у рэгулярную армію. Вясковае насельніцтва вельмі хутка астыла да ідэі нацыянальнага адзінства, бо яно ахвяравала сабой і нічога не атрымлівала за гэта: ні паляпшэння жыцця, ні надзеі на гэтае паляпшэнне ў будучыні [11, с. 60].

Большасць гарадскога насельніцтва, у адрозненне ад вясковага, у першыя месяцы вайны трапіла пад уздзеянне "сцягамахальнага энтузіазма" [8, с. 205]. Адзначаліся нават асобныя выпадкі прад'яўлення рабочымі патрабаванняў аб выдаленні з прадпрыемстваў працаваўшых там нямецкіх і аўстрыйскіх майстроў, на фабрыках і заводах праводзіліся зборы сродкаў для дапамогі салдацкім сем'ям, удзельнічалі рабочыя і ў некаторых праўрадавых дэманстрацыях [9, с. 127]. У Клімавічах, напрыклад, "…некаторыя служачыя рабілі добраахвотныя адлічэнні на карысць параненых і сем'яў запасных у эмерытальную касу" [15, арк. 10].

Безумоўна, былі і такія гараджане, што сустрэлі вестку аб пачатку вайны акцыямі пратэсту. Але іх выступленні насілі ў асноўным спарадычны і анархічны характар [8, с. 204]. Большасць гараджанаў занялі пазіцыю стрыманага, пасіўнага чакання. Для іх вайна аказалася непатрэбнай, яна адкідвалася, як перашкода звычайнай плыні паўсядзённага жыцця. Прыкладна так і даволі хутка пасля спаду патрыятычнай эйфарыі, якая назіралася ў першыя месяцы вайны, успрымалась яна ў свядомасці большасці людзей [11, с. 61].

Яшчэ больш расла незадаволенасць рабочымі вайной з-за неабходнасці здаваць асобныя зборы "для салдат у акопы" ў памеры аднадзённага заробку [7, арк. 19], звыштэрміновых работ, адставання росту заробку ад росту цэн, рэпрэсій уладаў супраць рабочых арганізацый і г. д. [9, с. 134].

Якім жа чынам ставіліся да вайны непасрэдныя ўдзельнікі баявых дзеянняў на франтах? Каштоўны матэрыял для назіранняў за настроямі ў арміі даюць штомесячныя справаздачы ваеннай цэнзуры. На адным толькі Заходнім фронце было болей за 800 цэнзараў [11, с. 62]. У асноўным армія складалася з сялян, якія "…недастаткова пранікліся патрыятызмам і таму не ўяўлялі сабой грамадзян-салдат, неабходных для перамогі ў сучасных войнах" [2, с. 203]. Вельмі часта стыхійны патрыятызм салдат спалучаўся з поўным неразуменнем прычын і мэт вайны, спробамі даць ёй рацыянальнае тлумачэнне па сваёй сістэме каштоўнасцей. Многія франтавікі гаварылі: "Каб мне знаць, у чым справа, з-за чаго народы, такія мірныя, перабіліся. Не інакш, як за зямлю" [16, с. 190].

У асяродку салдат, як узгадваў пазней у сваіх мемуарах генерал А.А. Брусілаў, "хто такія сербы, не ведаў амаль ніхто, што такое славяне – было таксама цёмна, а чаму немцы з-за Сербіі надумалі ваяваць – было зусім невядома" [17, с.82]. Вялікая колькасць салдат ўвогуле не ведала, што такое Германія і Аўстрыя. Яны ведалі "…свой павет і, бадай, губернію, ведалі, што ёсць Пецярбург і Масква, і на гэтым іх знаёмства са сваёй айчынай заканчвалася"

[17, с. 83]. Многія салдаты казалі: “Мы – тульскія (альбо вяцкія, калужскія і г. д.), да нас немец не дойдзе” [9, с. 125].

Доўгая пазіцыйная вайна, без асаблівых змен і надзей на лепшае, з цягам часу ўсё болей і болей аслабляла баявы дух салдат. Салдаты і афіцэры зняверваліся ў мэтазгоднасці працягу вайны, магчымасці дасягнення перамогі і масава здаваліся ў палон [1, с. 439]. У войску расла колькасць дэзерціраў, пачасціліся выпадкі “самастрэлаў” і калектыўнай здачы ў палон [9, с. 139]. У сакавіку 1915 г. на фронце быў зарэгістраваны першы выпадак братання рускіх салдат з праціўнікам [5, с. 12–13].

Нягледзячы на тое, што згодна з пастановай Савета Міністраў ад 15 красавіка 1915 г. аб пазбаўленні пайка сем’яў ніжніх чыноў, што здзейснілі ўцёкі са службы [18, арк. 10], сем’і збегшых салдат ставіліся ў невыносна цяжкае становішча, колькасць дэзерціраў увесь час павялічвалася. У сродках масавай інфармацыі падаваліся падрабязныя спісы аб асобах, што збеглі з дзеючай арміі [19].

Здараліся і масавыя дэзерцірствы. З тэлеграмы начальніка Жлобінскага гарнізона Ваенна-рэвалюцыйнаму камітэту ад 21 снежня 1917 г. даведваемся, што “19 снежня са Жлобіна са зброяй у руках збегла большая частка II-га Лабінскага казачага палка” [20, арк. 18]. Часта салдаты заставаліся ў германскім палоне па свайму жаданню [21, арк. 86].

Такім чынам, можна сцвярджаць, што на ўсім працягу вайны да яе не было адзінадушнага стаўлення. Адрозненні існавалі нават унутры сацыяльных груп. Але ж для пераважнай большасці насельніцтва вайна несла горыч, боль і пакуты, і стаўленне людзей да яе было адпаведным. Беларускія землі немагчыма было схіліць да масавага самаахвяравання пад лозунгамі “За веру, Цара і Айчыну”. Мары і спадзяванні на хуткае і пераможнае заканчэнне вайны, як і прагназавалі асобныя ваенныя тэарэтыкі, не спраўдзіліся.

Літаратура

1. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал. : М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2008. – Т. 4 : Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – 519 с.

2. Поршнева, О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны / О.С. Поршнева. – М. : Росспэн, 2004. – 365 с.

3. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 2289. – Воп. 1. – Спр. 23. Приказания армиям Северного фронта (I часть). 1917 г.

4. Липинский, Л.П. Крестьянское движение в Белоруссии в 1914–1917 гг. / Л.П. Липинский. – Минск : изд-во БГУ, 1975. – 184 с.

5. Базанов, С.Н. Национальное рыцарство / С.Н. Базанов // История. Издательский дом «Первое сентября». – 2004. – № 36. – С. 6–12.

6. Грибко, И.Л. Создание и деятельность в начале Первой мировой войны Витебского комитета Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам / И.Л. Грибко // Первая мировая война: история, геополитика, уроки истории и современность; редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ, 2008. – С. 194–195.

7. Головатенко, А. Жизнь сводилась к смерти / А. Головатенко // История. Издательский дом «Первое сентября». – 2004. – № 9. – С. 23–30.

8. Санборн, Дж. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему / Дж. Санборн // Россия и Первая мировая война: мат-лы междунар. научн. коллоквиума; редкол. : Н.Н. Смирнов (отв. ред.) [и др.]. – Спб. : Дмитрий Буланин, 1999. – 562 с.

9. Война и общество в XX веке / Российская академия наук, Институт всеобщей истории, Ассоциация историков Первой мировой войны. – Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны / И.С. Даниленко. – М., 2008. – 611 с.

10. Страхов, В.В. Внутренний государственный кредит России в период Первой мировой войны / В.В. Страхов // Первая мировая война: история, геополитика, уроки истории и современность; редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ, 2008. – С. 130–131.

11. Дьячков, В.Л. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия / В.Л. Дьячков, Л.Г. Протасов // Россия и Первая мировая война; редкол.: Н.Н. Смирнов (отв. ред.) [и др.]. – Спб. : Дмитрий Буланин, 1999. – 562 с.

12. Рыжанкоў, І.М. Праваслаўная і каталіцкая цэрквы ў працэсе прапаганды новага ладу на беларускай вёсцы (сакавік – красавік 1917 г.) / І.М. Рыжанкоў // Первая мировая война: история, геополитика, уроки истории и современность; редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ, 2008. – С. 247–248.

13. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 1416. – Воп. 1. – Спр. 2353. – Т. 1. О рассылке обязательных постановлений, изданных Витебским губернатором и главным начальником Двинского военного округа. 1914–1915 гг.

14. Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён : у 3 т. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі; рэдкал.: М.С. Сташкевіч (старшыня) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2002. – Т. 2: Ад рэформы 1861 да сакавіка 1917 г. / З.Е. Абезгауз [і інш.]. – 2002. – 522 с.

15. Дзяржаўны архіў Магілёўскай вобласці (ДАМВ). – Ф. 671. – Воп. 1. – Спр. 3. Переписка с волостными правлениями по доставлению присутственными местами и должностными лицами сведений о вознаграждении за службу. Климовичское участковое по подоходному налогу присутствие. 1917 г.

16. Бяспалая, М.А. Першая сусветная вайна на беларускіх землях ва ўспамінах відавочцаў / М.А. Бяспалая // Первая мировая война: история, геополитика, уроки истории и современность; редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ, 2008. – С. 189–192.

17. Брусилов, А.А. Мои воспоминания / А.А. Брусилов. – Минск : Харвест, 2003. – 432 с.

18. ДАВВ. – Ф. 2289. – Воп. 1. – Спр. 16. Приказания по Двинскому военному округу на театре военных действий. 1915–1916 гг.

19. ДАВВ. – Ф. 2289. – Воп. 1. – Спр. 15. Объявления по Двинскому военному округу за 1916 г.

20. ДАМВ. – Ф. 394. – Воп. 1. – Спр. 1. Телеграммы и сообщения разведывательных органов и начальников милиции других городов о розыске бежавших арестованных (поимке ворованного скота), задержании лиц, скрывшихся с казёнными деньгами. 1917–1918 гг.

21. Занальны дзяржаўны архіў у горадзе Полацку. – Ф. 263. – Воп. 1. – Спр. 20. Переписка со Смоленским почтово-телеграфным управлением. 1918 г.

Белорусский государственный
университет, г. Минск

Поступило 06.07.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 94(476+474.5)“16/17”:352.075:930(476+474.5)“16/17”

Адлюстраванне праблемы дзейнасці павятовых соймікаў Вялікага княства Літоўскага на беларускіх землях у гістарычных крыніцах канца XVII – першай паловы XVIII стст.

М.М. Хамец

Разглядаецца адлюстраванне праблемы павятовых соймікаў на беларускіх землях Вялікага княства ў гістарычных крыніцах канца XVII – першай паловы XVIII стст. Вылучаны асноўныя групы і віды дакументаў, паказаны іх асаблівасці.
Ключавыя словы: соймік, гістарычная крыніца, групы і віды дакументаў, аб’ектыўнасць, суб’ектыўнасць, асаблівасць.

The article deals with the problem how the historical sources (the late 17th – early 18th centuries) cover the information of district Soims on Belarusian lands in the Great Dutchy of Lithuania. The main types and groups of these documents are defined and their peculiarities are given.
Keywords: Soim, historical sources, types and groups of documents, objectivity, subjectivity, peculiarity.

Павятовыя соймікі як дзяржаўны інстытут з’яўляюцца на беларускіх землях з 1565 г. як вынік рэформы вялікага князя Жыгімонта Аўгуста. Згодна з ёй, Вялікае княства Літоўскае было падзелена на 30 паветаў, 16 з іх цалкам ці часткова знаходзіліся ў сучасных межах Беларусі [1, с. 387]. Шляхта, ці “народ палітычны”, валодала правам асабістага ўдзелу ў пасяджэннях вальнага сойму ВКЛ, а потым і Рэчы Паспалітай. Яна павінна была выбіраць са свайго асяроддзя дэпутатаў на гэты сойм. Па выніках пасяджэння сойміка складаліся інструкцыі, якія адлюстроўвалі меркаванні шляхты і праблемы дзяржавы ці асобнай яе часткі. У перыяд канца XVII – першай паловы XVIII стст. працэс самакіравання ў паветах і ваяводствах праз соймікі пачынае займаць даволі значнае месца. Гэта было звязана з тым, што краіна пад канец улады “Пястаў” і ў перыяд праўлення “Сасаў-Вітэнаў” (1696–1764 гг.) была аслаблена бесперапыннымі войнамі з замежнымі ворагамі і грамадзянскімі канфліктамі, што прывяло да заняпаду цэнтральнай улады і феадальнай анархіі ў Рэчы Паспалітай.

Вывучэнне крыніц канца XVII – першай паловы XVIII стст. па пытанні соймікаў на беларускіх землях павінна ўзбагаціць айчыннае крыніцазнаўства. З іншага боку, у сучаснай Беларусі дзейнічаюць парламенцкія інстытуты і ўстановы самакіравання розных узроўняў, таму вельмі важна прасачыць гісторыю і заканамернасці развіцця парламенцкіх традыцый на нашых землях і ў іншыя эпохі. Якраз вывучэнне дзейнасці ваяводскіх і павятовых соймікаў дапаможа адлюстраваць некаторыя дзяржаўна-палітычныя працэсы, якія адбываліся на беларускіх землях у акрэслены адрэзак часу.

Мэтай дадзенага артыкула з’яўляецца вылучэнне і характарыстыка асноўных тыпаў, відаў, падвідаў і блокаў гістарычных крыніц па праблеме дзейнасці павятовых соймікаў на беларускіх землях у канцы XVII – першай палове XVIII стст.

Да сённяшняга часу не існуе фундаментальнага крыніцазнаўчага даследавання па праблеме павятовых соймікаў на беларускіх землях. Можна адзначыць працу С. Ходзіна “Крыніцы гісторыі Беларусі (гісторыка-генетычнае і кампаратыўнае вывучэнне)”, у якой аўтар аналізуе і дае кароткую характарыстыку ў тым ліку і некаторым відам пісьмовых дакументаў канца XVII – першай паловы XVIII стст., вялікую ўвагу ён надае мемуарнай літаратуры [2]. Пэўны аналіз базы крыніц акрэсленага перыяду зрабілі даследчыкі з Польшчы і Беларусі. Перш за ўсё, трэба адзначыць працы польскага гісторыка А. Рахубы, у якіх ён аналізуе парламенцкую сістэму ВКЛ XVI–XVIII стст. [3], [4]. Даследчык, пры такім шырокім храналагічным ахопе, толькі часткова вывучае крыніцы канца XVII – першай паловы XVIII стст. Шырокі аналіз крыніц пры вывучэнні праблемы барацьбы магнацкіх груповак у ВКЛ у 1717–

1763 гг. робіць беларускі гісторык А. Мацук, але асноўную ўвагу ён надае разгляду карэспандэнцыі магнатаў і шляхты, што звязана са спецыфікай яго даследаванняў [5]. Звяртаючыся да актавых матэрыялаў соймікаў, ён, у асноўным, вылучае дакументы грамнічых соймікаў, на якіх выбіралі дэпутатаў у Галоўны трыбунал ВКЛ.

Вывучэнне павятовых соймікаў, як і многія іншыя праблемы дзяржаўнага, грамадскага і эканамічнага ладу на беларускіх землях у перыяд Новага часу, базуецца на выяўленні і даследаванні ў асноўным пісьмовых крыніц, якія ў большасці сваёй захоўваюцца ў фондах Нацыянальнага гістарычнага архіва Рэспублікі Беларусь (НГАРБ), у Галоўным архіве старажытных актаў у Варшаве (Archiwum Główne Akt Dawnych), у бібліятэцы Варшаўскага ўніверсітэта (Biblioteka Uniwersytetu Warszawskiego), у Нацыянальнай бібліятэцы Польшчы (Biblioteka Narodowa), у Літоўскім дзяржаўным гістарычным архіве (Lietuvos valstybės istorijos archyvas), у бібліятэцы Акадэміі навук Літвы (Lietuvos Mokslų Akademijos biblioteka), у бібліятэцы Віленскага ўніверсітэта (Vilniaus universiteto biblioteka) і г. д. Разам з архіўнымі дакументамі пры вывучэнні адзначанага пытання трэба выкарыстоўваць матэрыялы, апублікаваныя ў разнастайных зборніках дакументаў: “Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией” [6], “Dyaryusze sejmowe z wieku XVIII” [7], “Dyaryusze Sejmowe 1581, 1681, 1726 rr.” [8], “Diarjusz Walnej Rady Warszawskiej z roku 1710” [9], “Diariusz Sejmu walnego warszawskiego, 1701–1702” [10], “Volumina legum” [11], “Akta ziazdów i stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego” [12], “Archiwum tajne Augusta II” [13], “Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756–1762 гг.” [14], “Głos wolny króla Stanisława Leszczyńskiego” [15] і інш.

Усе вышэй пералічаныя архіўныя фонды, бібліятэкі і зборнікі ўтрымліваюць у сабе разнастайныя віды дакументаў: актавыя матэрыялы, заканадаўчыя акты, матэрыялы справаводства, крыніцы прыватнага паходжання, літаратурныя творы і г. д. Іх, для зручнасці ўспрымання, можна падзяліць на пяць асноўных блокаў паводле дзяржаўных устаноў ці гістарычных асоб (груп асоб), якія іх выдавалі ці напісалі:

1) актавыя дакументы павятовых і ваяводскіх соймікаў;
2) дакументы, выдадзеныя каралямі і іх канцылярыямі;
3) канстытуцыі і дыярыушы (дзённікі) вальных соймаў Рэчы Паспалітай;
4) мемуары гістарычных асоб;
5) карэспандэнцыя магнатаў і шляхты.

Самым вялікім і інфарматыўным блокам крыніц па праблеме з’яўляюцца дакументы, якія сталі вынікам дзейнасці саміх павятовых соймікаў. У асноўным яны змешчаны ў кнігах гродскіх судоў. У гэтыя кнігі ўносілі амаль усе актавыя матэрыялы, якія прымаліся на соймікаў ці паступалі з каралеўскай канцылярыі і сойму. Прысутнічаюць, у асноўным, у выглядзе пісьмовых копій. Таксама трэба адзначыць фрагментарнаць прадстаўленасці гэтых дакументаў. Для ўсходніх паветаў ВКЛ адсутнічаюць цэлыя тамы гродскіх кніг. Напрыклад, бракуе гродскіх кніг у наступныя часовыя межы: 1698–1703, 1712–1716, 1718–1720, 1724–1730, 1733–1740, 1746–1752, 1756–1758 гг. па Мсціслаўскім ваяводстве [16]; а кнігі па Пінскім павеце прадстаўлены цалкам на перыяд канца XVII – першую палову XVIII стст. [17] і г. д. Магчыма гэта звязана з разнастайнымі канфліктамі XVIII ст., калі гэтыя дакументы маглі быць згублены. Аднак з усіх пералічаных блокаў крыніц соймікавыя дакументы мелі масавы характар, і выпадзенне некаторых дакументаў не зможа карэнным чынам паўплываць на вывучэнне ўсёй карціны мясцовага парламентарызму на нашых землях у вывучаемы перыяд.

Актавыя матэрыялы соймікаў, соймаў, караля і яго канцылярыі можна знайсці таксама ў прыватных архівах магнацкіх радоў: Радзівілаў, Сапегаў, Тызенгаўзаў і інш. Фамільныя архівы дазваляюць нам пабачыць не толькі копіі крыніц, але і самі арыгіналы з аўтографамі ўдзельнікаў соймікаў. Таксама тут можна знайсці цікавы від дакументаў – інструкцыі да ўплывовых асоб і адказы на іх, якія сведчаць аб пасольтвах ад шляхты да тых ці іншых магнатаў. Трэба адзначыць тэндэнцыйнасць гэтых крыніц, так як магнаты і сярэдняя шляхта захоўвалі ў асноўным толькі тыя дакументы, якія былі карысныя асабіста ім ці іх сям’і.

Большасць вышэй пералічаных блокаў дакументаў утрымлівае ў сабе некалькі падвідаў крыніц.

Найбольшую інфарматыўнасць маюць інструкцыі павятовых соймікаў паслам на вальныя соймы. Яны адлюстроўваюць пазіцыю павятовай шляхты і магнатаў па розных унутры- і знешнепалітычных праблемах дзяржавы, патрабаванні і клопаты "народу палітычнага". Таксама інструкцыі дазваляюць высветліць стаўленне шляхты да прапазіцый на соймы каралеўскага двара.

Соймікавыя пастановы (ляўдумы) змяшчаюць афіцыйна аформленую пазіцыю шляхты па дзяржаўных і бягучых справах, а таксама інфармацыю аб асобах паслоў і дэпутатаў, што дазваляе высветліць расстаноўку сіл і асноўныя накірункі палітыкі асобнага павета ці ваяводства.

Лісты ад соймікаў да найвышэйшых саноўнікаў ці караля і адказы на іх дазваляюць даведацца аб бягучых праблемах павета ці ваяводства ў перад-, пасля- і міжсоймавыя перыяды. Вышэйшыя чыноўнікі ВКЛ і магнаты таксама часта дасылалі свае лісты з прапановамі на той ці іншы соймік, каб паўплываць на яго ход.

Пратэстацыі (пратэсты) супраць некаторых павятовых соймікаў змяшчаюць каштоўную інфармацыю аб супярэчнасцях паміж групоўкамі магнатаў і шляхты, выяўляюць асноўныя разыходжанні і канфлікты ў тым ці іншым павеце ці ваяводстве. Таксама пратэстацыі дазваляюць высветліць ступень уплыву пэўных магнатаў у павеце.

Крэдэнсы – гэта афіцыйны дакумент, які выдаваўся шляхецкім паслам на вальны сойм і пацвярджаў іх асобы і паўнамоцтвы. Гэты падвід дакументаў, як і ляўдумы, дапамагае даведацца аб асобах паслоў і іх месцы ў палітычным жыцці павета ці ваяводства.

Кароль і яго канцылярыя ў гэты перыяд таксама актыўна ўдзельнічаюць у парламенцкім жыцці краіны. Па-першае, гэта выклікана працэдурнымі фармальнасцямі, бо менавіта кароль меў права і абавязак склікаць соймы, толькі ён мог санкцыянаваць скліканне перад- і паслясоймавых соймікаў. Каралеўская канцылярыя рэгулярна выдавала шэраг дакументаў фармальнага характару, а таксама дакументы, у якіх кароль выказваў свае прапановы і погляды адносна дзяржаўных праблем.

Універсалы аб скліканні сойма і перадсоймавых соймікаў інфармавалі павятовую шляхту пра намер караля склікаць вальны сойм і прапанавалі з'ехацца на перадсоймавы соймік.

У інструкцыях ад караля на соймік манарх тлумачыць прычыны склікання вальнага сойма і прапануе шляхце абмеркаваць некаторыя пытанні ўнутранай і знешняй палітыкі, а таксама абмеркаваць мясцовыя праблемы, выбраць паслоў на сойм і скласці інструкцыі для іх.

Універсалам на рэляцыйны (паслясоймавы) соймік кароль заклікаў шляхту сабрацца на паслясоймавы соймік і прапанаваў прыняць соймавыя пастановы і канстытуцыі.

Рэспансы (адказы) караля цікавыя тым, што ён даваў адказ амаль што на кожную інструкцыю ад паветаў шляхецкім паслам. Гэтыя рэспансы потым зачытваліся на рэляцыйных соймiках і ўносіліся ў гродскія кнігі. Гэтыя дакументы прымаліся шляхтай да ведама і адлюстроўвалі адносіны караля да меркаванняў і жаданняў шляхты па тых ці іншых праблемах. Шляхта ж накіроўвала паслоў да караля не толькі падчас дзеяння сойма, але і па неабходнасці, калі паўставалі значныя праблемы ў павеце (бясчынствы варожых ці сваіх войскаў, недахоп сродкаў і г. д.). Кароль, у сваю чаргу, павінен быў даць адказ.

Вельмі важнымі і інфарматыўнымі з'яўляюцца дыярыушы вальных соймаў РП. Яны даволі падрабязна апісваюць пра пачатак, ход і канец (ці зрыў) вальнага сойма. Тут змешчаны ўсе прамовы, прапазіцыі і пратэстацыі, якія былі зроблены дэпутатамі, сенатарамі і каралём на сойме. Іх вывучэнне дазваляе даведацца пра пазіцыю павятовых паслоў у вышэйшым органе кіравання РП, рэалізацыю (ці нерэалізацыю) пастаноў павятовых соймікаў і прычыны гэтага.

Канстытуцыі вальных соймаў РП змяшчаюць у сабе канчатковыя пастановы, выпрацаваныя на сойме дэпутамі, якія сведчаць аб рэалізацыі ці нерэалізацыі агульнадзяржаўных і мясцовых зацікаўленасцяў магнатаў і шляхты. Пры параўнанні канстытуцый і дыярыушаў з соймікавымі інструкцыямі на вальны сойм можна заўважыць асноўныя тэндэнцыі ва ўнутрыпалітычным жыцці беларускіх зямель у канцы XVII – першай палове XVIII стст.

Даволі карыснымі з'яўляюцца помнікі мемуарнай літаратуры канца XVII – першай паловы XVIII стст., многія з якіх на сённяшні час апублікаваны. У гэтых творах асоба аўтара знаходзіцца ў цэнтры, але яны раскрываюць яскравую карціну эпохі і яе падзей, даюць ха-

рактарыстыку некаторым гістарычным асобам. Пры гэтым трэба ўлічваць значны суб'ектывізм мемуарнай літаратуры, тэндэнцыйнасць і стэрэатыпнасць меркаванняў іх аўтараў [2, с. 113]. Гэта вымушае ставіцца да мемуараў даволі крытычна і ўдакладняць змешчаную ў іх інфармацыю па іншых крыніцах. Многія з гэтых успамінаў былі надрукаваны. Найбольш значнымі з іх з'яўляюцца мемуары Гераніма Фларыяна Радзівіла [18], Марціна Матушэвіча [19], Ігната Лапацінскага [20], Эразма Атавінскага [21], Тадэвуша Агінскага [22], Крыштафа Завішы [23] і г. д.

Карэспандэнцыя дзяржаўных і прыватных асоб (у асноўным, прадстаўнікоў магнацкіх груповак) раскрывае неафіцыйны бок палітычнай барацьбы на нашых землях, паказвае палітычныя плыні сярод магнатаў і шляхты, іх мэты і метады барацьбы ў супрацьстаянні. Абмежаванасць перапіскі ў тым, што яе аўтары засяроджваюць увагу толькі на найбольш важных для іх пытаннях, абмінаючы іншым разам нават агульнадзяржаўныя праблемы. Таму мемуары і перапіску трэба абавязкова ўдакладняць з дапамогай іншых відаў дакументаў.

Такім чынам, бачна, што асноўным тыпам крыніц па праблеме павятовых соймікаў на беларускіх землях ВКЛ канца XVII – першай паловы XVIII стст. з'яўляюцца пісьмовыя дакументы, якія ў большасці сваёй знаходзяцца ў фондах архіваў і бібліятэк. Толькі нязначная колькасць іх была апублікавана на працягу XVII–XXI стст., і асноўную іх частку складаюць мемуары і разрозненыя актавыя матэрыялы. Можна вылучыць наступныя найбольш важныя віды крыніц: актавыя матэрыялы, заканадаўчыя акты, матэрыялы справаводства, крыніцы прыватнага паходжання, літаратурныя творы і г. д. Іх, у сваю чаргу, можна падзяліць на пяць асноўных блокаў: актавыя дакументы павятовых соймікаў, дакументы каралеўскай канцылярыі, канстытуцыі і дыярыушы вальных соймаў, мемуары гістарычных асоб і карэспандэнцыі магнатаў і шляхты. Найбольш інфарматыўнымі і аб'ектыўнымі можна назваць соймавыя, соймікавыя і каралеўскія дакументы. Трэба адзначыць фрагментарнасць соймікавых дакументаў па часу і мясцовасці, але масавы характар гэтага блоку дазваляе скласці больш менш цэласную карціну дзейнасці соймікаў у ВКЛ у канцы XVII – першай палове XVIII стст. У той жа час мемуары і карэспандэнцыя даволі суб'ектыўныя і патрабуюць удакладнення праз іншыя крыніцы. Тым не менш, комплекснае вывучэнне ўсіх відаў і блокаў пісьмовых дакументаў дазваляе скласці даволі поўную карціну не толькі эпохі, але і раскрыць праблему функцыянавання павятовых соймікаў у акрэслены перыяд.

Літаратура

1. Лойка, П. Органы саслоўнага прадстаўніцтва і ўлады / П. Лойка // Гісторыя Беларусі : у 6 т. Т. 2 : Беларусь у перыяд Вялікага княства Літоўскага / Ю. Бохан [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2008. – 688 с.

2. Ходзін, С.М. Крыніцы гісторыі Беларусі (гісторыка-генетычнае і кампаратыўнае вывучэнне) / С.М. Ходзін. – Мінск : БДУ, 1999. – 193 с.

3. Рахуба, А. Вялікае княства Літоўскае ў парламенцкай сістэме Рэчы Паспалітай 1569–1763 гг. / А. Рахуба; пер. з пол. мовы М. Раманоўскі; навук. рэд. Г. Сагановіч. – Мінск : Медысонт, 2008. – 424 с.

4. Rachuba, A. Miejsca obrad sejmików Wielkiego Księstwa Litewskiego w latach 1569–1794 / A. Rachuba // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях : мат-лы міжнар. навук. канф., Мінск – Наваградак, 23–24 ліст. 2007 г. – Мінск, 2008. – С. 183–197.

5. Мацук, А.У. Барацьба магнацкіх груповак у ВКЛ (1717–1763 гг.) / А.У. Мацук. – Мінск : Медысонт, 2010. – 640 с.

6. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией для разбора древних актов. – Т. I–XXXIX. – Вильно, 1865–1915.

7. Dyaryusze sejmowe z wieku XVIII. – T. I–III. – Warszawa : Nakł. Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, 1911–1937.

8. Dyaryusze Sejmowe 1581, 1681, 1726 rr. – Cz. 1. – Warszawa : Księgarnia Gebethnera i Wolffa, 1900. – 155 s.

9. Diarjusz Walnej Rady Warszawskiej z roku 1710 / wyd. R. Mienicki. – Wilno : Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Wilnie, 1928. – 415 s.

10. Diariusz Sejmu walnego warszawskiego, 1701–1702 / wyd. P. Smolarek. – Warszawa : Państwowe Wydawn. Naukowe, 1962. – 364 s.

11. Volumina legum. – T. I–IX. – Petersburg : Nakl. J. Ohryzki, 1859–1889.

12. Akta ziazdów i stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego. – T. I : Okresy bezkrólewi (1572–1576, 1586–1587, 1632, 1648, 1696–1697, 1706–1709, 1733–1735, 1763–1764) / Opac. Henryk Lulewicz. – Warszawa : Wydawn. Neriton, 2006. – 452 s.

13. Archiwum tajne Augusta II : czyli Zbiór aktów urzędowych z czasów panowania tego monarchy. – T. 2 : W końcu przydany jest Rys życia dworskiego Polaków i Polek za panowania królów domu saskiego / wydany przez Edwarda Raczyńskiego // Obraz Polaków i Polski w XVIII Wieku. – 18 t. – Wrocław : Nakl. Zygmunta Schlettera, 1843. – 258 s.

14. Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756–1762 гг. – М. : Воениздат, 1948. – 648 с.

15. Głos wolny króla Stanisława Leszczyńskiego / wyd. A. Rembowski. – Warszawa : Druk Rubieszewskigo i Wrotnowskiego, 1903. – 114 s.

16. НГАРБ. – Ф. 1729. – Оп. 1.

17. НГАРБ. – Ф. 1733. – Оп. 1.

18. Radziwiłł, H.F. Diariusze i pisma różne / H.F. Radziwiłł. – Warszawa : Energeia, 1998. – 268 s.

19. Matuszewicz, M. Diariusz życia mego / M. Matuszewicz. – T. I, II. – Warszawa, 1986.

20. Dyariusz życia Ignacego Łopacińskiego // Biblioteka Warszawska, 1855. – T. III. – S. 393–425 s.

21. Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II. Od roku 1696–1728 opisal współczesny Erazm Otwinowski / wyd. E. Raczynskim. – Kraków : Nakl. i drukiem J. Czecha, 1849. – 374 s.

22. Pamiętnik Tadeusza Ogińskiego // Przegląd historyczny, 1914. – Z. 1. – S. 51–83.

23. Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy, wojewody mińskiego (1666–1721) / wyd. J. Bartoszewicza. – Warszawa : Drukarn. Gazety polskiej, 1862. – 440 s.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 01.04.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 94:357(476+474.5)“17”

Кавалерыя арміі Вялікага княства Літоўскага XVIII ст.: эвалюцыя структуры

С.А. Чаропка

У артыкуле даследуецца працэс эвалюцыі кавалерыйскіх падраздзяленняў арміі ВКЛ падчас фарміравання рэгулярнай арміі гэтай краіны ў XVIII ст. Вывучаецца структура кавалерыі ў разрэзе ваенных рэформ, арганізацыя яе асобных відаў, адраджэнне літоўскай кавалерыі ў 1812 г.
Ключавыя словы: армія ВКЛ, гусары, пяцігорцы, казакі, уланы, драгуны, нацыянальная кавалерыя, пярэдняя варта.

This article explores the process of regeneration of the army cavalry of the Great Duchy of Lithuania during the formation of regular army of the country in the 18th century. The cavalry structure in a cut of military reforms, the organization of its special kinds, revival of the Lithuanian cavalry in 1812 are studied in the article.
Keywords: army of Great Duchy of Lithuania, hussars, five-mountaineers, cossacks, uhlans, dragoons, a national cavalry, forward guards.

Армія заўсёды была і з’яўляецца зараз важным элементам дзяржаўнай структуры, што забяспечвае суверэнітэт і незалежнасць ад іншых гаспадарстваў, якія вельмі часта імкнуцца тым або іншым чынам умяшацца ва ўнутраныя справы суседзяў. Нашым продкам на розных этапах развіцця беларускай дзяржаўнасці, ад часоў Полацкага княства да XX ст., не раз даводзілася са зброяй у руках абараняць сваю зямлю. Таму Беларусь мае багатыя вайсковыя традыцыі і вялікую колькасць ваяроў, жыццё і дзейнасць якіх дзеля дабра сваёй Айчыны могуць быць годным прыкладам для сучаснікаў і нашых нашчадкаў. Мы добра ведаем імёны сыноў беларускай зямлі, якія сваёй ахвярнасцю ўнеслі значны ўклад у выбаўленні свету ад “карычневай чумы” ў сярэдзіне XX ст., шануем нашых сучаснікаў, якія змагаліся ў лакальных канфліктах, але, на жаль, практычна не ведаем аб развіцці айчыннай вайсковасці ў часы Рэчы Паспалітай.

Гэты прабел шмат у чым звязаны з гістарычнымі рэаліямі, якія існавалі на момант зараджэння і фарміравання беларускай гістарыяграфіі. Айчынныя навукоўцы ў савецкія часы не мелі магчымасці стварыць трывалы падмурак у вывучэнні беларускай вайсковасці XVIII ст., толькі з набыццём незалежнасці і станаўленнем уласнай дзяржавы з’явіліся першыя даследаванні [1]–[4]. Значна большую ўвагу названай праблеме ўдзялілі польскія гісторыкі, якія, даследуючы гісторыю кароннага войска, так або інакш закраналі пытанні, звязаныя з арміяй ВКЛ [5]–[10]. У наш час існуе магчымасць выкарыстаць раней цяжкадаступныя гістарычныя крыніцы і на іх аснове даследаваць гэтую тэму. Такім чынам, тэма гісторыі айчыннай вайсковасці падаецца даволі актуальнай як з навуковага, так і грамадскага пункту гледжання. У сувязі з маштабнасцю тэмы ўсе яе аспеты разгледзіць у адным артыкуле падаецца немагчымым, таму мы прыпынемся толькі на пытанні эвалюцыі кавалерыі рэгулярнай арміі ВКЛ у XVIII ст. і на пачатку XIX ст.

Актыўная знешняя палітыка Расійскай дзяржавы ў другой палове XVII–XVIII ст. у спалучэнні з усё большым аслабленнем дзяржаўнай улады ў Рэчы Паспалітай прывяла да сур’ёзных змен у геапалітычным становішчы ва Ўсходняй Еўропе і канкрэтна нашай Бацькаўшчыны, якая на той час была складовай часткай польска-літоўскай федэрацыі. Дзеля выхаду краіны з глыбачайшага крызісу трэба было тэрмінова рэфармаваць палітычную, эканамічную і сацыяльную структуры, у тым ліку і сістэму абароны дзяржавы. Але спробы караля Аўгуста II Моцнага ўзмацніць уладу кіраўніка дзяржавы выклікалі рэзка негатыўную рэакцыю з боку апазіцыйна настроенай кансерватыўнай магнатэрыі і расійскага кіраўніцтва, якое, зыходзячы са знешнепалітычных інтарэсаў сваёй дзяржавы, лічыла немэтазгодным уз-

мацненне Рэчы Паспалітай. У выніку ў 1717 г. на “Нямым” сойму апазіцыйная магнатэрыя пры падтрымцы Расіі здолела прымусіць Аўгуста II адмовіцца ад рэформ, але нейкія зрухі, тым не менш, адбыліся.

На сойму 1717 г., акрамя іншага, фактычна было прынята рашэнне аб правядзенні ваеннай рэформы, якая прадуглежвала сур’ёзныя змены ў арганізацыі ўзброеных сіл Рэчы Паспалітай, у прыватнасці, стварэнне рэгулярнай арміі. Літоўскія войскі павінны былі налічваць 6 тыс. жаўнераў, каронныя – 18 тыс. [11, с. 256]. Зважаючы на ўзровень мілітарызацыі суседніх дзяржаў, напрыклад Францыі, Аўстрыі, Расіі, арміі якіх у мірны час налічвалі па 100 тыс., Прусіі – 40 тыс. жаўнераў, Саксоніі – 30 тыс. чал., армія Рэчы Паспалітай выглядала як дэкаратыўны элемент, але яе стварэнне ўсё ж стала крокам наперад у рэфармаванні ваеннай справы краіны [12, с. 141], [13, с. 8, 10], [14, с. 301].

У кавалерыі ВКЛ ствараліся 6 гусарскіх харугваў агульнай колькасцю 400 коней, 25 харугваў больш лёгкай кавалерыі – пяцігорцаў, якія налічвалі 1160 коней, 12 татарскіх харугваў, колькасцю 460 коней, 8 казацкіх харугваў колькасцю 240 коней і 4 драгунскіх палка агульнай колькасцю 1500 коней [15, с. 19]. З мэтай прадухілення злоўжыванняў камандзірскага складу і кантроля за станам войска была ўтворана пасада генеральнага інспектара кавалерыі.

Тактычнай адзінкай кавалерыйскіх падраздзяленняў у арміі ВКЛ з’яўлялася харугва. Гусарскія харугвы ў сярэднім павінны былі налічваць па 55 коней, харугвы пяцігорцаў і лёгкай кавалерыі налічвалі па 50 коней, аднак ў рэальнасці гэтыя лічбы выглядалі інакш [16, с. 168–173]. Татарскія і казацкія харугвы налічвалі звычайна па 30–40 коней [17, с. 190–192]. На чале харугвы стаялі ратмістр, паручнік і харунжы, ролю падафіцэраў адыгрывалі таварышы. Харугвы аб’ядноўваліся ў палкі, сярод якіх найбольш баяздольным быў рэгімент гвардыі коннай ВКЛ. Камплектацыя конных падраздяленняў ажыццяўлялася шляхам вярбоўкі таварышоў з іх поштамі, якія налічвалі 1–2 паштовых.

Гвардзейская кавалерыя мела сваю форму, якая складалася з чырвонага мундзіра, светла-гранатавых камізэлькі і штаноў [15, с. 20]. Палявыя кавалерыйскія харугвы, у адрозненні ад драгунскіх падраздзяленняў, доўгі час не мелі ўніформы, толькі ў 1746 г. быў уведзены адзіны строй для асобных відаў кавалерыі. Знакам адрознення афіцэра ў кавалерыі выступаў срэбранага колеру шалік.

Улічваючы важную ролю коннай пяхоты ў войнах XVII ст., прадугледжваўся набор 1500 драгунаў, з якіх стварылі 4 рэгіменты (палкі) – лейб-рэгімент драгунаў каралеўскіх ВКЛ і 3 палявыя палкі. Гвардзейскі драгунскі рэгімент налічваў 587 жаўнераў і складаўся са штаба і 8 кампаній (рот) [18, с. 21]. Палявы драгунскі рэгіміент налічваў 341 жаўнера і складаўся са штаба і 6 кампаній.

Нягледзячы на ўсе недахопы, ваенная рэформа, якая была распачата на “Нямым” сойме 1717 г., стала важным крокам на шляху да стварэння паўнавартаснай арміі. Утварэнне пастаяннага штату, вызначэнне канкрэтных шляхоў фінансавання войска, стварэнне структурнай арганізацыі драгуніі садзейнічалі паступоваму знішчэнню архаічных рыс у сістэме дзяржаўнай абароны. Аднак палавінчатасць рэформ патрабавала правядзення далейшых мерапрыемстваў, чаго, аднак, не адбылося, у выніку чаго як каронная армія, так і армія ВКЛ не здолелі выйсці на канкурэнтназдольны ўзровень з войскамі суседніх дзяржаў і не маглі паўнавартасна выконваць свае функцыі.

Новая спроба рэформ звязана з прыходам да ўлады Станіслава Панятоўскага. Ужо на канвакацыйным сойму 7 мая 1764 г. было прынята рашэнне аб стварэнні “Камісіі вайсковай”, якая мусіла стаць каталізатарам рэформ у арміі [19, с. 39, 83]. На каранацыйным сойму 3 снежня 1764 г. было абвешчана аб стварэнні Вайсковай камісіі ВКЛ, месцам пастаяннага размяшчэння якой стала Гародня [20, с. 170].

Камісія здолела зрабіць шмат для дасягнення сваёй мэты: “…усталявала парадак у арганізацыі, павысіла аслабленую субардынацыю і дысцыпліну, павысіла ўзровень адукацыі ў вышэйшых вайсковых і, у рэшце рэшт, стварыла армію, якая не саступала аніводнай тагачаснай еўрапейскай…” [15, с. 20]. Аднак сумныя ўнутрыпалітычныя падзеі 1767–1772 гг. у сукупнасці з агрэсіяй суседніх дзяржаў тэрмінова патрабавалі новых рэформ.

Ваенная рэформа стала адным з асноўных пытанняў на сойме 1773–1775 г., на пасяджэннях якога было вырашана павялічыць армію ВКЛ да 8 тыс. чалавек. Найвышэйшая ўлада была перададзена Вайсковаму дэпартаменту, дзе рашэнні прымаліся калегіяльна, а гетманы былі толькі сябрамі гэтага органа. Прадугледжваліся сур'ёзныя структурныя змены. Армія ВКЛ падзялялася на 2 дывізіі [21, с. 351–352]. Замест ранейшага падзелу кавалерыі на гусараў, пяцігорцаў і казацка-татарскія лёгкія харугвы ўводзіўся падзел на больш цяжкую нацыянальную кавалерыю (НК) і больш лёгкую пярэднюю варту (ПВ). Камплектаванне новых падраздзяленняў ажыццяўлялася пераважна за кошт раней існуючых. Так, 1-я брыгада НК камплектавалася ў асноўным за кошт гусарскіх харугваў, таму захавала нефармальную назву гусарскай. 2-я брыгада НК была заснавана на базе харугваў пяцігорцаў, таму яшчэ доўга называлася пяцігорскай. Палкі пярэдняй варты, у сваю чаргу, афармляліся на базе татарскіх і казацкіх харугваў і пазней атрымалі неафіцыйную назву ўланскіх палкоў.

Драгунскія палкі скарачаліся. Толькі лейб-рэгімент драгунаў каралеўскіх ВКЛ пераўтвараўся ў полк карабінераў гвардыі коннай, астатнія тры драгунскія палкі спешываліся і пераўтвараліся ў пяхотныя [22, с. 403].

Нягледзячы на звыклы для дзяржаўнага бюджэту Рэчы Паспалітай недахоп сродкаў, на фінансаванне арміі ВКЛ рашэннем сойма было выдаткавана 6 596 тыс. злотых (зл.) [22, с. 402–403]. Але, як паказаў час, увасобіць рашэнні сойму ў жыццё і на гэты раз аказалася справай надзвычай цяжкай. У 1776 г., у сувязі з недахопам фінансавання, вайсковы бюджэт быў скарочаны больш чым напалову – да 2,3 млн. зл. [23, с. 565, 568]. У выніку гэтага запланаваная колькасць арміі ВКЛ у 8 тыс. чалавек дасягнута не была, і ў другой палове 70-х гг. армія ВКЛ налічвала ўсяго 4770 ваяроў.

9 снежня 1776 г. быў складзены кампут войска ВКЛ, які дае выдатную інфармацыю аб структуры арміі і яе фінансаванні, а таксама аб іерархіі ваенных чыноў адпаведна іх пазіцыі ў спісе і заробку, які яны атрымлівалі [24]. Кавалерыя Вялікага княства налічвала 2670 коней і складалася з палка гвардыі коннай, 2 брыгад НК і 5 палкоў ПВ. Абедзьве брыгады НК налічвалі па 478 коней з фінансаваннем па 300 тыс. зл. на брыгаду. Кожная брыгада складалася з 4 швадронаў (эскадронаў), кожны з якіх уключаў у сябе па 4 харугвы. На чале брыгады знаходзіўся камендант, яго намеснікам выступаў віцэ-камендант. Пры штабе знаходзілася і медыцынская частка, а таксама ветэрынарная служба. Тактычнай адзінкай брыгады з'яўлялася харугва [24, арк. 16].

У адрозненне ад брыгад НК, у палках ПВ колькасць асабістага складу падраздзяленняў была рознай. Напрыклад, у 1-ым палку каралевіча налічвалася 374 чалавекі, 2-гі полк Булавы Вялікай і 3-ці полк Булавы Польнай налічвалі па 150 ваяроў, у 4-ым палку Панятоўскага службу выконвалі 327 жаўнераў, а самым шматлікім быў 5-ты полк генерала Беляка, які меў 395 шабель у сваім складзе [24, арк. 6]. Звычайна полк складаўся з 6 харугваў і штаба. У штаб палка ўваходзілі палкоўнік, маёр і 6 ратмістраў, якія, як і ў брыгадах НК, толькі фармальна камандавалі харугвамі, пераклаўшы гэты цяжар на паручнікаў [24, арк. 37, 41].

На жаль, рэформы аказаліся палавінчатымі. Зрабіўшы крокі ў бок павелічэння колькасці войска і яго структурнай мадыфікацыі, прынцып камплектавання кавалерыі заставаўся ранейшым – шляхам прывода таварышамі сваіх поштаў. Ва ўмовах, калі вядучыя краіны Еўропы такія, як Францыя, Прусія, Расія, ужо перайшлі да рэкруцкага спосабу камплектавання арміі, гэта быў відавочны недахоп, які значна зніжаў абароназдольнасць краіны. Тым не менш, рэформа арміі ў 1775 г. з'яўлялася вельмі неабходнай для ВКЛ і ўсёй РП з'явай. У выніку асцярожных дзеянняў Вайсковай камісіі пачаліся станоўчыя зрухі ў пытанні арганізацыі ўзброеных сіл краіны. Армія ВКЛ стала паступова пераўтварацца з дэкаратыўнага элемента ў сапраўдны баявы інструмент дзяржавы. Рэформа 1775 г. стала важным падмуркам для далейшага развіцця ўзброеных сіл як у ВКЛ, так і Польшчы, якое адбывалася ў канцы 80-х – пачатку 90-х гг. XVIII ст.

Чарговая ваенная рэформа, ажыццяўленне якой у 1789 г. было ініцыіравана рашэннямі "Вялікага сойму", хаця і ўнесла вялікі ўклад у развіццё вайсковай справы ў ВКЛ, але арганізацыйна нічога не змяніла. Галоўнай мэтай рэформы стала колькаснае павелічэнне арміі ВКЛ да 21145 чал., а канкрэтна кавалерыі – да 7028 чал. Колькасць жаўнераў у дзвюх

брыгадах НК мусіла вырасці да 3268 чал., у 5 палках ПВ – да 3060 чал., у рэгіменце гвардыі коннай – да 700 чал. [25, арк. 47].

Аднак указаныя фарміраванні не ўдалося сфарміраваць цалкам у сувязі з пачаткам інтэрвенцыі суседніх дзяржаў у Рэч Паспалітую, адмовай караля ад рэформ і другім падзелам польска-літоўскай дзяржавы. Паражэнне здаровых сіл грамадства прывяло да вяртання арміі ВКЛ да дарэформеннага становішча. Трэці падзел Рэчы Паспалітай, вынікам якога стала ліквідацыя яе больш жыццяздолнымі суседзямі, паклаў канец існаванню рэгулярнай арміі Вялікага княства, але, як аказалася, ненадоўга. Праз 17 гадоў яна нечакана адрадзілася з попелу.

22 чэрвеня 1812 г. французскі імператар Напалеон выдаў адозву, у якой ён абвясціў аб пачатку "другой польскай вайны", што не магло пакінуць шляхту беларуска-літоўскіх губерній абыякавай [26, с. 14]. 1 ліпеня 1812 г. была створана Камісія часовага ўрада ВКЛ, фактычна пачаўся працэс аднаўлення да гэтага часу ўжо моцна паланізаванай літоўска-беларускай дзяржаўнасці. Як у выпадку з Варшаўскім княствам, у склад ВКЛ пераважна ўвайшлі тэрыторыі, захопленыя Расіяй падчас другога і трэцяга падзелаў Рэчы Паспалітай. Камісія часовага ўрада станавілася вышэйшым органам цывільнага дзяржаўнага кіравання і складалася з 7 камітэтаў, адным з якіх з'яўляўся Ваенны камітэт.

5 ліпеня 1812 г. было абвешчана аб стварэнні 3-га Літоўскага палка уланаў Імператарскай гвардыі [27, с. 481]. Полк камплектаваўся валанцёрамі шляхецкага паходжання, а таксама студэнтамі Віленскага ўніверсітэта, ён павінен быў складацца з 5 эскадронаў па 2 роты ў кожным і налічваць 1280 чалавек. У полк залічваліся мужчыны ва ўзросце ад 18 да 40 гадоў, якія маглі экіпіравацца за ўласны кошт. Да лістапада 1812 г. былі сфарміраваны 4 эскадроны.

Каля 10 ліпеня было вырашана стварыць армію ВКЛ у складзе 5 пяхотных і 4 кавалерыйскіх палкоў, агульнай колькасцю 14304 чал. [27, с. 480, 498–499], [28], [29]. Галоўнай мэтай гэтага войска з'яўлялася ахова шляхоў камунікацый на тэрыторыі дэпартаментаў ВКЛ ад рэйдаў расійскай арміі. Камплектацыя палкоў ВКЛ адрознівалася ад падраздзяленняў Варшаўскага княства. Кавалерыйскі полк мусіў складацца з 4 эскадронаў па 2 роты кожным і налічваць 981 жаўнера, з іх 42 афіцэры, 939 падафіцэраў і шараговых.

Палкі арміі ВКЛ атрымалі нумары, якія працягвалі нумарацыю падраздзяленняў узброеных сіл Варшаўскага княства, у кавалерыі – з 17 па 20. Пры гэтым войска ВКЛ не з'яўлялася часткаю польскай арміі. Па лініі ваеннага кіравання армія ВКЛ падпарадкоўвалася свайму штабу, а праз яго – Галоўнаму штабу "Вялікай арміі". Выключэнне складаў 3-ці легкаконны полк Я. Канопкі, які арганізацыйна ўваходзіў у склад гвардзейскіх падраздзяленняў французскай арміі. У канцы жніўня паўстала генеральная інспекцыя арміі ВКЛ.

На пачатку жніўня французская адміністрацыя, улічваючы патрыятычны ўздым у ВКЛ, прапанавала імператару павялічыць ваенныя сілы ВКЛ за кошт фарміравання дабраахвотных падраздзяленняў. За свой кошт пачаў фарміраванне кавалерыйскага палка Ігнат Манюшка, які атрымаў назву 21-шы полк конных стралкоў. Рэальна 21-шы полк пачаў фарміравацца толькі ў кастрычніку, таму ўкамплектавацца цалкам ён не меў магчымасці. Быў сфарміраваны толькі 1 эскадрон, які налічваў 10 афіцэраў і 258 падафіцэраў і шарагоўцаў [17, с. 563]. У Расіенскім павеце пачаў арганізацыю кавалерыйскага палка Ю. Гедрайц. У Пінскім павеце падобную спробу зрабіў Г. Яленскі [27, с. 561]. У верасні пачаў фарміраванне гусарскага палка М. Абрамовіч, але з прычыны недахопу грошай сабраных жаўнераў далучылі да палка конных стралкоў.

У баку ад грамадска-палітычных падзей на Беларусі не засталося і мясцовае татарскае насельніцтва. Арганізатарам татарскіх узброеных фарміраванняў стаў былы падпалкоўнік 4-га палка пярэдняй варты ВКЛ М.М. Ахматовіч [27, с. 559], [30]. У Навагрудскі, Ашмянскі, Лідскі, Ковенскі, Мінскі паветы, дзе пражывала татарскае насельніцтва, былі разасланы афіцэры, аднак сфарміраваць паспелі толькі адзін эскадрон, які ў якасці выведкі быў далучаны да 3 легкаконнага палка Я. Канопкі.

З паражэннем Францыі ў г. зв. напалеонаўскіх войнах спадзяванні на адраджэнне ў бліжэйшай перспектыве дзяржаўнасці ў форме ВКЛ зніклі, а наступныя спробы ў 1830–1831

і 1863 гг. аказаліся няўдалымі. Таму гісторыя айчыннай вайсковасці менавіта ў форме арміі ВКЛ скончылася, пачаўся наступны этап, які характарызуецца службай выхадцаў з Беларусі, у залежнасці ад іх светапогляду, у войску Расійскай імперыі або, да пэўнага часу, Царства Польскага. Коратка эвалюцыю айчыннай кавалерыі ў XVIII – пачатку XIX ст. можна прадставіць у выглядзе табліцы 1.

Табліца 1 – Эвалюцыя айчыннай кавалерыі ў XVIII – пачатку XIX стст.

1717 г.	1775 г.	1812 г.
6 гусарскіх харугваў	1 (гусарская) брыгада Нацыянальнай кавалерыі	3 літоўскі полк уланаў Імператарскай гвардыі
25 пяцігорскіх харугваў	2 (пяцігорская) брыгада Нацыянальнай кавалерыі	17 уланскі полк
12 татарскіх харугваў	1 полк пярэдняй варты караля	18 уланскі полк
8 казацкіх харугваў	2 полк пярэдняй варты Булавы Вялікай	19 уланскі полк
лейб-рэгімент драгунаў ВКЛ	3 полк пярэдняй варты Булавы Польнай	20 уланскі полк
рэгімент конны каралевіча	4 полк пярэдняй варты	21 полк конных стральцоў
рэгімент конны Булавы Вялікай	5 полк пярэдняй варты	уланскі эскадрон татараў
рэгімент конны Булавы Польнай	рэгімент гвардыі коннай карабінераў ВКЛ	

Нягледзячы на аб’ектыўныя складанасці ў рэфармаванні ваеннай справы ў апошняе стагоддзе існавання польска-літоўскай дзяржавы, у перыяд праўлення Аўгуста II Моцнага і Станіслава Панятоўскага былі зроблены дзейсныя меры па рэарганізацыі арміі ВКЛ і, у прыватнасці, кавалерыі. Арыентуючыся першапачаткова на саксонскія, а затым прускія ўзоры, былі ліквідаваны многія архаічныя рысы, а кавалерыя беларуска-літоўскай дзяржавы да канца XVIII ст. была прыведзена ў адпаведнасць з ваеннымі запытамі той эпохі. Толькі здрадніцкая палітыка часткі палітычнай эліты Рэчы Паспалітай у спалучэнні з інтэрвенцыяй суседніх дзяржаў перашкодзіла арміі ВКЛ стаць сур’ёзнай сілай, якая б магла выконваць сваю асноўную функцыю – забеспячэнне незалежнасці сваёй дзяржавы. Таму няма нічога дзіўнага, што праз 17 гадоў пасля знішчэння Рэчы Паспалітай армія ВКЛ, і перш за ўсё – кавалерыя, нібы паўстала з попелу, адрадзілася літаральна за некалькі месяцаў, арыентуючыся ў гэты раз на дасягненні ў ваеннай справе французаў.

Літаратура

1. Грыгор’еў, М. Войска ВКЛ ад Сасаў да Касцюшкі (1765–1794) / М. Грыгор’еў. – Мінск, 1994. – 168 с.

2. Гужалоўскі, А. Войска ВКЛ: апошнія старонкі гісторыі / А. Гужалоўскі // Бел. гіст. часопіс. – 1994. – № 1. – С. 48–52.

3. Чаропка, С.А. Войска ВКЛ у святле ваеннай рэформы 1717 г./ С.А. Чаропка // Науч. Труды Респ. инстит. высш. школы : сб. науч. статей; в 2 ч. Ч. 1; редкол. : В.Ф. Берков (отв. ред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2012. – С. 336–343.

4. Чаропка, С.А. Ваенная рэформа ў Вялікім княстве Літоўскім 1764–1766 гг. / С.А. Чаропка // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны : зб. навук. артыкулаў; вып. 1.; рэдкал. : Р.Р. Лазько [і інш.]. – Гомель : УА “ГДУ імя Ф. Скарыны”, 2012. – С. 25–30.

5. Górski, K. Historya jazdy polskiej / K. Górski. – Kraków : nakładem księgarni polskiej spółki wzdawnicyej, 1894. – 366 s.

6. Nowak, T.M. Historia oręża Polskiego 963–1795 / T.M. Nowak, J. Wimmer. – Warszawa : Wiedza powszechna, 1981. – 700 s.

7. Nowak, T. Dzieje oręża Polskiego do roku 1793 / T. Nowak, J. Wimmer : w 3 t. T. 1. – Warszawa : MON, 1968. – 418 s.

8. Rostafiński, N. Zarys historii rozwoju wojskowości w Polsce (992–1792) / N. Rostafiński. – Poznań : Nakł. księgarni Fr. Gutowskiego, 1922. – 164 s.

9. Historia wojskowości polskiej. – Warszawa : MON, 1972. – 871 s.

10. Wimmer, J. Historia piechoty polskiej do roku 1864 / J. Wimmer. – Warszawa : MON, 1978. – 615 s.

11. Górski, K. Historya piechoty polskiej / K. Górski. – Kraków : nakładem księgarni polskiej spółki wzdawnicyej, 1893. – 274 s.

12. Kukiel, M. Zarys historii wojskowości w Polsce / M. Kukiel. – Kraków : nakładem Krakowskiej spółki wzdawnicyej, 1929. – 356 s.

13. Müller, R. Die Armee Augusts des Starken. Das sächsische Heer von 1730 bis 1733 / R. Müller. – Berlin : Militärverlag der DDR, 1984. – 116 s.

14. Jany, C. Geschichte der königlich preussischen Armee / C. Jany. – Berlin, 1928. – 320 s.

15. Twardowski, B. Wojsko polskie Kościuszki w roku 1794 / B. Twardowski. – Poznań : Nakł. Księgarni katolickiej, 1894. – 90 s.

16. Mała Encyklopedia Wojskowa / red. Józef Urbanowicz. – Warszawa : Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1970.

17. Volumina Legum / J. Ohryzki, 1860. – 340 s.

18. Gembarzewski, B. Rodowody pułków polskich i oddziłów równorzędnych od r. 1717 do r. 1831 / B. Gembarzewski. – Warszawa : nakładem tow. wiedzy wojskowej, 1925. – 100 s.

19. Konfederacya Generalna omnium Ordinum Regni et Magni Ducatum Luthuaniae na konwokacyi Głowney Warszawskiey uchwalona // Volumina Legum. – Petersburg : nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1860. – T. VII. – S. 7–55.

20. Konstytucye Seymu walnego koronacyi krola IMCI 1764 r. // Volumina Legum. – Petersburg : nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1860. – T. VII. – S. 138–169.

21. Kukiel, M. Zarys historji wojskowości w Polsce / M. Kukiel. – Kraków : nakładem Krakowskiej spółki wzdawnicyej, 1929. – 356 s.

22. Konstytucye Wielkiego Xięstwa Litowskiego 1775 r. // Volumina Legum. – Petersburg : nakł. i drukiem J. Ohryzki, 1860. – T. VIII. – S. 389–590.

23. Konstytucye Wielkiego Xięstwa Litowskiego 1776 r. // Volumina Legum. – Petersburg : nakł. i drukiem J. Ohryzki, 1860. – T. VIII. – S. 564–574.

24. Biblioteka Czartoryskich (BCz.). – Rękopis 2555 IV. – Komput y płaca woyska WXL. – 84 s.

25. BCz. – Rękopis 1706 IV. – Etet tymczasowywoyska WXL r. 1789. – 35 s.

26. Staszewski, J. Generał Dominik Dziewanowski / J. Staszewski. – Poznan : członkami druk. wydaw. w Kaliszu, 1933. – 80 s.

27. Nawrot, D. Litwa i Napoleon w 1812 roku / D. Nawrot. – Katowice : wyd. Uniwersitetu Slanskiego, 2008. – 790 s.

28. Кудряшов, И.Ю. Вооруженные силы Литовского княжества 1812 года / И.Ю. Кудряшов. – М., 1991. – 19 с.

29. Gaidis, H.L. Napoleon's Lithuanian forces / H.L. Gaidis // Lithuanian quarterly journal of arts and sciences [Electronic resource]. – 1984. – Vol. 30, № 1. – Mode of access : http://www.lituanus.org/1984_1/84_1_01.htm. – Date of access : 15.12.2012.

30. Шереметьев, О.В. Литовские татары в составе Императорской гвардии Наполеона / О.В. Шереметьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.august-1914.ru/sheremetev.pdf. – Дата доступа : 18.12.2012.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 01.04.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

Философия

УДК 2–12:322(476)

Праблема трактоўкі рэлігійнасці ў сучаснай Беларусі

В.А. Адзіночанка

Сучасная Беларусь знаходзіцца на этапе трансфармацыі. Мяняецца стаўленне да рэлігіі, павялічваецца колькасць рэлігійных арганізацый. Сацыялагічныя даследаванні сведчаць, што ў сучаснай Беларусі рэлігійнасць большай часткі насельніцтва мае дэкларатыўны характар і не суправаджаецца зменамі ў іх паводзінах. Робіцца выснова, што патрабуецца час для фарміравання развітай рэлігійнасці.
Ключавыя словы: рэлігійнасць, рэлігійная ідэнтыфікацыя, культавыя паводзіны, вернікі, крытэрыі рэлігійнасці.

Modern Belarus is at the stage of its transformation. The attitude to religion is changing; the number of religious institutions is increasing. Sociological research has shown that in modern Belarus religiousness of the majority of the population is of a declarative nature and has no influence on their behaviour. There is concluded that it needs time to form developed religiousness.
Keywords: religiousness, religious identification, cult behaviour, beliefs, religion criteria.

Перад тым, як непасрэдна прыступіць да разгляду праблемы трактоўкі рэлігійнасці ў сучаснай Беларусі, мы лічым неабходным зрабіць некалькі папярэдніх заўваг.

Па-першае, адзначым, што тая рэлігійнасць, якая існуе ў нашай краіне, уяўляе сабой вельмі складаную з'яву. Яе аналіз прадугледжвае разгляд шэрагу пытанняў: аб рэлігійным становішчы на Беларусі, аб разуменні сутнасці самой рэлігійнасці, яе характару, інтэнсіўнасці, спецыфікі ў розных канфесіях. Кожнае з гэтых пытанняў патрабуе асобнага і падрабязнага разгляду. У межах аднаго артыкула гэта зрабіць немагчыма, і мы не ставім перад сабой такую мэту. Таму наш разгляд рэлігійнасці ў сучаснай Беларусі будзе здавацца фрагментарным і схематычным.

Але мы лічым гэты падыход абгрунтаваным. Справа ў тым, што зараз наша краіна знаходзіцца ў стане трансфармацыі, і гэта, безумоўна, аказвае вызначальны ўплыў на рэлігійную сітуацыю. Мяняецца структура жыцця рэлігійных арганізацый і асобных веруючых. Шмат якія з'явы яшчэ не набылі ясных абрысаў, і цяжка даць іх дакладную інтэрпрэтацыю. Таму, на наш погляд, трэба абазначыць асноўныя рысы тых працэсаў, якія адбываюцца на Беларусі ў галіне рэлігійнасці насельніцтва. Безумоўна, гэтыя працэсы адбываюцца і зараз, і таму з цягам часу павінны ўдакладняцца і пераглядацца іх трактоўкі.

Перш за ўсё мы скажам, што разумеем пад сучаснасцю для Беларусі. У слоўніках слова *сучасны* мае два асноўныя значэнні: "*які адносіцца да сённяшняга, цяперашні, і які адпавядае патрабаванням свайго часу, не адсталы*" [1, с. 640].

Гэтыя значэнні ўзаемазвязаны. Сучасная Беларусь вызначаецца падзеямі 1991 года, калі была абвешчана незалежнасць краіны, і менавіта гэта абумовіла далейшыя працэсы ў яе развіцці. Найбольш яскравы характар змены набылі ў рэлігійнай сферы. Радыкальна змяніўся сам падыход да трактоўкі рэлігіі. Да гэтага яе разглядалі пераважна з ідэалагічнага пункту погляду. Выходзілі з таго, што "па сваёй сутнасці рэлігія з'яўляецца адным з відаў ідэалістычнага светапогляду, які супрацьстаіць навуковаму" [2, с. 576], а яе роля ў грамадстве заключаецца ў тым, што яна "з'яўляецца адным з інструментаў, пры дапамозе якіх ідэі пануючых класаў робяцца пануючымі ў дадзеным грамадстве ідэямі" [2, с. 577]. Зараз падыход да трактоўкі рэлігіі з'яўляецца пераважна культуралагічным. Рэлігія разглядаецца з пункту погляду розных падыходаў, але большасць аўтараў (прынамсі тых, якія прэтэндуюць на навуко-

васць) імкнецца пазбегнуць ідэалагічнай ангажаванасці. Напрыклад, сцвярджаецца, што "сёння агульнапрызнана, што хрысціянства ў сукупнасці яго галоўных разнавіднасцяў – каталіцтва, праваслаўя і пратэстанцтва – аказала вызначальны ўплыў на фарміраванне заходняй цывілізацыі" [3, с. 439–440] і "каталіцкая ідэя аб магчымасці рацыянальнага пазнання атрыбутаў Бога (натуральная тэалогія), уяўленне аб Сусвеце як рэалізаваным Божым замысле, безумоўна, стымклявалі развіццё навукі" [3, с. 440]. У літаратуры ідэалагічнага накірунку пішацца пра "хрысціянскія асновы беларускай нацыі" [4, с. 20], падкрэсліваюцца станоўчыя вынікі хрысціянізацыі нашых земляў: "Рэлігійная ідэалогія развівала маральна-этычныя, свядомасныя адносіны да жыцця, гуманістычныя памкненні людзей да ўсталявання мірнага суіснавання з суседзямі, ініцыіравала паказ хараства душы чалавека і падзяляла яго стваральную існасць" [4, с. 21]. Таксама праз СМІ распаўсюджваецца ідэя, што хрысціянства – гэта аснова маральнасці.

Трэба падкрэсліць, што тыя працэсы, якія зараз адбываюцца ў рэлігійнай сферы, маюць складаны характар і патрабуюць тэарэтычнага асэнсавання самога феномену рэлігійнасці. Ёсць шматлікія яе азначэнні. Як правіла, яна пазначаецца як характарыстыка свядомасці і паводзін прыхільнікаў той ці іншай рэлігіі: "*рэлігійнасць* – англ. *religiosity*; ням. *Glaubigkeit* – характарыстыка свядомасці і паводзін асобных людзей, іх груп і супольнасцей, якія вераць у звышнатуральнае і шануюць яго" [5]. У "Тлумачальным слоўніку беларускай літаратурнай мовы" рэлігійнасць разглядаецца як "назоўнік ад *рэлігійны* – які верыць у бога, набожны" [1, с. 575].

Такім чынам, рэлігійнасць – гэта адзін з кампанентаў рэлігіі, які характарызуе яе суб'ектыўны бок, а менавіта тое, як рэлігійныя палажэнні праяўляюцца на ўзроўні штодзённых паводзін людзей. Таму аналіз рэлігійнасці павінен мець канкрэтны характар: па-першае, выходзіць з сучаснай сітуацыі ў краіне, і, па-другое, абапіраццца на эмпірычныя дадзеныя, якія маюць аперацыянальны характар і дазваляюць аб'ектыўна судзіць аб прадмеце даследавання. Найбольш яскравым паказчыкам працэсаў, якія адбываюцца ў рэлігійнай сферы сучаснай Беларусі, з'яўляецца змена колькасці зарэгістраваных рэлігійных суполак. За перыяд з 1988 да 2013 гг. яна павялічылася больш чым у 4 (з 768 да 3251), а колькасць рэлігійных кірункаў – у 3 разы. На гэтай падставе мы можам зрабіць выснову аб істотным і хуткім пашырэнні рэлігійнай сферы Беларусі за апошнія гады. Але змены ў стаўленні ад рэлігіі насельніцтва краіны не з'яўляюцца такімі відавочнымі, маюць сваю спецыфіку і патрабуюць асобнага вывучэння.

У Беларусі ў апошнія гады праведзены шэраг грунтоўных сацыялагічных даследаванняў, у якіх аналізуюцца праблемы рэлігійнасці ў краіне. У сваіх разважаннях мы будзем абапірацца на матэрыялы некаторых з іх, якія блізкія нашай тэме. Даследчыкамі былі вылучаны тры крытэрыі рэлігійнасці: "наяўнасць веры ў Бога, канфесійная самаідэнтыфікацыя і рытуальныя (культавыя) паводзіны" [6, с. 16].

Пры аналізе наяўнасці і характару веры даследчыкі выходзілі з тых характарыстык, якія даваў сабе той чалавек, якога апытвалі. На гэтай падставе былі вылучаны 4 тыпы рэлігійнага светапогляду: вернікі – тыя, хто сцвярджае, што ён верыць у Бога; квазірэлігійныя – вераць не ў Бога, але і ў звышнатуральныя сілы; тыя, хто вагаецца, не можа дакладна сказаць аб сваёй веры; тыя, якія вызначаюць сябе як няверуючыя [6, с. 16–17].

Колькасць тых, хто лічыць сябе вернікамі, на Беларусі няўхільна павялічваецца. Па сваіх адносных памерах гэтае павелічэнне адпавядае павелічэнню колькасці зарэгістраваных рэлігійных суполак. Згодна з сацыялагічнымі апытаннямі, у 1988 годзе да вернікаў сябе адносілі 15% рэспандэнтаў, у 1990 – каля 30%, у канцы 1990 – пачатку 2000 гадоў – каля 50%, у 2006 годзе – 58,9% [7, с. 39].

Паказальнай з'яўляецца дынаміка рэлігійнай самаідэнтыфікацыі насельніцтва Беларусі за 1998–2006 гг. (%) [8, с. 48]:

Тып светапогляду	**1988**	**2004**	**2006**
Рэлігійны	47,5	52,5	58,9
Квазірэлігійны	8,1	4,2	4,9
Хто вагаецца	31,2	34,2	23,9
Нерэлігійны	13,2	7,8	12,3

Такім чынам, па крытэрыі рэлігійнай самаідэнтыфікацыі на Беларусі адбываецца павелічэнне тых, хто лічыць сябе вернікамі, за кошт квазірэлігійных і тых, хто вагаецца. Прыкладна аднолькавай застаецца колькасць тых, хто пазначае сябе як няверуючы.

Калі казаць пра канфесійную ідэнтыфікацыю, дык, згодна з сацыялагічнымі дадзенымі, "большасць насельніцтва Беларусі лічыць сябе праваслаўнымі, прычым, пачынаючы з 2004 г., гэта ідэнтычнасць узмацняецца: калі ў 1998 г. з праваслаўем атаясамлівалі сябе 62,8% апытаных, у 2004 г. – 70,4%, дык у 2006 г. – 72,6%. Узрастанне ідэнтычнасці ажыццяўляецца ў асноўным за кошт памяншэння колькасці асоб, якія раней не суадносілі сябе ні з якой канфесіяй" [8, с. 50]. Прычым гэтая тэндэнцыя мае ўстойлівы характар: "Незалежна ад асабістага стаўлення да рэлігійнай веры, тры чвэрці насельніцтва краіны ўстойліва атаясамліваюць сябе з праваслаўем, 6–8% – з каталіцтвам, каля 1% – з пратэстантызмам" [8, с. 55].

Згодна з іншымі даследаваннямі рэлігійнасці на Беларусі, праведзенымі ў 2011 годзе, "абсалютная большасць насельніцтва (93,5%) адносіць сябе да розных канфесій: праваслаўнай (81%), каталіцкай (10,5%), іншай – 2% (іўдзейская – 1%, пратэстанцкая, мусульманская – па 0,5%). Не лічаць сябе прыхільнікамі рэлігійных канфесій 5% удзельнікаў апытання" [9, с. 44].

Такім чынам, на падставе прыведзеных вышэй дадзеных можна зрабіць выснову, што колькасць веруючых у сучаснай Беларусі няўхільна павялічваецца. Але, паўторым, гэтыя дадзеныя атрыманы на аснове рэлігійнай самаідэнтыфікацыі рэспандэнтаў. Калі ж пры аналізе рэлігійнасці ўлічыць такія, больш аб'ектыўныя, крытэрыі, як культавыя паводзіны і веданне свяшчэнных тэкстаў сваёй рэлігіі, дык вышэй прыведзеная выснова павінна быць істотна адкарэкціравана. Як адзначаюць даследчыкі, "сапраўдным вернікам можа лічыцца толькі чалавек, у якога назіраецца адзінства веры, культавых паводзін і канфесійнай ідэнтычнасці" [6, с. 19]. Калі зыходзіць з гэтага пункту погляду, дык колькасць тых, каго можна акрэсліць як вернікаў, істотна скарачаецца.

Згодна з апытаннем, праведзеным ў 1998 г., наведванне набажэнстваў сярод тых, хто лічыць сябе вернікамі, мела наступны выгляд: рэгулярна наведвалі набажэнствы – 23,5% рэспандэнтаў, зрэдку – 61%, ніколі – 15,2% [6, с. 27].

У гэтым апытанні было прааналізавана наведванне набажэнстваў прадстаўнікамі трох асноўных хрысціянскіх канфесій [6, с. 54]:

Ці наведваеце Вы набажэнствы?	Праваслаўныя	Каталікі	Пратэстанты
Так, рэгулярна	19,5	44,7	93,9
Так, зрэдку	65,4	54,0	6,1
Не, не наведваю	15,0	1,3	–

Згодна з сацыялагічнымі апытаннямі, у 2006 г. пастаянна наведвалі богаслужэнне 18% праваслаўных, зрэдку – 65,2%, не наведвалі – 16,8%. Сярод каталікаў гэтыя лічбы адпаведна складалі 50,5%, 42,9%, 6,6% [8, с. 52].

У даследаванні 1998 года рэспандэнтам, якія адносілі сябе да хрысціянскіх канфесій, задавалася пытанне аб іх знаёмстве з Бібліяй [6, с. 57]:

У якой ступені Вы знаёмы з Бібліяй?	Праваслаўныя	Каталікі	Пратэстанты
Знаёмы ў падрабязнасцях (неаднаразова чытаў, думаў над яе зместам)	28,8	51,3	91,3
Знаёмы ў агульных рысах (адзін раз чытаў, але над сэнсам не задумваўся)	40,4	34,0	5,2
Знаёмы толькі па чутках	22,3	11,3	1,2
Незнаёмы	8,4	2,0	1,2
Няма адказу	0,2	1,3	1,2

Згодна з апытаннем, праведзеным ў 2011 годзе Інстытутам сацыялогіі НАН Беларусі, “сапраўдным вернікам” лічыць сябе кожны пяты беларус, і сярод іх да праваслаўя сябе адносяць 57,3%, да каталіцтва – 34,5%, да пратэстанцтва – 3,1%. Пры гэтым на пытанне “Ці былі Вы ў апошнія выхадныя ў храме?” станоўча адказалі толькі 6% удзельнікаў апытання [10].

На падставе тых дадзеных, якія прыведзены, можна зрабіць выснову, што рэлігійнасць большай часткі насельніцтва Беларусі мае дэкларатыўны характар і не суадносіцца з іх рэальнымі паводзінамі. У рэлігійнай сферы зараз пануе неакрэсленая духоўнасць, лічыцца, што трэба ў нешта верыць. Большасць беларусаў атаясамлівае сябе з праваслаўем, але размова ў дадзеным выпадку ідзе не аб рэлігійнай, а аб культурнай ідэнтыфікацыі – чалавек заяўляе аб сваёй прыналежнасці да акрэсленай традыцыі. За гады Савецкай улады ў большасці людзей было страчана само разуменне таго, што такое рэлігія. Яна зводзілася, па-першае, да выканання традыцыйных абрадаў (як прыклад: амаль 100% насельніцтва Беларусі і пры камуністах святкавала Пасху) і, па-другое, да сродку суцяшэння чалавека ў яго бедах. Вельмі часта рэакцыяй людзей на змены пачатку 90-х гадоў, якія разбурылі звыклы лад іх жыцця, быў зварот да рэлігіі.

У той жа час трэба адзначыць, што рэлігійнасць на Беларусі не мае палітызаванага характару і не выкарыстоўваецца ў якасці аднаго з кампанентаў дзяржаўнай ідэалогіі. Абумоўлена гэта тым, што Беларусь – традыцыйна поліканфесійная краіна. Ні адна з канфесій зараз не з’яўляецца пануючай. Калі судзіць па колькасці зарэгістраваных на пачатак 2013 года рэлігійных суполак, дык самай распаўсюджанай канфесіяй у нас з’яўляецца праваслаўе (1594 суполкі). Але вельмі шматколькаснымі з’яўляюцца таксама хрысціяне веры евангельскай (517 суполак), далей ідуць рымска-каталікі (483 суполкі) і евангельскія хрысціяне-баптысты (287 суполак). Гэтым Беларусь адрозніваецца ад сваіх суседзяў з усходу і захаду: Расіі і Польшчы, у якіх пераважаюць, адпаведна, праваслаўе і каталіцтва. Таму ў гэтых краінах выкарыстанне рэлігіі ў якасці кампанента нацыянальнай ідэалогіі (накшталт формулы “рускі – гэта праваслаўны, паляк – католік”) мае свой сэнс. Для Беларусі ж гэта немагчыма. Сярод беларускіх вернікаў вялікая колькасць і праваслаўных, і католікаў, і пратэстантаў.

З гэтым жа звязана традыцыйная талерантнасць беларусаў. На нашых землях разам мірна жылі прадстаўнікі розных рэлігій. У Беларусі не было сур’ёзных сутыкненняў, а таксама пераследаў на рэлігійнай глебе.

Як сведчаць сацыялагічныя апытанні, рэлігійная талерантнасць беларусаў мае ўстойлівыя тэндэнцыі да ўзрастання. За перыяд з 1998 па 2006 гг. “доля тых, хто не адчувае непрыязні ні да якіх рэлігій і вераванняў, павялічылася сярод веруючых з 58 да 76%; сярод носьбітаў квазірэлігійнай свядомасці – з 49 да 76%, сярод тых, хто вагаецца, – з 64 да 83%, сярод няверуючых – з 68 да 84%” [8, с. 52].

Падкрэслім, што развіццё рэлігійнасці на Беларусі з’яўляецца складаным працэсам, і яго развіццё патрабуе ўдакладнення трактовак.

Даследчыкі адзначаюць, што рэзкія змены ў рэлігійнай сітуацыі, якія адбыліся у 90-я гады, паставілі, прынамсі, два важныя метадалагічныя пытанні: “Па-першае, было няясна, з чым менавіта мы мелі справу: з нейкімі пераходнымі формамі (і тады асноўная задача зводзіцца да вывучэння дынамікі і накіраванасці гэтага “пераходу”, а таксама фактараў, якія яго вызначаюць) ці з феноменам постмадэрнісцкай, полістылістычнай культуры, якая выключае жорсткія ідэйныя сістэмы з іх адназначным разуменнем свету” [8, с. 46].

На наш погляд, тыя тэндэнцыі, якія адбываюцца ў рэлігійным жыцці нашай краіны, сведчаць, што колькасць рэлігійных арганізацый будзе паступова ўзрастаць. Што тычыцца характару рэлігійнасці насельніцтва Беларусі, то ён шмат у чым будзе залежаць ад дзейнасці тых рэлігійных арганізацый, да якіх адносяць сябе рэспандэнты.

Таксама пры даследаванні рэлігійнасці неабходна ўлічваць яе спецыфіку ў розных канфесіях, бо “немагчыма параўнаць рэлігійнасць католіка і іўдзея па рэгулярнасці прычашчэння альбо рэлігійнасць праваслаўнага і мусульманіна – па таму, як часта яны спавядаюцца” [11, с. 125].

Тыя аб’ектыўныя крытэрыі рэлігійнасці, якія выкарыстоўваліся ў прыведзеных вышэй сацыялагічных даследаваннях (наведванне храмаў, знаёмства з Бібліяй), больш адпавядаюць

пратэстанцкаму тыпу. Менавіта таму пратэстанты і прадэманстравалі значна больш высокія паказчыкі рэлігійнасці ў параўнанні з праваслаўнымі і каталікамі. На наш погляд, пры даследаванні рэлігійнасці апошніх трэба ўжываць іншыя крытэрыі.

Дарэчы, самі пратэстанты рэлігійнасць разумеюць як дэманстратыўную знешнюю набожнасць і супрацьпастаўляюць яе веры як унутранаму стану чалавека. У заходнім хрысціянстве распаўсюджана думка, што "рэлігійнасць – празмерная альбо афектыўная рэлігійная стараннасць, якая мае сваім вынікам знешнія дзеянні без адпаведнай сапраўднай ацэнкі рэлігіі" [12, с. 338].

Такім чынам, рэлігійнасць насельніцтва сучаснай Беларусі – гэта складаны феномен, які патрабуе свайго далейшага даследавання.

Літаратура

1. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. – 3-е выд. – Мінск : БелЭн, 2002. – 784 с.

2. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция : Л.Ф. Ильичев [и др.]. – М. : Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.

3. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. III / научно-ред. совет : В.С. Степин [и др.]. – М. : Мысль, 2010. – 692 с.

4. Слука, А.Г. Нацыянальная ідэя / А.Г. Слука. – Мінск : РІВШ, 2008. – 364 с.

5. Религиозность [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://mirslovarei.com/content_soc/religioznost-3078.html#ixzz2JSs7chEu. – Дата доступа : 20.01.2013.

6. Новикова, Л.Г. Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления: социологический аспект / Л.Г. Новикова. – Минск : «БТН-информ», 2001. – 132 с.

7. Старостенко, В.В. Религия и свобода совести в Беларуси: очерки истории : монография / В.В. Старостенко. – Могилев : УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2011. – 272 с.

8. Пирожник, И.И. Беларусь после «религиозного бума»: что изменилось? / И.И. Пирожник, Л.Г. Новикова, Г.З. Озем, С.А. Морозова // Социология. – 2006. – № 4. – С. 46–55.

9. Республика Беларусь в зеркале социологии. Сборник материалов социологических исследований за 2011 год. – Минск : «Бизнекософсет», 2012. – 105 с.

10. Опрос : Каждый пятый белорус считает себя истинно верующим [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://news.tut.by/society/279195.html. – Дата доступа : 01.02.2013.

11. Карасева, С.Г. Многомерный кроссконфессиональный подход к исследованию религиозности в Беларуси : актуальность и концептуализация / С.Г. Карасева, Е.В. Шкурова // Социология. – 2012. – № 3. – С. 123–133.

12. Мак-Ким Дональд, К. Вестминстерский словарь теологических терминов / К. Мак-Ким Дональд. – М. : Республика, 2004. – 503 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 05.03.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 130.1:316.4

Иллюзорные цели массового сознания как фактор социокультурной динамики

А.М. Дубравина

В данной статье осуществлен философский анализ проблемы влияния иллюзорных целей массового сознания на социокультурную динамику. В рамках работы рассмотрена сущность феномена иллюзорных целей массового сознания. Высказана мысль о связи данного феномена с общественным идеалом. Автором сделан вывод о большом значении иллюзорных целей как об одном из важнейших факторов социокультурной динамики, способных направлять ее движение в результате внедрения в массовое сознание. Высказаны рекомендации по избеганию угроз, возникающих при некритичном восприятии обществом социальных иллюзий.
Ключевые слова: социальные иллюзии, иллюзорные цели, массовое сознание, социокультурная динамика, общественный идеал.

The article deals with philosophical analysis of influence of illusive goals of mass consciousness on sociocultural dynamics. The author analyses the entity of phenomenon of illusive goals of mass consciousness. The author advances the idea of interconnection between stated phenomenon and social ideal and concludes that illusive goals are one of the most important factors of sociocultural dynamics, as being introduced into mass consciousness they are capable of guiding this dynamics. The author gives recommendations how to avoid threats that arise because of uncritical perception of social illusions by society.
Keywords: social illusions, illusive goals, mass consciousness, sociocultural dynamics, social ideal.

Проблема социокультурной динамики относится к числу фундаментальных проблем в научном знании. Поэтому ее разработкой в той или иной мере занимались и занимаются практически все исследователи культуры и общества, а потребность в результатах этих исследований ощущается во всех сферах социальной жизни. Особенно актуальной она становится на сломе эпох, когда возникает необходимость в управлении, прогнозировании и проектировании разного рода процессов.

Важнейшим фактором социокультурной динамики в такие переломные моменты становится массовое сознание. Убедительные примеры этому мы находим в XX веке, который стал временем развертывания бурных и многочисленных массовых движений, активного, невиданного ранее, вторжения интересов и вкусов «человека массы» в элитарные сферы культуры и политики.

В XXI веке эти тенденции усиливаются, а также нарастает интеграция, глобализация социального бытия и сознания человечества. Активно развиваются социологические, философские и культурологические концепции массового сознания. Вместе с тем, отсутствуют публикации, анализирующие место и роль иллюзорных целей в структуре массового сознания. Не исследованы механизмы формирования, функционирования данных целей, их позитивное и негативное влияние на социокультурную динамику общества.

Чтобы рассуждать об иллюзорных целях массового сознания, необходимо вначале дать определение понятия «массовое сознание». Этот термин используется в социальной философии для обозначения шаблонного деперсонализированного сознания рядовых граждан развитого индустриального общества, формирующегося под массированным воздействием средств массовой информации и стереотипов массовой культуры, а также для обозначения одной из форм дотеоретического миропонимания, основанной на сходном жизненном опыте людей, включенных в однотипные структуры практической деятельности и занимающих одинаковое место в социальной иерархии. Массовое сознание возникает стихийно, как результат естественного стремления человека упорядочить разнородный эмпирический материал, сложить из противоречивых элементов житейского опыта относительно целостную картину мира. В качестве основных составляющих массового сознания можно выделить:

1) конкретно-ситуативные программы деятельности, неявное знание, непосредственно вплетенное в практику; 2) обыденные житейские установки и рецепты, суммирующие повседневный бытовой и профессиональный опыт в виде свода простых частных утверждений и рекомендаций; 3) картину мира в целом, основанную на данных, выходящих за рамки непосредственного опыта и представленных господствующей в данной культуре системой ценностей, культурной традицией, а также различными специализированными областями знания. Образы реальности, складывающиеся в массовом сознании, существуют за пределами теоретической рефлексии и воспринимаются их носителями как нечто естественное и самоочевидное, полностью тождественное настоящему положению дел [1, с. 406].

«Массовое сознание аккумулирует в себе знание идейно-практическое, способное инспирировать социальную активность больших масс людей…» [2, с. 98]. Содержание массового сознания определяется целями, которые могут быть как реальными, так и иллюзорными, выраженными в определенных образах будущего.

Способность к построению в сознании образа будущего можно приравнять не только к целеполаганию, но и к способности предвидеть будущее. Поскольку прежде чем в обществе произойдут какие-то изменения, в массовом сознании должны возникнуть соответствующие образы, прогнозы, проекты будущего. Подобные футурологические проекты, выстраиваемые в рамках национальной идеи, являются одним из связующих звеньев нации.

Такой инструмент, как предвидение, во все времена широко использовался для создания эффективного и убедительного образа будущего.

Первоначально это была одна из форм предвидения – откровение (поток сообщений особого типа). Выработка знаний для таких сообщений и пути их распространения оформились очень рано. В Малой Азии, Египте и античном мире авторами откровений на протяжении 12 веков выступали сивиллы.

Затем в истории наступила эпоха пророков. «Отталкиваясь от злободневной реальности, они намечали траекторию ее движения в очень отдаленное будущее, объясняли судьбы народов и человечества. Их прорицания задавали матрицу для строительства культуры, политических систем, социальных и нравственных норм. В их лице соединялись духовные и общественные деятели, выполнявшие ключевую роль в “нацстроительстве”» [3, с. 108]. Пророчество как способ построения будущего с помощью постановки иллюзорных целей не утратило своего значения в Новое и Новейшее время. Так, например, российский исследователь С. Кара-Мурза, проанализировав структуру учения К. Маркса, пришел к заключению, что данный немецкий философ, прежде всего, пророк. По мнению этого же исследователя, пророками были и Махатма Ганди, и А. Гитлер, поскольку условием успешного воздействия их идей на массовое сознание явилась постановка некоторых эталонных целей, которые отвечали глубинным ожиданиям масс.

Образы будущего, созданные в результате предвидения, задают цели развития общества. В то же время данные целевые установки определяются потребностями общества, его социокультурными запросами в определенную эпоху. Но, несмотря на это, как правило, такие цели являются по большей мере иллюзорными.

Иллюзорные цели направляют социальную активность на достижение заранее недостижимого, априори невоплотимого, поскольку иллюзии мы рассматриваем как ложные представления, связанные с определенными социальными установками индивида, как несбыточные надежды [4, с. 441]. Такие цели всегда абстрактны, недетализированы, изначально содержат в себе противоречия, недостижимые задачи.

Важно то, что иллюзорные цели не только определяются социумом, культурной средой, но и сами могут выступать как фактор, направляющий развитие как отдельного индивида, так и социокультурной динамики в целом.

В истории существует немало примеров иллюзорных целей, которые становились главной движущей силой для масс. Подобные цели, обладавшие большим потенциалом, вызывали к жизни как негативные события (социальные и политические конфликты, войны), так и позитивные (создание памятников культуры). Иллюзорные цели могут выступать мощным фактором социальной интеграции и мобилизации общества для решения метаисториче-

ских задач и проблем геополитического значения. В отличие от рациональных аргументов, теоретических экспертных оценок, социальные иллюзии, в силу простоты, образности, насыщенности метафорами и символами гораздо в большей степени доступны и понятны для массового сознания, легко усваиваются и становятся основой для мотивации социального действия. Они могут создаваться господствующей идеологией, а затем с помощью пропаганды тиражироваться и транслироваться в процессе массовой коммуникации и использоваться для манипуляции общественным мнением в целях и интересах социальной элиты, стоящей у власти, либо сил, добивающихся господствующего положения и тотального контроля над обществом. «Некритичное восприятие обществом социальных иллюзий, игнорирование закономерностей исторического развития, недостаточное внимание к проблемам социальной теории и аналитики, политический контроль и идеологическая цензура в средствах массовой информации, недостаточная компетентность социальной экспертизы, замкнутость и ограниченность внешней и внутренней социальной коммуникации могут привести к ситуации, когда адекватное восприятие социальной реальности становится невозможным. Структурирование исторических событий, формирование и функционирование социальных институтов попадает в зависимость от политической мифологии, национальной или религиозной идеологии, от социально-экономических интересов отдельных групп общества, затрудняя развитие социума и создавая угрозу кризиса. Логика развития социальных иллюзий, в конечном счете, приводит к разочарованию, вера сменяется скептицизмом, апология критикой. Становится очевидной недостижимость провозглашаемых целей, противоречивость абстрактного и повседневного, утопичность и оторванность социальных иллюзий от жизненного мира. В результате в обществе изменяется морально-психологический климат, происходит переоценка ценностей, начинается поиск новых ориентиров и идеалов» [5, с. 663–664].

При таком подходе, рассматривающем социальные иллюзии как один из важнейших факторов социокультурной динамики, процесс развития массового сознания представляет собой волнообразное колебание: от восприятия некоторой социальной иллюзии, ее принятия, воодушевления ее пафосом до упадка и разочарования и, как следствие, поиска новых идеальных конструкций.

Почему же цели, заложенные в предсказаниях и пророчествах, получают поддержку большинства членов общества, прочно укоренялись и укореняются в массовом сознании? Почему опыт разочарования в предыдущем идеале не заставит человека в принципе отказаться от восприятия фантомных целей? Видимо, потому, что в них предлагается путь, который призван привести к желаемому будущему. Вера в возможность достижения предлагаемого идеала, возникающая при ориентации на подобные цели, – мощный ресурс социального развития. Чтобы достичь заветной цели, люди готовы прилагать любые усилия и даже идти на жертвы. Это одно из объяснений огромной силы воздействия пророчеств, предсказаний, прогнозов, футурологических проектов.

Здесь также необходимо отметить, что любая цель, особенно иллюзорная, является неотъемлемым компонентом такого феномена, как общественный идеал. Общественный идеал связан с обоснованием необходимости многозатратного напряжения сил и энергии многих людей, легитимизацией определенных социальных и политических целей. Так, в европейской традиции, начиная с Платона, воспроизводится устойчивое представление об идеальном государстве. С организующей функцией идеала как определенным образом структурированного и трансформированного общества связывал надежды марксизм. Большую роль социальный идеал играл в различного рода утопиях. В вышеупомянутом марксизме социальный идеал принимал форму научного объяснения тех или иных явлений в реальном обществе и описания путей достижения будущего «справедливого» социального бытия [6, с. 298].

Если же разочарование в умствованиях, в поиске отвлеченных идеалов, никогда до конца не реализуемых на практике и потому утопичных, становится доминантой общественного настроения, то «тема будущего уходит из утилитаристски сориентированного сознания, перестает для него существовать» [7, с. 107]. То есть исключение из массового сознания иллюзорных целей приводит к «закрытию» будущего, к усечению временного пространства до настоящего без будущего.

Примерами подобных метаморфоз могут послужить последствия многих революций, например Великой французской, Февральской и Октябрьской. В качестве иллюстрации разочарования в воплощенных идеалах иллюзорной цели приведем цитату очевидца революционных событий С.Л. Франка.

Русский философ, говоря о мифах массового сознания в предреволюционной России (мифы являются одной из форм объективации иллюзорных целей), отделяет интеллигенцию от революционных злодейств и пишет, что «интеллигенция в октябре 1917 года в ужасе и смятении отшатнулась от зажженного ею же пожара. Интеллигенция в момент осуществления высших своих надежд, в момент наступления чаемого в течение более полувека “царства Божия” – именно наступления революции и торжества ее идеалов – вдруг поняла, что бог-спаситель ее заветной веры есть ужасное, всеистребляющее чудовище или мертвый истукан, способный вдохновлять лишь безумных и лишь на безумия и убийственные дела» [8, с. 112–113].

В качестве примера иллюзорных целей, прошедших в общественном сознании все стадии, свойственные данным целям (от вдохновляющей до разочаровывающей), можно привести цель построения коммунистического общества.

Идея фашизма, предусматривающая вынесение эксплуатации за пределы Германии и превращение в рабов представителей «неполноценных» народов, также являет собой яркий пример полностью деструктивной иллюзорной цели.

В качестве образца современной иллюзорной цели выступает идея глобализации как «интродукции к беспрецедентной в истории эпохе процветания» [9, с. 26]. Процесс глобализации представляет собой бинарный процесс. С одной стороны, он обусловлен объективными факторами, с другой – несет в себе значительную субъективную составляющую. Именно поэтому современные аналитики оперируют термином «рукотворная глобализация» [10]. В данной ситуации вопрос о возможных иллюзорных целях глобализационных проектов представляется особенно актуальным.

Также в качестве иллюзорной цели, активно внедряющейся сегодня в массовое сознание, выступает технократическая идея технико-технологического решения всех проблем постиндустриальной цивилизации. Уровень духовного развития современного человечества не является значимым показателем общественного развития для сторонников данного подхода.

На протяжении столетий в идеологии западной цивилизации преобладали цели, центральное место в которых занимала иллюзия всемогущества Разума и Науки. При этом декларировалась идея возможности воплощения всех проектов, порожденных человеком, без учета объективных законов развития биосферы. Эта иллюзорная установка, питающая европейскую цивилизацию со времен эпохи Возрождения, привела человечество на грань экологической катастрофы. До тех пор, пока в массовом сознании господствует понимание человека как властелина природы, любые попытки решения данной глобальной проблемы (например, воплощение идеи о гармоничном коэволюционном развитии человека и природы) обречены на провал.

Объяснением подобных многовековых заблуждений человечества может послужить то, что иллюзорные цели чаще всего не осознаются большинством носителей массового сознания как таковые. Эта неосознаваемость и позволяет им становиться ведущими факторами, определяющими вектор общественного развития. Любые масштабные цели развития социума имманентно содержат в себе иллюзорную составляющую. Можно говорить лишь о большей или меньшей доле такой составляющей и о тех направлениях развития, которые она формирует.

Существует мнение об однозначно негативном воздействии иллюзорной составляющей в структуре целей массового сознания. Мы позволим себе не согласиться с такой точкой зрения, поскольку подобные цели, обращая массовое сознание всегда к недостижимому, тем не менее, содержат в себе огромный потенциал, дающий толчок для развития социума. Они, как правило, апеллируют к вечным ценностям, архетипам массового сознания, предлагая путь для достижения идеала «здесь и сейчас». Иллюзорные цели способны собирать людей в народ, обладающий волей. Это, несомненно, не только дает возможность для развития, но и придает обществу устойчивость.

Результат тех изменений, которые происходят в социуме вследствие трансформации массового сознания под влиянием иллюзорных целей, напрямую зависит от духовно-ценностного наполнения иллюзорной цели, выдвинутой перед обществом. В связи с этим большая ответственность ложится на правящую элиту, на социальный слой, выступающий в качестве генератора идей. Сформулировать и выдвинуть идею, которая будет иметь здоровое основание и обоснование, учесть социокультурную специфику того народа, нации, к которым апеллируют авторы, не пытаться обмануть, уводя в сказочное царство несбыточных, паразитических и, в конце концов, вредоносных по своей сути идей, а только лишь «приподнять» над повседневностью для того, чтобы дать возможность увидеть далекие горизонты – вот те условия, при выполнении которых мы можем говорить о реализации позитивного потенциала иллюзорных целей массового сознания.

Литература

1. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – Минск : Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.

2. Коршунов, Г.П. Место и роль социальной мифологии в структуре массового сознания / Г.П. Коршунов. – Минск : Беларуская навука, 2009. – 208 с.

3. Кара-Мурза, С. Управление развитием / С. Кара-Мурза // Свободная мысль. – 2010. – № 2. – С. 107–122.

4. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : «Большая Российская энциклопедия»; СПб. : «Норинт», 2002. – 1456 с.

5. Багаев, К.Ю. Социальные иллюзии / К.Ю. Багаев // Современный философский словарь / под общей ред. д.ф.н., проф. В.Е. Кемерова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академический Проект, 2004. – 864 с.

6. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политология / главн. научн. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Минск : МФЦП, 2002. – 1008 с.

7. Козлова, О.Н. К настоящему будущему / О.Н. Козлова // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 6. – С. 103–114.

8. Кантор, В.К. Русская революция, или Вера в кумиры (размышление над книгой С.Л. Франка «Крушение кумиров») / В.К. Кантор // Вопросы философии. – 2009. – № 1. – С. 109–124.

9. Иноземцев, В. Глобализация: иллюзии и реальность / В. Иноземцев // Свободная мысль – XXI. – 2000. – № 1. – С. 26–36.

10. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов : монография / Ч.С. Кирвель [и др.] ; под. ред. д-ра философ. наук, проф. Ч.С. Кирвеля. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : Четыре четверти, 2010. – 548 с.

Гродненский государственный
университет им. Я. Купалы

Поступило 11.03.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 111.62

Антиномический характер философии

В.Н. Калмыков

В статье показано, что принципиальная антиномичность философии вытекает из диалектического дуализма бытия и его фрагментов: всё изменчиво и вместе с тем относительно стабильно, а движение как способ бытия материи непрерывно-прерывно. В борьбе противоположностей выражен стимул к изменениям, а в их единстве заключена основа стабильности системы.
Ключевые слова: антиномии, бытие, глобальный эволюционизм, диалектика, сила инерции.

The article deals with the problem that fundamental antinomy in philosophy results from dialectical dualism of the objective reality and its parts. Everything is changeable and all the same has its own relevant stability, and the motion as a way of substance being is continuous-discontinuous. The cause of changes lies in the conflict of opposites and the stability of the system is located in their integrity.
Keywords: antinomy, objective reality, global evolutionism, dialectics, inertia force.

Объекты бытия представляют собой целостность со своими противоположностями. Наличие противоположностей в объектах и их отражение в сознании нашло своё выражение в апориях и антиномиях. Антиномии, по И. Канту, – это противоположения, которые могут быть аргументированы с одинаковой степенью логической доказательности. Это: 1) мир имеет начало во времени и пространстве; мир бесконечен; 2) всё в мире состоит из простого; всё сложно; 3) в мире существует свобода; свободы нет, всё совершается по законам природы; 4) Бог есть необходимость, первопричина мира; Бога в мире нет. Так как Бог, считал Кант, не может быть найден в опыте, он не принадлежит миру явлений, то в принципе невозможно ни доказательство его существования, ни опровержение. Аналогично рассуждает один из основоположников современной синергетики Г. Хакен: «Как существование, так и не существование бога не может быть ни доказано, ни опровергнуто естественно-научными средствами. Поэтому синергетика не может быть ни теистичной, ни атеистичной… Синергетика… основывается на исследовании феномена самоорганизации, так что влияние бога, на первый взгляд, исключено. Но можно ставить вопросы и дальше: кто создал тогда законы, по которым происходит самоорганизация?» [1, с. 58].

В оптимистическом подходе к диалектике подчёркивается, что противоположности входят как элементы в природу вещей и в меняющемся мире надо думать диалектически (А.Н. Уайтхед), что диалектика бытия требует для своего адекватного выражения соответствующей «диалектизации» науки и «диалектических обобщений», «диалектизированных понятий» (Г. Башляр).

Вместе с тем наметились также скептический и нигилистический подходы к диалектике.

К. Поппер, один из выразителей скептицизма, говоря о пользе диалектической точки зрения, писал, что не следует приписывать ей лишних достоинств, превращать диалектический метод – всего лишь один из возможных способов мышления, иногда вполне пригодный – в произвольную умозрительную схему. По мнению Поппера, универсальным является метод проб и ошибок, в котором диалектика, будучи очищена от «бетонного догматизма», может рассматриваться как частный случай [2, с. 122]. Кстати, ещё раньше Ф. Энгельс предупреждал: законы диалектики – не шаблон, а методологический принцип, способствующий организации умственной работы исследователя. Недопустимо по готовому шаблону кроить и перекраивать факты [3, с. 351].

Нигилизм к диалектике выражен у Ю. Бохеньского, выступившего против догматизации диалектики и оценившего её как ложную теорию. М. Фуко, один из представителей постмодернизма, полагает, что новый фундаментальный опыт человечества невозможно заставить говорить на тысячелетнем языке диалектики.

Одним из онтологических оснований отторжения диалектики является то, что в условиях гегемонии капитала современный работник часто «растворяется» в фирме и логикой своего существования нацелен на позитивные, а не критически-диалектические подходы. Контрактная система ставит наёмного работника в зависимость от работодателя и также ориентирует работника на соглашательство. Конформизм по отношению к политическим структурам, слабая роль партий в политической жизни ряда стран, чрезмерная подверженность внешнему внушению создают барьеры на пути развития диалектического стиля мышления у личности.

К антидиалектике принято относить, наряду с эклектикой, софистику. Софистику часто отождествляют с «пустой» мудростью. Софистика оперирует всякого рода уловками, замаскированными внешней правильностью. Тем не менее, софистика сыграла положительную роль в распространении рационального мышления, в развитии философии языка. В софистике содержится и нечто ценное, позитивное. Софисты могли убедить в чём угодно, но «именно они впервые высказывали… идеи о том, что рабов от рождения нет, что женщины равны мужчинам, что нет богов. Софистика ведь не только сноровка…, но ещё и способ выражения… новых и небывалых идей» [4, с. 83]. Таким образом, софистика любого времени в определённом смысле связана с логикой научного открытия, ведёт к прогрессу знания и в этом ракурсе, пожалуй, диалектична. Одновременно софистика, противопоставляющая различные моменты процесса друг другу, абсолютизирующая одни из них, выхватывающая случайные признаки, антидиалектична. Имеются аргументы, как показал анализ, в пользу и одной, и противоположной антиномии.

Антиномичны позиции по вопросу теории Большого взрыва. Многие учёные в области естественных наук полагают, что Вселенная развивалась из начального состояния хаоса в существующее ныне состояние космоса (упорядоченной сложности). Всё, что существует в нашей непосредственно наблюдаемой Вселенной, по всей видимости, является продуктом процесса структуризации, взрыва, который начался 12–15 млрд. лет назад и привёл к массовому рождению элементарных частиц в результате одного из фазовых переходов вакуума. Однако есть исследователи, которые не разделяют идею взрыва. Так, астрофизики П. Фрэмтон, Л.Д. Рубин и Л. Баум предполагают, что происходит бесконечное повторение этапов расширения и сжатия в космосе, но при этом отсутствует первоначальный момент взрыва, когда наша Вселенная возникла, по сути, из точки [5, с. 64]. Высказывается мнение, что из струн как неких «квантов материи» конструируются элементарные частицы [6, с. 92], а понятие Большого взрыва относится не ко всей Вселенной, а только к рождению в ней вещественной Вселенной.

Антиномии, то есть противоречия, утверждал Г. Гегель, существуют во всех предметах всякого рода, во всех представлениях, понятиях и идеях. Всегда актуальной является задача преобразования антиномий в диалектические выводы. Одним из примеров подобного рода является вывод Гегеля о том, что движущееся тело одновременно находится и не находится в одном и том же месте.

В современной философии просматривается устремлённость к осмыслению культуры и социотехносферы развивающегося мира. В XX–XXI веках при рассмотрении диалектики используются идеи диалога, взаимопонимания и вместе с тем столкновения жизненных альтернатив, единства человечества и одновременно многообразия общественной жизни.

Диалектический принцип всеобщей связи фиксирует структурно-устойчивый (относительно постоянный) план предметов и бытия в целом. Предметы не только коррелятивны, устойчиво соотнесены между собой в пространстве, но и подвержены во времени возникновению и исчезновению, то есть преходящи в своём существовании. Ещё Аристотель утверждал: уничтожение одного есть рождение другого. И.В. Гёте полагал: всё совершенное становится несовершенным. Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» различал в диалектике консервативную сторону, характеризующую относительно стабильный срез бытия, и так называемую «революционную», подчёркивающую изменчивость мира [7, с. 276]. В современной неклассической философии объекты предста-

ют как пульсирующие, возникающие и исчезающие, волнообразные, напрямую не наблюдаемые и не воспроизводимые (одна антиномия). Конечно, наряду с неопределённостью и постоянной изменчивостью следует учитывать относительные определённость и стабильность объектов (противоположная антиномия). В диалектическом синтезе объекты бытия (в том числе и люди) преходяще-устойчивы.

Принципиальная антиномичность философии вытекает из диалектического дуализма бытия и его фрагментов: всё изменчиво и вместе с тем относительно стабильно, а движение как способ бытия материи непрерывно-прерывно. В борьбе противоположностей выражен стимул к изменению, а в их единстве заключена основа стабильности системы.

Согласно ныне господствующей концепции глобального эволюционизма, физические, биологические и социальные системные объекты, Метагалактика рассматриваются как изменяющиеся во времени, находящиеся в состоянии динамических взаимодействий и нестабильности. Глобальный эволюционизм можно рассматривать как соединение идеи эволюции с идеями системного подхода и синергетики.

Вместе с тем, порой высказывается скепсис относительно существования единого процесса в мире. Эволюционируют лишь отдельные его части, что задаёт границы применения понятия универсального эволюционизма в современной картине мира [8, с. 84]. В тёмной части, являющейся основной составляющей всего материально-энергетического содержания Вселенной, покой как форма самосохранения этого вида материи превалирует над изменением и над эволюцией, которая характерна в основном для видимой Вселенной. Высказывается точка зрения, что для тёмной массы Вселенной присуща ещё не эволюция, а её предпосылка – «протоэволюция» [6, с. 90–91]. К тому же, хотя в мире всё меняется, вместе с тем есть и сила инерции, сопротивление изменению. В сложных саморегулирующихся системах имеется стремление к равновесию, то есть к существованию вопреки изменениям, поддержанию существенно важных для сохранения системы параметров в допустимых пределах. Приведу примеры. Так, несмотря на отмирание клеток, животный и человеческий организм (благодаря ДНК) сохраняет свою структуру. Для личности характерно как изменение и новизна (один тезис), так и неизменное, то есть мировоззренческое лицо, верность определённым принципам и идеалам (противоположный антитезис). Индивид достигает успеха, если осознаёт границы своих возможностей, взвешенно оценивает свои способности и в определённой степени сдерживает себя, чтобы сосредоточиться на реально осуществимых планах. Общество, благодаря преемственности и традициям, способно сохранить свою идентичность. Гарантом обеспечения стабильности выступает порядок, предотвращающий движение к деструктивному хаосу и насилию. Важная роль в обеспечении порядка принадлежит государству. Во всех приведённых случаях устойчивость нельзя абсолютизировать, её необходимо рассматривать в единстве с изменчивостью.

После научной конференции ООН по окружающей среде в Рио-де-Жанейро (1992 г.) широкое распространение получила модель «устойчивого», или «приемлемого» развития, при котором обеспечивается удовлетворение современных общественных потребностей и одновременно не ставится под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои запросы. Отмечу: основные жизненные потребности человека количественно возрастают и качественно усложняются. То, что считалось достойным человека в некое время, может оказаться недостаточным в другое время и в других обстоятельствах жизни.

Устойчивое развитие, видимо, следует рассматривать как самоподдерживающееся изменение, как относительную предсказуемость последствий тех или иных инноваций. Абсолютизированная устойчивость, между тем, потенциально может превратиться в застой, в стагнацию. Корректнее рассуждать об устойчиво-динамическом развитии общества, что зависит от роста синтеза хаоса и порядка, от перевода хаотических действий субъектов и беспорядочной динамики социальных институтов в конструктивное русло. Это, как представляется, есть пример преобразования антиномий в диалектический вывод.

Устойчиво-динамическое развитие общества возможно, если опираться на принципы: экологизации, ноосферизации и гуманизации общественных отношений; разумного (в меру)

вмешательства в естественный ход природных и социальных процессов; расширения механизма социального согласия, позволяющего преодолевать конфронтационное мышление и действие и обеспечивать конструктивный внутри- и межкультурный диалог; гармонии экономической эффективности и социальной справедливости, что благоприятствует утверждению социального комфорта и здорового образа жизни и т. п.

Антиномичность философии универсальна. На этот счёт, помимо ранее обозначенных, приведу ещё ряд рассуждений (примеров).

1. Соотношение материального и идеального выступает как универсальная формула любой философской проблемы. Имеются антиномии: а) противопоставление материального и духовного, при котором приоритет отдаётся одному или другому, что выражено в формулировке основного вопроса философии (по Ф. Энгельсу); б) подчёркивается взаимосближение, взаимопревращение материального и идеального. Так, К. Маркс анализировал сознание как «вплетённое» в бытие людей. В.И. Ленин писал: «Мысль о превращении идеального в реальное глубока: очень важная для истории. Но и в личной жизни человека видно, что тут много правды» [9, с. 104]. Люди как элемент общества, считал Г. Спенсер, обладают сознанием, которое как бы разлито по всему социальному агрегату, а не локализовано в некотором одном центре. Синтез сформулированных антиномий приблизительно можно выразить так: в воззрении теоретически зрелых людей наличествуют материалистические и идеалистические представления, но господствует то или иное мировоззренческое «ядро». По мере движения от базисной, экономической, сферы к последующим (социальной и политической), возрастает удельный вес идеального, а в духовной жизни идеальное общественное сознание выступает как центральное звено (хотя продукты духовной культуры облечены в материальную форму).

2. Для сохранения человечества и отдельного индивида необходимы определённые предпосылки, которые можно сформулировать в противоположных антиномиях.

а) В условиях современного лавинообразного роста объёма информации оказывается востребованным принцип экономии затрат мыслительной энергии, сформулированный Э. Махом (в труде «Принцип сохранения работы», 1872 г.) и Р. Авенариусом (в работе «Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей траты сил», 1876 г.). Встаёт задача не только проверки истинности или ложности получаемых из разных источников сведений, но и придания информации сжатой, сконцентрированной формы. К теме экономии энергии шире подошёл Л. Уорд (XX век), который полагал, что движущей силой исторического развития для обеспечения группового чувства безопасности выступают социопсихологические факторы цивилизации: экономия труда и экономия духа. Данную позицию можно представить как «цену» осуществления процессов: достижения большей результативности при минимизации затрат энергии – природных и материальных ресурсов, человеческих сил и способностей и т. п.

б) Ничто так не истощает и не разрушает человека, полагал Аристотель, как продолжительное бездействие. Леонардо да Винчи отметил, что ум человека, не находя применения, чахнет. В диалектико-материалистической теории, в концепции коммуникативного действия (Э. Дюркгейм, М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Ю. Хабермас и др.) подчёркивается, что качества отдельных индивидов, их сознание выступают как инструмент, при помощи которого реальности обрабатываются. Активизация органов человека (рук, мозга и т. д.) способствует формированию и тренировке физических и духовных способностей, необходимых для осуществления различных видов деятельности. Итак, для сохранения и дальнейшего развития человечества необходима активизация жизнедеятельности.

Обе сформулированные антиномии опираются на серьёзные аргументы и сводимы к следующему диалектическому синтезу: аналогично тому, как возбуждение и торможение в физиологических процессах выступает как источник развития, так и активизация жизнедеятельности наряду с экономией сил и энергии является условием сохранения и дальнейшего прогресса человечества и отдельного индивида [10, с. 97]. То и другое дополняют и вместе с тем оппонируют друг друга. В конкретных условиях и в определённых временных отрезках на первый план может выходить одна из обозначенных тенденций при сохранении функционирования противоположной тенденции.

3. Как антиномии выступают формационная и цивилизационная концепции развития общества. Обе эти концепции подчёркивают историчность, сменяемость явлений. При этом формационный подход отражает логику исторического процесса, его сущностные черты (через характеристику базиса и надстройки), а цивилизационный – всё многообразие форм проявления этих сущностных черт в отдельных, конкретных сообществах. В цивилизациях в большей степени наличествуют «сквозные» относительно стабильные структуры истории, вариативные воплощения которых присутствуют на всех фазах процесса: тип человека и тип культуры, образ жизни, крестьянское хозяйствование, основанное на личном труде семьи, ремесленно-художественная деятельность индивидов, этнические образования, обладающие возможностями перманентного воспроизводства, культурные ценности (истина – благо – красота и т. п.). Критерии формации преимущественно чёткие, а цивилизации – более универсальные, хотя и несколько расплывчатые. Нельзя согласиться с точкой зрения: «В обществознании цивилизационный подход… должен системно заменить сыгравшую свою прогрессивную роль, но к настоящему времени устаревшую формационную теорию» [11, с. 46]. Цивилизация и формация, дополняя друг друга, обеспечивают воспроизводство общества и могут в совокупности трактоваться как социальная метатехнология. Технология, считал Ж. Делёз, представляет собой явление прежде всего социальное и только потом – техническое. Через технологию как механизм воспроизводства и функционирования социума субъект на основе опыта и знаний реализует свои цели и планы, организует общение и деятельность. В целом, развитие общества есть цивилизационно-формационный процесс.

В «Капитале» К. Маркса диалектика выступает в двух различных, но взаимосвязанных формах – объективной и субъективной, то есть в виде диалектики развития самого объекта, а также отражённых её аналогов в сознании познающего субъекта. Субъективная диалектика выступает как логика и гносеология. То, что отражено в сознании – проигрывание или моделирование ситуаций, происходящих в объективном мире.

По И. Канту, антиномии – взаимоисключающие положения, одинаково убедительно доказуемые логическим путём. Вероятно, антиномии (положение и противоположение), не синтезированные в диалектический вывод (синтез), формулируются в рассудке. Рассудок опирается на формальную логику. Абсолютизация рассудка ведёт к метафизике. Примером таких антиномий являются ранее названные четыре антиномии Канта, рассуждения о софистике (в последней отмечены черты диалектики и антидиалектики), соображения о Большом взрыве (он был; он отсутствовал). Разум отражает вещи в их взаимосвязи, всесторонне и конкретно, объединяет многообразное вплоть до синтеза противоположностей. Другие названные и проанализированные в тексте антиномии отражены в разуме, где положение и противоположение выливаются в синтез. Срабатывает триадический цикл развития. Конечно, далеко не всё можно «втиснуть» в схему триады. Но в ряде случаев это наличествует.

Динамичность бытия и мышления «схватывает» закон единства и борьбы противоположностей, который В.И. Ленин (с оговоркой «это требует пояснения и развития») назвал «ядром» диалектики [9, с. 203]. Конечно, многообразную реальность во всех её взаимосвязях и развитии отражает не только названный закон диалектики, а вся система принципов, законов и категорий диалектики, обогащающая своё содержание. Кстати, по мнению современного российского философа Е.Я. Режабека, основополагающим законом диалектики является закон отрицания отрицания, ибо на его основе происходит восстановление исходной структуры в качественно обновлённом виде, осуществляется процесс самоорганизации [12]. По нашему мнению, не менее универсален и важен закон взаимного перехода количества и качества: ведь то и другое, наряду с делением бытия на материю и сознание, фундаментально характеризует универсум.

М. Вебер отметил, что параллельно может существовать несколько конкурирующих идеально-типических конструкций, относящихся к одной и той же совокупности эмпирических данных. При этом каждая из них является преходящей, относительной. Например, в истории философии сложились различные концепции общества: натуралистическая, социопсихологическая, идеалистическая, диалектико-материалистическая, коммуникативного социального действия, структурно-функциональная, культуро-центристская и др. Формирование

каждой исследовательской программы обусловлено усложнением объекта рассмотрения (социума) и проблемного поля социальной философии. Анализ показывает, что различные концепции обществознания по целому ряду позиций пересекаются. Поэтому возможно создание синтезной картины общества, где в «снятом», то есть преобразованном виде (с интерпретационными дополнениями) в единой целостной картине общества используются ценные идеи из различных подходов. Синтезный сценарий развития общества опирается на принцип системного плюрализма, предполагающий рассмотрение явлений под углом зрения единой глубинной сущности, где разные стороны единого целого находятся в оппозиции и одновременно дополняют друг друга [13, с. 8–17].

Вероятно, антиномии в некотором смысле и есть такие идеальные конструкции, где, однако, соотносятся между собой не множество альтернатив, а две противоположности, стороны, тенденции. Конечно, помимо отмеченной Вебером преходящности, неопределённости, размытости, идеально-типические конструкции содержат черты определённости, чёткости. Ведь бытие, как отмечалось, динамично-устойчиво.

Литература

1. Синергетике – 30 лет. Интервью с профессором Г. Хакеном // Вопросы философии. – 2000. – № 3.

2. Поппер, К. Что такое диалектика? / К. Поппер // Вопросы философии. – 1995. – № 1.

3. Энгельс, Ф. Письмо П. Эрнсту, 5 июня 1890 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. – М., 1965. – Т. 37.

4. Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2004. – № 7.

5. По страницам зарубежных журналов. Новая модель эволюции Вселенной // Беларуская думка. – 2007. – № 10.

6. Информационный подход в междисциплинарной перспективе (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2010. – № 2.

7. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. – М., 1961. – Т. 21.

8. Обсуждение книги В.С. Стёпина «Философия науки. Общие вопросы» (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2007. – № 10.

9. Ленин, В.И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. – Т. 29.

10. Калмыков, В. Закон сохранения человечества / В. Калмыков // Беларуская думка. – 2010. – № 10.

11. Маслов, В.Ф. Цивилизационный подход к историческому прогрессу / В.Ф. Маслов // Вопросы философии. – 2010. – № 7.

12. Режабек, Е.Я. Философия и культура: когнитивные аспекты / Е.Я. Режабек. – Ростов-на-Дону, 2009.

13. Калмыков, В.Н. Смысл синтезного подхода к рассмотрению общества / В.Н. Калмыков // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2008. – № 3(48). – С. 8–17.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 05.03.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 124.6:133.3

Лёс і яго праяўленне ў практыках прадказання

А.Д. Паўлавец

У артыкуле разглядаюцца праяўленні лёса ў практыках прадказання праз сімвал і слова. Робіцца спроба семіятычнага апісання ўтварэння лёсу ў працэсе прадказання.
Ключавыя словы: лёс, практыка прадказання, сімвал, мантыка.

The article shows life manifestation in foretelling practice through a symbol and word. There is made an attempt to describe semiotically life formation in the process of foretelling.
Keywords: life, foretelling practice, symbol, mantics.

Прадказанне, прароцтва – адна з самых старажытных і распаўсюджаных практык у культуры, з якой непасрэдна звязана паняцце лёсу. Яго заўсёды імкнуліся зразумець, убачыць, патлумачыць, неяк змяніць. Дзеля гэтага існуе выдатна прыстасаваная сістэма практык прадказання (астралогія, тлумачэнне сноў, гаданні і інш.). Звесткі пра іх з'яўляюцца яшчэ ў культурах Старажытнага Ўсходу і антычнасці. Нягледзячы на тое, што ва ўсе часы з імі змагаліся і філосафы (як Арыстоцель, Цыцэрон), а са з'яўленнем хрысціянства і царква, практыкі прадказання квітнелі і развіваліся, а спіс грахоў, звязаных з ёй, і велічыня епеціміяў раслі [5, с. 184], дайшоўшы да нашых часоў. Менавіта ў перыяд XIX–XX стагоддзяў яны дасягаюць найбольшага развіцця.

На ролю, якая адводзіцца такой практыцы, паказвае тое, што слова *прагназаванне* як адзін з сінонімаў прадказання актыўна ўжываецца ў навуковым дыскурсе. З'яўляецца эканамічнае, палітычнае, дэмаграфічнае прагназаванне, яно дастасоўнае ўвогуле да цывілізацый у межах цэлай навукі – футуралогіі. На падставе тэорыі сістэм, якія дынамічна развіваюцца, узнік цэлы даследчыцкі накірунак – прагностыка. Шэраг навук пачынаюць цікавіць з'явы, якія, на першы погляд, не паддаюцца метадам рацыянальнага асэнсавання. Сярод іх асобнае месца займае экстрасэнсорнае бачанне (ЭСБ) і, як яго асобны від, ЭСБ, накіраванае ў будучыню.

Таксама захоўваецца традыцыя прадказання, якая адносіцца да мантыкі. Апошняя імкнецца падвесці пад сябе рацыянальны падмурак. Робяцца спробы спалучыць навуковыя тэорыі з ненавуковымі (з пункту гледжання скептыка) поглядамі: спалучэнне квантавай фізікі (на ўзроўні разумення) альбо нелінейных і шматзначных логік з такімі ненавуковымі з'явамі, як гаданне, прароцтва, прадказанне. Такое развіццё падзеяў выклікае вялікую папулярнасць практыкі прадказання, прычым, падаецца, што для простага чалавека няма розніцы паміж навуковымі і ненавуковымі метадамі прадказання будучыні.

На гэтай глебе фармуецца слоўнік ужывання звязаных з прадказаннем тэрмінаў, значэнне якіх будуецца на бінарным адрозненні слоў, злучаных з рацыянальнымі спосабамі прадказання, і слоў, аб'яднаных з містычнымі спосабамі прадказання. Магчыма прарочыць, прадказваць, а магчыма прагназаваць. Хаця вынік адзін і той жа, калі чалавек указвае на падзею, якая павінна адбыцца. Аднак такая апазіцыя ў межах прадказання існуе толькі ў навуковым або рэлігійным асяродку. Магія, якая прэтэндуе на навуковасць, і маг, які дзейнічае ў ёй, скарыстоўвае рацыянальныя сродкі. Проста гэта "сапраўдная рацыянальнасць", рацыянальнасць традыцыі, у той час як навука выкарыстоўвае псеўдатрадыцыйную, нават контртрадыцыйную рацыянальнасць. Таму можна казаць, што прадказанне распадаецца не толькі на вертыкальную апазіцыю рацыянальнае – містычнае (ніз/верх), але і на гарызантальную апазіцыю традыцыя – (псеўда-)контртрадыцыя (права/лева).

Адной з найгалоўнейшых асаблівасцяў практык прадказання лёсу, як і практыкі яго змянення, з'яўляецца тое, што яны пабудаваныя на сістэме сімвалаў, якія маюць даволі разнастайнае тлумачэнне і існуюць як складаныя сістэмы. Сімвал для іх мае вялікае значэнне, паколькі забяспечвае і кверэнта, і варжбіта ўстойлівым слоўнікам значэнняў і дапамагае ары-

ентавацца ў прасторавай пабудове лёсу. Сімволіка з'яўляецца тым неабходным інструментам, які ажыўляе уяўленне чалавека, які прымушае адмовіцца толькі ад інтэлектуальнага і абуджае інтуіцыю. Вобраз "ажывае" і праз гэтую аперацыю адкрывае сваё значэнне кверэнту і варажбіту. Сімвалічная форма «равнохороша для всех, потому что каждому помогает понять более или мене полно, более или менее глубоко представляемую ею истину – в соответствии с мерой его собственных интеллектуальных возможностей» [2, с. 34].

Сімвал тут разглядаецца як з'ява, якая адсылае да боскага. Сэнс апошняга магчыма спасцігнуць у містычным парыве, нават прарыве да метафізічнага пачатку, які і забяспечвае ўніверсальнасць сімвалічнай сістэмы. Аднак тут ёсць сэнс спыніцца: практыка прадказання мае магчымасць быць сакралізаванай, і не толькі мае, але і нярэдка выкарыстоўвае яе. (У папярэднія эпохі яна з'яўлялася неад'емнаю часткаю любых рэлігійных і сакральных дзеянняў. Прадказваць мелі права толькі людзі, якія атрымалі гэтае права ад саміх багоў.) Суправаджэнне кожнай практыкі заклікам боскіх сілаў, а таксама суаднясенне, выдзяленне патронаў тых ці іншых практык з элементамі асобных фігураў – з багамі, анёламі і г. д. –спрыяе таму, што сам працэс прадказання прывязваецца да рытуальных практык, якія павінны пасадзейнічаць больш дасканалай дывінацыіі і невыкананне якіх можа прывесці да поўнага правалу. Да таго ж, сімвалічная сістэма прадказання набывае свой уласны характар, цалкам адрозны ад характару іншых. Справа ў тым, што гэтая сістэма нярэдка ўяўляе з сябе сінтэз і адначасова падмурак для рэалізацыі іншых практык (у тым ліку і практык змянення лёсу). Так, напрыклад, на І-Цзын арыентуюцца асобныя школы фэн-шуй і даасізму, таро ўяўляе сабой ключ да магічных сістэм Еўропы, руны разглядаюцца як ключы да містэрыяў Поўначы.

Працэс узнікнення сімвала і перадачы яго зместу даволі цікавы, паколькі большасць мантычных сістэм не маюць нейкай канкрэтнай суаднесенасці з рэчаіснасцю. Калі, напрыклад, карты Таро маюць на сабе нейкія сімвалы, зразумелыя і прывязаныя да сусвету, які візуальна ўспрымаецца як кверэнтам, так і прадказальнікам, то, напрыклад, геамантычныя фігуры альбо фігуры І-Цзын не маюць ніякага візуальнага падабенства да наяўнага сусвету. Сістэма ўтварэння значэння ў такім выпадку мае пад сабой складаную генеалогію і філасофію. Нават калі дапусціць, што сімвалы на картах зразумелыя кверэнту, то галоўнаю ўмоваю наяўнасці і патрэбы ў прадказальніку з'яўляецца іх першапачатковая, апрыёрная незразумеласць, цьмянасць. Прычын тут можна назваць шмат, і галоўнае будзе тое, што значэнне аднаго ўмоўнага сімвала або зашыфраванае ў нейкай іншасказальнай форме, або настолькі ўніверсальнае ў сваёй праяве, што да асобнай сітуацыі можа прапанаваць цалкам супярэчныя значэнні.

Звычайна сімвалічныя сістэмы складаюцца з больш дробных сімвалаў, кожны з якіх можна разглядаць і як частку складанай сістэмы, і як самастойны элемент значэння. Выключэнне складаюць асобныя сістэмы, якія арыентуюцца на арганізацыю простых па сваёй будове сімвалаў (руны, нумералогія, геамантыя і г. д.). У такім выпадку вялікае значэнне мае кантэкст ужывання і спалучэнне апошніх.

Як паводзіць сябе той ці іншы сімвал ва ўмовах практыкі прадказання? Яго значэнне перамяшчаецца з глыбіні на паверхню. Кантэкстуальнае значэнне становіцца аснаватворным, яно абмяжоўвае магчымыя тлумачэнні з той прычыны, што асобныя прадказальныя сімвалы (асабліва тыя, што паходзяць са складаных сімвалічных сістэм) уяўляюць сабой практычна невычэрпную крыніцу значэння. Таму ў межах непасрэднай практыкі падаецца важным абмяжоўваць яго праз вызначанае пытанне: становішча сімвала і яго ўзаемадзеянне з іншымі элементамі сімвалічнай сістэмы.

Пытанне, якое ставіцца падчас прадказання, розніцца ад культуры да культуры. У антычнасці пытанні закраналі сапраўднае становішча справы ці былі альтэрнатыўнымі і прадугледжвалі адказ "так" альбо "не", пры гэтым сярод іх амаль не было ніводнага пытання пра будучыню [8, с. 192–193]. У сярэднявеччы галоўны тып пытанняў застаецца старым, аднак даволі вялікая колькасць іх ужо звязваецца з зыходам справы ў будучыні, прычым адказ на такія пытанні звычайна з'яўляецца дрэнным прароцтвам. Сучасная культура, якая нараджае вялікую колькасць прадказальных практык, пашырае кола пытанняў, з якімі яна працуе. Так, Хаё Банцхаф, адзін з вядучых сучасных таролагаў у Еўропе, прапануе наступны пералік накірункаў пытанняў, з якімі можна звяртацца да таро:

1) о теперешнем состоянии какой-либо ситуации или дела;
2) о совете, как решить проблему или достичь цели;
3) о причинах и подоплеке какого-либо дела;
4) о том, какой вариант лучше выбрать или какое решение принять;
5) карты можно запрашивать в целях самопознания и работы над собой [1, с. 12].

Відавочна, што ў функцыі варажбіта ўваходзіць стварэнне псіхалагічнага партрэта асобы. Атрымаўшы "ліцэнзію" на псіхалагічную дапамогу, прадказальнік нават можа прэтэндаваць на стварэнне своеасаблівых форм "псіхааналізу" на падставе любой з прыведзеных практык альбо на актыўнае ўжыванне тэрмінаў класічных псіхааналітычных сістэм. Аднак па-за межамі гэтага спісу застаюцца канкрэтныя пытанні, якія б патрабавалі ад адказу дакладнага ўказання на перспектыву. Тлумачыцца гэта тым, што непасрэднае веданне будучыні звязваюць з веданнем, на якое прэтэндуе толькі Бог. Толькі ён мае права прадказваць будучыню, добрую ці дрэнную, ва ўласным з'яўленні альбо праяве. Аднак з'яўленне Бога, прынамсі ў старжытнаісландскай культуры, цягне за сабою і з'яўленне яго ценю, якое можа напрарочыць нешта адваротнае, цёмнае. Справа ў тым, што Бог, калі прыходзіць у гэты свет, – лімінальная асоба. Частка яго схавана на тым свеце – у цемры, а частка на гэтым, і невядома, якая з гэтых частак перамагла і прарочыць у дадзены момант.

Такая канстуркуцыя прадказання ўказвае на цікавую асаблівасць праяўлення лёсу ў такой практыцы. Як бы мы не імкнуліся даведацца пра яго, мы атрымліваем прадказанне ў першую чаргу пра саміх сабе, а не пра наш лёс. Прэтэндаваць на веданне лёсу азначае, што ты рызыкуеш сутыкнуцца з інварыятыўнасцю адказу менавіта таму, што адказ будзе атрыманы ў сімвалічнай форме, а значыць, будзе насіць характар падманлівага, зменлівага і незразумелага.

Аднак пытанне не абавязковая ўмова практык прадказання, ёсць такія, якія не патрабуюць пытанняў, дакладней, такія, якія могуць адказваць без пытанняў, напрыклад, нумералогія, астралогія. Гэтакія практыкі даюць агульны малюнак жыцця чалавека, яго "псіхалагічны" вобраз і інш. Па сутнасці апісваюць лёс ад пачатку да канца фізіялагічнага жыцця, а то і за яго межамі (напрыклад, хто чалавек быў у мінулым перараджэнні, яго кармічныя мэты і інш.). Практыкі такога кшталту арыентаваныя ў першую чаргу на вызначэнне ўзаемадносін і прасторавага становішча кожнага сімвала самога па сабе і адносна адзін аднаго. Менавіта так будуецца месца разгортвання лёсу, якое носіць назву натальная карта (калі браць астралогію) або імя і дата нараджэння (квадрат Піфагора, чатыры слупы). Лёс у такой прасторы застылы, але адначасова носіць дынамічны характар, паколькі ўвесь свет варочаецца вакол месца крышталізацыі лёсу, і ў залежнасці ад таго, як арганізуюцца ўзаемаадносіны паміж крышталем і сферaю, будзе развівацца лёс чалавека ў далейшым.

Асобнае месца ў прадказанні лёсу займае чытанне сноў і прыкметы. Гэта па сутнасці першыя і самыя прымітыўныя спробы прачытання сімвалаў, якія звязваюцца са знакамі, якія дасылаюцца чалавеку Богам, апошняму зараз складае даволі моцную канкурэнцыю несвядомае (асабістае альбо калектыўнае). Калі браць апошняга канкурэнта, то да гэтага спісу дадаюцца яшчэ і памылкі ў дзеяннях, размове і да таго падобнага. Як бы чалавек ні імкнуўся схаваць свой самасны лёс, ні спрабаваў схавацца ад яго, усё адно ён выступае, праяўляецца ў снах, у памылках, якія робяцца пры размове, на пісьме. Лёс самасці ў псіхааналізе – гэта лёс несвядомага, лёс, схаваны ў глыбіні, лёс, ад якога чалавек уцякае, таму вытлумачэнне псіхааналітыкам сімвалаў прымушае чалавека сустрэцца з ім. Сустрэцца на тэрыторыі самаснага лёсу.

Сон, як правіла, тлумачыцца альбо праз спецыяльна падрыхтаванага чалавека, альбо пры дапамозе сонніка. Соннік – гэта асаблівы від слоўніка, у які ўнесены словы, якія апісваюць асобныя прадметы сну згодна з іх сэнсамі – гэта значыць, сімвалы і рэферэнты. У тыповым сонніку рэферэнты заўсёды альбо "добрая фартуна", альбо "дрэнная фартуна", таму што соннікі эксплуатуюць меркаванне, быццам сны прарочыя, і большасць людзей жадаюць знаць, што будучыня рыхтуе для іх. Соннікі, да таго ж, абапіраюцца на дапушчэнне, што сны сімвалічныя і гэтыя сімвалы маюць універсальнае значэнне. Напрыклад, Артэмідор сцвярджае, што сон, у якім вы ядзіце сыр, азначае прыбытак і даход для таго, хто ўбачыў сон. Не сказана, што зрэдку гэта яго значэнне залежыць ад стану таго, хто бачыць сон, альбо ад кантэксту, у якім гэта дзейнасць праяўлена. Сэнс паядання сыру ў сне адназначны, універсальны і вечны. Менавіта гэта ўніверсальная сувязь сімвала-рэферэнта складае папулярнасць соннікаў.

Каб надаць больш-менш няўстойлівую гульнявую характарыстыку сну і сімвалу, які ў ім знаходзіцца, распрацаваны разнастайныя класіфікацыі сноў. Напрыклад, Макробі прыводзіць пяць відаў сну: загадкавы сон; прарочае бачанне, калі бачым у сне тое, што з намі адбудзецца ў рэчаіснасці; сон-аракул, калі ў сне з'яўляецца альбо чалавек, альбо боства і апавядае чалавеку пра тое, што з ім здарыцца; крозы; фантастычныя бачанні. Да гэтага спісу ён дадае тое, што сны выходзяць з двух варотаў, якія забяспечваюць альбо хлуслівыя сны, альбо праўдзівыя [6, с. 276–278].

Падобная ж спецыфіка і ў прымхаў з забабонамі. Пры гэтым адна з'ява непасрэдна тлумачыць іншую, прычым гэтая практыка патэнцыяльна нясе ў сабе магчымасць пазбегнуць нейкай падзеі альбо наўмысна сканструяваць яе [9, с. 189], што набліжае яе да прымітыўных магічных дзеянняў. Звязана гэта з тым, што сімвал у такім выпадку падаецца тут і зараз і падобна да тлумачэння сну ў сонніку мае сталае значэнне незалежна ад кантэксту. Так, калі ў вас чэшуцца рукі, то гэта азначае, што вы будзеце прымаць альбо аддаваць грошы [9, с. 190], незалежна ад таго чэшуцца яны ў вас у кожна-венералагічным дыспансэры альбо ва ўласнай кватэры. Лёс праяўляе сябе тут як універсальны механізм сусвету, які аднолькава праяўляе сябе праз аднолькавыя сімвалы. Дыферэнцыянаванасць сімвала ў адносінах да асобы тут сціраецца, і ўключаецца механізм калектыўнага трансляванння, калі сімвал ператвараецца ў знак альбо алегорыю. Лёс робіцца алегорыяй калектыўнага бачання той альбо іншай з'явы, спробай перанясення сакральнага на прафанны ўзровень тлумачэння.

Другім пунктам ідзе становішча сімвала, яго кантэкст. Справа ў тым, што пабудова апошняга носіць гульнявы характар. Так падаецца збоку, адказ чалавек атрымлівае праз шэраг "перемен". Колькасць апошніх залежыць ад прадказальных тэхнік, якія выкарыстоўваюцца ў дадзены момант. Таму асноўным вымярэннем, якое ператварае прадказанне ў нешта большае, чым проста гульню, з'яўляецца тое, што ўзаемасувязь стварае значэнне, асноўная частка якога вытлумачваецца згодна з правіламі і патрабаваннямі.

Маркерамі значэння выступаюць: становішча сімвала адносна прасторы (прамы/перавернуты; добрыя/дрэнныя адносіны з суседзямі); становішча сімвала адносна часу (якое месца ён займае сярод іншых сімвалаў; якім з'яўляецца па парадку). Асобным маркерам выступае яшчэ і месца знаходжання, паколькі спалучае ў сабе як прасторавыя, так і часавыя характарыстыкі.

Ідэя вертыкалі і гарызанталі, распаўсюджанне сімвала толькі ў сістэме мікракосму, звязанага з перадачай яго значэння, спосабам вытлумачэння і ўпісваннем яго ў кола культуры альбо сімвалаў, якія звязаныя з макракасмічнымі сіламі, і адсылае непасрэдна да прымардыяльнай крыніцы, адкуль сэнс сімвалу транслюецца ў свет і культуру, устойліва выдзяляе сімвалы, чыя падвоенасць арганізавана вертыкальна, і сімвалы, чыя падвоенасць арганізавана гарызантальна [3, с. 218].

Перадусім важна заўважыць, што сімвал, як бы мы яго ні імкнуліся ўключыць у межы значэння, наўпрост звязаны з Першасаным вытокам, які і з'яўляецца крыніцаю сэнсу для сімвала. Таму выкарыстанне толькі лагічных і семіятычных аперацый у межах прадказальных сістэм не можа даць нейкіх дакладных і дастатковых вынікаў. Для спазнання метафізічнага значэння вытоку патрэбна валодаць актыўным уяўленнем, якое здольна было б пераадолець мяжу паміж быццём канкрэтных рэчаў і быццём Бога і дасягнуць існасці сімвала, а з ім і ўсёй сімвалічнай сістэмы. Такое спасціжэнне робіць прадказальніка пасярэднікам паміж Боскім і чалавечым.

У той ці іншай ступені сімвал змяшчаецца. Змяшчаецца з простага семіятычнага значэння, абумоўленага сэнсам, у сферу сакральнага. Калі адбываецца гэтае перамяшчэнне, не важна, аднак застаецца галоўным тое, што адносіны сімвал – рэферэнт не задавальняюць. Гарызантальны сэнс – сэнс, народжаны прафанным светам. Вызначэнні гэтага свету ператвараюць у сімвал просты дарожны знак. Гарызанталь дэсакралізуе любую з'яву. Сэнс невычэрпны, аднак літара, лічба, любая фігура (напрыклад дэльфін, арол, скарпіён, дурань) маюць даволі адлеглае значэнне ад лёсу. Каб прыраўняць сэнс і лёс, патрэбна змясціцца альбо дадаць вертыкаль, вертыкальны сэнс. Без вертыкалі няма чаго прадказваць, дастаткова проста тлумачыць. Праблема ў тым, што калі мы спускаемся толькі ў сферу гарызантальнага сэнсу, то расклад ператвараецца ў простае канстанаванне факта, прычым даволі суб'ектыўнае яго тлу-

мачэнне, дапушчэнне яшчэ і гарызантальнага сэнсу прыводзіць чалавека да сустрэчы з метафізічным пачаткам, першаснай крыніцай сэнсу.

Сімвал далучаецца да сферы, магчыма, гэта куб, альбо, прасцей сказаць, што сімвал далучаецца да метафізічнай прасторы, сакральнага зместу. Важна не тое, як гэта прастора называецца: калектыўнае несвядомае, прымардыяльная крыніца, Бог. Галоўнае, што якраз яна параджае сімвал і праз яго дае шанец далучыцца да сэнсу і лёсу. Няўлоўнасць, неапісальнасць, апафатычнасць крыніцы асаблівым чынам легітымізуе права прадказальніка на разуменне, на магчымасць паказу лёсу. Адначасова ператварае прадказальніка ў дасведчанага чалавека, чалавека, які валодае Ведай, у чалавека, які ведае. Дакладней, ён атрымаў права і навучыўся быць праваднікам вертыкальнага сэнсу. Ён давёў сваё права быць вешчуном альбо прысвоіў яго сабе.

Паколькі сімвал паходзіць з Prima Materia, ён прэтэндуе на ўсеахопнасць. Гэта своеасаблівая птушыная мова, мова анёлаў. Праз мінімальную колькасць вобразаў можна выкласці дастаткова вялікую колькасць ідэй, паняццяў, прадказаць зусім розныя падзеі ў лёсе чалавека, таксама лёс можа быць адкрыты вышэйшай сілаю чалавеку. Аднак тут прадказанне сутыкаецца з адным абмежаваннем. Паколькі сам чалавек, сама з'ява чалавечага існавання з'яўляецца сімвалічнай, яна абумоўлена вертыкальным сэнсам, сімвал можа патлумачыць, перадаць падчас прадказання толькі знешні ход падзей, патлумачыць толькі знешні бок працэсаў. Сэнс самога чалавека схаваны ад яго і ад прадказальніка. Толькі праз асаблівыя аперацыі чалавек здольны дасягнуць свайго сакральнага цэнтра, аднак гэта працэсс атрымання і перапрацоўкі сімвала, ператварэння сімвалаў, якія ачольваюць чалавека са знешняй, непадуладнай яму сілай у нешта нутранае, зразумелае. Гэта працэс спасціжэння вертыкальнага сэнсу і паступовага адмаўлення ад гарызантальнага – працэс ініцыяцыі.

Сюды ж далучаецца ідэя пра два ўзроўні рэалізацыі адносна тлумачэння сімвала. Першы – гэта знешні, калектыўны лёс, тут мае месца быць усё: ад прадказання кармы да паспяховасці ў бізнэсе; другі узровень, які мае адлюстраванне ў вышэйшых сусветах, што параджае ідэю пра індывідуальны лёс, кропку, якая ўбудавана ва ўзаемаадносіны паміж гарызантальным і вертыкальным сэнсамі, кропку, якая выступае каркасам для арганізацыі жыцця і пастаяннага выбару таго ці іншага боку, спасціжэнне якога магчыма толькі самім чалавекам і толькі ў працэссе ініцыяцыі. Месцішчам веды пра індывідуальны лёс з'яўляецца прымардыяльная крыніца, чыёй задумаю і адлюстраваннем мы з'яўляемся.

Прагназаванне робіцца магчымым толькі ў адносінах калектыўнага лёсу. Індывідуальны лёс не мае магчымасці спасцігнуць, хіба толькі праз адкрыццё. Індывідуальны лёс такі ж недасягальны і няўлоўны, як няўлоўнае для чалавека паняцце яго сутнасці, яго ego. Наўпрост яго можна звязаць з непасрэдным уяўленнем будучыні чалавека, паколькі на яе накладваецца табу і веданне яе можа быць атрымана толькі па жаданні багоў. Гэта менавіта вертыкальны сэнс чалавека, які імкнецца пазбегнуць сістэмы сімвалаў і іх прафаннага значэння дзеля захавання сваёй недатыкальнасці.

Калектыўны лёс можна сузіраць, захапляцца, атрымліваць ад яго эстэтычнае захапленне, арганізоўваць яго ў сімвалічнай прасторы, у той час як індывідуальны лёс – гэта тое нязведанае, тое самае, якое надае знешняй праяве насычанасць, арганізоўвае яе і забяспечвае ўзвышаны сэнс. Адсюль незразумелая і адначасова даволі лагічная боязь. Той, хто аперуе сакральнымі сэнсамі, можа стварыць табе дрэнны лёс адразу ж, на месцы. Ён падобны да скульптара, што фармуе, злеплівае часткі калектыўнага лёсу вакол лёсу індывідуальнага. Адсюль параджаецца ідэя крэацыі лёсу (звычайна дрэннага) падчас прароцтва. Падыход да яе пры дапамозе слоў носіць адмоўны характар. Добры лёс не прадказваюць, пра яго ёсць інтуітыўная веда. Аднак ёсць вялікая колькасць слоў, якія звязаны з крэацыяй дрэннага ці з адводам добрага лёсу ад чалавека (накаркаць, напрарочыць, наклікаць, сурочыць) [4, с. 177–178]. Прычым гэтыя словы адначасова азначаюць, што прадказанне збылося. Дрэнны лёс ужо створаны. Гэта не азначае, што добрае нельга прадказаць, не. Проста зварот да прадказання – гэта звычайна адчуванне дрэннага зыходу альбо боязь яго. Прагноз, прадказанне, прароцтва робяць звычайна, каб папярэдзіць пра дрэннае. Таму пошук прадказання – ужо пошук дрэннага адказу.

Цікава, што “наклікаць” звязана з заклікам, дрэнны лёс выклікаюць аднекуль, каб ён прыйшоў і стаў часткаю чалавека, якому кінуты выклік праз дрэннае прароцтва. Праўда, для больш архаічных моў крэацыя замацавана за практыкай прадказання цалкам. Так, у старажытнаірландскай мове будучае як граматычная катэгорыя апісваецца літаральна *прадказанне* [7, с. 49]. Каб здзейсніць гэты акт крэацыі дрэннага лёсу, патрэбна быць празарліўцам. «Старуха сказала: “<…> пророчество я вам напророчу: как ни велика теперь ваша дружба, конец ее будет злее некуда”. Они говорят: “Очень ты не похожа на провидицу”» [10, с. 160].

Часта крэацыя звязваецца з жаданнем ведаць будучыню. Як ужо адзначалася вышэй, гэта быў прывілей багоў, аднак калі такая патрэба ўзнікала, то звычайна наступствы былі трагічныя, а прароцтвы змрочнымі. Вельмі часта сустракаецца ідэя прадказання будучыні чалавека, які не жадае гэтага, у такім выпадку адбываецца збліжэнне прароцтва і праклящця ў адным месцы.

У залежнасці ад таго, куды прыпісаны сімвал, адтуль і вядзецца лёс чалавека: ці гэта Боскае наканаванне, ці гэта псіхічнае наканаванне. Аднак галоўнае застаецца – пры дапамозе сімвала і праз яго чалавек можа і мае права атрымаць дапамогу.

Лёс у практыках прадказання ўяўляе не столькі з’яву, якую выкрываюць падчас спецыяльных рытуалаў і працэдур, колькі прадстаўляе з’яву, заключаную ў сімвалічную сістэму і якая канструюецца ёй. Можна нават адзначыць, што сімвалічныя сістэмы прадказання выступаюць універсальнай матрыцай пабудовы самаснага і калектыўнага і адлюстраваннем надындывідуальнага лёсаў. Праз практыкі прадказання чалавек сутыкаецца сам з сабою, сустракае ўласнае наканаванне і пры дапамозе прадказальніка нават змяняе альбо трансфармуе яго.

Літаратура

1. Банцхоф, Хайо. Таро: ключевые понятия (учебник и расклады) / Хайо Банцхоф. – М. : КСП+, 2003. – 298 с.

2. Генон, Рене. Символы священной науки / Рене Генон. – М. : Беловодье, 2004. – 480 с.

3. Генон, Рене. Царство количества и знамения времени / Рене Генон // Избранные сочинения. – М. : Беловодье, 2003. – С. 9–302.

4. Головинская, М.Я. Предсказания и пророчества в русском языке / М.Я. Головинская // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М. : Наука, 1994. – С. 174–180.

5. Макеева, И.И. Знамение в судьбе для человека в Древней Руси / И.И. Макеева // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М. : Наука, 1994. – С. 181–186.

6. Макробий, Амвросий Феодосий. Комментарий на «Сон Сципиона» / Амвросий Феодосий Макробий // Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллект. Традициях I–XIV вв. / сост. и общ. ред. И.Т. Касавина. – М. : Республика, 1996. – 455 с.

7. Михайлова, Т.А. Хозяйка судьбы: образ женщины в традиционной ирландской культуре / Т.А. Михайлова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 192 с.

8. Приходько, Е.В. Оракулы в раннеклассической греческой литературе / Е.В. Приходько // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М. : Наука, 1994. – С. 191–197.

9. Ройтер, Т. Суеверные представления о судьбе: русские приметы в сознании современного городского жителя / Т. Ройтер // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М. : Наука, 1994. – С. 187–190.

10. Сага о названных братьях // Исландские саги. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – С. 118–201.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 05.03.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 141.7:111.62

Понятие стратегии устойчивого развития

Н.О. Сиротко

Статья посвящена сущности стратегии устойчивого развития, приведен опыт некоторых стран в реализации концепции устойчивого развития.
Ключевые слова: устойчивое развитие, «Повестка дня на XXI век», национальная стратегия устойчивого развития.

The article focuses on the essence of the sustainable development strategy; the author gives the experience of some countries in the implementation of sustainable development strategy.
Keywords: sustainable development, «The Agenda XXI», national strategy of sustainable development.

В современном социогуманитарном знании можно встретить такие понятия, как «концепт устойчивого развития», «концепция устойчивого развития», «стратегия устойчивого развития» и даже «парадигма устойчивого развития». Зачастую данные словосочетания употребляются как синонимы, что, на наш взгляд, не совсем корректно.

Страте́гия (в пер. с греч. – «искусство полководца») – общий, недетализированный план какой-либо деятельности, охватывающий длительный период времени, способ достижения сложной цели. Стратегия – форма организации человеческих взаимодействий, максимально учитывающая возможности, перспективы, средства деятельности субъектов, проблемы, трудности, конфликты, которые препятствуют осуществлению взаимодействий.

Исходя из нашей проблематики, нужно отметить, что стратегия устойчивого развития – это своеобразный план действий, направленный на достижение цели – выживания человечества. Стратегия является выражением концепции устойчивого развития, она должна быть зафиксирована в определенном документе. Стратегия устойчивого развития есть практическая реализация принципов, определенных концепцией устойчивого развития. Документ «Повестка дня на XXI век» принято считать стратегией устойчивого развития (принят на конференции ООН по окружающей среде и развитию 1992 г. в Рио-де-Жанейро).

Представляется, что в широком употреблении не совсем корректно применение понятия «стратегия устойчивого развития», так как оно относится непосредственно к конкретному документу. В большинстве же случаев правильным и достаточным будет определение «концепция устойчивого развития». В данной статье речь идет непосредственно о стратегии устойчивого развития.

В «Повестке дня на XXI век» каждой стране было рекомендовано разработать национальную стратегию устойчивого развития на основе экономических, социальных и природоохранных планов, обеспечивая их согласованность. При этом отмечалось, что одной из целей стратегии должно стать обеспечение социально надежного экономического развития, при котором осуществляются мероприятия по охране окружающей природной среды в интересах будущих поколений. В «Повестке дня» было рекомендовано разрабатывать национальные (государственные) стратегии устойчивого развития на основе тщательной оценки нынешней ситуации и инициатив, при самом широком участии всех слоев общества и органов государственной власти [1]. «Повестка дня» привлекла внимание управленческих структур, общественных, научных и деловых кругов к проблемам охраны окружающей среды и устойчивого развития. Разработка стратегий устойчивого развития способствовала созданию новых подходов в природоохранной политике. К их числу относятся стратегическая оценка окружающей среды, делающая упор на выявление кумулятивных последствий хозяйственной деятельности и на воздействие правительственных планов и решений в различных сферах социально-экономического развития на окружающую среду; разработка показателей устойчивого развития; создание природоориентированных систем управления предприятиями и компа-

ниями; осуществление комплексного контроля над загрязнением окружающей среды (включая разработку соответствующих законодательных актов) одновременно в различных средах предприятиями в течение всего их жизненного цикла до стадии отходов; разработка регистров выбросов, сбросов и переносов загрязняющих веществ; расширение «торговли» разрешениями на неиспользованные выбросы в атмосферу и воду; выпуск ценных бумаг; заключение добровольных соглашений между промышленными компаниями или ассоциациями с правительством о взятии на себя добровольных обязательств о заботе об окружающей среде, не дожидаясь принятия решений или законодательных актов; совместное проведение природоохранных мероприятий странами разных уровней развития (например, путем инвестиций со стороны стран – «финансовых доноров»); внедрение комплексного природоохранного и экономического учета на основе системы национальных счетов, одобренной ООН и т. п.

Одной из первых стран в мире, принявшей государственную программу экологической политики, направленной на достижение устойчивого развития, были Нидерланды. В течение 45 лет вплоть до 1985 года экономика Нидерландов характеризовалась высокими темпами промышленного и интенсивного сельскохозяйственного развития, превратившими страну в богатейшую с экономической точки зрения нацию. Однако эти успехи сопровождались ухудшающимся состоянием окружающей среды. К середине 80-х годов Нидерланды стали одной из самых «грязных», индустриально развитых стран. В 1989 году был опубликован и вступил в действие Первый Национальный план политики в области окружающей среды (National Environmental Policy Plan, NEPP1), основанный на шести принципах.

В плане подчеркивались комплексность проблем защиты окружающей среды и их взаимосвязь, необходимость проведения активной государственной политики как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Большое значение придавалось осуществлению принципа «загрязнитель платит», а также экономическим инструментам (налогам, субсидиям), которые должны применятся в природоохранных отношениях. Впервые защита окружающей среды провозглашалась приоритетной задачей макроэкономической политики, наряду с проблемами занятости, сбалансированным бюджетом и т. п. План был рассчитан на 4 года с ежегодными корректировками текущих задач [2].

В 1993 году принимается NEPP2, сохранивший главные цели предыдущих разработок. Основная задача, поставленная в этом плане, состояла в разъединении векторов экономического роста и давления на окружающую среду. Фактически речь шла о существовании в гармоничных пределах экономики и природы и проведении в этих целях дифференцированной, гибкой политики, сочетающей административные решения с действиями экономических инструментов [2].

Похожие программы реализуются в Германии, Австрии, странах Северной Европы, Японии и США.

Государственное вмешательство в природопользование в развитых странах имеет довольно ощутимый характер. Созданы иерархические системы управления, в которых выделяются цели природоохранной политики, ее объекты (воздушный бассейн, водные системы, земельные ресурсы, леса и др.), а также уровни осуществления (общегосударственный, местный). Разработан инструментарий, включающий мониторинг окружающей среды, управление процессами, финансирование и стимулирование природоохранной деятельности.

В последние десятилетия прослеживается тенденция увеличения количества органов государственного управления, включая отраслевые министерства, ответственные за состояние окружающей среды на «своем участке», и расширения их функций в этой области. С другой стороны, практически во всех развитых странах появились центральные органы, осуществляющие руководство природоохранной политикой в национальном масштабе. В Японии это Управление по охране окружающей среды, во Франции – соответствующее министерство, в Германии – федеральное ведомство по окружающей среде, в США – федеральное Агентство по охране окружающей среды, имеющее свои отделения в ряде штатов.

В странах, прошедших дальше других по пути к устойчивому развитию (Швеция, Голландия, Германия), национальные стратегии (как документ и как процесс) построены по проблемному принципу. Они напрямую ориентированы на ликвидацию глобальных угроз и

переход к устойчивому развитию. Задача выбора приоритетов развития сегодня упрощается тем, что за прошедшие годы достигнуто системное понимание глобальных проблем, требующих устранения для возврата общества к устойчивому развитию.

Проблема исчерпания невозобновимых ресурсов и отравления биосферы продуктами современных «грязных» технологий нашла свое решение: переход от добычи и переработки невозобновимых «первичных» ресурсов (угля, нефти, газа, руд черных и цветных металлов и т. п.) к возобновимым вторичным ресурсам на основе замкнутых циклов и безотходных технологий (коммунальные и промышленные отходы, отходы земледелия и животноводства) – реализация принципа Zero Waste (нулевые отходы).

Глобальные изменения климата в результате разрушения человеком природных регуляторов, растущих тепловых загрязнений и выброса парниковых газов – и здесь есть решение: скорейший переход от традиционной углеводородной и атомной энергетики (один из источников глобального изменения климата) к альтернативной энергетике – солнечной, земной, лунной – неисчерпаемых, дешевых, безупречных в экологическом отношении и обеспечивающих энергетическую автономность и безопасность зданий, технологий, страны, планеты.

Национальные стратегии устойчивого развития имеют различные акценты. Так, в Великобритании это сохранение окружающей природной среды, в Канаде – основные потребности человека, во Франции – перечень различных приоритетных тем (например, в 1995 г. – разработка показателей для устойчивых городов и природные проблемы городов). В основе Стратегии устойчивого развития США лежит тесная связь между природоохранными, экономическими проблемами и вопросами социального равноправия, четко осознается, что некоторые показатели – занятость, производительность труда, зарплата, капитал и сбережения, прибыль, информация, знания и образование – должны расти, а другие – загрязнение окружающей среды, отходы и бедность – должны сокращаться.

Устойчивое развитие является одним из ведущих принципов политики Федерального правительства Германии. Стратегия устойчивого развития декларирует необходимость соблюдения данного принципа как цели и критерия деятельности правительства на национальном, европейском и международном уровне в любой политической сфере.

Направление стратегии определяют четыре директивы: равноправие поколений, качество жизни, социальная сплоченность и международная ответственность.

Ключевые индикаторы, принятые в 21 области, сопряжены с 38 преимущественно количественными целями. Данные цели определяют масштаб необходимых действий и играют важную роль при контроле результатов. Информация о текущем состоянии дается в виде символов.

В рамках непрерывного мониторинга регулярно представляются отчеты о ходе реализации. Каждые два года Федеральное статистическое ведомство публикует отчет о состоянии индикаторов устойчивого развития. Анализы проводятся ведомством независимо и под собственную профессиональную ответственность.

Каждые четыре года представляется отчетность о самой стратегии в форме отчета о ходе реализации. Данный отчет оценивает ход реализации Стратегии, содержит перечень мероприятий, нацеленных на достижение поставленных целей, и совершенствует Стратегию. При этом обеспечивается широкое участие общественности уже на ранней стадии [3].

В Республике Беларусь впервые национальная стратегия устойчивого развития (НСУР-97) была разработана и одобрена правительством страны в 1997 г. Она основывалась на идейных принципах и методологических подходах «Повестки дня на XXI век», определенных конференцией ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.); отличалась декларативностью.

«Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г.» (НСУР – 2020) была подготовлена в рамках совместного проекта ПРООН и правительства Республики Беларусь «Содействие в разработке и реализации Национальной стратегии устойчивого развития» и опубликована в 2004 году. Срок ее действия в соответствии с законом о долгосрочном прогнозировании – 15 лет, с корректировкой каждые 5 лет. Ей предшествовала разработка, с привлечением независимых экспер-

тов, аналитического отчета по материалам НСУР – 97 и проекта НСУР – 2020. По инициативе ПРООН в Республике Беларусь к разработке НСУР – 2020 были привлечены специалисты-эксперты НАН Беларуси, заинтересованных ведомств, ВУЗов и общественных организаций.

НСУР является наиболее масштабным после Конституции руководящим документом развития страны и выполнения Беларусью своих обязательств перед мировым сообществом. НСУР утверждается специально созданной в правительстве страны Национальной комиссией по устойчивому развитию Республики Беларусь и Президиумом Совета Министров Республики Беларусь.

В НСУР – 2020 главное внимание уделено особенностям прогнозного периода, дальнейшей реализации «Повестки дня на XXI век», гармонизации социального, экономического и экологического развития как равноценных взаимодополняющих составляющих в едином сбалансированном комплексе «человек – экономика – окружающая среда».

В основу построения структуры Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь положена следующая логика. В первых разделах дана оценка стартовых условий Беларуси в контексте мировых тенденций экономического развития, определены основные компоненты (подсистемы) модели устойчивого развития и императивы (требования) к их функционированию и взаимодействию, дана оценка национальных ресурсов и социально-экономического потенциала страны. Это позволило в последующих разделах обосновать стратегические цели, этапы и сценарии перехода страны к устойчивому развитию, определить важнейшие направления и пути перехода белорусской экономики к устойчивому развитию по главным его составляющим – «человек – экономика – окружающая среда». Далее рассматриваются важнейшие средства, финансово-экономические и социально-политические механизмы обеспечения устойчивого развития. В заключительном разделе даны предложения по созданию соответствующей системы мониторинга [4].

При рассмотрении проекта НСУР – 2020 дискуссионным является само название. Как может быть устойчивым только социально-экономическое развитие? Либо надо в социально-экономическое развитие – источник неустойчивости развития общества – включить политику и культуру, науку и образование – всю полноту и широту человеческого бытия, либо предположить невозможное: социально-экономического развития (белорусские экономисты до сих пор понимают под ним экономический рост) достаточно для перехода к устойчивому развитию.

Еще одним спорным моментом при характеристике документа является его отраслевая, а не проблемная структура. В стратегиях многих стран рассмотрение и решение именно этих проблем определяет структуру документа. В основу НСУР – 2020 положен ведомственный принцип прогноза развития народно-хозяйственного комплекса.

По прошествии девяти лет после принятия НСУР – 2020 невозможно сказать, выполняется она или не выполняется. Отсутствие измеряемых индикаторов и неконкретность формулировок, тщательно соблюдаемые во всех разделах документа, не дают ответа на вопросы, куда мы продвинулись и насколько, в направлении устойчивого развития или от него?

Как считает один из разработчиков НСУР – 2020, она инициировала ряд, безусловно, позитивных процессов в белорусском обществе:

– осознание общественностью и государственными органами управления императива устойчивого развития как главного приоритета развития любых структур и процессов в современном белорусском обществе;

– признание в главном после Конституции государственном документе (НСУР – 2020) того, что экономическая модель, по которой страны мира развивались в течение столетий, более неприемлема, так как ставит под угрозу само существование жизни на Земле;

– декларация правовых оснований для инициатив граждан, государственных, частных и общественных организаций по переходу к устойчивому развитию;

– осознание общественностью и государственными органами управления необходимости непрерывного специального и экологического образования и воспитания;

– декларация необходимости межсекторного взаимодействия государства, бизнеса и общественности для перехода к устойчивому развитию;

– позитивный опыт включения независимых экспертов и общественных организаций в процесс создания и корректировки НСУР [5].

Приведенный опыт реализации стратегии устойчивого развития свидетельствует о том, что постепенно принципы данной концепции воплощаются в жизнь. На современном этапе наблюдается кризис глобальной политической и экономической системы, функционирующей, прежде всего, для сохранения текущего положения, в котором небольшой процент населения получает экономические блага, в то время как оставшаяся большая часть получает на свою долю «экологические» и «социальные» затраты.

Литература

1. Повестка дня на XXI век // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 1992. – Режим доступа : http://www.un.org/russian/conferen/wssd/agenda21/agenda_21. – Дата доступа : 22.12.2012.

2. Национальные программы и опыт решения экологических проблем // Геолого-географическое обозрение [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.geoglobus.ru/ecology/practice19/transborder01.php. – Дата доступа : 17.01.2013.

3. 10 лет устойчивого развития «made in Germany». Национальная стратегия устойчивого развития. – Берлин : Ведомство печати и информации Федерального правительства, 2012. – 13 с.

4. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года // Министерство экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.economy.gov.by/ru/macroeconomy/nacionalnaya-strategiya. – Дата доступа : 25.12.2012.

5. Анализ национальных стратегий устойчивого развития Республики Беларусь // Экопроект Партнерство [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ecoproject.by/ob-organizacii/analiz-nacionalinyh-strategiiy-ustoiychivogo-razvitiya-respubliki-belarusi.html. – Дата доступа : 25.12.2012.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 05.03.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 316.422:574

Социально-экологические аспекты инновационной модернизации

В.К. Степанюк

В статье рассматривается актуальная проблема инновационной модернизации в контексте природных и социальных процессов, принявших в последнее время нелинейный характер и увеличивших зависимость от технологических рисков. Показано, что успехи модернизации могут быть обеспечены в результате социальных инноваций, поднимающих уровень культуры, нравственности.
Ключевые слова: бифуркация, глобализация, инновационная экономика, модернизация, нелинейность, социоприродные системы.

The article deals with the problem of innovative modernization together with natural and social processes. These processes are of nonlinear nature and depend on technological risks. Modernization success can be ensured by social innovations that raise morality culture level.
Keywords: bifurcation, globalization, innovative economy, modernization, nonlinear nature, social-natural systems.

В наиболее общем терминологическом плане модернизация определяется как «процесс приобретения менее развитыми обществами черт, характерных для более развитых обществ; наиболее важное направление в политической деятельности ряда стран; одна из глобальных проблем и необходимое условие реализации нового мирового порядка» [1, с. 218].

Способность к модернизации является условием успешного развития общества, что подтверждается как историей, так и современной практикой. Однако деятельность в области экономических инноваций и модернизации производства нередко рассматривается в основном как технико-экономическое явление вне связи со всей совокупностью изменений, обусловленных этим процессом в планетарной социоприродной системе. При таком подходе ориентации современной инновационной модернизации на эффективность экономики могут спровоцировать социальные и экономические следствия, которые поставят человечество перед новыми чрезвычайно сложными проблемами.

Нарастающие процессы глобализации и динамично меняющаяся структура общественного бытия выдвигают на первый план все новые задачи экологического содержания и природоохранной деятельности. Особого внимания заслуживают также роль и место человека в социоприродной системе. Необходимо учитывать не только позитивные достижения, но и негативный опыт, которыми характеризуется взаимодействие природы и общества за последние десятилетия. Главная задача состоит в том, чтобы человечество не перешло в своей деятельности ту критическую черту, за которой возникнут необратимые процессы разрушения экологического равновесия биосферы.

Экологическая проблема является наиболее опасной из всех глобальных проблем современности. Эта опасность, как отмечает Э.В. Гирусов, «хотя и вызвана человеком, но исходит она не столько от человека, сколько от природы, разрушенной человеком. В этом и состоит парадокс экологической проблемы, а также трудность адекватной оценки ее опасности. Деятельность человека при современных ее масштабах оборачивается глобальными разрушительными процессами в природе даже тогда, когда она имеет созидательный характер для самого человека и поэтому оценивается им положительно» [2, с. 18]. Человечество не в состоянии прогнозировать в долгосрочной перспективе ни климатические изменения, ни возможные природные катаклизмы, что увеличивает вероятность возможных техногенных катастроф, вызванных природными катастрофами.

В конце XX в. происходит становление неклассического естествознания и синергетического подхода в понимании картины мира. Влиянию неклассических идей подверглись также социогуманитарные науки, поскольку концепции развития общества, основанные на

принципах линейности, универсализма, прогрессивности, оказались требующими изменений в современном нелинейном мире. По определению Е.Н. Князевой, нелинейный мир есть мир с иными, отличающимися от привычных для классической науки закономерностями. К ним относятся закономерности вырастания сложных структур из малых флуктуаций (хаоса), построения сложного эволюционного целого из частей, изменения направленности течения процессов, иные принципы симметрии и управления процессами развития сложных систем [3]. Все реальные системы, как правило, открыты и нелинейны. И наоборот, закрытость и линейность есть исключение из правила, часто неправомерное упрощение действительного положения дел. Следовательно, происходит не просто изменение парадигмы познания, а коренное изменение характера самих процессов, в частности таких, как прогресс, модернизация.

Нелинейный прогресс многовариантен. Применение термина «нелинейность развития» оправдано только для современных сложных систем и обществ, поскольку в традиционных обществах развитие происходит по заранее определенному сценарию, а точка бифуркации маловероятна и, если возникает, не способна радикально изменить направление движения. «Термины “простой” и “сложный” в новых условиях обретают новые значения: простая система – это линейно развивающаяся устойчивая система, сохраняющая устойчивость даже при сильных возмущениях; сложная система – развивающаяся нелинейно, может измениться даже при малых воздействиях на нее, малых возмущениях. Сложные системы более подвержены слому, поскольку множество взаимозависимых элементов могут повести себя непредсказуемо даже при минимальном внешнем воздействии» [4, с. 75].

С развертыванием НТР современное человечество вступило в качественно новый этап своего развития. Это обстоятельство коренным образом меняет традиционную мировоззренческую парадигму, представление о месте и роли человека в природе и обществе, поскольку изменяется весь образ жизни людей, их система ценностей и приоритетов, что в свою очередь должно повлечь за собой изменения в социальном способе производства, в характере функционирования социальных институтов, системы образования и подготовки кадров, воспитания, здравоохранения и т. д. В связи с этим необходимо «рассматривать современный технико-технологический процесс модернизации производства как процесс глубоких преобразований всех сторон бытия, элементы которого находятся в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности. Несоблюдение этого условия в теоретических построениях и в практике социального моделирования может привести к изменению не только отдельных жизненно важных элементов социоприродной системы, но и к необратимым отрицательным трансформациям ее в целом» [5, с. 40].

Сегодня отдельный человек обладает множеством средств изменения мира, что чревато неблагоприятными глобальными последствиями. От отдельного человека, подключенного к функционированию сложного технического комплекса, зависит экологическая ситуация и социальные условия жизни людей в обширных регионах и в мире в целом. И сила этого влияния определяется не только мощностью тех технических средств, которыми распоряжается конкретный человек, но и его профессиональной компетентностью и моральной зрелостью. В настоящее время не только общество в целом, но и отдельный конкретный человек, обладающий современными техническими средствами, способны повлиять на эволюцию социоприродного Универсума.

Трагедия современного общества состоит в том, что созданные человеческим гением техника и технологии попадают в распоряжение людей, которые в силу ряда причин, по большей части объективного характера, не в состоянии пользоваться этими средствами адекватно их мощи и предназначению. Свидетельством нарастания таких тенденций является статистика техногенных катастроф с массовыми жертвами и неблагоприятными экологическими последствиями.

Разбалансированность технологического и социально-культурного развития свидетельствует о том, что социум живет в состоянии неопределенности и постоянного риска.

Понятие «общество риска» ввел У. Бек [6, с. 27]. Этому способствовала катастрофа на Чернобыльской АЭС. Общество, не знавшее до этого глобальных угроз и обеспокоенное сво-

им материальным благополучием, столкнулось с проблемой планетарного масштаба. Осознание последствий катастрофы выводит на первый план вопрос безопасности человечества и предотвращения потенциальных рисков.

У. Бек обращает внимание на то, чтобы в условиях научно-технических инноваций и глобализации общество сохранило экологические, медицинские, социальные нормы своего развития. Он подчеркивает, что опасности и риски стали неотъемлемой частью современного развития, результатом конфликтогенности современной социально-политической структуры, а также особенностью научно-технического развития. Обществу ничего не остается, кроме как признать рискогенный характер своего развития и попытаться не только своевременно обнаруживать новые риски и угрозы, но и управлять рисками, минимизировать их, отыскивать способы их разрешения.

Новые риски появились во всех сферах жизни общества: экономике (бедность, финансовые кризисы, безработица), социальной сфере (терроризм, коррупция, неадекватное поведение людей, связанное с психическими расстройствами на фоне постоянных стрессов и напряженной деятельности, эпидемии нового времени), экологии (техногенные аварии, загрязнение окружающей среды) и др.

Риск, хотя и является спутником жизнедеятельности человека на протяжении всей истории, в последнее время приобрел масштаб всеобщности, глобальности. Его источниками становятся информация, техника и технологии.

Современное общество является полем перманентного экспериментирования с новыми технологиями, следствия которых могут быть не только позитивными, но и негативными как для общества в целом, так и для отдельных его граждан. Такое изменение соотношения социальных и технологических изменений в современном обществе вызывает рост осознания технологических рисков, связанных с внедрением и эксплуатацией сложных системотехнических комплексов, электростанций, производства потенциально токсичных субстанций, возрастанием ощущения экологических угроз со стороны неконтролируемо разрастающихся масштабов новой индустрии утилизации многих промышленных продуктов.

Основной отличительный признак современных технологических рисков состоит в том, что катастрофические последствия причиненного обществу вреда вызывают изменения в социальной системе в целом.

Процессы модернизации и глобализации, характерные для современного мира, рискогенны. «Жить в эпоху “поздней современности” значит жить в мире случайности и риска – неизменных спутников системы, стремящейся к установлению господства над природой и рефлексивному творению истории» [7, с. 76].

«Общество риска» диктует определенный образ жизни для глобального социума: сокращение вредных производств, распространение экологичных продуктов, развитие социогуманитарного знания.

Теории «общества риска» показали, что современное общество по своей природе рискогенно и потому не дает возможности избежать всевозможных рисков. Человечество обречено на постоянное существование в рамках риска. Поэтому необходимо понять эту закономерность и строить человеческую деятельность с ее учетом.

Неотъемлемой чертой «общества риска» является рефлексивность, то есть способность осознавать складывающуюся ситуацию, осмысливать появляющиеся возможности развития и условия, необходимые для следования тем или иным путем.

Концепцию «рефлексивной модернизации» предложили в последнем десятилетии XX века западные ученые – Э. Гидденс, У. Бек, С. Лэш. Рефлексивная модернизация характеризуется процессами, которые могут изменить направление движения. Человек не всегда может применить исторически накопленный опыт для решения современных задач.

Стохастический и нелинейный характер развития общества сегодня нуждается в изучении и концептуализации. Современные социальные процессы претерпевают быстрые структурные изменения. Прежние концепции утверждали безусловные позитивные последствия модернизации, прогресса: развитие общества, экономики, повышение комфортности

существования человека в окружающей среде и др. Новые концепции признают нелинейность, сочетание успехов и неудач, модернизации и демодернизации. Новые изменяющиеся условия вынуждают человека к постоянной рефлексии, выбору и изобретению способов и вариантов действий. Результатом этого является востребованность в высокообразованных специалистах, улучшение технологической и информационной оснащенности. Способность к рефлексии делает возможным сохранение человечества на основе признания таких базовых экологических ценностей, как признание самоценности природы, умеренность в потреблении природных богатств и т. п.

Поставленная временем цель современной технико-технологической модернизации и создание на ее базе инновационной экономики сталкивается с серьезными проблемами, в том числе с теми, что фиксируют угрозу самоистребления человечества. Реализация этой цели в адекватном интересам развития общества гуманистическом направлении предполагает сопутствующие модернизации социально-экономические и культурные преобразования, гарантирующие каждому возможность многостороннего социального развития, а обществу – условия, позволяющие преодолеть рассогласование темпов научно-технического и культурного прогресса.

Современная технико-технологическая революция и реализующаяся на ее базе модернизация должны осуществляться в контексте глобальной гуманистической социальной трансформации как подготовки процесса становления «зрелого общества зрелых людей» [8].

Социально-культурные последствия модернизации более радикальны, чем самые значительные преобразования в области естествознания и техники. Разрабатывая концепцию модернизации как инновационного пути развития страны, необходимо исходить из реальной интеграции технического и социального мира, выраженной в социокультурной идентичности. Концепция развития должна ориентироваться на культурные, моральные ценности, на выявление механизмов актуализации и включение их в социальную практику, в процесс планируемых трансформаций. Только в этом случае модернизационные преобразования приобретут требуемые черты цивилизационных изменений, открывающих путь к инновационному движению общества. Прежде чем произойдет переход на новую технологическую базу, должны произойти изменения в «социальной технологии».

В настоящее время создалась ситуация, когда биосфера, разрушаясь глобально, необратимо утрачивает свои жизненнопригодные свойства. Это уже сказывается на здоровье людей, на продолжительности их жизни, на ежедневном исчезновении с лица земли многих видов растений и животных. В ответ на этот биосферный вызов должна быть изменена вся система духовных ценностей.

Оценка социальных последствий техники и обращение с рисками во многом зависят от господствующей в обществе морали и от личной моральной и социальной ответственности ученых и инженеров, создателей новой техники и участвующих в ее эксплуатации. Таким образом, всё сходится на вопросах этики ученого, инженера, пользователя сложных социально-технических систем.

Сегодняшний уровень развития техники все чаще предлагает решения, выбор которых лежит в русле этической проблематики. Поэтому теория и практика модернизации экономической реальности должны учитывать современные идеи и разработки всего гуманитарного знания, а экономическая политика должна быть механизмом встраивания нравственных принципов и общекультурных целей общества в экономическое пространство.

Литература

1. Сытник, А.И. Проблема модернизации общества: теоретические аспекты / А.И. Сытник // Системная трансформация общества: инновации и традиции. – Сб. науч. трудов. Вып. VIII. – Брест, 2011.

2. Гирусов, Э.В. Глобальные проблемы современности в их системном единстве и развитии / Э.В. Гирусов // Философские науки. – 2012. – № 12.

3. Князева, Е.Н. Основания синергетики. Синергетическое мировидение / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – М. : Ком. книга, 2005.

4. Федотова, В.Г. Фрагментация и комплексность модернизационных процессов / В.Г. Федотова, Л.Н. Федотов, О.Н. Китаева // Философские науки. – 2012. – № 10.

5. Олейников, Ю.В. Социальный аспект современной технико-технологической модернизации / Ю.В. Олейников // Философские науки. – 2010. – № 9.

6. Бек, У. Общество риска на пути к другому модерну / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2000.

7. Федотов, Л.Н. Экология: от общества риска к экологическому обществу / Л.Н. Федотов // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 3.

8. Олейников, Ю.В. Зрелое общество: проблемы, реальность, перспективы / Ю.В. Олейников. – М. : Перспектива, 2010.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 05.03.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 378

Эволюция содержания понятий «виртуальная реальность» и «киберпространство»

В.Н. Яхно

Статья посвящена анализу социально-философских аспектов и истории формирования понятий «виртуальная реальность» и «киберпространство».
Ключевые слова: виртуальная реальность, киберпространство, киберкультура, Интернет, информационные технологии.

The article is devoted to socio-philosophical aspects and the history of formation of concepts “virtual reality” and “cyberspace”.
Keywords: virtual reality, cyberspace, cyberculture, Internet, information technology.

Появившиеся в последнее десятилетие технологии сделали популярными два новых понятия – виртуальная реальность и киберпространство. Каждое из них имеет свою историю и смысл. Так, идея виртуальной реальности сформировала принципиально новую для современной европейской культуры парадигму мышления, которая, по словам У. Эко, в отличие от классической простоты «гутенберговой цивилизации», предлагает «цивилизацию образа и аллюзий» [1, с. 5]. Специалисты в области информационных технологий считают, что термин «виртуальная реальность» был предложен в 1984 году ученым-программистом, композитором, художником и писателем Джароном Ланиром (Jaron Lanier). Однако, несмотря на то, что до этого времени термин «виртуальная реальность» не употреблялся в данном, конкретном словосочетании, понятие виртуального существовало и использовалось уже в античной философии.

Рассуждения можно начинать с Аристотеля. Он пишет о «дюнамис», «энергейя» и «энтелехии» как о различении «бытия в возможности», процесса его актуализации и завершения актуализации, превратившееся в средневековой философии в «потенцию» и «актуализацию». Принципиально значимой категория виртуальности является для Фомы Аквинского. С её помощью он разрешал проблему онтологического существования реальностей разного иерархического уровня и проблему образования сложного из простых элементов, в частности, души мыслящей, души животной и души растительной: «Ввиду этого следует признать, что в человеке не присутствует никакой иной субстанциональной формы, помимо одной только субстанциональной души, и что последняя, коль скоро она виртуально содержит в себе душу чувственную и душу вегетативную, равным образом содержит в себе формы низшего порядка и исполняет самостоятельно и одна все те функции, которые в иных вещах исполняются менее совершенными формами. Подобным же образом должно сказать о чувственной душе в животных, о вегетативной душе в растениях и вообще обо всех более совершенных формах в их отношении к формам менее совершенным» [2, с. 851]. Схоластика активно разрабатывает категорию виртуальности для решения принципиально важных проблем философии, а именно: возможности сосуществования реальностей разного уровня, образования сложных вещей из простых, энергетического обеспечения акта действия, соотношения потенциального и актуального.

В схоластической философии категории «вещь», «свойство», «энергия», «потенциальное», «актуальное» и др. стали пониматься иначе, чем в античной философии. Изменение, в сравнении с аристотелевской философией, заключается в установлении определенной связи (посредством virtus) между высшей и низшей реальностями, а в сравнении с платоновской парадигмой – в том, что категориальная структура, разработанная Аристотелем, сохраняется, но применяется только к одной из двух реальностей: субстанциональной, существующей в абсолютном времени и пространстве.

Мыслитель Возрождения Николай Кузанский, рассуждая о «силе Бога» и решая проблемы актуальности существования и энергии, также активно пишет о виртуальности: «Эта абсолютная и всепревосходящая сила дает всякой семенной силе способность виртуально свертывать в себе дерево вместе со всем, что требуется для бытия чувственного дерева и что вытекает из бытия дерева; то есть в ней начало и причина, несущая в себе свернуто и абсолютно как причина всё, что она дает своему следствию» [3, с. 46].

Возникновение естественнонаучного знания в Новое время приводит к формированию научной картины мира, что позволяет отказаться от божественной реальности – это значит, что все принадлежит только природной реальности, но при этом идея силы (virtus) сохраняется. Этой силе придается общекосмический масштаб, какой был у божественной реальности. Именно эта позиция породила дискуссии по поводу взаимоотношений науки и религии, науки и мистики, естественных и гуманитарных наук и пр. [4, с. 155]. В Новое время, так или иначе, идею виртуальной реальности затрагивали известный философ и математик Лейбниц, разработав метафизическую теорию, получившую название монадологии, а также Иммануил Кант, который исследовал феномены и ноумены в «Критике чистого разума».

Таким образом, у виртуальной реальности можно выделить два первоисточника: одним из них является идеалистическая трактовка бытия в философии, а другим − трансцендентные миры, представляемые религиями.

Особенно активно идея виртуальности стала использоваться в XX веке в науке, философии и других областях. В социокультурной сфере виртуальная реальность понимается как «вымышленная», «несуществующая в действительности», то есть как возможное, потенциальное. Например, в искусствоведении у французского драматурга Артюра Арто в работе «Театр и его двойник» (1938) рассматривается «таинственное тождество сущностей алхимии и театра». Арто утверждает, что театр создает виртуальную реальность, в которой персонажи, предметы и образы приобретают фантасмагорическую силу мистических драм алхимии [5, с. 272]. Благодаря успехам науки и развитию компьютерных технологий, в зарубежной и отечественной мысли появляется расширительная трактовка виртуальной реальности. В психологии – у А. Бергсона и далее у А.Н. Леонтьева – это «виртуальная деятельность» и «виртуальные способности», В.М. Розин отождествляет виртуальную реальность с символической реальностью, а Н.А. Носов пишет о виртуальной реальности воли, сознания, телесности, личности, в конечном итоге, разрабатывает виртуальную психологию, а далее – виртуалистику.

В современной философии, наряду с понятием «виртуальная реальность», используются такие термины, как символический капитал, гиперреальность, спектакль, игра. Символический капитал − понятие П. Бурдье – это набор кодов деятельности, который может базироваться на любом виде ресурса: экономическом, научном, политическом. Символический капитал – это доверие, и обладающий им может придавать действительности признак упорядоченности, производя «правду», совмещающую в себе переживание таких абстракций, как порядок, справедливость, истинность. Понятие «гиперреальность», которым оперирует Ж. Бодрийяр, напротив, указывает на знаки особого вида, слабо соотносимые с нынешней реальностью. Эти знаки, занимающие все большее место в символической картине мира, выражены через симулякр, понимаемый как подделка, симуляция, маскировка отсутствия подлинной реальности.

Естественнонаучное знание также использует понятие виртуальности: квантовая физика для описания явления, при котором не выполняется закон сохранения энергии, ввела понятие виртуальных частиц, существующих лишь в возможности. Если в классической физике господствовал идеал объективного описания природы, физического объяснения независимо от условий наблюдателя, то, как отмечает В. Гейзенберг, «понятие возможности, игравшее столь существенную роль в философии Аристотеля, в современной физике вновь выдвинулось на центральное место. Математические законы квантовой теории вполне можно считать количественной формулировкой аристотелевского понятия ‘‘дюнамис’’ или ‘‘потенция’’» [6, с. 131]. Анализ квантовой реальности как виртуальной реальности, как «бытия-в-возможности», как «предрасположенностей», стал основой ее интерпретации К. Поппером, В.А. Фоком и др.

В современной модальной логике рассматривается множество «возможных миров» (Д. Льюис, С. Скрипке, Р. Монтегю), причем идентификация объектов в возможных мирах

осуществляется благодаря процедуре именования, что предполагает возвращение или к сущностям Аристотеля как инвариантам преобразований их свойств, или к единому трансцендентальному субъекту И. Канта, обеспечивающему не просто интерсубъективность, но и объективность знания.

Вместе с внедрением компьютерной техники произошло не только расширение границ тела наблюдателя, работающего с манипуляторами, но и создание информационной виртуальной реальности. Тем самым формируется как информационная виртуальная среда, так и имитационная виртуальная реальность, которая разворачивается в сознании пользователя благодаря создателям систем виртуальной реальности, применению компьютеров и специальной техники (дисплеи, головной шлем, перчатки с датчиками и др.) и технологий имитации. Развитие компьютерно-информационной техники, увеличение разрешающей способности дисплеев, оснащение их сенсорами, создание чипов и вживление их в организм создают новую виртуальную среду и новый тип отношений человека и виртуальной реальности. Компьютерные технологии создания виртуальной реальности широко используются в современном искусстве, особенно в кинематографии. Так, например, когда в 1999 году вышел фильм братьев Вачовски «Матрица», известный философ и теоретик культуры Славой Жижек выдвигает версию, что «Матрица» − это тест Роршаха для философов, а ряд преподавателей философии американских университетов пишут статьи и эссе о «Матрице» как философии, затрагивающей этические, теологические, метафизические и другие темы [7].

В 1964 году канадский философ М. Маклюэн (McLuhan) опубликовал работу «Понимание медиа: Внешнее расширение человека». Она стала революционной, потому что в ней автор впервые пытается рассмотреть процесс влияния средств передачи информации на общество, а идеи, представленные в этой книге, впервые описали общество, которое в дальнейшем будут называть «информационным». Более рельефно особенности информационного общества представлены в работе британского социолога С. Лэша «Critique of Information». В ней говорится о том, что современное общество становится беспрецедентно подвижным, лишенным устойчивых отношений и прочих основ. Оно строится не в рамках социокультурного процесса, связывающего прошлое и будущее, а вокруг коммуникаций, имеющих только настоящее. Следствием становится даже не производство символов, а их движение. Эта перемена формирует, по мнению С. Лэша, одно из самых принципиальных отличий информационного общества от всех предшествующих, поскольку в ходе этой трансформации общество отрывается от его объективной основы и переносит людей в область субъективного, превращая жизнь в игру как единую недифференцированную реальность [8, с. 41]. Наконец, современные компьютерные технологии привели к созданию Интернета как информационно-коммуникативной виртуальной реальности. Сложно сказать, существует ли она физически. Можно лишь отметить, что существуют модемы, кабели, маршрутизаторы, серверы и многое другое оборудование, на основе которого существует Интернет. Сам Интернет − то самое виртуальное пространство, пространство чистой информации и пространство общения. Часть этой информации действительно соответствует существованию объектов в реальном мире, но часть является чисто абстрактной. Web-пространство позволяет пользователю бежать от реальности во имя симулякров и пребывать в границах символической реальности. В массовом сознании в результате распространенности компьютеров виртуальная реальность стала ассоциироваться с особым киберпространством, породив идею киберкультуры и даже реальное молодежное движение, названное «киберпанк».

Следует отметить, что основы идеалистической трактовки бытия были предложены еще Платоном в IV веке до н. э. Согласно онтологии Платона, основой мира является идеальное, бестелесное образование – идея. Миру сверхчувственных, неизменных и вечных идей, который Платон называет просто «бытие», противостоит изменчивая и преходящая сфера чувственных вещей: здесь все только становится, непрерывно возникает и уничтожается, но никогда не «есть». Нематериальные сверхчувствительные идеи составляют сущность чувственного мира, данного нам в опыте. Вещи лишь причастны идеям, и только в силу этой причастности они существуют. Целостность мира по Платону достигается за счет существования Единого, которое само не есть бытие, а находится выше бытия и составляет

условие возможности бытия, то есть идей. В этом утверждении идеи Платона показывают саму основу киберпространства – то, что все видимое и ощущаемое в мире киберпространства не является таковым, то есть не существует. Киберпространство таково, что за каждой вещью, объектом киберпространства стоит нечто, не относящееся к этому миру, за ним стоит идея, некоторая нематериальная, информационная основа представления этого объекта. Также существование Единого, находящегося за гранью бытия, очень точно соответствует структуре киберпространства, точнее месту оператора киберпространства. Название может меняться, но суть все та же − будь то Бог в христианском мировоззрении, console cowboy в фантастических произведениях Гибсона или Оракул в реально существовавшем проекте Habitat.

Итак, слово «киберпространство» впервые было упомянуто фантастом Уильямом Гибсоном в 1984 году в его романе «Нейромант» («Neuromancer») для обозначения глобальной многопользовательской виртуальной среды. Гибсон детально описал киберпространство, тот искусственный мир, к которому сейчас стремятся ученые, занимающиеся компьютерной графикой и интерфейсами человек-компьютер. «Киберпространство. Коллективная галлюцинация... Графическое представление данных, извлекаемых из банков памяти любого компьютера в человеческой системе... Световые линии, расчертившие кажущееся пространство разума», – писал Гибсон [5, с. 273]. Это произведение интересно тем, что подняло вопрос о влиянии средств массовой информации на индивида задолго до того, как этот вопрос возник кардинальным образом в 80-х годах XX столетия. Насколько опасен мощнейший информационный поток, порождаемый современными информационными системами? Насколько его можно контролировать, насколько он влияет на человека? Все эти вопросы пока не получили окончательного ответа.

Как и любой мифологический образ, киберпространство скрывает гораздо больше, чем открывает. Проблема «немыслимой сложности» мировых сетей и баз данных в фантазии Гибсона решается с помощью интерактивной трехмерной карты, к которой вы подключаетесь через порт, похожий на компьютерную приставку. К концу 80-х гг. киберпространство стало настоящим «культурным аттрактором, оно засасывало неуклонно компьютеризирующееся общество с безжалостностью втягивающего луча из «Звездных войн» [5, с. 274].

Автор нашумевшей «Экономики идей» Дж.П. Барлоу идет еще дальше и предлагает «Декларацию независимости киберпространства»: «Правительства Индустриального мира, вы – утомленные гиганты из плоти и стали; моя же Родина – Киберпространство, новый дом Сознания. От имени будущего я прошу вас, у которых все в прошлом, – оставьте нас в покое. Вы лишние среди нас. Вы не обладаете верховной властью там, где мы собрались… Вы не знаете ни нас, ни нашего мира. Киберпространство лежит вне ваших границ. Не думайте, что вы можете построить его, как если бы оно было объектом государственного строительства. Вы не способны на это. Киберпространство является делом естества и растет само посредством наших совокупных действий» [9, с. 119–120]. Идея независимости киберпространства, создаваемого Глобальной сетью Интернет, была интерпретирована постмодернистской традицией с точки зрения обоснования некой новой онтологической реальности, функционирующей по своим особым законам. Это, в свою очередь, породило мистификацию самого Интернета, придание ему статуса саморазвивающейся, неконтролируемой информационной среды. Эффекты, порожденные новыми информационными технологиями, были проинтерпретированы в рамках постмодернистской парадигмы, а ее символика преобразована в символику Глобальной сети.

Так, для американского социолога Г. Рейнголда (он впервые описал «смартмоб» и является автором термина «умная толпа») киберпространство – это что-то вроде чашек Петри, в которых произрастают и размножаются виртуальные сообщества, словно колонии микроорганизмов; тем не менее, он не отказывает этим сообществам в пространственном воображении и ощущении места. Для обозревателей, аналитиков и специалистов в области рекламы понятие киберпространства стало удобным обозначением множества самых разных достижений – компьютерных игр, быстро растущего Интернет-трафика, электронной эфемерности финансовых потоков и виртуальной реальности.

Другим сравнением может служить паутина. Образ «Паутины» имеет ярко выраженную ценностную значимость: во всех культурных контекстах паук и паутина символизируют порабощение и последующую гибель жертвы. Активное исследование социально-психологических вариантов влияния Интернет-зависимости, манипулирование «виртуальными личностями» пользователями объясняется как особый вид «электронного тоталитаризма», и даже сам автор «виртуальной реальности» Д. Ланир, в конечном итоге, пишет: «“Википедия” основана на том, что я называю иллюзией оракула: знание об авторе подавляется с целью придать тексту сверхчеловеческую достоверность. Традиционные “священные” книги работают по такому же принципу и порождают много схожих проблем. Это еще одна причина, по которой я иногда думаю о кибернетическом тоталитаризме как о новой религии. Такое обозначение гораздо глубже, чем приблизительная метафора, поскольку включает новый тип поиска жизни после смерти. Для меня очень странно, что футуролог и изобретатель систем распознавания речи Рэй Курцвейл хочет, чтобы глобальное вычислительное облако вобрало в себя содержимое наших мозгов с тем, чтобы мы могли жить вечно в виртуальной реальности. Когда я с друзьями строил первую машину виртуальной реальности, единственной задачей было сделать этот мир более творческим, выразительным, сочувственным и интересным. А не убежать от него» [10, с. 59].

Не осталась в стороне и наука: в 1996 году в публикации американского ученого П. Вутерса появляется термин «кибернаука» (cyberscience), а М. Нентвич определяет её как научно-исследовательскую деятельность в виртуальном пространстве с использованием сетевых компьютеров и современных информационно-коммуникационных технологий в целом. Кроме термина «кибернаука», современный процесс трансформации научно-исследовательских практик под влиянием Интернет-технологий выражается такими понятиями, как: «Сервис-ориентированная наука» (И. Фостер, Л. Лимин), «Наука огромных объемов данных» (Petascale Science), «Наука 2.0» (М. Уолдроп), «Открытая наука», «Электронная наука» (Дж. Тейлор, Т. Хей, П. Вутерс, Д. Аткинс, Дж. Фрай, К. Хайн) и др. [11, с. 157].

Анализируя смысл термина «киберпространство», можно полагать, что это некий мир, наделенный протяженностью, имеющий метрические характеристики и представленный в нашем сознании. Он «заполнен» хранилищами информации и развлечений: книгами, газетами, целыми библиотеками, музеями, архивами, телепрограммами, видео- и фильмотеками и пр. Однако исследователи киберпространства отмечают, что этот феномен не может быть объяснен посредством пространственных характеристик, соответствующих медиа предшествующих времен. С современной эпохой ассоциируются такие понятия, как «файл», «папка», «окно», «веб-страница», «веб-портал», «гиперссылка», «сайт», «глубина посещения», «электронная публикация», «электронный адрес (URL)» и др.

Российский психолог А.Е. Войскунский сравнивает киберпространство с особой, «специфической» картой: во-первых, ни в какой момент времени ее нельзя увидеть целиком, так как всегда раскрывается только ее часть, правда раскрывать ее можно с любого места, ибо это карта «со множеством входов»; во-вторых, карта эта постоянно изменяется, что отражает мобильность развивающегося киберпространства; в-третьих, протяженность интервалов между информационными массивами посетителю неизвестна [12, с. 70].

Возможно понимание киберпространства как «взаимосвязанных интервалов», оно не противоречит представлению, согласно которому киберпространство совпадает по своим содержательно-топологическим структурам с гипертекстом. Тогда главной его характеристикой будет не протяженность, а структурированность, насыщенность разнообразными связями («супермагистралями»), а также содержательная полнота, то есть отражение всех позиций и точек зрения. «Более того, у каждого человека складывается своя собственная метафора киберпространства: гипертекст нелинеен, обладает множеством “точек входа”, никому не суждено обойти его целиком, а индивидуальные кибермаршруты неповторимы. Кажется, что предложенное представление расходится с впечатлением, согласно которому среди характеристик киберпространства – его протяженность и возможность подолгу странствовать в нем. Многие полагают, что притягательность киберпространства зависит от наличного опыта «по-

гружения» в это пространство и от знания рекомендуемых способов передвижения в нем. Способы перемещения в киберпространстве обросли собственными метафорами – чаще всего говорится о “серфинге” или “навигации”, что в определенной степени родственно кибернетическим представлениям, предложенным Н. Винером (“кибернет” как кормчий)» [12, с. 74].

В киберпространстве встречаются не только различные варианты информации, но и люди. Последние годы «человеческая» составляющая выделяется отдельно под наименованием «социальной виртуальной реальности». Здесь представлено все разнообразие человеческих типов, интересов и увлечений. Можно сказать: киберпространство преобразуется в набор клубов по интересам и компаний, где каждый найдет себе место.

Таким образом, исследование образа киберпространства показывает, что оно имеет в основном текстовый характер и организовано в форме гипертекста – информационных массивов, самопрезентаций, различных игр и развлечений. Это как раз соответствует некоторым выводам М. Маклюэна о том, что электронные медиа свидетельствуют о происходящей замене читающего «типографского человека» массовым потребителем аудиовизуальной продукции.

Подводя итоги, можно выделить следующие позиции в понимании виртуальной реальности и киберпространства: материальная реальность – частный случай виртуальной реальности; виртуальная реальность и материальная реальность равноправны; материально-телесная реальность, прежде всего человек, является условием возможности виртуальной реальности, хотя человек и присутствует в виртуальной реальности как виртуальный свидетель, пользователь и создатель виртуальной реальности, однако она «существует» в воображаемом пространстве и времени, в его восприятии и сознании. Если обратиться к современному словарю: виртуальная реальность или виртуальный мир – это: 1) в широком смысле – вся символическая реальность, создаваемая человеком, мир культуры, знаков, мифов, символов и образов религий, идеальных объектов и теорий науки, образов и героев искусства и литературы; 2) в узком смысле – искусственная реальность, которая создается человеком с помощью технических средств (компьютеров, компьютерных сетей и др.) и с которой он взаимодействует, воспринимая предметы виртуальной реальности в своем сенсорном поле и отвечая на ее стимулы своими реакциями (сенсорными, моторными и др.) [13, с. 13]. Согласно автору «Манифеста виртуалистики» профессору Н.А. Носову, главными характеристиками виртуальной реальности являются: порожденность, актуальность, автономность, интерактивность. Развитие современного информационного общества породило метафору киберпространства. Образ виртуальной реальности как киберпространства, впервые предложенный в конце XX века фантастом У. Гибсоном, отражает новую, постнеклассическую парадигму мышления, в которой отражается сложность устройства современного мира, в том числе представление о мире как обществе «сетевых структур (network society)». И, наконец, разработка единой теории виртуальной реальности является, в настоящее время, предметом серьезных дискуссий. Для ее понимания следует рассматривать «новую» философию, «новую» психологию и «новую» культуру. Но средства коммуникации не стоят на месте, и кто знает, как скоро и до какой степени близко мы приблизимся к реализации фантастической идеи киберпространства.

Литература

1. Эко, У. От Интернета к Гутенбергу / У. Эко // Новое литературное обозрение. – 1998. − № 32. − С. 5–14.

2. Аквинский, Фома. Сумма теологии / Фома Аквинский // Антология мировой философии. − Т. 1. − Ч. 2. – М., 1969.

3. Кузанский, Николай. О видении Бога / Николай Кузанский // Сочинения : в 2 т. – Т. 2. – М., 1980.

4. Носов, Н.А. Виртуальная реальность / Н.А. Носов // Вопросы философии. – 1999. − № 10. − С. 152–164.

5. Цит. по: Девис, Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / Э. Девис. – Екатеринбург, 2008. – 480 с.

6. Цит. по: Грязнова, Е.В. Виртуальная реальность: анализ смысловых элементов понятия / Е.В. Грязнова // Философские науки. – 2005. – № 2. – С. 125–143.

7. «Матрица» как философия : эссе / пер. с англ. О. Турухиной. – Екатеринбург, 2005.

8. Цит. по: Багдасарьян, Н.Г. Виртуальная реальность: попытка типологизации / Н.Г. Багдасарьян, В.Л. Силаева // Философские науки. – 2005. – № 6. – С. 41–42.

9. Цит. по: Скородумова, О.Б. Интернет и его основные социокультурные функции / О.Б. Скородумова // Философия и общество. – 2004. – № 1. – С. 119–138.

10. Ланир, Дж. Вы не гаджет. Манифест / Дж. Ланир ; пер. с англ. М. Кононенко. – М., 2011.

11. Журавлева, Е.Ю. Научно-исследовательская структура Интернет / Е.Ю. Журавлева // Вопросы философии. – 2010. – № 8. – С. 155–166.

12. Войскунский, А.Е. Метафоры интернета / А.Е. Войскунский // Вопросы философии. – 2001. – № 11. – С. 64–79.

13. Новая Российская энциклопедия : в 12 т. – Т. 4 / редкол.: А.Д. Некипелов, В.И. Данилов-Данильян [и др.]. – М., 2007.

Гомельский государственный технический
университет им. П.О. Сухого

Поступило 06.03.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

Филология

УДК 811.161.1:811.581

Специфика языковой квантификации веществ (на материале партитивных конструкций в русском и китайском языках)

Н.В. Кралевич

В статье проводится сравнительный анализ лексического наполнения партитивных конструкций с наименованиями веществ в русском и китайском языках. Определяется набор наиболее частотных партитивов, входящих в исследуемые конструкции, а также лексико-семантические типы веществ, подвергаемые языковой квантификации; выявляются особенности сочетаемости партитивов с различными наименованиями веществ в русском и китайском языках.
Ключевые слова: партитив, партитивная конструкция, семантика, наименование вещества, квантификация.

The comparative analysis of the lexical components of the partitive constructions with names of substances in the Russian and Chinese languages is carried out in the article. We also define a set of most frequent partitives in the partitive constructions, as well as lexical-semantic types of substances to be subjected to linguistic quantification, specify compatibility features with the different names of substances in the Russian and Chinese languages.
Keywords: partitive, partitive construction, semantics, name of substance, quantification.

Квантификация объектов опирается на фундаментальное подразделение сущностей: недискретных (*вода, молоко*) и дискретных (*собака, дом, велосипед*). А.Д. Шмелев отмечает, что количественная оценка дискретных множеств происходит по числу их элементов, а недискретных объектов – с точки зрения возможности их измерения (веса, объема и т. д.) [1, с. 512–513].

В основе измерения веществ как недискретных сущностей лежит представление об их квантах. Под квантом понимается часть некоторого данного вещества, отделенная от него с помощью различных средств (контейнеров, измерительных приборов и т. д.). Соответственно, способом измерения количества вещества является его разделение, т. е. вычленение части этого вещества. Одним из языковых средств выражения данного процесса в русском и китайском языках являются партитивные конструкции различного типа. Например, *ведро воды, стакан сахара, ложка спирта* и т. д.

Целью данной статьи является определение специфики сочетаемости партитивов с наименованиями веществ в русском и китайском языках. Поставленная нами цель предполагает решение следующих задач: 1) установить набор и провести сравнительно-сопоставительный анализ партитивов в конструкциях с наименованиями веществ в русском и китайском языках; 2) провести лексико-семантический анализ наименований веществ, входящих в партитивные конструкции, в русском и китайском языках; 3) выявить особенности сочетаемости партитивов с наименованиями веществ в русском и китайском языках.

Структура партитивных сочетаний представляет собой наличие двух компонентов – существительного, обозначающего часть (партитив[1]), и существительного, обозначающего

[1] Рассматривая конструкции со значением «часть целого» как средство выражения количества, ученые используют различную терминологию: счетные обороты (Б. Тошович), квантитативные словосочетания (Н.Н. Бочкарева), а заключенное в них существительное со значением часть именуют меронимами (Д. Круз, Ю.Н. Русина), партонимами (Brown), специфическими мерами (А.Е. Супрун), квантификаторами массы (А.А. Уфимцева), окказиональными порциями (С.А. Крылов), именами неопределённого малого и большого множества (В.В. Виноградов). Вслед за М.Н. Никитиным в настоящей работе для обозначения понятия о части целого используется термин *партитив*.

целое. Например, *долька апельсина, кусок бумаги, часть компьютера, капля любви, лента новостей* и др.

Обязательными для партитивных конструкций в нашем исследовании также явились два компонента: партитив (существительное, обозначающее часть от гомогенного целого и имеющее формулу словарного толкования «часть (чего-нибудь)», «部分 'bùfen'») и существительное с вещественным значением, например, в русском языке – *стакан воды, слой соломы, кусок золота, плитка шоколада*, в китайском языке – 一把米 *'yī bǎ mǐ' горсть риса,* 一包糖 *'yī bāo táng' пакет сахара,* 一杯茶 *'yī bēi chá' чашка чая,* 一▪漆 *'yī céng qī' слой краски*[2].

Как уже было отмечено выше, наименования веществ могут быть квантифицированы посредством лексем, описывающих их размер, форму, объем и т. д. Поэтому к партитивам мы также относим разнообразные мезуративы: *банка, вагон, пачка, фляга, ложка, рюмка* и др., а также другие существительные, с помощью которых может быть очерчена форма и ограничено вещество, например, *облако, гора*.

Не менее сложным является также отнесение того или иного существительного к вещественным. Вещества – это некие объекты, явления окружающего нас мира, обладающие свойством недискретности, т. е. неразложимостью отдельных слитных дискретных элементов, а недискретностью характеризуется все то, что находится в неделимом, гомогенном, слитном состоянии, не имеет видимой и ощущаемой физической формы, которую можно охарактеризовать по параметрам длина-ширина-высота. В соответствии с исследованиями естественных наук данные характеристики не могут быть даны объектам, принадлежащим к группе веществ, в которую входят металлы, различные химические соединения и сплавы, жидкости, газы, растворы и т. д.

Таким образом, в языке можно говорить о ряде формальных показателей-идентификаторов, наличие которых в дефиниции той или иной лексемы может служить критерием отнесения ее к наименованиям веществ[3]: для нашего исследования в русском языке – это такие показатели, как *только ед., только мн., нет мн., вещество,* а также группа конкретизаторов, через которые методом ступенчатой идентификации можно придти к понятию *вещество: кушанье, напиток, металл, сплав, органическое и неорганическое соединение, химический элемент, жидкость, газ, раствор, препарат, ткань, мех, кожа, волокно, почва, осадки, минерал, камень, строительный материал, лекарство;* в китайском языке – *物▪ 'wùzhí' вещество,* ▪*料 'yǐnliào' напиток,* 液 *'yè'(液体 'yètǐ') жидкость,* 金属 *'jīnshǔ' драгоценный металл,* 合金 *'héjīn' сплав,* 有机和无机化合物 *'yǒujī hé wújī huàhéwù' органические и неорганические соединения,* 化学元素 *'huàxué yuánsù' химический элемент,* 气体 *'qìtǐ' газ,* 溶液 *'róngyè' раствор,* ▪*物 'zhīwù' ткань,* 毛皮 *'máopí' мех,* 皮革 *'pígé' кожа,* ▪▪ *'xiānwéi' волокно,* 土壤 *'tǔrǎng' почва,* 底泥 *'dǐní' осадки,* ▪*物▪ ' kuàngwùzhí' минерал,* 石 *'shí' камень,* 建材 *'jiàncái' строительный материал,* 材料 *'cáiliào' материал,* ▪ *'yào' лекарство.*

Следует отметить, что ряд существительных, в зависимости от критерия анализа, может быть отнесен к собирательным существительным. Эта проблема особенно актуальна для наименований различных растений (злаков, зерновых, овощей и др.), например, существительные *виноград* или *изюм* – собирательные у А.Н. Гвоздева [2] и вещественные у А.А. Шахматова [3]. Эта проблема может быть решена несколькими способами. Во-первых, некоторые авторы относят вышеназванные существительные к именам существительным с вещественно-собирательным значением [4]; выделяют их как конкретно-предметные существительные, употребленные в собирательном значении [5], приравнивают к вещественным [6], подчеркивают наличие элементов вещественности [7]. Во-вторых, существуют подгруппы внутри класса вещественных существительных: имена вещественные недискретные (вы-

---

[2] Словосочетания *килограмм сахара, литр молока, тонна бензина* и т. д. мы не рассматриваем в нашем исследовании, т. к. наименования основных единиц измерения являются, в первую очередь, специальным «инструментом» точных наук и относятся больше к метрической системе, нежели к партитивности.

[3] Для отнесения нами лексемы к наименованиям веществ обязательно наличие одновременно двух показателей: грамматических идентификаторов и группы конкретизаторов.

членить элемент из массы невозможно, например, *вода, молоко* и т. д.) и имена вещественные дискретные (*рыба, виноград* и т. д.) [8]. В-третьих, значение вещественных существительных можно узнать по контексту. Так, например, в сочетаниях *тарелка винограда* и *виноград подмерз* в первом случае мы имеем дело с вещественным существительным, а во втором – с собирательным [9]. Принимая точку зрения В.В. Виноградова, наименования различных растений (злаков, овощей, ягод и т. п.) мы не относим к вещественным существительным, т. к. они, как уже было отмечено выше, – конкретные существительные, употребленные в собирательном значении, о чем есть соответствующие пометки в словарях. При наличии идентификатора *собир.* лексема не была отнесена нами к наименованиям веществ.

Наименования веществ зачастую являются многозначными лексемами, в семантической структуре которых может быть два и более значений. Затрагивая проблему многозначности вещественных существительных, Р.М. Шахбазян приводит некоторые примеры, где значение вещественного существительного переносится на характер человека (*закваска*), социальную среду (*почва*), некоторые абстрактные понятия (*шелуха, канва*) и др. [10]. Анализ таких лексем мы проводили только по значению, где имеют место описанные выше идентификаторы. Например, согласно словарю Д.Н. Ушакова лексема *стекло* имеет три значения:

1. ***только ед.*** *Очень хрупкое прозрачное* ***вещество****, получаемое из кварцевого песка путем его плавления и химической обработки;*

2. Тонкий ***лист****,* ***пластина*** *или* ***вещь****, выделанные из этого вещества;*

3. ***только ед., собир****.* ***Изделия*** *из этого вещества.*

В данном случае мы будем рассматривать лексему стекло в первом значении, т. к. здесь есть два главных для нас идентификатора – *только ед.* и *вещество*. Во втором значении нет указанных конкретизаторов, в третьем – есть формальный показатель *только ед.,* но присутствует и пометка *собир.,* следовательно, в материал нашего исследования лексема попадает только в первом значении.

Источниками для отбора материала исследования послужили различные печатные издания, а также их электронные версии, корпуса текстов. С развитием информационных технологий и созданием электронных корпусов текстов различных языков стало возможным исследовать текстовый материал значительно быстрее и удобнее. В то же время разный объем и наполняемость корпусов текстов поставил перед исследователем ряд проблем, особенно при проведении сопоставительных исследований, связанных с репрезентативностью и сопоставимостью объемов используемых корпусов текстов.

Количественный состав национальных корпусов русского и китайского языков значительно различается. Более объемным является Национальный корпус русского языка. Значительно менее объемным предстает корпус китайского языка. Однако для точности получаемых данных и достижения сопоставимости количественный показатель объема корпусов должен быть выровнен. С этой целью, кроме вышеназванных национальных корпусов, мы использовали также Корпус китайского языка, разработанный Пекинским лингвистическим университетом (CCL ▪ 料 ▪), объем которого составляет более 477 млн. иероглифов. Кроме того, компьютерный корпус текстов русских газет конца XX века, Большой Корпус русского языка, Корпус русского литературного языка. Таким образом, объем исследуемых корпусов составил около 700 млн. слов в каждом из языков.

Методом сплошной выборки были получены 4159 партитивных конструкций: 2081 в русском и 2078 в китайском языке. Анализ лексического наполнения партитивных конструкций со стороны существительного со значением «часть» позволил выявить и составить список партитивов, с помощью которых возможно членение недискретных сущностей (веществ) в обоих языках: в русском языке количество партитивов составило 242 лексические единицы, в китайском языке – 78 лексических единиц. Несмотря на свою универсальность, категория партитивности все же имеет специфику в отношении русского и китайского языка. Рассматривая партитивы в конструкциях с наименованиями веществ как языковые способы членения недискретной сущности, можно сказать о том, что их количество в русском языке значительно превышает соответствующее количество в китайском языке.

Наиболее частотные партитивы были выделены нами по количеству партитивных конструкций, в которые они вошли (таблица 1). В подтверждение мы сравнили также их индексы частотности ipm (количество употреблений на миллион слов корпуса), значения которых указаны в Частотном словаре современного русского языка О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова (2009) [11]. При очень маленьком показателе индекса (меньше 10^4) лексема не входила в наиболее частотные партитивы с наименованиями веществ в русском языке.

Таблица 1 – Наиболее частотные партитивы с наименованиями веществ в русском и китайском языках

№ п/п	Русский язык	Количество партитивных конструкций	Китайский язык	Количество партитивных конструкций
1	Кусок	131	▪ 'kuài' Кусок	219
2	Слой	93	▪ 'céng' Слой	196
3	Часть	87	部分'bùfen' Часть	159
4	Ложка	77	碗'wǎn' Миска (пиала)	148
5	Остатки	76	杯'bēi' Стакан	146
6	Капля	75	桶'tǒng' Ведро	133
7	Бутылка	64	瓶'píng' Бутылка	117
8	Порция	62	勺'sháo' Ложка	98
9	Стакан	58		
10	Ведро	42		
	Общее количество партитивных конструкций в русском языке	765	**Общее количество партитивных конструкций в китайском языке**	1216
	% от общего числа партитивных конструкций в русском языке	36%	**% от общего числа партитивных конструкций в китайском языке**	59%

Наиболее частотным партитивом в русском и китайском языках является лексема *кусок*, например, ***куски*** *соломы,* ***кусок*** *асфальта,* ***куски*** *бетона,* ***кусок*** *цемента, тяжелый* ***кусок*** *бута,* ***кусок*** *толстого линолеума, несколько* ***кусков*** *древесины,* ***кусок*** *белой бумаги, 一▪布 'yīkuài bù' кусок ткани, 一▪▪子 'yīkuài chóuzi' кусок шелка, 一▪豆腐 'yīkuài dòufu' кусок сыра Тофу* и др.

Менее частотными в русском языке являются такие партитивы, как *слой, часть, ложка, остатки, капля* (***слой*** *бетона,* *тонкий* ***слой*** *раствора,* *с висящими* ***слоями*** *штукатурки,* ***часть*** *глазури,* ***ложка*** *масла,* ***ложка*** *пасты,* ***остаток*** *масла,* ***капли*** *керосина, одна* ***капля*** *витамина* и др.).

В китайском языке менее частотными оказались партитивы *слой* и *часть* (*一▪▪ 'yī céng wù' слой тумана, 一▪石灰 'yī céng shíhuī' слой извести, 一▪水 'yī céng shuǐ' слой воды, 一▪▪ 'yī céng zhǐ' слой бумаги, 部分煤 'bùfèn méi' часть угля, 部分沙子 'bùfèn shāzi' часть песка, 部分空气 'bùfèn kōngqì' часть воздуха, 部分漆 'bùfèn qī' часть краски* и др.).

С целью выявления и определения особенностей способов языкового выражения членения наименований веществ в рамках определенных лексико-семантических классов, а также качественного и количественного состава партитивов, с помощью которых возможно языковое членение наименований отдельных веществ, нами разработана лексико-семантическая классификация наименований веществ, входящих в исследуемые партитивные конструкции.

[4] Значение индекса imp наиболее частотных партитивов может доходить до 500 употреблений на миллион слов корпуса.

Лексико-семантическая классификация наименований веществ построена на основании лексико-семантической классификации, описанной в Русском семантическом словаре под редакцией Н.Ю. Шведовой [12]. Будучи одной из наиболее авторитетных лексико-семантических классификаций, она нашла самое широкое распространение в современных лексико-семантических исследованиях. Широта и всеохватывающий характер этой классификации позволяет наиболее точно установить лексико-семантические характеристики исследуемых имен существительных с вещественным значением.

Лексико-семантическая классификация в русском языке включает в себя 55 классов наименований веществ. Это такие классы, как «Драгоценные металлы» (*золото, серебро*), «Основные простые вещества» (*кислород, углерод*), «Горные породы» (*гранат, гранит*), «Затвердевающие прочные материалы» (*асфальт, бетон*), «Токсические вещества» (*гашиш, героин*) и др.

Количество партитивов, входящих в конструкции с наименованиями разных веществ, различно. В русском языке самыми многочисленными лексико-семантическими классами по количеству партитивов в сочетании с относящимися к данному классу наименованиями веществ являются «Отходы, остатки собранного, отработанного», «Затвердевающие прочные материалы», «Крупы, блюда из круп», «Сыры», «Супы», «Молочные изделия: жидкости» (таблица 2).

Таблица 2 – Лексико-семантическая классификация наименований веществ в исследуемых партитивных конструкциях и количество партитивов, с помощью которых возможно их членение в русском языке

№ п/п	**Наименование лексико-семантического класса**	**Пример вещественных существительных, входящих в данный класс**	**Количество партитивов, с помощью которых возможно языковое членение данного вида веществ**	**Пример партитивов, с помощью которых возможно языковое членение данного вида веществ**
1	Отходы, остатки собранного, обработанного	*Солома, гуано, навоз, перегной, удобрение*	41	*Слой, скирда, будылья, охапка, копна, телега, мешок*
2	Соединения вещества (органические и неорганические)	*Вода, известь*	38	*Стакан, чашка, бутылка, бочка* и др.
3	Блюда из круп	*Хлеб*	34	*Ломтик, буханка, комочек, огрызок* и др.
4	Молочные изделия (жидкости)	*Кефир, кумыс, молоко, простокваша*	33	*Бидон, глоток, чашка, фляга* и др.
5	Затвердевающие прочные материалы	*Асфальт, бетон, гудрон, железобетон, цемент, штукатурка*	31	*Капля, мешок, бочка, вагон, пакет, кусок, глыба* и др.
6	Молочные изделия, сыры	*Брынза, сыр, рокфор*	28	*Корка, пластина, шарик* и др.
7	Супы и другие первые блюда	*Бульон, суп, борщ*	28	*Горшочек, черпак, миска* и др.

В китайском языке наиболее многочисленными по количеству партитивов, входящих в партитивные конструкции с наименованиями веществ, являются наименования веществ, которые могут быть отнесены к таким лексико-семантическим классам, как «Соединения вещества (органические и неорганические)», «Мясо, блюда из мяса», «Напитки алкогольные», «Крупа, мука, сыпучее» и др. (таблица 3).

Наиболее многочисленным лексико-семантическим классом по количеству партитивов, входящих в партитивные конструкции с наименованиями веществ, относящихся к этому классу, общим для китайского и русского языков, является класс «Соединения вещества (органические и неорганические)». Вода для каждого человека является жизненно необходимым веществом, поэтому не случайно и квантификация подобного рода веществ чрезвычайно важна.

Таблица 3 – Лексико-семантическая классификация наименований веществ в исследуемых партитивных конструкциях и количество партитивов, с помощью которых возможно их членение в китайском языке

№ п/п	Наименование лексико-семантического класса	Пример вещественных существительных, входящих в данный класс	Количество партитивов, с помощью которых возможно языковое членение данного вида веществ	Пример партитивов, с помощью которых возможно языковое членение данного вида веществ
1	Соединения вещества (органические и неорганические)	水 *'shuǐ'* *вода*	19	碗 *'wǎn' пиала*, 杯 *'bēi' стакан*, 部分 *'bùfen' часть*
2	Мясо, блюда из мяса	肉 *'ròu'* *мясо*	15	▪ *'kuài' кусок*, 碟 *'dié' блюдце*, 部分 *'bùfen' часть*, ▪ *'céng' слой*, ▪ *'guō' горшок*
3	Напитки алкогольные	白酒 *'báijiǔ'* *водка*	13	杯 *'bēi' стакан*, 瓶 *'píng' бутылка*, 部分 *'bùfen' часть*, 碗 *'wǎn' пиала*
4	Осадки	雪 *'xuě'* *снег*	11	▪ *'tuán' сугроб*, 条 *'tiáo' полоса*, 部分 *'bùfen' часть*
5	Древесные материалы	▪ *'zhǐ'* *бумага*	11	沓 *'dǎ' стопка*, 束 *'shù' связка*, 片 *'piàn' кусок*, 包 *'bāo' охапка*, 卷 *'juǎn' сверток*
6	Крупа, мука	面粉 *'miàn fen'* *мука*	11	袋 *'dài' мешок*, ▪ *'céng' слой*, ▪ *'pán' тарелка*, 批 *'pī' партия*, 部分 *'bùfen' часть*

Таким образом, состав лексико-семантических классов распределился по-разному в китайском и русском языках. В русском языке наименования веществ, которые могут быть членимы в естественном языке наибольшим количеством способов, вошли в такие лексико-семантические классы, как «Молочные изделия: жидкости», «Супы и другие первые блюда», «Затвердевающие прочные материалы», «Молочные сыры», в то время как в китайском языке представлены другие лексико-семантические классы: «Мясо, блюда из мяса», «Напитки алкогольные», «Крупа, мука», «Древесные материалы» и др. Следует отметить, что в обоих языках большинство групп включили наименования продуктов питания, однако виды этих продуктов отличаются. В русском языке – это наименования молочных продуктов таких, как *молоко, сыр, суп, кефир*. В китайском языке – это мясные продукты, крупы, напитки алкогольные, например, 猪肉*'zhūròu' свинина,*牛肉 *'niúròu' говядина,*葡萄酒*' pútaojiǔ' вино,* 米*' mǐ' рис,* 面粉*' miànfen' мука,* что свидетельствует о национально-культурных особенностях стран исследуемых языков: такие продукты, как *кефир, сметана, творог* почти полностью отсутствуют в рационе китайцев, в то же время из мясных продуктов они готовят огромное количество разнообразных блюд, поэтому наличие различных языковых способов квантификации последних не случайно.

Кроме того, количество языковых способов членения одних и тех же продуктов и их качественный состав также различны. Рассмотрим, например, лексему *вода*. В русском языке количество партитивов, входящих в партитивную конструкцию с данным наименованием вещества – 38, в китайском – 19, следовательно, в русском языке число языковых способов членения *воды* намного выше, чем в китайском языке. Более того, их качественный состав также различен (таблица 4).

Таблица 4 – Примеры партитивных конструкций с лексемой *вода* в русском и китайском языках

Русский язык	Китайский язык
1. 3 **стакана** воды 2. **кружкой** горячей воды 3. **бокалом** целебной воды	一杯水’ yībēi shuǐ’
1. **ложками** горячей воды 2. три **скорлупки** воды	一勺水’ yī sháo shuǐ’
1. **часть** воды	部分水 ‘bùfèn shuǐ’
1. **пласт** воды 2. **толще** воды 3. **слоя** воды	一▪水 ‘yī céng shuǐ’
1. две **капли** воды	一滴水 ‘yī dīshuǐ’
1. **струйки** дождевой воды 2. с сильной **струёй** воды	一流水 ‘yī liúshuǐ’
1. **бидонище** питьевой воды 2. **ведро** воды 3. **котелок** горячей воды 4. 12 **бочек** воды 5. **баллоны** воды 6. **баночек** воды	一桶水 ‘yī tǒng shuǐ’
1. несколько **глотков** воды	一口水 ‘yīkǒu shuǐ’
1. **бутылку** воды 2. с **графином** воды	一瓶水 ‘yī píng shuǐ’
1. **кувшин** воды 2. **кувшинчик** воды	一▪水 ‘yī hú shuǐ’

Нескольким языковым способам членения лексемы *вода* в русском языке соответствует один в китайском языке, и наоборот. Например, лексеме 桶 *‘tǒng’* в китайском языке, в понятие которой включаются все контейнеры большого размера, вертикальные, преимущественно с открытым верхом, соответствуют 6 вариантов в русском языке. Более того, наименования веществ, принадлежащие к различным лексико-семантическим классам, входят в состав партитивных конструкций с одинаковыми партитивами. Например, в русском языке партитив *бочка* может сегментировать наименования веществ, которые относятся к таким лексико-семантическим классам, как «Затвердевающие, прочные материалы», «Топливо», «Краски, лаки, красящие вещества», «Алкогольные напитки», «Горючие, зажигательные, взрывчатые вещества», «Драгоценные металлы», «Соединения веществ (органические и неорганические)», «Жиры»; в китайском языке – «Топливо», «Соединения веществ (органические и неорганические)», «Безалкогольные напитки», «Алкогольные напитки», «Краски, лаки, красящие вещества», «Блюда из круп», «Почва, грунт», «Драгоценные металлы», «Супы», «Осадки», «Рыба и продукты из рыбы». В китайском языке употребительность вышеназванного партитива шире, чем в русском языке, ввиду того что он членит больше наименований веществ, чем в русском языке. В то же время существуют партитивы, которые «делят» единичные или относящиеся только к одному лексико-семантическому классу наименования веществ. Например, в русском языке – ***скирда*** *соломы,* ***будылья*** *соломы,* ***шмат*** *навоза,* ***плита*** *железобетона,* ***блок*** *бетона,* ***кадка*** *кирпича,* ***настил*** *линолеума* и др.; в китайком языке – *一沓白▪ 'yī dá báizhǐ' стопка бумаги, 一服中▪ 'yī fú zhōngyào' доза лекарства, 一▪汗珠 'yī kē hàn' капелька пота, 一匹布 'yī pǐ bù' рулон ткани, 一篇儿信▪ 'yī piānr xìnzhǐ' лист бумаги, 一丸▪ 'yī wán yào' таблетка лекарства* и др.

Состав партитивов, входящих в партитивные конструкции с наименованиями различных веществ, относящихся к одному и тому же лексико-семантическому классу, может также различаться. Например, в русском языке в лексико-семантическую группу «топливо» входят наименования таких веществ, как газ, торф, уголь, кизяк, однако количество партитивов, с помощью которых возможно их разделение, значительно разнится: газ – 9, торф – 10, уголь –

30, кизяк – 6. Общим для наименований всех веществ, представленных в этом классе, является только партитив *часть,* партитивы *доля, слой, кусок/кусочек* являются способами языкового выражения членения для 75% наименований веществ этого лексико-семантического класса, а *машина, груда, ведро* – для 50% наименований веществ. Это объясняется, в первую очередь, разными физическими свойствами рассматриваемых веществ, от которых в большинстве случаев зависит выбор того или иного контейнера, а также частотностью употребления самих наименований делящихся веществ.

Проведенный анализ партитивных конструкций с наименованиями веществ в русском и китайском языках показал следующее: количество способов языкового выражения членения веществ значительно выше в русском языке, чем в китайском языке; ядерный состав наиболее частотных партитивов, которые входят в партитивные конструкции с вещественными существительными в русском и китайском языках, демонстрирует наличие значительных расхождений; в китайском языке наиболее многочисленными по количеству партитивов, входящих в партитивные конструкции с наименованиями веществ, являются наименования веществ, которые относятся к лексико-семантическим классам «Соединения вещества (органические и неорганические)», «Мясо, блюда из мяса», «Напитки алкогольные», «Крупа, мука, сыпучее», в русском языке – «Соединения вещества (органические и неорганические)», «Отходы, остатки собранного, отработанного», «Затвердевающие прочные материалы», «Крупы, блюда из круп», «Сыры», «Супы», «Молочные изделия: жидкости».

Таким образом, несмотря на универсальность категории партитивности, ее реализация в русском и китайском языке находит множество расхождений. Различия в количественном и качественном составе партитивов в партитивных конструкциях с наименованиями веществ связаны, с одной стороны, с наличием различных средств языковой квантификации недискретных сущностей, а с другой – обусловлены экстралингвистическими причинами, проявляющимися в уникальной языковой картине мира. Различия в составе и наполнении лексико-семантических классов с наименованиями веществ, входящих в партитивные конструкции, свидетельствуют об отражении в языке наиболее и наименее значимых способов сегментации недискретных сущностей, которые не совпадают в русской и китайской культурах и образуют тот пласт лексем, с помощью которых возможно языковое членение наименований веществ.

Литература

1. Шмелев, А.Д. Параметры количественной оценки в естественном языке / А.Д. Шмелев // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. – М. : Индрик, 2005. – 672 с.

2. Гвоздев, А.Н. Фонетика и морфология / А.Н. Гвоздев // Современный русский литературный язык : в 2 ч. – М. : Просвещение, 1973. – Ч. 1. – 432 с.

3. Шахматов, А.А. Очерк современного русского литературного языка / А.А. Шахматов. – М. : Учпедгиз, 1941. – 288 с.

4. Русская грамматика – 80 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://rusgram.narod.ru. – Дата доступа : 12.09.2012.

5. Виноградов, В.В. Исследования по русской грамматике / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1975. – 559 с.

6. Калечиц, Е.П. Переходные явления в области частей речи / Е.П. Калечиц. – Свердловск : Изд-во Уральского гос. ун-та, 1977. – 77 с.

7. Борисова, Т.Г. Словообразовательная категория вещественных имен существительных с мутационным словообразовательным значением в современном русском языке : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Т.Г. Борисова. – Ставрополь, 2002. – 231 с.

8. Кацнельсон, С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / С.Д. Кацнельсон. – М. : Наука, 1965. – 109 с.

9. Калечиц, Е.П. Взаимодействие слов в системе частей речи / Е.П. Калечиц. – Свердловск : Изд-во Уральского гос. ун-та, 1990. – 157 с.

10. Шахбазян, Р.М. Вещественные существительные Singularia tantum в современном русском языке : дис. … канд. филол. наук / Р.М. Шахбазян. – Ереван, 1961. – 242 с.

11. Частотный словарь современного русского языка / под ред. О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://dict.ruslang.ru/freq.php. – Дата доступа : 09.01.2013.

12. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 1 : Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос) / РАН. Ин-т русск. яз. ; под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 1998. – 807 с.

Минский государственный
лингвистический университет

Поступило 01.07.13

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(79), 2013

УДК 821.111(73)-3.09(045)

Преломление региональных фольклорных традиций в новеллистике писателей Юга США Уильяма Фолкнера, Эрскина Колдуэлла, Юдоры Уэлти

И.К. Кудрявцева

В статье исследуется влияние поэтики устного рассказа и, в частности, фольклорного анекдота на жанрово-стилевой облик новеллистики писателей Юга США Уильяма Фолкнера, Эрскина Колдуэлла, Юдоры Уэлти. Особое внимание в статье уделено рассмотрению специфических черт юмористики Юго-Запада, сформировавшейся в первой половине XIX в. на стыке литературы и фольклора. Произведения «юмористов» стали своего рода прецедентным текстом для прозы рассматриваемых авторов, богатейшим источником анекдотических ситуаций, характерных для Юга типажей. В статье определены пути, по которым шла трансформация региональных фольклорных традиций в малой прозе рассматриваемых авторов в зависимости от их индивидуальных мировоззренческих и эстетических установок.
Ключевые слова: новеллистика, фольклор, анекдот, юмор Юго-Запада, «южная школа».

The author of the article explores the influence of regional oral storytelling tradition and in particular of folk humour upon the genre and style characteristics of the short stories written by Southern American authors William Faulkner, Erskine Caldwell, Eudora Wetly. The object of the author's special attention is the literary tradition of Southwest humor which was formed on the basis of regional folklore in the early 19th century and served as a rich source of plots and images for the 20th century authors. The author traces the ways in which the conventions of folk and literary humour were appropriated and transformed in the short prose of Faulkner, Caldwell and Welty according to each author's worldview and aesthetics.
Keywords: short story, folklore, anecdote, Southwest humour, southern school.

Жанр рассказа оставался актуальным для американской литературы на всех этапах её становления и развития. В XX в. для писателей Юга США У. Фолкнера, Э. Колдуэлла, Ф. О'Коннор, Ю. Уэлти, П. Тейлора и других рассказ стал не просто возможностью выхода на более широкую аудиторию или писательской «пробой пера». В условиях радикальных общественно-политических и социально-экономических перемен в регионе именно рассказ позволил писателю-южанину оперативно откликнуться на актуальные проблемы времени, выразить свою гражданскую позицию, изобразить человека в переломные моменты становления, формирования духовно-нравственных ориентиров. О достижениях представителей «южной школы» американской литературы в разработке идейно-художественного потенциала малого жанра свидетельствует, в частности, то, что «Собрания рассказов» У. Фолкнера, Ф. О'Коннор и Ю. Уэлти были удостоены Национальной книжной премии (в 1950, 1971, 1983 годах соответственно).

Среди факторов, обусловивших тяготение писателей-южан к малому жанру, следует выделить влияние традиции устного рассказа, ставшей неотъемлемой чертой южного образа жизни и подпитывавшейся из таких источников, как негритянский и индейский фольклор. В искусстве устного рассказа нашли выражение такие грани менталитета южан, как бережное отношение к истории семьи и края, любовь к «сочному» народному слову, потребность в мифологизировании собственного существования. Литературоведы отметили не только устойчивость устного рассказа на Юге, но и его специфику. По мнению Е.А. Стеценко, в южной устной повествовательной культуре велика роль гротеска, трагикомизма, и это обнаруживается уже на этапе колонизации американских земель. Если мир пуритан был «пронизан провиденциальной волей» и в силу этого не мог быть профанным, то мир южных поселенцев был «приближен к человеку» и допускал «комическое освещение и прагматический, рационалистический подход к реалиям бытия» [5, с. 308].

Региональная традиция устного рассказа и возникший в XIX в. на ее основе пласт литературы, получивший название «юмористика Юго-Запада»[1], оказали существенное влияние на формирование образного, сюжетно-композиционного, языкового планов произведений большой и малой эпической форм таких южных авторов XX в., как Уильям Фолкнер (1897–1962), Эрскин Колдуэлл (1903–1987), Юдора Уэлти (1909–2001).

Произведения малой эпической формы юмористов Юго-Запада представляли собой литературные обработки «бродячих» фольклорных сюжетов (историй из жизни простого люда в южной глубинке и пограничных штатах) либо были стилизованы под фольклор полностью или частично. Как правило, они были построены по модели «анекдота» – краткого повествования с динамично развивающимся действием, неожиданной, парадоксальной развязкой, комическим эффектом. Юмористика Юго-Запада представлена такими именами, как О.Б. Лонгстрит («Сценки из жизни Джорджии» (*Georgia Scenes*, 1835)), Дж.Дж. Хупер («Приключения Капитана Саймона Саггса» (*Some Adventures of Captain Simon Suggs*, 1845)), М. Тензас (псевдоним Г. Льюиса) («Из жизни врача в болотах Луизианы» (*Odd Leaves from the Life of a Louisiana Swamp Doctor*, 1850)), Дж.Г. Болдуин («Бурные времена Алабамы и Миссисипи» (*Flush Times of Alabama and Mississippi*, 1853)), Т.Б. Торп «Улей “охотника на пчел”» (*The Hive of «The Bee-Hunter*, 1854)), Дж.В. Харрис («Байки Сата Лавингуда» (*Sut Lovingood: Yarns Spun By a ‘Nat'ral Born Durn'd Fool’*, 1867)) и др. Произведения большинства из вышеуказанных авторов были опубликованы впервые или представлены для более широкой аудитории на страницах журнала «Дух времени» (*Spirit of the Times*), издававшегося в Нью-Йорке с 1831 по 1856 гг. под руководством У. Портера.

Вопрос художественного своеобразия юмористики Юго-Запада затрагивался в работах зарубежных и российских исследователей. Обобщая высказывания таких российских литературоведов, как В.И. Яценко, Л.П. Башмакова, А.В. Ващенко, М.В. Тлостанова, можно выделить два фактора, определившие особенности поэтики этого пласта литературы: фольклорная основа и ориентация авторов на параметры развлекательного журнального рассказа.

В юмористике Юго-Запада стихия комического и поэтика разрушения привычных стандартов восприятия, характерные для таких специфически фольклорных жанров, как небылица (*tall tale*), байка (*yarn*), розыгрыш (*practical joke*), обнаруживаются на всех уровнях повествования – от создания образов героев до трактовки тем насилия и смерти, предстающих в характерном для регионального фольклора сниженном, карнавально-гротескном ключе. Связь с фольклором обусловила и особенности характерологии юмористики Юго-Запада. В региональном фольклорном сознании приоритет отдавался не классовым или расовым характеристикам человека, а таким личностным качествам, как практическая смекалка, изобретательность, инициативность, оптимизм, свободолюбие, непохожесть на остальных. Отсюда и значимость мотива испытания – проверки физической и нравственной силы человека, прочности партнерских, товарищеских, супружеских отношений. В то же время героика в региональном фольклоре органично сочеталась с юмором и бурлеском, тягой к чудесному и необычному: «Герой небылицы – фигура одновременно величественная и комичная: это краснобай, фантазер и сверхъестественный силач, твердый орешек, но и бахвал» [3, с. 387].

С другой стороны, ориентация авторов на параметры развлекательного журнального рассказа обусловила то, что герой (носитель демократических ценностей и/или устной повествовательной традиции) наделялся также чертами трикстера и функцией дестабилизации существующего миропорядка («Сценки из жизни Джорджии» О.Б. Лонгстрита, «Приключе-

[1] В.И. Яценко оперирует термином «Старый Юго-Запад» и соотносит это понятие с четкими временными (период до Гражданской войны 1861–1865 гг.) и территориальными рамками: «он, в отличие от современного Юго-Запада, включал Джорджию, Алабаму, Теннесси, Арканзас, Миссури, Миссисипи, Луизиану, восточную часть Техаса». Он также подчеркивает, что «Старый Юго-Запад был частью Юга, что перекликаясь порой с юмором Запада, юмор Юго-Запада тем не менее тяготел к южной литературе» [14, с. 65]. В вопросе о соотношении понятий «юмор фронтира» и «юмор Старого Юго-Запада» нам представляется верной точка зрения, высказанная А.В. Ващенко, согласно которой «фронтир может рассматриваться в более частных, местных категориях, учитывающих географические субрегионы» [2, с. 353]. Представляется также, что фронтир стал плодотворной, но не единственной средой формирования народного творчества и, в частности, традиций народного юмора [3].

ния Капитана Саймона Саггса» Дж.Дж. Хупера). Акцентирование авантюрной составляющей сюжета, гротескное заострение характеристик обывателей, «выворачивание наизнанку» существующих в социуме «норм» обусловили то, что картина южного общества у юмористов Юго-Запада зачастую представала в сатирическом ключе, что отметил В.И. Яценко, прямо указав на социальное содержание этого пласта литературы [14, с. 72]. В XIX в. взаимодействие смехового и проблемно-аналитического начал получит свою наиболее полную реализацию в творчестве М. Твена.

Представляется необходимым отметить, что ориентируясь на читателя, имеющего отдаленное или неполное представление о жизни южной провинции, юмористы Юго-Запада стремились представить региональные типажи и нравы как необычные и уникальные, рассчитывая не только на комический эффект, но и на эффект удивления. Тем самым, декларируя отход от политической проблематики, они косвенно способствовали укреплению идеологии «южной исключительности», формировавшейся на Юге в предвоенный период. Основными средствами эстетизации культурной экзотичности региона в юмористике Юго-Запада стали гротескное преувеличение, диалект, прием обрамления.

Путем введения обрамляющего повествования автор создавал для героя и события новый контекст, в котором они представали как нечто чужеродное и необычное, а вкупе с дискурсом «небывальщины» – забавное. Повествователь обрамления, как правило, оставался условной фигурой, близкой автору (юристу, врачу, плантатору, журналисту). Его литературная речь контрастировала с насыщенной яркими сравнениями, преувеличениями, повторами, каламбурами диалектной речью героя (охотника, лодочника, фермера), который представал как носитель «чужого» слова и иного типа сознания. Стилевая антиномичность обрамляющего и основного повествований способствовала созданию не только комического эффекта, но и иллюзии аутентичности изображаемого. Двойное акцентирование «события рассказывания» в модели «рассказа в рассказе» дает основания обозначить произведения этого типа термином *tale* в значении «рассказанная история». Можно с уверенностью сказать, что усилиями юмористов Юго-Запада создавался образ устной культуры, у которой, по выражению Л.П. Башмаковой, «есть *творец и есть традиция*, иными словами *мастер* и *мастерская*» [1, с. 124].Среди героев-искусных рассказчиков выделяется, в частности, Сат Лавингуд Дж.В. Харриса, первый рассказ о котором появился в 1854 г.

В.И. Яценко убедительно обосновал мысль о влиянии жанра просветительского эссе на юмористов Юго-Запада [14, с. 75]. На наш взгляд, это влияние ярче всего проявилось в сохранении дистанции между повествователем обрамления и его материалом. Введя термин «повествователь-аутсайдер» [7, с. 327], М.В. Тлостанова также подчеркнула значимость позиции «извне» повествователя обрамления по отношению к миру героев и его заинтересованное, но отстраненное к ним отношение.

Среди популярных у юмористов Юго-Запада «охотничьих историй» выделяется группа «медвежьих историй», в которых за счет введения в повествование образа медведя как опасного противника и воплощения дикого первозданного мира природы акцент порой смещался с «необычного происшествия» на мотив испытания и более универсальную личностную проблематику. Так, обстоятельства смерти огромного медведя, за которым почти три года охотился Джим Доггерт (рассказ Т.Б. Торпа «Большой Медведь из Арканзаса» (*The Big Bear of Arkansas,* 1841)), затронули основы миропонимания героя: «Тут есть что-то такое, чего я никак не мог понять, и не могу я примириться с тем, что он так легко сдался. <…> Я лично думаю, что этого медведя пуля не брала, а умер он своей смертью, когда пришло время» [9, с. 164]. Описание своего рода экзистенциального кризиса охотника, потерявшего в схватках со свирепыми медведями ногу, а затем и деревянный протез, присутствует и в рассказе М. Тензаса «Неутомимый охотник на медведей» (*The Un-Defatigable Bear-Hunter*, 1850).

Восприятие региональных фольклорных традиций у писателей XX в. Э. Колдуэлла, У. Фолкнера, Ю. Уэлти было как непосредственным, так и опосредованным, книжным. Фолкнер признавался: «… мне нравится Сат Лавингуд из одной книги, которую написал в 40-е или 50-е годы прошлого века, в горах Теннесси, Джордж Харрис. У него не было ника-

ких иллюзий в отношении себя, но сделал он все, что мог, временами он трусил, но знал об этом и не стыдился, никогда не клял судьбу, не обвинял в своих несчастьях других людей или бога» [11, с. 568]. Колдуэлл обозначил роль устной повествовательной традиции в формировании своей творческой индивидуальности как ключевую: «Сначала я был не писателем, а слушателем. <…> Бывало, человек так умел рассказать историю, что самое ничтожное происшествие, самая невероятная идея становились исключительно интересными. Пусть даже речь шла о петухе, закукарекавшем в такое-то время ночью или рано утром. <…> Наверняка многие южные авторы научились писательскому искусству, слушая устные рассказы» [17, с. xii-xiii]. Колдуэлл утверждал, что не был знаком с произведениями юмористов Юго-Запада, однако, по верному замечанию В.И. Яценко, «если Колдуэлл не пользовался печатными сборниками, то шел от живого, хорошо ему знакомого народного источника» [15, с. 9]. Уэлти также подчеркивала: «Мы на Юге – прирожденные рассказчики. <…> Мы живем в таком месте, где рассказывание историй – это образ жизни» [18, с. 142]. Как ясно из одного из писем, хранящихся в коллекции писем писательницы, она просила прислать ей «Сценки из жизни Джорджии» О.Б. Лонгстрита и одну из книг Дж.Г. Болдуина (предположительно «Бурные времена Алабамы и Миссисипи») [19, с. 100].

Хотя Фолкнер был далек от идеализации героев «из народа», именно с бедными белыми и цветными в аксиологии писателя ассоциировались понятия достоинства, душевного благородства, гражданственности, духовной и нравственной целостности. Как отметил А.М. Зверев, «этический идеал писателя в своей основе всегда был демократическим» [4, с. 555]. Таким образом, обращаясь в своей новеллистике к гротескно-комическим ситуациям и стилистике устного рассказа в духе юмора Юго-Запада, Фолкнер стремился вывести на первый план героически-эпическую составляющую «анекдотов» и «небылиц». Герои из народной среды в рассказах «Медный кентавр» (*Centaur in Brass*, 1932), «Мул во дворе» (*Mule in the Yard*, 1935), «Высокие люди» (*The Tall Men*, 1941), «Дранка для Господа» (*Shingles for the Lord*, 1943) и др. поначалу предстают плутами, простаками, эксцентричными чудаками. Автор, порой гротескно сгущая краски, подчеркивает их крестьянскую смекалку, расчетливость, склонность к авантюризму. Однако в процессе развертывания сюжета раскрываются высокие нравственные качества простых фермеров.

В рассказе «Высокие люди» Фолкнер использует прием, закрепившийся у авторов XIX в., – вводит фигуру «стороннего наблюдателя», не являющегося членом местной общины. Следователь призывной комиссии штата рассуждает о семье Макколемов: «Ну и народ – жульничают, утаивают, что у них есть земля и имущество, чтобы устроиться на общественные работы, которых и не думают выполнять, благо конституция дала им права на безделье. <…> А когда многострадальное наше правительство в минуту опасности просит их о военной услуге – встать на военный учет, – они отказываются» [13, с. 279]. Однако рефрен «Ну и народ!» обретает совсем иной смысл по мере того, как следователь (а вместе с ним и читатель) знакомится с самими Макколемами – работящими, проявившими героизм на войне и в непростом фермерском труде.

Конфликт в рассказах Фолкнера с героями «из народа» зачастую представляет временное, окказиональное нарушение существующего порядка вещей. Благополучное разрешение конфликта и интонационное решение рассказа указывают на то, что превалирующая в художественном мире идейно-нравственная норма совпадает с авторской. Так, в рассказе «Дранка для господа» повествование ведется от имени сына местного фермера Реса Грира, и в его основе лежит анекдотическая ситуация: пытаясь «обмануть Солона Квика на полсобаки», Грир решил сам снять старую кровлю с церкви, но обронил фонарь, в результате чего церковь сгорела. Хотя повествователь принадлежит к той же среде, что и герой, поначалу он выполняет в рассказе ту же функцию безоценочного наблюдения, что и повествователь обрамления у юмористов Юго-Запада. Однако в заключительной части рассказа его голос начинает звучать приподнято и торжественно, становится средством выражения авторской оценки происходящего: «Но было в ней [церкви] что-то, что не тронул даже пожар. Может, только это в ней и было – стойкость, нерушимость – то, что старик [священник] затевал от-

строить ее, когда стены еще излучали жар, а потом спокойно повернулся спиной и ушел, зная, что люди, которым нечего отдать ей, кроме своего труда, придут сюда завтра чуть свет, и послезавтра, и послепослезавтра – столько раз, сколько нужно, отдадут свой труд и отстроят ее заново» [12, с. 478]. Реплика самого Грира, завершающая рассказ, стилистически снижена, просторечна, однако выражает ту мысль автора о чести и достоинстве простого человека: «Если он [священник] и остальные прочие думают, что не позволят мне строить свою собственную церковь, как человеку, – пусть только попробуют, ей-богу» [12, с. 479].

В рассказах книги «Непобежденные» (*The Unvanquished*, 1938), которые (кроме рассказа «Запах вербены») Фолкнер публиковал в журналах в 1934–1936 гг. и переработал для книжной публикации, юный Баярд Сарторис также выступает в роли «наивного» рассказчика. В силу недостатка жизненного опыта герой не способен проникнуть в суть происходящего, поэтому события Гражданской войны в его восприятии предстают в виде забавных, увлекательных приключений, а его отец Джон Сарторис – как воплощение авторитета для Баярда и окружающих его людей (Розы Миллард, Друзиллы, Ринго). Однако постепенно речевая организация повествования усложняется лексически и синтаксически, в рассказах то и дело возникают пассажи, указывающие на ретроспективный характер повествования. Создается эффект «двойного видения», при котором наивность ребенка сочетается с точкой зрения наделенного жизненным опытом и пониманием истинной сути вещей взрослого. В сознании Баярда происходит проблематизация авторитета отца и того социального порядка, который он воплощает, обозначаются контуры сюжета становления. В таких рассказах цикла «Непобежденные», как «Удар из-под руки» (*Riposto in Tertio*), «Вандея» (*Vendée*), Баярд сталкивается с жестокими законами мира взрослых и вступает в него на равных, а в заключительном рассказе цикла («Запах вербены») Фолкнер наделяет процесс становления личности социальной значимостью.

Модель «охотничьей истории» Фолкнер также использует для постановки социальных, нравственных, философских проблем. В рассказах книг «Сойди, Моисей» (*Go Down, Moses*, 1942), «Большие леса» (*Big Woods*, 1957) Фолкнер обращается к сюжету охоты, чтобы изобразить процесс возмужания человека, обретения независимости, нравственной зрелости в общении с миром природы и фигурами наставников (Сэм Фазерс, мистер Эрнест). Мысль о значимости неантагонистичного отношения человека к природе Фолкнер выражает, в частности, посредством изменения целей охоты: герои отказываются застрелить загнанного зверя, который предстает уже не как добыча, а как символическая репрезентация природного мира, частью которого является и человек (рассказы «Старики» (*Old People,* 1940), «Гон спозаранку» (*Race at Morning,* 1955) и др.). Поистине мифический масштаб обретает в прозе Фолкнера традиционный для юмористики Юго-Запада образ неуловимого медведя (повесть «Медведь» (*The Bear*, 1942)). Философский смысл взаимодействия человека и природы у Фолкнера неотделим от вопросов социальной справедливости в отношении темнокожих и индейцев, сохранения природных экосистем. В повести «Медведь» Айзек Маккаслин отвергает наследство, запятнанное обманом и рабовладением, подобно тому, как отказался от насилия Баярд Сарторис в «Непобежденных».

Разработка возможностей фольклорного «анекдота» идет у Фолкнера не только по пути индивидуализации фигуры повествователя, но и по пути усиления остроты конфликта и углубления социального и психологического анализа. Так, в рассказе «Пестрые лошадки» *(Spotted Horses*, 1931) сохраняется анекдотичность ситуации, выведены типы ловкача и простака: Флем Сноупс с напарником из Техаса по дешевке продают во Французовой Балке диких, необъезженных лошадей, убеждая собравшихся фермеров: «кто их купит, потом не нахвалится, таких ни за какие деньги не достанешь» [12, с. 120]. Вместе с тем в поле зрения автора – не столько классическая для юмора Юго-Запада ситуация «проделки с лошадью», сколько высвечиваемые ею противоположные этические позиции, а также характерные для Нового Юга социальные и психологические типы. На одном полюсе созданного писателем художественного мира – Флем Сноупс, воплощающий безразличный к индивидуальным человеческим судьбам коммерческий интерес, на другом – жена Генри Армстида, «изможден-

ная, в платье, которое висело на ней мешком, в шляпе и грязных парусиновых тапочках» [12, с. 125]. Армстид отдал за лошадь последние пять долларов, но так и не стал ее владельцем и пострадал, когда его сбила одна из вырвавшихся из загона лошадей. Доминирование серого цвета в описании внешнего вида миссис Армстид усиливает идею безысходности положения сельской бедноты, выраженную средствами сюжета: состоявшийся суд не смог наказать Флема Сноупса и обязать его выплатить деньги пострадавшим.

Увлеченность поэтикой устного рассказа проявилась в новеллистике Фолкнера в создании образов рассказчиков и ситуаций рассказывания. Так, целая система рассказчиков, осложненная ретроспекцией, создана писателем в рассказе «Справедливость» (*A Justice*, 1931): Квентин Компсон вспоминает, как 12-летним подростком слушал рассказ Сэма Два Отца о событиях прошлого, предваренный классическим зачином «Вот послушай!». В новеллистике Фолкнера возникает и образ коллективного рассказчика, вводимый автором, чтобы представить предысторию, необходимую для понимания сущности событий (рассказы «Медный кентавр», «Роза для Эмили» (*A Rose for Emily*, 1930) и др.). Нарушение хронологической последовательности событий становится художественно оправданным стилистикой устного повествования с его спонтанностью, ассоциативностью связей, установкой на неподготовленного слушателя.

Хорошо знавший жизнь южной бедноты и прошедший школу газетной журналистики, уроженец Джорджии Э. Колдуэлл стремился создать, по его собственному выражению, «циклораму южной жизни» [цит. по: 21, с. 22]. Однако задача нравоописания в его творчестве была подчинена аналитическому осмыслению существенных противоречий южной социальной действительности. Свою общественную позицию писатель обозначил в многочисленных публицистических эссе, репортажах, путевых очерках, в текстах фотоальбомов, созданных в соавторстве с фотографом Маргарет Борк-Уайт, наиболее известным из которых стал «Вы видели их лица» (*You Have Seen Their Faces*, 1937). Колдуэлл осуждал расизм и его порождение – суды Линча, называл распространенную на Юге систему кропперства «экономическим рабством», порождавшим физическую, психологическую, моральную деградацию фермеров-издольщиков (кропперов), находившихся в жесткой зависимости от землевладельцев, банкиров и судей, осуждал истощение земель в результате чрезмерного использования удобрений и выращивания одной и той же культуры – хлопка. Мироощущение и убеждения Колдуэлла, его понимание задач литературы обусловили его тяготение к новеллистическому жанру как наиболее действенному средству графически представить «отклонения от нормы» с позиций авторского социального и нравственного идеала.

Критики не раз отмечали тематическое и стилевое сходство ряда рассказов писателя с произведениями юмористов Юго-Запада, особенно его земляков О.Б. Лонгстрита, Дж.В. Харриса. Основу многих рассказов Колдуэлла составляют характерные для этого пласта литературы типы героев (простак, ловкач, бахвал-рассказчик, герой-богатырь) и ситуаций (грубоватые розыгрыши, мошеннические сделки, потасовки, любовные интрижки) («Автомобиль без мотора» (*The Automobile That Wouldn't Run*), «Большой Бэк» (*Big Buck*), «Слухи» (*The Rumor*), «Весенний пал» (*The Grass Fire*), «Муха в гробу» (*The Fly in the Coffin*), «На Острове Мэй» (*Maud Island*) и др.). Колдуэлл активно обращался к сказовой манере повествования, приемам гиперболизации и контраста. Однако в творчестве Колдуэлла жанровые характеристики юмора Юго-Запада также претерпевают трансформацию, обусловленную его общественно-политическими взглядами и идейно-художественными задачами. В рассказах-анекдотах Колдуэлла «остранение» регионального материала несет не только абстрагирующую и юмористическую, но прежде всего критическую функцию.

Так, начало рассказа «Шикарная девчонка» (*A Swell-Looking Girl,* 1931) выдержано в стилистике устного повествования. Автор надевает маску старожила и рассказывает о том, что самым примечательным событием на памяти жителей округа Пайн стала свадьба местного фермера Лема Джонсона и «шикарной девчонки» Оззи Холл из соседнего округа. Разговорным оборотом «и тут…» («right there…») рассказчик подводит читателя к самому «анекдотическому происшествию». Суть его заключается в том, что Лем захотел продемонстрировать своим

дружкам, приехавшим поглазеть на Оззи, что его жена не только выглядит, как модель из каталога изысканного женского белья, но и сама носит такие «штучки». Однако когда Лем задрал подол платья Оззи, на ней вообще никакого белья не оказалось [17, с. 507–511].

Повтор фразы «a swell-looking girl», сказанной нейтрально (автором в заглавии), хвастливо (героем), многозначительно, с ухмылкой (друзьями героя), выступает в качестве ключевого элемента структурирования повествования, создания интригующей, насыщенной эротикой атмосферы, комического эффекта. Однако взгляд Колдуэлла проникает вглубь анекдотической ситуации, нащупывает ее причины и следствия. Об этом свидетельствует то, что повествование возвращается к озадаченному Лему и его друзьям, которые «в течение двух-трех часов» обсуждают увиденное, а значит – к тому образу жизни и типу ментальности, который они для автора воплощают. И теперь столько раз повторенная фраза становится идейно значимой: указывает на примитивизм мышления героев, разворачивается в картину мира, где значимость женщины редуцируется до внешней привлекательности, а ее тело выступает объектом разглядывания. Соответствующим образом осмыслены и категории пространства и времени. Здесь, как и в большинстве рассказов Колдуэлла, обозначается хронотоп провинциального городка, где пространство ограничено и структурировано в соответствии с существующей системой иерархических отношений, а время статично, малособытийно, так что любое происшествие возводится в ранг «события» и вовлекает в свою орбиту большое количество людей. В описании затхлой атмосферы южной провинции и ее нравов Колдуэлл наследует твеновскую юмористическо-сатирическую традицию. Не случайно Г. Кэнби назвал Колдуэлла «духовным наследником Марка Твена» [16, с. ix].

Чаще всего с произведениями юмористов Юго-Запада критики соотносят книгу Колдуэлла «Мальчик из Джорджии» (*Georgia Boy*, 1943), которая представляет собой серию рассказов 12-летнего Уильяма Страупа о переделках, в которые попадает его отец Моррис Страуп. Современный американский исследователь творчества Колдуэлла Б. Хитчкок назвал созданного Дж.Дж. Хупером Саймона Саггса «литературным отцом» колдуэлловского Морриса Страупа, их общность он усмотрел в свойственной обоим «колоссальной иррациональной энергетике» [20, с. 42]. Построение книги также отсылает к практике юмористов Юго-Запада формировать циклы рассказов вокруг полюбившегося читателям героя.

Помещенные в контекст всего творчества писателя, с учетом литературной обстановки и общественно-политических течений 1930–1940-х гг., «приключения», в которые попадает или которые инициирует Моррис Страуп (жестокие розыгрыши, сомнительные сделки, драки), теряют характер «закона жанра» и перестают восприниматься как источник комического. Натуралистическая детализация и красноречивое отсутствие авторского комментария высвечивают примитивизм, расизм, склонность к насилию, эгоизм и нищету обывателей (Морриса Страупа), угнетенное положение женщин и темнокожих (Марты Страуп и работника Страупов Хэнсона Брауна), которые достигают своего апогея в таких рассказах, как «Как сбежал Хэнсом Браун» (*The Time Handsome Brown Ran Away*). Таким образом, наследуя традицию, Колдуэлл переосмысляет ее и освобождает от реакционности, которую она обрела для его современников. Претерпевает изменение в книге и образ «наивного рассказчика». По мере аккумулирования информации о семье Страупов становится очевидной потребность Уильяма в эмоциональной стабильности, близости с отцом, теплоте и участии матери. С учетом тенденции к индивидуализации образа юного повествователя и субъективизации повествования нам представляется возможным обозначить жанровую природу книги термином «повесть в рассказах».

Ю. Уэлти заявила о себе как писательница в 1940-е гг., но именно ее творчество критики выделяют как симптоматичное с точки зрения путей трансформации и сохранения витальности южной литературной традиции в послевоенный период. Вступая в литературу, Уэлти обратилась к быту и нравам южной глубинки, которые отлично знала: в 1930-х гг. она в качестве фоторепортера объездила все 82 округа родного штата. Малый жанр стал органичным способом творческого самовыражения для Уэлти, в художественном сознании которой, как отмечает М.В. Тлостанова в своем фундаментальном исследовании специфики ху-

дожественного мира писательницы, ощущение непрерывности потока жизни сочеталось с пониманием самоценности жизни в каждый отдельно взятый момент [8, с. 5].

Стремление Уэлти выделить важнейшие моменты человеческого бытия выросло из опыта фотографа и обрело очертания эстетической концепции под влиянием творчества русских реалистов XIX в., европейских модернистов, а также теорий американских «новых критиков», которые со вниманием отнеслись к рассказам начинающей писательницы. Следует отметить, что концепция «моментального снимка» в эстетической программе Уэлти предполагала не дагерротипное воссоздание действительности, а прежде всего передачу того особого видения мира, которое свойственно персонажу и характеризует его, и, соответственно, создание образа действительности, созвучного внутреннему состоянию героя. Вместе с тем, для Уэлти принципиально важным было подчеркнуть и субъективность собственного художественного высказывания путем сохранения неопределенности и многозначности смысловой сферы произведения, акцентирования двойственности изображаемых явлений.

В целом ряде своих произведений большой и малой эпической форм Уэлти обращается к эстетике юмора и гротескного преувеличения, анекдотическим ситуациям, разговорной поэтике. Так, на протяжении всего рассказа «Лили Доу и дамы» (*Lily Daw and the Three Ladies*, 1937) жена баптистского проповедника миссис Карсон, почтальон Эми Слокум и миссис Уоттс, составляющие элиту городка Виктори, пытаются всеми правдами и неправдами уговорить Лили Доу поехать в Эллисвилскую лечебницу для слабоумных («Ты обретешь там счастье», – настойчиво внушают ей они [10, с. 19]), а когда Лили уже сидит в поезде, не могут устоять перед неожиданно подвернувшейся возможностью выдать ее замуж за заезжего ксилофониста. Рассказ «Окаменелый человек» (*Petrified Man*, 1941) построен на диалогах парикмахерши Леоты и ее постоянной клиентки, миссис Флетчер. В конце рассказа выясняется, что приятельница Леоты, миссис Пайк, опознала объявленного в розыск преступника в участнике одного из аттракционов на городской ярмарке. К досаде Леоты, крупное вознаграждение получила разворотливая миссис Пайк, хотя фотографию преступника она увидела в одном из журналов, принадлежавших Леоте. Как и у юмористов Юго-Запада, речь героев здесь является самостоятельным объектом изображения. Фонетические, грамматические, лексические, стилистические отклонения от литературной нормы, особая интонация, разнообразные способы актуализации установки на слушателя (обращения, риторические вопросы, пояснительные отступления и комментарии, акцентуация отдельных слов и фраз) подчеркивают ее региональную и социальную характерность. Изменяется, однако, художественная задача – не столько достижение комического эффекта путем изображения гротескных региональных типов, а в первую очередь создание образа определенной среды с присущей ей социальной дифференциацией и системой ценностей. «Сценический» тип повествования в третьем лице, к которому писательница порой прибегает в рассказах с героями этого типа, исследователь ее творчества М. Крейлинг сравнил со съемкой «скрытой камерой»: герои предстают в привычной среде и ведут себя естественным для себя образом, при этом обнажается их истинная, порой неприглядная, сущность [22, с. 17].

Обыгрывание конвенций региональной смеховой традиции порой приводит Уэлти к их пародированию. Так, утрируя характеристики «южного сказа», в рассказе «Почему я живу на почте» (*Why I Live at the P.O.*, 1941) Уэлти создала гротескный образ «Сестрицы», которая стремится завладеть вниманием и симпатией аудитории, выставляя в неприглядном свете своих родственников – «мамашу», «папулю» («мамашиного отца»), «дядю Рондо», сестру «Стеллу-Рондо», однако сама предстает как воплощение узости мышления и предрассудков, свойственных той среде, которая ее сформировала. Вместе с тем по складу своего художественно мышления Уэлти была далека от эстетизации нигилистического смеха в противовес разработке конкретных социальных, нравственных и психологических тем. Сатирический гротеск в ее прозе взаимодействует с иным типом гротеска, восходящим к андерсоновской традиции героев-гротесков. Уэлти изображает переживания и неудачи тех, кто находится «на периферии» южной общины и часто лишен собственного голоса, акцентируя мысль о том, что страдания человека обусловлены ограничениями, которые имеют не только внешнюю,

но и внутреннюю природу. Среди таких персонажей в новеллистике Уэлти – Клиттия Фарр в рассказе «Клиттия» (*Clytie,* 1941), Мейдин в рассказе «Всему миру известно» (*The Whole World Knows*, 1949) и многие другие. Эмоциональная неразвитость окружающих, их неспособность разглядеть искренность и красоту человеческих чувств порой становятся причиной того, что судьба такого героя складывается трагически. С этих позиций драматический монолог «Сестрицы» предстает как попытка самовыражения и обретения собственного голоса человека, не нашедшего понимания ни в обществе, ни в собственной семье.

Обращаясь к традициям народного юмора, закрепившимся в региональном фольклоре, У. Фолкнер, Э. Колдуэлл, Ю. Уэлти способствовали сохранению одной из главных эстетических и гуманистических ценностей, накопленных Старым Югом, – «жанра устного рассказа и его уникального героя-сочинителя» [1, с. 48]. Юмористика Юго-Запада выступает для их произведений своеобразным прецедентным текстом, богатейшим источником анекдотических ситуаций и характерных для Юга типажей. Однако в изменившейся социально-политической обстановке 1930–1940-х гг. на смену эстетизации культурной экзотичности региона, предполагавшей у юмористов Юго-Запада дистанцирование автора/повествователя от регионального материала, приходит глубокое аналитическое осмысление культурного своеобразия Юга и его проблем. Фольклорный комический рассказ стал отправной точкой для репрезентации героического и трагического (Фолкнер), обнажения примитивизма и невежества обывателей (Колдуэлл, Уэлти), акцентирования противоречивости человеческой природы (Уэлти), стимулирования взаимодействия читателя с произведением в аспекте различия ценностных парадигм.

Литература

1. Башмакова, Л.П. Писатели Старого Юга: Джон Пендлтон Кеннеди, Уильям Гилмор Симмс / Л.П. Башмакова. – Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 1997. – 140 с.

2. Ващенко, А.В. Фронтир / А.В. Ващенко // История литературы США : в 7 т. / редкол. : Я.Н. Засурский (гл. ред.) [и др.]. – М. : ИМЛИ РАН, 1997–2003. – Т. 2 : Литература эпохи романтизма / А.М. Зверев [и др.]. – 1999. – С. 349–375.

3. Ващенко, А.В. Зарождение американского фольклора / А.В. Ващенко // История литературы США : в 7 т. / редкол. : Я.Н. Засурский (гл. ред.) [и др.]. – М. : ИМЛИ РАН, 1997–2003. – Т. 2 : Литература эпохи романтизма / А.М. Зверев [и др.]. – 1999. – С. 376–394.

4. Зверев, А.М. Фолкнер-новеллист / А.М. Зверев // Собрание рассказов / У. Фолкнер; пер. с англ.; под ред. А.М. Зверева и К.А. Федоровой; сост., прилож. и примеч. А.М. Зверева. – Кишинев : Лумина, 1989. – С. 549–571.

5. Стеценко, Е.А. Литература южных поселений / Е.А. Стеценко // История литературы США : в 7 т. / редкол. : Я.Н. Засурский (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наследие, 1997–2003. – Т. 1 : Литература колониального периода и эпохи Войны за независимость. XVII–XVIII вв. / М. Коренева [и др.]. – 1997. – С. 305–326.

6. Теория литературы : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. – Т. 1 : Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. – 3-е изд., стер. – М. : Издательский центр «Академия», 2008. – 512 с.

7. Тлостанова, М.В. Литература «Старого Юга». Уильям Гилмор Симмс. Джон Пендльтон Кеннеди / М.В. Тлостанова // История литературы США : в 7 т. / редкол. : Я.Н. Засурский (гл. ред.) [и др.]. – М. : ИМЛИ РАН, 1997–2003. – Т. 2 : Литература эпохи романтизма / А.М. Зверев [и др.]. – 1999. – С. 320–346.

8. Тлостанова, М.В. Художественный мир Юдоры Уэлти и специфика послевоенной прозы Юга США : автореф. дис. … канд. филол. наук / М.В. Тлостанова. – М. : ИМЛИ РАН, 1994. – 26 с.

9. Торп, Томас Б. Большой медведь из Арканзаса / Томас Б. Торп; пер. с англ. Н. Дарузес // Американская новелла XIX века / сост., вступ. ст., коммент. А.И. Старцева. – М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1958. – С. 154–165.

10. Уэлти, Ю. Золотой дождь : рассказы / Ю. Уэлти; пер. с англ.; предисл. Т. Венедиктовой; сост. Л. Беспаловой. – М. : Известия, 1989. – 192 с.

11. Фолкнер, У. Интервью Джин Стайн / У. Фолкнер // Пестрые лошадки : повести и рассказы / У. Фолкнер; сост., вступ. ст., коммент. А.Н. Николюкина. – М. : Высшая школа, 1990. – С. 554–572.

12. Фолкнер, У. Пестрые лошадки : повести и рассказы / У. Фолкнер; сост., вступ. ст., коммент. А.Н. Николюкина. – М. : Высшая школа, 1990. – 607 с.

13. Фолкнер, У. Рассказы / У. Фолкнер; пер. с англ.; сост., вступ. ст. Б. Грибанова, А. Зверева. – Минск : Высшая школа, 1985. – 304 с.

14. Яценко, В.И. К вопросу о национальной специфике американского юмора (Юмор Старого Юго-Запада) / В.И. Яценко // Национальная специфика произведений зарубежной литературы XIX–XX веков : Межвуз. сб. науч. трудов. – Иваново : ИвГУ, 1982. – С. 64–77.

15. Яценко, В.И. Новеллистика Э. Колдуэлла : автореф. дис. … канд. филол. наук / В.И. Яценко. – М. : Моск. обл. пед. ин-т им. Н.К. Крупской, 1968. – 17 с.

16. Canby, H.S. Erskine Caldwell / H.S. Canby // Stories: Twenty four representative stories / Erskine Caldwell; sel. and introd. with a critical foreword by Henry Seidel Canby. – New York : Duell, Sloan and Pearce, 1944. – 236 p.

17. Caldwell, E. The Stories of Erskine Caldwell / E. Caldwell; foreword by Stanley W. Lindberg. – Athens and London : The University of Georgia Press, 1996. – 664 p.

18. Conversations with Eudora Welty / Ed. by P.W. Prenshaw. – Jackson : University of Mississippi Press, 1984. – 356 p.

19. Gretlund, Jan N. Eudora Welty's Aesthetics of Place / Jan N. Gretlund. – Columbia : University of South Carolina Press, 1997. – 297 p.

20. Hitchcock, Bert. Well, Maybe Just This Once: Erskine Caldwell, Old Southwest Humor, and Funny Ha-Ha / Bert Hitchcock // Reading Erskine Caldwell: New Essays / Ed. by Robert L. McDonald. – Jefferson, NC; London : McFarland, 2006. – P. 27–45.

21. Korges, James. Erskine Caldwell / James Korges. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1969. – 48 p.

22. Kreyling, Michael. Understanding Eudora Welty / Michael Kreyling. – University of South Carolina Press, 1999. – 262 p.

Минский государственный
лингвистический университет

Поступило 13.05.13

Содержание

История

Абраменко М.Е. *Медицинские работники Беларуси как социальная группа: попытка идентификации* ... 3
Бароўская В.М. *Адлюстраванне пазіцый краін Антанты і ЗША адносна беларускага пытання ў крыніцах па гісторыі Парыжскай мірнай канферэнцыі* ... 9
Веремеев С.Ф. *Православная церковь на территории БССР в 20–30-е гг. XX в. в освещении отечественной историографии* ... 15
Гребень Е.А. *Транспорт и коммуникации: эксплуатация на территории оккупированной Беларуси (1941–1944 гг.)* ... 22
Дубровко Е.Н. *Вопрос о признании польско-советской границы и позиция Великобритании в период подготовки Генуэзской конференции 1922 г.* ... 28
Зеленкова А.И., Савинская М.П. *Деятельность Гомельского государственного университета в годы «перестройки» (по материалам заседаний Учёного Совета ГГУ второй половины 1980-х гг.)* ... 37
Келлер О.Б. *История распространения Любекского городского права на землях Центральной и Восточной Европы в позднее Средневековье и раннее Новое время* ... 43
Корникова Н.В. *Динамика численности работников здравоохранения, науки, образования и культуры на Гомельщине в 1950–1980-е гг.* ... 50
Кротов А.М. *К вопросу о факторах пробуждения этнического самосознания белорусов в конце XVI – середине XVII вв.* ... 57
Лазько Р.Р. *Насуперак праўдзе і дзяржаўным інтарэсам (аб інтэрпрэтацыі гісторыі беларускай дзяржаўнасці 1917–1920 гг. у адным дапаможніку для сярэдняй школы)* ... 66
Лебедев А.Д. *Основные направления политики советской власти по отношению к духовенству и верующим Римско-католической церкви в БССР 1920-х гг.* ... 72
Любавина Т.Г. *Профессиональное обучение и трудоустройство воспитанников детских домов БССР (1954–1964 гг.)* ... 77
Міхедзька В.А. *Польскі вектар расійскай дзяржаўнай палітыкі ў Беларусі ў пачатку XX ст.* ... 82
Острога В.А. *Деятельность кафедры всеобщей истории Гомельского государственного университета в 1944–1991 гг.* ... 87
Сидоренко В.Н. *Проблемы самоидентификации поляков БССР в 1920–1930-х гг.* ... 95
Сидоренко М.М. *Российская историография палестинской проблемы во второй половине XX – начале XXI вв.* ... 101
Соловьянов А.П. *Воспитательные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей в 1920-е годы* ... 109
Старовойтов М.И. *Урбанизация и коренизация как основа политики белорусизации и украинизации* ... 115
Тимофеев Р.В. *Руководство развитием транспорта со стороны Советов депутатов Беларуси (конец 1943–1991 гг.)* ... 120
Толочко Д.М. *Польские беженцы из западных областей Украины и Беларуси в системе спецпоселений (июль 1940 – июнь 1941 гг.)* ... 130
Хаданёнак В.М. *Адносіны насельніцтва Беларусі да Першай сусветнай вайны (1914–1917 гг.)* ... 135
Хамец М.М. *Адлюстраванне праблемы дзейнасці павятовых соймікаў Вялікага княства Літоўскага на беларускіх землях у гістарычных крыніцах канца XVII – першай паловы XVIII стст.* ... 141
Чаропка С.А. *Кавалерыя арміі Вялікага княства Літоўскага XVIII ст.: эвалюцыя структуры* ... 146

Философия

Адзіночанка В.А. *Праблема трактоўкі рэлігійнасці ў сучаснай Беларусі* ... 152

Дубравина А.М. *Иллюзорные цели массового сознания как фактор социокультурной динамики* 157
Калмыков В.Н. *Антиномический характер философии* 162
Паўлавец А.Д. *Лёс і яго праяўленне ў практыках прадказання* 168
Сиротко Н.О. *Понятие стратегии устойчивого развития* 174
Степанюк В.К. *Социально-экологические аспекты инновационной модернизации* 179
Яхно В.Н. *Эволюция содержания понятий «виртуальная реальность» и «киберпространство»* 184

ФИЛОЛОГИЯ

Кралевич Н.В. *Специфика языковой квантификации веществ (на материале партитивных конструкций в русском и китайском языках)* 191
Кудрявцева И.К. *Преломление региональных фольклорных традиций в новеллистике писателей Юга США Уильяма Фолкнера, Эрскина Колдуэлла, Юдоры Уэлти* 200

Contents

HISTORY

M.E. Abramenko. *Medical workers in Belarus as a social group: an attempt to identify them* 3
O.N. Borovskaya. *Displaying the position of the Entente and the United States to the Belarusian issue in historical sources on the Paris Peace Conference* 9
S.F. Veremeev. *The Orthodox Church in the BSSR in the 1920s–1930s in the light of national historiography* 15
E.A. Greben. *Transport and communications: exploitation on the territory of occupied Belarus (1941–1944)* 22
E.N. Dubrovko. *On the Polish-Soviet border recognition and the position of Great Britain in preparation for the Genoa Conference in 1922* 28
A.I. Zelenkova, M.P. Savinskaya. *F Scorina Gomel State University activity within the years of "perestroika" (based on the materials of the University's Scientific Council in the late 1980s)* 37
O.B. Keller. *History of the Dissemination of the Lübeck Urban Law in the areas of Central and Eastern Europe during the Middle Ages and the Era of Modernity* 43
N.V. Kornikova. *Population dynamics of medical workers, scientists, teachers and culture workers in Gomel Region in the 1950s–1980s* 50
A.M. Krotov. *On factors of ethnic consciousness awakening of Belarusians in late 16th – mid 17th centuries* 57
G.G. Lazko. *Against the truth and state interests (on interpretation of the history of Belarusian state in 1917–1920 in a secondary school book)* 66
A.D. Lebedev. *Soviet authorities' policy concerning Roman Catholic church parish in the 1920s in BSSR* 72
T.G. Lubavina. *Vocational training and employment of pupils of orphanages in BBSR (1954–1964)* 77
V.A. Mihedko. *Polish vector of Russian state policy in Belarus in the early 20th century* 82
V.A. Ostroga. *The activities of World History Chair of Gomel State University in 1944–1991* 87
V.N. Sidorenko. *The problem of self-identification of the Poles in the BSSR in the 1920s–1930s* 95
M.M. Sidorenko. *Russian historiography of the Palestine question in the late 20th – early 21st centuries* 101
A.P. Solovyanov. *Educational institutions for juvenile offenders in the 1920s* 109
M.I. Starovoitov. *Urbanization and indigenization as a basis of belarusization and ukrainization policy* 115
R.V. Timofeev. *Transport development guided by the Council of Deputies of Belarus (late 1943–1991)* 120
D.M. Tolochko. *Polish refugees from the western areas of Ukraine and Belarus in system of special settlements (July 1940 – June 1941)* 130
V.M. Hadanenak. *The attitude of the population of Belarus to World War I (1914–1917)* 135
M.M. Homets. *The reflection of the problems of the district Soims on the Belarusian lands in the Great Dutchy of Lithuania in historical sources of the late 17th – early 18th centuries* 141
S.A. Cherepko. *Army cavalry of the Great Dutchy of Lithuania in the 18th century: regeneration of structure* 146

PHILOSOPHY

V.A. Odinochenko. *A question of religiousness interpretation in modern Belarus* 152
A.M. Dubravina. *Illusive goals of mass consciousness as a factor of sociocultural dynamics* 157
V.N. Kalmykov. *Antinomic character of philosophy* 162
A.D. Pavlovets. *Life and its manifestation in foretelling practice* 168
N.O. Sirotko. *The concept of sustainable development strategy* 174
V.K. Stepanuk. *Social and ecological aspects of innovative modernization* 179
V.N. Yahno. *The evolution of the essence of "virtual reality" and "cyberspace"* 184

PHILOLOGY

N.V. Kralevich. *The specifics of language quantification of substances (on the material of partitive consructions in the Russian and Chinese languages)* 191
I.K. Kudriavtseva. *Transformation of Regional Oral Storytelling Traditions in short stories of Southern American authors William Faulkner, Erskine Caldwell, Eudora Welty* 200

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Статья представляется в редакцию в двух экземплярах на белорусском, русском или английском языках и является оригиналом для печати. Объем статьи, как правило, не должен превышать 10 страниц, и ее разметка не требуется. Статья должна иметь разрешение соответствующего научного учреждения на опубликование. Статья должна иметь индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК), к ней следует приложить краткое резюме и ключевые слова (на русском и английском языках), название статьи, фамилии и инициалы авторов на английском языке. Ее необходимо подписать всем авторам, указать полное название учреждения, где выполнена работа, а также почтовый адрес, номер телефона (служебный и домашний). Плата за опубликование статей не взимается.

Авторы представляют на дискете (либо по электронной почте e-mail: `vesti@gsu.by`) tex-файл со статьей, подготовленной в LaTeX'e с опцией 12pt в стандартном стиле article (\textwidth 165 mm, \textheight 245 mm). Аналогичны требования для статей, набранных в редакторе MS Word. При наборе формул в редакторе MS Word необходимо использовать Microsoft Equation. Для набора формул не должны использоваться пакеты сторонних разработчиков (MathType и др.). Занумерованные формулы выключаются в отдельную строку, номер формулы ставится у правого края страницы. Нумеровать следует лишь те формулы, на которые имеются ссылки.

Статьи, претендующие на научный приоритет, оформляются в виде кратких сообщений объемом до 2 страниц текста и, как правило, публикуются в ближайших номерах журнала.

Ссылки в тексте обозначаются порядковым номером в квадратных скобках. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Поступившие в редакцию статьи направляются на рецензию специалистам. Основным критерием целесообразности публикации является новизна и информативность статьи. Авторы не должны направлять статьи, которые уже опубликованы либо приняты к печати в других изданиях. Если по рекомендации рецензента статья возвращается автору на доработку, то переработанная рукопись вновь рассматривается редколлегией, и датой поступления считается день получения редакцией окончательного ее варианта. Лицам, осуществляющим послевузовское обучение, предоставляется право первоочередного опубликования статей.

Технический редактор: *И.В. Близнец.* Корректоры: *Е.В. Убоженко, И.А. Хорсун*

Подписано в печать 26.07.2013. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 24,9. Уч.-изд. л. 21,7. Тираж 100 экз. Заказ № 443

Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»
ЛИ № 02330/0549481 от 14.05.2009.
Ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель.